МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ФГБОУ ВО «МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Институт национальной культуры и межкультурной коммуникации

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ, ПЕЧАТИ И ПО ДЕЛАМ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ
РЕСПУБЛИКИ МАРИЙ ЭЛ
МАРИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ ИМ. В.М. ВАСИЛЬЕВА

**МЕЖДУНАРОДНАЯ АССОЦИАЦИЯ
ФИННО-УГОРСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ**

ПРОБЛЕМЫ МАРИЙСКОЙ И СРАВНИТЕЛЬНОЙ ФИЛОЛОГИИ

СБОРНИК СТАТЕЙ

ЙОШКАР-ОЛА
2020

УДК 81.115+82.091
ББК 80(4Рос)
П 781

Редакционная коллегия:

Р.А. Кудрявцева *(отв. ред.),* ***Т.Н. Беляева***, ***Г.А. Эрцикова***

Рецензенты:

А.Ф. Мышкина, д-р филол. наук, профессор кафедры чувашской филологии и культуры Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова;

М.Т. Ипакова, канд. филол. наук, старш. науч. сотрудник Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева;

В.Н. Максимов, канд. филол. наук, доцент кафедры марийского языка и литературы, зав. НОЦ языковых технологий «Марий йылме» Марийского государственного университета.

Утверждено Ученым советом
Марийского государственного университета

П 781 **Проблемы марийской и сравнительной филологии:** сб. статей / Мар. гос. ун-т; отв. ред. *Р.А. Кудрявцева*. Йошкар-Ола, 2020. 314 с.

ISBN 978-5-907280-48-9

Данный сборник представляет собой 7-ый выпуск научного издания кафедры финно-угорской и сравнительной филологии института национальной культуры и межкультурной коммуникации Марийского государственного университета. Он сформирован на основе докладов и сообщений, подготовленных участниками VII-ой (заочной) Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Проблемы марийской и сравнительной филологии», посвященной 100-летию образования Республики Марий Эл (23 октября 2020 года).

Сборник адресован ученым, преподавателям вузов, докторантам, аспирантам, студентам, учителям и всем интересующимся вопросами марийской и сравнительной филологии.

Ответственность за содержание материалов, глоссирование и перевод примеров несут авторы статей.

УДК 81.115+82.091
ББК 80(4Рос)

ISBN 978-5-907280-48-9

© Коллектив авторов, 2020
© ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО МАРИЙСКОГО И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Абукаева Л.А. Репрезентация концепта кӱсото ‘молитвенная роща’ в марийской лексикографии 7–10

Андрианова Е.М. Марий сылнымутан произведенийыште тӱп огыл родо-тукым термин-влакын кучылталтме ойыртемышт 10–13

Горячева М.А. Языки России в системе школьного образования Республики Марий Эл: динамика функционирования 13–18

Григорьева А.А. Имена прилагательные в английском и марийском языках 19–20

Гусева Э.В. Семантическая структура предметных сравнений в романе М. Илибаевой «Тиде ушдымо тӱняште». 21–23

Демьянова С.В. Марий да англичан йылмылаште лӱм мутын шуко чот формыжо 23–25

Имаева Н.О. Семантический анализ финских фитонимов 25–29

Кондрашкина Е.А. Особенности двуязычия в республике Башкортостан 29–32

Костина К.Г. О семантической структуре каузативных глаголов в системе современного удмуртского языка 32–34

Котова А.В. Семантическая классификация образов сравнений в «Ахиллеиде» Стация 35–38

Ласточкина Е.Г. Марий йылмыште синаксический да фразеологический пароним нерген умылымаш 38–39

Манасова О.Н. Олыкмарий наречийысе исменца кутыртышын соӊйӱк ойыртемже-влак 40–42

Маркова А.В. Кулинарная лексика как средство художественной выразительности в трилогии Г.С. Медведева «Лӧзя бесмен» («Лозинское поле») 42–44

Митрофанова Т.А. Реализация прагматической интенции в немецком научно-популярном тексте 44–47

Митрофанова Т.А., Кораблева П.А. Употребление пассивных конструкций в немецком языке (на примере научно-популярной статьи «Der fair verteilte Kuchen») 47–49

Пекшеева Э.И. Калькирование как один из способов образования промысловой лексики в марийском языке 49–53

Пекшеева Э.И. Чувашские заимствования в промысловой лексике марийского языка 53–56

Пустаи Янош. Сгорел, как факел, за родной язык (к годовщине самопожертвования Альберта Разина) 57–60

Сергеев О.А. О некоторых устаревших и устаревающих словах, связанных с традиционной религией мари 60–69

Сибатрова С.С. Горномарийские адвербиальные словосочетания с наречиями меры и степени 69–73

Соколова Г.Л., Коляго А.Л. Сложные предложения с разнородностью частей в современном марийском языке 73–76

Шабыков В.И., Кудрявцева Р.А., Краснова Н.М. Динамика социального статуса горномарийского языка в XXI веке 77–82

Эрцикова Г.А. Кырык мары орфоэпи дä сäмӹрӹквлäн кырык марла попымы айыртемӹштӹ 82–85
Эрцикова Г.А. Союз и конкретизатор: особенности взаимодействия в сложной конструкции в современном марийском языке 85–88
Янцукова Т.В. Звуковые законы и процессы в современном горномарийском языке 89–91

РАЗДЕЛ II. ОПЫТ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУР И ПЕРСПЕКТИВЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ

Александрова Х.Г. А. Васильевын лирикыштыже пӱртӱс кончыш-влак тӱссӱрет 92–95
Арекеева С.Т. Роль и место «письма» в произведениях удмуртской литературы (на материале романа Кедра Митрея «Тяжкое иго») 95–97
Беляева Т.Н. Символическая природа образов в драме В. Домрачева и В. Сапаева «Эрге» («Сын») 97–100
Богданова А.Г. З. Каткован «Сар ок лий ыле гын…» повестьше: проблеме кышкар 100–103
Бояринова Г.Н. Кызытсе марий драматургий: жанр ойыртем 103–106
Бояринова Г.Н. Тема политики в басенном творчестве В. Дмитриева-Ози 106–109
Гудкова С.П. Художественное наследие Ф.В. Сычкова в поэтическом осмыслении Л. Сюсиной (на материале книги стихов «Наедине с Сычковым») 110–112
Гусева Е.В. Поэтика образа судьбы в романе «Пруд» А.М. Ремизова 113–116
Гусева Н.В. 1950–1960-шо ийласе марий йоча литературышто прозын виянгмыже 116–121
Зайцева Т.И. Фронтовые очерки удмуртского публициста М. Лямина в послевоенном литературном процессе 121–124
Закирзянов А.М. Молодые герои в современной татарской драматургии 124–127
Карпов И.П. В.А. Мухин-Сави как субъект критической деятельности 127–142
Кириллова И.Ю. С.М. Михайлов (Яндуш) и становление национальной драматургии 142–145
Любимов Н.И. Философия счастья в лирике Зои Дудиной 145–149
Максимова О.М. Неизвестные страницы творчества удмуртского прозаика Г.К. Перевощикова 149–152
Никифорова К.Г., Кудрявцева Р.А. Цветы в поэтической структуре лирического цикла В. Изиляновой «Венок» 152–157
Родионов В.Г. Становление литературы как объекта чувашеведческой науки 157–160
Рыбаков И.Я. Удмуртская детская литература эпохи «оттепели» 161–163
Рыбакова Н.Л. Г. Алексеевын «Тулык чон» повестьыштыже интерьер рашемдыш 163–165
Рябинина М.В. Хронотопическая структура повести Г. Гордеева «По ту сторону двери» в аксиологическом аспекте 165–168
Рябчикова К.С. Г. Оярын лирикыштыже пӱртӱс дене кылдалтше сӱрет-влак 169–172
Сергодеев И.В. Индивидуально-авторский образ У. Блейка *serpent* в автотекстуальном освещении 172–176
Федорова Л.П. Текстологический аспект изучения творчества удмуртского прозаика Трофима Архипова: к истории создания первой части дилогии «У реки Лудзинки» 176–182

Федосеева Н.А. К вопросу об истории перевода в контексте марийской литературы первой половины XX века 183–185
Фролова К.А. Художественные особенности комедии Г. Гордеева «Соловьиная трель... тихий вечер...» 185–188
Четкарева А.В. В. Ивановын «Саскавий» повестьшын проблеме кышкарже 188–191
Шеянова С.В., Ермина Н.И. Тема семьи в рассказах А. Брыжинского: аксиологический аспект 191–194

РАЗДЕЛ III. ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ФОЛЬКЛОРА И ФОЛЬКЛОРНОГО ИНТЕРТЕКСТА В ЛИТЕРАТУРЕ

Арзамазов А.А. Поэма Андрея Тарханова «Пепел священного бора» 195–197
Вавилова К.Ю. Эпитеты в русских народных балладах 197–201
Казыро Г.Н. Сравнительный анализ пословиц марийского и французского языков, репрезентирующих концепт «время» 201–204
Ключева М.А. Мнимые и скрытые зоонимы в марийской игровой лексике 204–209
Кузнецова М.Н. Новые издания Х.-Х. Бартенса о саамском фольклоре 209–221
Пантелеева В.Г. «Подводные камни» перевода авторской сказки: из опыта удмуртской литературы 1930–50-х годов 221–225
Полякова Ю.В. В. Косоротовын «Тура кугорно» повестыштыже фольклор интертекст (понятий-влак могырым радамлымаш) 225–229
Хасанов Р.Ф. Фольклорные основы башкирского исторического романа 230–232
Шаронов А.М., Шаронова Е.А., Шаронов А.В. Эрзянский пантеон: основные персонажи и идеи 233–235

РАЗДЕЛ IV. ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ, ОБРАЗОВАНИЯ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Андреева И.Н., Баширова Д.Г. Формирующая работа по развитию мелкой моторики рук детей среднего дошкольного возраста 236–239
Андреева И.Н., Веденькина А.Ю. Развитие логического мышления старших дошкольников посредством мнемотаблиц 239–242
Андреева И.Н., Иванова И.Г. Диагностика развития связной речи средних дошкольников и формирующая работа по сказкам народов мира 242–245
Андреева И.Н., Лисакова Л.А. Диагностики развития связной речи дошкольников и формирующая работа посредством дидактических игр 245–248
Андреева И.Н., Отто Л.А. Формирующая работа по развитию диалогической речи старших дошкольников 248–250
Андреева И.Н., Петрова А.В. Исследование и формирующая работа по художественно-эстетическому развитию старших дошкольников 251–253
Ведерникова Н.Д. Самовар в бытовой традиции населения Марийского края во второй половине XIX – начале XX века (на примере коллекции в собрании Национального музея РМЭ им. Т. Евсеева) 254–256
Виногорова М.С., Виногоров В.В. Организация работы с одаренными детьми в Шелангерской общеобразовательной школе 256–259
Демьянова Л.В. Маритӱр сымыктышын икмыняр палыже 259–262
Иванова Е.Л. 7-ше классыште сылнымутым тунемме да туныктымо ойыртем 262–265
Кириллова Е.В. Коллекция марийских женских народных украшений конца XVIII – начала XX вв. в собрании Национального музея РМЭ им. Т. Евсеева 265–269

Короткова Т.В. Особенности комплектования фондов Музея истории города Йошкар-Олы 269–272
Кунцева Е.В. Фонд «Ткани» Национального музея Республики Марий Эл им. Т. Евсеева: общая характеристика и источники комплектования 272–276
Мальцева Е.В. Краеведческий материал в процессе обучения математике как средство развития познавательного интереса младших школьников 276–279
Михайлов В.Т. Антология педагогической мысли марийского народа: к вопросу реализации проекта 279–282
Мухин П.С. Качество образования как педагогическая проблема 282–285
Садовина И.И. Родные языки в цифровом пространстве: инициативы коренных народов в Северной Америке 285–289
Сергеева А.А. Опыт работы «Музея истории поискового движения Республики Марий Эл» 289–292
Тропина М.Б. Государственный архив Российской Федерации как культурное наследие 292–295
Шабыков В.И. Структура религиозного (православного) сознания марийцев (на материале социологического исследования 2018 года) 295–306
Шурыгин А.В. Жизнь и творчество марийских писателей, погибших в годы Великой Отечественной войны (по фондовым материалам Национального музея РМЭ им. Т. Евсеева) 306–309

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 310–313

РАЗДЕЛ I. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО МАРИЙСКОГО И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

УДК 811.511.151

Л.А. Абукаева
МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева (Йошкар-Ола)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА *КӸСОТО* ‘МОЛИТВЕННАЯ РОЩА’ В МАРИЙСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Статья посвящена анализу способов вербализации значимого для религиозной картины мира мари концепта кӱсото ‘священная роща’ в лексикографических источниках. В диалектах марийского языка концепт репрезентируется отдельными лексемами и составными наименованиями: кӱсото, кумалтыш вер ‘место моления’, юмын ото ‘божья роща’, юмылтымо вер ‘молельное место’, юмылтымо ото ‘молельная роща’, шелык, юмылан пуымаш / пуымо (вер) ‘букв. давание богу / место давания богу’, керемет.

Ключевые слова: *лингвокультурология, лексикография, марийская традиционная религия, концепт.*

В концептосфере марийской традиционной религии одно из значимых мест занимает концепт *кӱсото* ‘священная роща’. Лексикографический материал по указанному концепту содержит культурные коды, относящиеся к марийской традиционной религии, и в определенной степени раскрывает картину религиозного мировосприятия мари. Значимость концепта для марийской лингвокультуры наиболее ярко проявляется через систему табу, которые были выработаны на основе религиозной практики и верований в течение многих столетий в отношении священных рощ [1]. Статья посвящена анализу особенностей репрезентации концепта *кӱсото* ‘священная роща’ в словарях с целью определения понятийного компонента концепта. Для достижения цели в работе нашли применение описательный метод, компонентный и контекстологический анализ.

В диалектах марийского языка концепт репрезентируется разными лексемами и составными наименованиями: в луговом наречии – *кӱсото, кумалтыш вер* ‘мольбище (букв. место моления)’, *юмын ото* ‘божья роща’, *юмылтымо вер* ‘молельное место’, *юмылтымо ото* ‘молельная роща’; в восточном наречии – *шелык, юмылан пуымаш* / *пуымо* (*вер*) ‘букв. давание богу / место давания богу’, *керемет*.

В десятитомном словаре марийского языка дается следующее толкование лексического значения слова *кӱсото*: мольбище, языческая молитвенная роща [5, т. 3, с. 247].

В этнографических трудах XVIII – XIX вв. содержатся описания марийских молельных рощ, попытки установления изначальных форм мольбищ, а также зачатки этимологизации лексемы *кӱсото*, в частности у Т. Семенова: «Жертвоприношения бывают общественные и частные; совершаются они в

рощах, которые называются юмын оты (= божья роща) или кӱс-оты (кӱш-оты = высшая роща)» [4, с. 20]. И.Н. Смирнов в историко-этнографическом очерке «Черемисы» писал: «…роща есть позднейшее явление в истории черемисских молельных мест; первоначально черемисы молились в лесу, избирая и очищая в нем определенное место. <…> Основанием для выбора места служило указание богов – например, появление нового источника воды. Уфимские черемисы, выбирая пункт для моления, старались найти возвышенность вблизи ручья. Когда леса кругом гор были срублены, явились горы, посвященные богам» [6, с. 201]. Места молений в виде отдельных обособленных рощ, по мнению И.Н. Смирнова, возникли по причине того, что увеличилась численность населения, леса были расчищены и места для молений богам остались среди распаханных полей [6, с. 201].

Рассматриваемый концепт репрезентируется и лексемой *шелык*. Слово является многозначным. В десятитомном словаре марийского языка отмечено 8 его значений: 1. диал. место для проведения свадебного обряда во дворе. 2. диал. мольбище; место для моления. 3. уст. божница; полка с иконами. 4. уст. престол, трон. 5. этн. жертвенник; приспособление в виде стола в молельной роще для проведения обряда моления. Сравни с: шаге. 6. в поз. опр. диал. молельный; предназначенный, служащий для моления. 7. в поз. опр. божницы; относящийся к божнице, связанный с божницей. 8. в поз. опр. относящийся к месту для проведения свадебного обряда [5, т. 9, с. 77].

Из репрезентантов анализируемого концепта наибольшие изменения как понятийного, так и фонового компонента произошли со словом *керемет*, одно из значений которого «молельная роща, мольбище», ср.: 1. миф. кереметь; злой дух (у луговых и горных мари). 2. миф. кереметь; родовой дух-хранитель (у восточных марийцев). 3. диал. уст. роща, где совершались жертвоприношения духу-хранителю (керемет). 4. бран. кереметь; чёрт. 5. бран. чёртов [5, т. 2, с. 315–316].

Восточные мари и в настоящее время совершают моления в кереметах, наибольшей известностью пользуется Султан керемет на территории Мишкинского района Республики Башкортостан. Вплоть до середины XX века существовала традиция духам местностей приносить различные дары. Судя по названиям, практически каждая местность, род имели своего керемета, иногда и не одного, ср.: *Ӱкыдӧ павай керемеч, Мишкан кож керемеч, Акрат курык, Ардаш керемеч, Кучывай аул кугырак тумо тӱҥ керемеч, Султан керемеч, Байыш керемеч, Элвыкан керемеч, Кучывай кайык керемеч, Кучывай тукым, Кум аул куэ тӱҥ керемеч, Пытыше мераҥ керемеч, Пӱнчер пытыше керемеч, Тынбай Сайран керемеч, Тынбай Аврак керемеч, Соказа пытыше керемеч, Кучывайын олма тӱҥ*. Религионимы свидетельствуют о том, что в качестве мест молений выступали не только рощи, но и отдельные деревья, группы деревьев, горы. Помимо традиционных жертв (жеребца, быка, барана, гуся, утки, курицы) во время молений в кереметах жертвовали и других животных, в том числе диких.

В.И. Вершинин значение «священная роща» отмечает также у лексемы *кӱсӧ* наряду со значением «праздник жертвоприношения», предполагая, что именно это значение было первичным. Без точной этимологизации в качестве соответствий он приводит слова из следующих языков: ненецкого *хасо*; *kāssū*

‘плата шаману или жертва / дар духу’, селькупского *qossu* ‘подарок’, *kᶜozᵊ* ‘жертва’, *ḳозы* ‘жертвоприношение, лоскут, который привязывают к дереву’ и др. [2, с. 247].

На наш взгляд, концепт репрезентируется также и лексемой *ото*, хотя у этого слова в десятитомном словаре марийского языка сема «молельная» не зафиксирована: *Ото* роща; небольшой лес, чаще лиственный [5, т. 4, с. 354]. Однако в иллюстрациях к другим словарным статьям у слова *ото* отмечается и значение «мольбище», и значение «молельная роща». Ср.: словарные статьи *поктылаш* ‘преследовать; подвергать гонениям; притеснять’, *чокындараш* ‘крестить, окрестить’, *чоклаш* ‘молиться, приносить в жертву богу’, а также пример при толковании лексического значения идиоматического выражения *тӱсан вольык* ‘жертвенный скот’: *Кумалаш марийлан эрык уке. Отым руат, карт кугызам поктылыт.* Н. Лекайн. Молиться марийцам нет свободы. Рубят мольбища, преследуют жрецов [5, т. 5, с. 158]; *Марийым чокындарет гынат, тудо садыгак шке юмыжым ок мондо, отыш коштмыжым ок кудалте*. А. Эрыкан. Окрести марийца, он всё равно не отречётся от своего бога, не перестанет ходить в молельную рощу [5, т. 8, с. 379–380]; *(Ачам) шоҥго алашам налын да отыш чоклаш наҥгаен*. «Ончыко». Отец купил старого мерина и повёл в рощу для жертвоприношения богу [5, т. 8, с. 378]; *Отышко тӱсан вольык дене толыт.* В мольбище приходят с жертвенным скотом [5, т. 7, с. 367].

Примечательно, что в текстах марийских молитв, записанных в разное время от представителей сернурских, бирских, кировских мари, эта же лексема так же выражает значение «место моления», ср.: *Таче теве, эрдене эр кынелын, кугу кинде-шинчалым ямдылен, кугу шорвам шолтен, кугу саска сортам велен, отышкет кӱзен, онапу декет толын шогалын, шагетымат ямдылен, ший тӱкан, ший почан вольыкет дене шогал кумалам* [3, с. 27–28] ‘Сегодня вот, встав рано утром, приготовив большие дары (букв. хлеб-соль), сварив много сыта, приготовив большую свечу, поднявшись в твою священную рощу, придя к священному древу, жертвенник приготовив, со сребророгой, среброхвостой скотиной стоя молюсь’; *Отышко толмеҥгына, кугу шагым шогалтен, шагыже ӱмбалан тичмаш киндым пыштен, тичмаш кӧрагам шынден, кугу ший сортам чӱктен, кугу подым сакышна. Чыла тичмаш шындымӧнгӧ, йолташ-шамыч дене каҥашен, кугу ший шуран ӱшкыжым отышко кучен пуртышна* [3, с. 122] ‘Придя в священную рощу, поставив большой жертвенник, на жертвенник положив непочатый хлеб, поставив непочатый квас, зажёгши большую серебряную свечу, поставили большой котёл. Приготовив всё, посоветовавшись с товарищами, большого быка с серебряными рогами ввели в священную рощу’; *Тӱня калыкет дене каҥашен, уверат колтен, кече палемден, отыш толын улына, сукен возын сӧрвалена* [3, с. 131] ‘Со всем народом посоветовавшись, разослав весть, выбрав день, мы пришли в священную рощу, на коленях, припадая к земле, молимся’. Это подтверждают и наши полевые материалы, собранные в Моркинском районе Республики Марий Эл.

Лексикографическое отражение концепта в толковом словаре марийского языка, его репрезентация в текстах марийских молитв, данные, полученные от респондентов, свидетельствуют, что значение «священная роща» присуще и слову *ото*. На примере анализа понятийного компонента концепта *кӱсото*

‘священная роща’ приходим к выводу, что в тщательном анализе нуждаются и иные концепты марийской традиционной религии. Сейчас, когда марийская традиционная религия находится на этапе возрождения, когда она стала объектом специальных научных изысканий, назрела необходимость составить специализированный словарь, в полной мере отражающий особенности духовной культуры мари.

Литература

1. *Абукаева Л.А.* Запреты в системе воззрений мари. Йошкар-Ола, 2018. 204 с.

2. *Вершинин В.И.* Происхождение слов марийского языка (этимологический словарь): в 2 т. Т. 2: Н – Я. Йошкар-Ола, 2018. 394 с.

3. Марий кумалтыш мут / сост. *Н.С. Попов*. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1991. 256 с.

4. *Семенов Т.* Черемисы: этногр. очерк. М.: Типография А.Н. Снегиревой, 1893. 37 с.

5. Словарь марийского языка: в 10 т. / МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева. Йошкар-Ола, 1990–2005.

6. *Смирнов И.Н.* Черемисы: ист.-этнограф. очерк. Казань: Типография Императорского ун-та, 1889. 265 с.

УДК 811.511.151

Е.М. Андрианова

Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

МАРИЙ СЫЛНЫМУТАН ПРОИЗВЕДЕНИЙЫШТЕ ТЎП ОГЫЛ РОДО-ТУКЫМ ТЕРМИН-ВЛАКЫН КУЧЫЛТАЛТМЕ ОЙЫРТЕМЫШТ

В статье рассматриваются термины некровного родства марийского языка на материале художественных произведений марийских писателей.

Ключевые слова*: *марийский язык*, *лексикология, лексика, терминология, термины, терминология родства.

Марий йылмыште родо-тукым термин-влак чылт шымлалтдыме мутвундын ужашыже улыт манаш огеш лий. Нуным йылмыште лексике-семантике, ышталтмышт могырым нергелен лекме. Мутвундын тиде лексике-семантике тўшкаже кеч-могай йылмыштат ончыкталтеш. Родо-тукым системыште кок кугу тўшкам ончыкташ лиеш: тўп рдо-тукым термин-влак да тўп огыл родо-тукым термин-влак. Ты пашаште марий сылнымутан произведений негызеш ме кокымшо тўшкажым шымлен лектына.

Тўп огыл родо-тукым термин-влак тачысе кечын йылмыштына шуэн кучылталташ тўҥалыныт. Икмынярже йöршынат мондалтыныт манына гын, йоҥылыш огына лий.

Марлан кайымеке, ўдырым налмеке, эн ончычак *вате* да *марий* термин-влак шочыт. Нине термин-влак пöле ойыртеман улыт. Марий йылмыште пелаш-влак коклаште кылым ончыктымо годым икмыняр терминым ойыраш лиеш. Мутлан, Ю. Артамонов шке сылнымутан произведенийлаштыже ятыр термин-влакым кучылтеш: ***Ватыже*** *ик мутымат ыш пелеште, ўстембак кинде*

теркым, совлам конден оптыш [1, с. 21]. *Салам лийже, Николай, – яндар марий йылме дене изажын* ***ватыже*** *пелештыш да кидым шуялтыш* [1, с. 30]. Мутат уке, моло автор-влакын произведенийлаштат *вате* термин чӱчкыдын вашлиялтеш: *...Майруш лий Метрийын* ***вате*** [4, с. 93]. *Эргыжлан ала-могай чадыртан* ***вате*** *логале* [2, с. 125]. *Орина. Тыгай ӱҥышылан кает гын, шке оза лият, шонымет семын* ***мариетым*** *кучылташ тӱҥалат* [4, с. 112].

Вате термин родо-тукым кылым ончыктышо мут семын гына огеш кучылталт. Тудо тыгак *ӱдырамаш* значениян улеш. Сылнымутан произведенийлаште тиде значений дене кучылталтше пример-влак шуко вашлиялтыт, мутлан: ***Вате-влак*** *Майрушымак темлат* [4, с. 242]. *– Ала-ала… Тыяк йытыран утлен кертат гын веле… Айдемыже чылт ањырак огыл вет, манын, ик* ***вате*** *шылтала* [4, с. 242]. *Путыракше вакш оза,* ***марийдыме вате-влак*** *пеш шуко киндым когартыл пытарат* [4, с. 253]. *– Теве, Клиша, йолетлан ушым пуэм: ӱппунеметым шупшыл луктам! –* ***ойырлен илыше Когой вате*** *шып шинчыше Майруш дек керылте…* [4, с. 254]. Пример-влакым ончен лекмеке, тыге палемдаш лиеш: тиде мут марлан кайыше але марлан кайыше да вара тӱрлӧ амаллан кӧра марий деч посна кодшо кеч-могай ӱдырамашым ончыкта, ты годым ийгот ойыртемат шотыш налалтеш.

Марий йылмыште *вате (пелаш)* значений дене кучылталтше эше ик терминым ончыктыде ок лий. Тиде значений дене тӱп-родо тукым системысе *аваже* мут кучылталтеш, мутлан: *Мыйым,* ***аваже****, туныктымо ок кӱл, – шичме амалым ыштымек, сурт оза лектын кайыш* [5, с. 113]. ***Аваже****, ит коляне. Так ойлаш, юмо полшен шогыжо, – манеш марийже* [3, с. 180]. *Метрий. Эй,* ***аваже****, Тайраланна ала-мом ужашыже верештеш!* [4, с. 122]. *Кондрачи.* ***Аваж*** *дене коктын улына, от уж мо?* [4, с. 140].

Марий (пелаш) значений дене тӱп родо-тукым термин тӱшка гыч *ачаже* мут кучылталтеш, мутлан: *–* ***Ачаже****, кушто коштат? – пӧртӧнчыч ватыжын йӱкшӧ шоктыш* [5, с. 94-95]. *–* ***Ачаже****, тушто утыждене ойлен ит колто, йылметым кучен мошто, – шоктыш ватыже* [5, с. 113]. *–* ***Ачаже****, – манын Епрем вате, – тыгай жапыште шыпак иле да меж машинышытет пашам ыште* [3, с. 194]. *–* ***Ачаже****, сита эре иктымак тӱяш. Лучо иктаж-мом весым кутырыза, – чараш пиже куваже* [1, с. 23].

Марий ешыште икте-весым ойлымо годым эше ик ойыртемалтше пале уло. Вате-марийым шке лӱмышт дене огыл, а шочшыштын лӱмыштым да *ача, ава* тӱп родо-тукым термин-влакым кучылтын ойлат. Тачысе кечын тиде ойыртем мондалтынат манаш лиеш. Мутлан, Н.С. Мухинын сылнымутыштыжо тидым раш ужаш лиеш. Мутлан: ***Тайран аваже****! Каче-ӱдыр пырля ушыде, тӱня тынар шарлен огыл. Ик гана садак пуыде, кертат мо?* [4, с. 108]. *Эй,* ***Тайран аваже****, келшыдымаш шомакым ит ойлышт* [4, с. 109]. *Мо алят* ***Тайран ачаже*** *ок тол* [4, с. 126].

Марий йылмыште *вате* значений дене эше вес мут – *кува* – кучылталтеш. Мутлан: *Прокой Вӧдыр тул ваштареш «Марий коммуным» шаралтен пыштенат, пеш лудеш,* ***куваже*** *изи коҥга пундаште тулвуйым удыра, каслан кочкаш шолта* [1, с. 20]. *– Мом атым лапаяш.* ***Кувалан*** *уто паша веле* [1, с. 20]. *–* ***Кувамын*** *шолтымо шӱржым ом коч гын, кечыгут шужен коштмыла чучеш* [1, с. 22]. *Микал кугыза уло шыдыжым луктын оптыш: изирак эргыжын кидше*

гыч книгам шупшын налын, коҥгаш кудалтыш, ***куважымат*** *кок гана мушкынден шындыш* [4, с. 250].

Марлан кайымеке, ӱдыр-влакым пелашыштын лӱмышт да *вате* терминым кучылтын пырляштарен ойлат. Тачысе кечын тиде йомын толеш, но ХХ курым тӱҥалтыште тиде йӧн кумдан шарлыше лийын. Мутлан, тидын нерген Ю. Артамоноват шке произведенийыштыже возен коден: *Ялыште шоҥго еҥым кувавай але кугызай маныт. А вет нунын лӱмыштат уло. Пӧръеҥым лӱмышт дене палат гын, шоҥгырак ӱдырамаш-влакым марийышт лӱм дене гына палат: Прокой Вӧдыр* ***вате****, Василий Микал* ***вате,*** *Порис Семон* ***вате*** *маныт* [1, с. 20]

Марий йылмыште *марий (пелаш)* значений дене *кугыза* термин кумдан кучылталтеш. Сылнымутан произведенийлаште писатель-влак ты мут дене познак чӱчкыдын пайдаланат. Мутлан: ***Кугызаже*** *кӱмыжым покшекырак шупшыльо, Николайым пеленже ӱжӧ* [1, с. 21]. *Тудо шке эргыжым, Василийжым, пеш йӧрата, чамана. Василийжын суртышто укежым ужын, тудо* ***кугызажын*** *молан сырымыжым пеш шижын нале* [4, с. 249].

Тӱп огыл родо-тукым системыште вес кыл – тиде эрге-ӱдыр-влакын пелашышт. Ты тӱшкаш пурышо мут-влакым ончымо годым кок ойыртемым палемдаш кӱлеш: ийгот да пӧле. Марий йылмыште ача-авалан ӱдырын пелашыже *веҥе* термин дене, а эргын пелашыже *шешке* термин дене ончыкталтеш. Мутлан: ***Шешке*** *деч посна илыме годым шке эрыкше дене ыштылын тунемше ӱдырамаш ынде пуйто кычкыме имньыш савырныш* [2, с. 125]. *Микал кугызан* ***шешкыже*** *вӱдан ведрам сакален пура* [4, с. 249]. *Кугушко она ярсе шол, авай.* ***Веҥыч*** *– кечын колхоз пашаште* [2, с. 152]. *Орина.* ***Веҥе****, ушет кайыш мо?* [4, с. 124].

Ешыште йоча-влак коклосе кыл системыште ака-изан пелашыштым ончыкташлан посна термин-влак улыт. Изан пелашыже *еҥга* лиеш, акан пелашыжым палемдыме годым *курска* термин дене пайдаланат. Марий йылмыште нине термин-влакын кучылталтмыштым сылнымутан произведенийласе тыгай примерла дене пеҥгыдемдаш лиеш, мутлан: *Салам... Гульсара* ***еҥгай****, – лӱмжым шарналтышат, Николай шокшын вашештыш* [1, с. 30]. *– Уэш омса почылто, пычкемыште изажын йӱкшӧ шоктыш: – Ме* ***еҥгат*** *дене эрдене эрак кынел каена* [1, с. 38]. *Мый ом шинче, толмем годым* ***еҥгай*** *гына ыле, – Япуш изи йӱкшым чытырыктен пелештыш* [4, с. 249]. ***Еҥга*** *ден Семон изан райрӱдысӧ эмлымверыш кайымышт нерген колмек, Мику ласка кумылын, вашкыде кынеле* [2, с. 126]. *Елу ака ден* ***курскажын*** *Петя эргышт кум ий годсек мӱндыр Йӱдвелне пашам ыштен ила.* [2, с. 590]. ***Курскажын*** *пакчаштыже пеш сылне ладыра ломбо уло* [3, с. 126].

Веҥе-шешке-влакын ачашт-авашт икте-весыштым ойлымо годым *тулар, тулаче* терминла дене пайдаланат. *Кргорий.* ***Тулар, тулаче-влак****! Уэш-пачаш роскотым ыштымеш, пунчалжымат тачак тӧрлатышаш.* ***Тулар****, мыняр олным вара налнет?* [4, с. 119].

Кызытсе пагытыште родо-тукым термин-влакым шуэнрак кучылташ тӱҥалыныт, нунын чотыштат шагалем толеш. Амалже семын еш системын вашталтмыжым ончыктыман, познак ешыште шочшо-влакын чотышт иземмашым палемдыман. Тӱп огыл родо-тукым системысе мут-влакым таче кечын шуэн кучылтыт, самырык-влак южо терминжым огытат пале.

Литератур

1. *Артамонов Ю.* Кайык ӱжын ужата. Йошар-Ола, 1980. 288 с.
2. *Илибаева М.* Кугу тӱня – шыгыр тӱня: ныл книган роман. Йошкар-Ола: Марий книга савыктыш. 2010. 672 с.
3. *Лекайн Н.* Кугезе мланде. Йошкар-Ола, 1987. 591 с.
4. *Мухин Н*. Ойпого, ойырен налме произведений-влак: почеламут, поэма, пьеса, ойлымаш, публицистика. Йошкар-Ола, 1990. 272 с.
5. *Сапаев В*. Кӱдырчан йӱр годым. Йошкар-Ола, 1979. 349 с.

УДК 81.272

М.А. Горячева
Институт языкознания РАН (Москва)

ЯЗЫКИ РОССИИ В СИСТЕМЕ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ МАРИЙ ЭЛ: ДИНАМИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

В статье рассматривается функционирование марийских горного и лугового языков в системе школьного образования Российской Федерации за последние двадцать лет, в хронологическом срезе 2000/01 – 2019/20 учебных годов. Статистические данные по этой подсфере образования за двадцать лет вписаны в широкий законодательный контекст. Основными вехами в статье считаются 2006 год, когда было произведено переструктурирование Базисного учебного плана, и 2018 год, который стал годом принятия поправок в Закон об образовании о добровольности изучения языков народов России. Главное внимание уделяется республиканским государственным языкам региона – марийскому луговому и марийскому горному языкам. Учитывая дисперсный характер расселения марийцев, были привлечены данные по функциональной мощности марийских языков в других регионах и в Российской Федерации в целом. Автор на основе диахронического анализа сводного статистического материала Министерства просвещения Российской Федерации делает выводы о динамике изучения языков народов России в школах Республики Марий Эл и изучения двух марийских языков в школах страны.

Ключевые слова: *языковая политика, языковое планирование, языковая ситуация в Республике Марий Эл, марийский горный язык (горномарийский язык), марийский луговой язык (луговомарийский язык), коммуникативная сфера образования, республиканские государственные языки, школьное обучение на языках, языки в школе.*

В статье рассматривается функционирование марийских горного и лугового языков в системе школьного образования Российской Федерации, в хронологическом срезе 2000/01 – 2019/20 учебных годов. Статистические данные по этой подсфере образования за двадцать лет вписаны в широкий законодательный контекст. Главное внимание уделяется республиканским государственным языкам региона – марийскому луговому и марийскому горному языкам. Фундаментом языковой политики Российской Федерации являются, прежде всего, Конституция РФ, в Ст. 68 п. 3 которой записано: «Российская Федерация гарантирует всем ее народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития», и учрежденная 29 декабря 2016 г. Государственная программа Российской Федерации

«Реализация государственной национальной политики», целью которой является «обеспечение права на сохранение родного языка из числа языков народов России, его изучение и развитие». Следовательно, главной задачей языковой политики является предоставление условий для наилучшего сохранения, изучения и развития языков народов РФ.

Роль системы образования в достижении поставленных задач чрезвычайно важна, поскольку именно на нее возложена государством задача формирования языковой компетенции будущих россиян. Массовость, обязательность, доступность законодательного регулирования, возможность контроля и проверки – все эти свойства сделали систему образования важнейшим инструментом языковой политики.

По Закону о языках Республики Марий Эл (далее – РМЭ) 1995 года, государственными, кроме русского, в этом субъекте федерации являются луговомарийский и горномарийский (или марийский луговой и марийский горный) языки. При анализе статистических данных будем учитывать данную статусную характеристику, поскольку долгое время изучение республиканских государственных языков было обязательным для всех школьников. Второй важный момент касается такого территориально-демографического фактора, как способ расселения этноса. Марийцы расселены дисперсно: 44 % носителей марийского языка проживают за пределами своей республики, о значении чего неоднократно писали исследователи, например, Е.А. Кондрашкина в ряде статей [5, с. 229 и др.]. Поэтому мы сочли необходимым привлечь данные по всем регионам Российской Федерации, в которых марийские языки используются в школьном обучении.

Итак, возьмем за точку отсчета в нашем небольшом исследовании 2000/01 учебный год. По сравнению с последующим периодом, представленность двух марийских языков в обеих функциях (средства обучения и предмета обучения) наибольшая. Марийский горный язык в функции средства обучения изучают 1234 школьника (все в РМЭ), как предмет – 3880 школьников (из них 3288 в РМЭ, остальные в Удмуртской, Свердловской областях и в Пермском крае). Марийский луговой язык в функции средства обучения использовали 11570 школьников (из них 6008 в РМЭ, остальные в республиках Башкортостан и Татарстан), в функции школьного предмета – 67968 (59828 в Р. Марий Эл и 8140 в Кировской, Удмуртской областях и в республиках Башкортостан и Татарстан). Также 363 школьника изучают в РМЭ языки факультативно (к сожалению, федеральная статистическая форма не предусматривает детализации по языкам). Если обратиться к распределению языков по параметру местонахождения учебных учреждений, то видно, что марийский горный в городских школах не изучается. В качестве средства обучения использование марийского лугового в 9 раз выше, чем марийского горного, в качестве предмета – в 17,5 раз.

В РМЭ численность марийцев по Переписи населения 2010 г. составляет 41,0 %, русских – 45,1 %); также проживают татары, чуваши, башкиры, белорусы, украинцы, удмурты и представители других народов [1]. В школах, помимо марийских, в 2000/01 учебном году изучали следующие языки:

татарский язык (348 школьников как средство обучения и 965 как предмет), украинский язык (191 школьник изучал как предмет).

Следующий хронологический срез целесообразно провести в 2006/07 учебном году, взяв его за новую точку отсчета после произошедшего в декабре 2007 г. переструктурирования Базисного учебного плана 1993 г., в результате которого был фактически отменен региональный компонент. Ядро федерального компонента составляли в полном объеме русский язык, математика, информатика, физика с астрономией и химия. Остальные предметы находились либо в совместном ведении, либо исключительно в ведении регионов (родной язык и литература, история и география региона и др.). Региональный или национально-региональный компонент государственного образовательного стандарта устанавливался субъектом Российской Федерации для того, чтобы полнее учесть социокультурные особенности и традиции населения, проживающего на соответствующей территории. [О причинах его отмены подробнее см.: 3]. Итак, в 2006/07 учебном году использование марийского горного языка в функции средства обучения сократилось в полтора раза и осталась только в РМЭ, в функции предмета сократилось в 1,1 раза и на два региона, оставшись только еще в Свердловской области. Марийский луговой стали использовать в обеих функциях в два раза меньше школьников, а регионы остались те же.

Следующий хронологический срез (2014/15 учебный год) показывает последствия сужения регионального компонента. Марийский горный утратил функцию средства обучения, но, возможно за счет этого, увеличил функцию предмета изучения в 1,4 раза. В других регионах в этом году марийский горный язык не преподавался. Для марийского лугового языка функция средства обучения сократилась в 10 раз, при этом сохранилось минимальное использование его в этой функции в тех же двух регионах – республиках Башкортостан и Татарстан. Функция предмета даже незначительно увеличилась, представленность по регионам расширилась за счет Свердловской области и Пермского края.

В 2018 году автором была опубликована статья, в которой рассматривается динамика функционирования всех использующихся в школьном образовании языков, в том числе и двух марийских, в хронологическом срезе 2006–2016 гг. [2].

Летом 2018 года были приняты поправки к Закону об образовании, одна из которых гласит: «Федеральные государственные образовательные стандарты обеспечивают возможность получения образования на родном языке из числа языков народов Российской Федерации, изучения государственных языков республик Российской Федерации, изучения родного языка из числа языков народов Российской Федерации, включая русский язык, по выбору обучающихся, родителей (законных представителей) несовершеннолетних обучающихся» [8]. Как и ожидалось [3], последствия этой поправки немедленно отразились на функциональной активности языков. Разноплановых причин этому множество, необходимо их исследовать и дальше работать, чтобы хоть как-то выправить ситуацию.

Данные федеральной статистики за последний в отчетном периоде 2019/20 учебный год [6] показывают, что марийский горный в РМЭ утратил функцию средства обучения (она в минимальном объеме сохранилась лишь в Республике Татарстан), как предмет же его использование сократилось, по сравнению с 2017/18 учебным годом, в 1,2 раза. Марийский луговой в функции средства обучения используется в целом по России всего 17 учениками начальной школы: это 7 детей из 2 класса и 10 детей из 4 класса, что является ярким сигналом возможной полной утраты этой функции в ближайшие годы. Функция предмета изучения в 2018/19 учебном году уменьшилась в 4,3 раза, но в последнем, 2019/20 учебном году незначительно подросла. Какие процессы стоят за этим подъемом, покажет время. Будем надеяться, что положительная динамика только усилится. Радует, что сохранились еще все ступени школьного образования вплоть до 10–11 классов. Что касается представленности других языков, то как школьный предмет изучаются татарский язык (733 ученика) и удмуртский язык (60 учеников).

Если проанализировать данные за начало и конец выделенного нами периода продолжительностью в 20 лет, то, безусловно, картина для обоих республиканских государственных языков получается неутешительной. Марийский горный язык утратил в республике функцию средства обучения и сократил функцию предмета изучения в 1,8 раз (его учат всего 1837 детей). Марийский луговой язык в РМЭ утратил функцию средства обучения, которая осталась лишь в Республике Башкортостан для 17 школьников. Как предмет его стали изучать почти в семь раз меньше детей.

Для наглядности мы представили статистические данные за рассматриваемый период в следующей обобщающей таблице:

Учебный год	**Средство/предмет**	**Российская Федерация, в целом**	**Республика Марий Эл**	**Республика Башкортостан**	**Республика Татарстан**	**Кировская обл.**	**Удмуртская обл.**	**Свердловская обл.**	**Пермский край**
2000-2001									
Горный	ср.	1 234	**1 234**	0	0	0	0	0	0
Луговой	ср.	11 570	**6 008**	5 145	417	0	0	0	0
Горный	пр.	3 880	**3 288**	0	0	0	205	275	112
Луговой	пр.	67 968	**59 828**	6 463	1 061	272	344	0	0
2006-2007									
Горный	ср.	847	**847**	0	0	0	0	0	0
Луговой	ср.	6 847	**3 133**	3 379	335	0	0	0	0
Горный	пр.	3 045	**2 963**	0	0	0	0	82	0
Луговой	пр.	39 494	**31 611**	6 621	714	235	313	0	0

2014-2015									
Горный	ср.		**0**	0	0	0	0	0	0
Луговой	ср.	634	**308**	167	159	0	0	0	0
Горный	пр.	4 103	**4 103**	0	0	0	0	0	0
Луговой	пр.	44 856	**38 090**	5 748	450	92	240	197	39
2017-2018									
Горный	ср.	190	**82**	0	108	0	0	0	0
Луговой	ср.	127	**127**	0	0	0	0	0	0
Горный	пр.	2 616	**2 274**	75	267	0	0	0	0
Луговой	пр.	36 855	**31 542**	4 977	0	17	215	104	0
2018-2019									
Горный	ср.	64	**0**	0	64	0	0	0	0
Луговой	ср.	337	**319**	18	0	0	0	0	0
Горный	пр.	2 265	**1 709**	74	442	0	0	40	0
Луговой	пр.	12 396	**7 413**	4 673	0	14	217	79	0
2019-2020									
Горный	ср.	11	**0**	0	11	0	0	0	0
Луговой	ср.	17	**0**	17	0	0	0	0	0
Горный	пр.	2 378	**1 837**	126	415	0	0	0	0
Луговой	пр.	13 183	**8 630**	4 317	0	8	193	35	0

Также формы федеральной отчетности включают графу «Численность обучающихся, изучающих родной (нерусский) язык факультативно или в кружках», но, к сожалению, без детализации по языкам. Так, например, в 2018/19 учебном году их число стало внушительным: 25655 школьников, в 2019/20 учебном году – 21509 школьников, в то время как до принятия поправки таких детей было мало (в 2017/18 учебном году всего 254). Таким образом, факультативная форма обучения стала серьезной заменой обязательным урокам, в зависимости от учебного плана конкретных школ. Этой графой можно объяснить и расхождения в федеральных и республиканских статистических показателях: республиканское министерство считает вместе данные по обязательным урокам и по факультативам [см., напр.: 7].

Можно ли рассматривать сложившуюся ситуацию как результат упомянутых в статье реформ в образовании? Мы считаем, что лишь отчасти. К сожалению, следует констатировать наличие избыточных ожиданий к сфере образования. Результаты опросов марийцев, приведенные, например, в: [4, с. 132; 5, с. 231; 9 и др.], показывают, что большинство из них выступают за двуязычное образование в школе. Теперь проведем приблизительные подсчеты. Школьников в России около 11 % всего населения. Если экстраполировать этот процент на марийцев (горных и луговых), которых по переписи 2010 года 547605 чел., то получается, что марийских школьников в целом по РФ приблизительно 60000 человек. Сколько детей изучают марийский язык, показывает таблица (и, безусловно, не все из них марийцы), поэтому напрашивается вывод, что для многих опрошенных выбор положительного ответа объясняется лишь благими пожеланиями в адрес абстрактных марийских

детей, а когда речь идет о своем ребенке, то перевешивают соображения из разряда «программа и так перегружена», «пусть лучше русский язык хорошо знает, ему ЕГЭ сдавать» и т. п. Второй фактор – социально-экономический, то есть реальная кадровая и финансовая готовность школ проводить занятия для нескольких учеников, когда не набирается целый класс желающих. Итак, это огромная серьезная тема, состоящая из целого переплетения разнотипных факторов. Безусловно, сам факт изучения языка в школе повышает его престижность в глазах носителей, и система образования может и должна внести важнейший вклад в сохранение, изучение и развитие языков народов РФ, но лишь при одном обязательном условии: одновременной серьезной работы других направлений языковой политики в повышении престижности всех языков народов России и серьезной работы каждого, кто хочет сохранить свой язык для своих потомков.

Литература

1. Всероссийская перепись населения 2010 г. Т. 1. Табл. 1. Национальный состав населения. [Электр. издание на официальном диске Росстата].

2. *Горячева М.А.* Динамика использования языков народов России в сфере образования за последнее десятилетие в контексте социолингвистической проблематики // Вопросы филологии. 2018. № 1 (61). С. 20–26.

3. *Горячева М.А.* Законодательство о языках народов Российской Федерации в сфере образования: современное состояние и перспективы // Языковое единство и языковое разнообразие в полиэтническом государстве: Межд. конф. (Москва, 14–17 ноября 2018): доклады и сообщения. М.: Языки народов мира, 2018. С. 187–192.

4. *Кондрашкина Е.А.* Марийский язык в сфере образования республики Марий Эл // Альманах современной науки и образования. 2008. № 2–1. С. 122–125. URL: www.gramota.net/materials/1/2008/2-1/46 (дата обращения: 28.10.2020).

5. *Кондрашкина Е.А.* Языки финно-угорских народов в будущем (попытка прогнозирования) // Языки в полиэтническом государстве: развитие, планирование, прогнозирование: Межд. конф. (Республика Бурятия, Улан-Удэ-Горячинск), 1 июля – 4 июля 2019 г.): доклады и сообщения. Улан-Удэ: БНЦСО РАН, 2019. С. 229–232.

6. Министерство просвещения РФ. Сводные данные по субъектам и сумма по РФ в формате формы ОО-1, раздел 3.15 // URL: https://docs.edu.gov.ru/document/c38a1f764e0c77030235de22850ae531/ (дата обращения: 03.11.2020).

7. Справка об изучении родных языков по итогам 2019/20 учебного года // URL: http://edu.mari.ru/school/DocLib5/ (дата обращения: 05.11.2020).

8. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/bf7fadb3532c712ccd28cc2599243fb8018ed869/ (дата обращения: 28.10.2020).

9. *Шабыков В.И., Кудрявцева Р.А., Карташова Е.П.* Марийский язык в современной урбанистической семье (социолингвистическое исследование) // Litera. 2017. № 3. С. 1–11. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=23680 (дата обращения: 03.11.2020).

УДК 811.511.151

А.А. Григорьева
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)
Науч. руководитель: Гусева Э.В., канд. филол. наук, доц.

ИМЕНА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В АНГЛИЙСКОМ И МАРИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье дается сопоставительный анализ имен прилагательных в марийском и английском языках. Рассматриваются отличительные особенности указанной части речи в исследуемых языках.

Ключевые слова: *имя прилагательное, английский язык, марийский язык, отличительные особенности.*

Цель данной статьи – выявление системных закономерностей общности и различия имен прилагательных в марийском и английском языках.

Имя прилагательное – самостоятельная часть речи, обозначающая признак предмета и отвечающая на вопросы «какой», «какая», «какое», «какие», «чей» [1, с. 81]. В марийском и английском языках имена прилагательные не изменяются перед существительными.

В предложении имя прилагательное является определением или именной частью сказуемого, например: англ. *I live in a* ***beautiful*** *village /* мар. *Мый* ***мотор*** *ялыште илем* ‘Я живу в прекрасной деревне’; англ. *I am reading an* ***interesting*** *book /* мар. *Мый* ***оҥай*** *книгам лудам* ‘Я читаю интересную книгу’; англ. *Russia is* ***big*** / мар. *Россий* ***кугу*** ‘Россия большая’; англ. *My school is* ***new*** */* мар. *Мыйын школем* ***у*** ‘Моя школа новая’.

Качественные прилагательные в английском языке имеют положительную, сравнительную и превосходную степени сравнения. Большинство английских прилагательных состоят из одного или двух слогов. Такие прилагательные образуют сравнительную степень с помощью суффикса **-er**, а превосходную – с помощью суффикса **-est**, например: *long – longer – (the) longest* ‘длинный – длиннее – самый длинный’; *high – higher – (the) highest* ‘высокий – выше – самый высокий’ [2, с. 50].

В марийском языке сравнительная степень образуется путем прибавления суффикса ***-рак***, например: *ошалгы****рак*** ‘светлее’, *моторрак* ‘красивее’; а превосходная степень образуется двумя способами: 1) при помощи слова ***эн***, например: ***эн*** *мотор* ‘самый красивый’, ***эн*** *йӧратыме* ‘самый любимый’; 2) при использовании двух прилагательных, между ними ставится предлог ***деч***, например: *шӧртньӧ* ***деч*** *шерге* ‘дороже золота’, *лум* ***деч*** *ошо* ‘белее снега’.

В английском языке прилагательные, состоящие из трёх и более слогов, образуют сравнительную степень с помощью слова **more**, а превосходную степень с помощью лексемы **most**, например: *This is a* ***difficult*** *task* ‘Это трудная задача’*; This task is* ***more difficult*** *task* ‘Эта задача труднее’; *This task is* ***the most difficult*** ‘Эта задача самая трудная’ [2, с. 52].

Прилагательное **old** имеет две формы сравнительной и превосходной степени, например: англ. *My* ***elder*** *sister is fourteen /* мар. *Мыйын шӱжарем 14 ияш* ‘Моей сестре 14 лет’; англ. *I am* ***older*** *than my brother /* мар. *Мый шольым деч кугурак улам* ‘Я старше своего брата’; англ. *My* ***eldest*** *brother is a doctor /* мар.

Мыйын эн кугу изам – эмлызе ‘Мой старший брат – врач’; англ. *He is* ***the oldest*** *pupil in the school* / мар. *Школышто тудо эн кугу тунемше* букв. ‘В школе он самый старший ученик’.

В английском языке некоторые имена прилагательные имеют свои степени сравнения, например: *good – better – the best* / мар. *сай – сайрак – эн сай* ‘хороший – лучше – самый лучший’; англ. *bad – worse – the worst* / мар. *начар – начаррак – эн начар* ‘плохой – хуже – самый плохой’; англ. *many/much – more – the most* / мар. *шуко – шукырак – эн шуко* ‘много – больше (более, еще, гораздо) – наиболее (самый)’; англ. *little – less – the least* / мар. *шагал – шагалрак – эн шагал* ‘мало – меньше – наименее’; англ. *old – older – the oldest* / мар. *шоҥго – шоҥгырак – эн шоҥго* ‘старый – старший – самый старый’.

Имена прилагательные в марийском и английском языках по своему значению и грамматическим признакам делятся на две группы: на качественные и относительные [2, с. 55].

Качественные прилагательные обозначают качества, которые отличают предметы *по форме*, например: англ. *round* / мар. *йыргешке* ‘круглый’; *по размеру*, например: англ. *large* / мар. *кугу* ‘большой’; *по цвету*, например: англ. *red* / мар. *йошкарге* ‘красный’; *по вкусу*, например: англ. *sweet* / мар. *тамле* ‘сладкий’. Эти качества могут быть присущи предмету в большей или меньшей степени, поэтому качественные прилагательные имеют степени сравнения.

Относительные прилагательные передают такие признаки, которые не могут быть в предмете в большей или меньшей степени. Обычно они обозначают материал, например: англ. *wooden* / мар. *ӱ* ‘деревянный’.

Качественные прилагательные в марийском языке отвечают на вопрос «могай?», в английском – «what?» ‘какой?’, например: мар. *шем(е)* / англ. *black* ‘черный’. Прилагательные в английском языке не имеют числа, рода и падежа, например: англ. *one* ***brown*** *bear* / мар. *ик* ***кӱрен*** *маска* ‘один бурый медведь’; англ. *three* ***brown*** *bears* / мар. *кум* ***кӱрен*** *маска* ‘три бурых медведя’.

Имена прилагательные являются словами, с помощью которых создаётся словесное богатство языка. Без имени прилагательного невозможно выразить индивидуальные, свойственные только этому предмету и отличающие его от всех остальных, признаки. Употребление прилагательных в речи делает ее эмоционально окрашенной, стилистически богатой и красивой.

Литература

1. *Учаев З.В.* Марий йылме: Теорий: 5–9 класслан учебник. Йошкар-Ола: Марий книга савыктыш, 1993. 264 с.

2. *Качалова К.Н., Израилевич Е.Е.* Практическая грамматика с ключами и упражнениямим. М.: Изд-во «ЮНВЕС», 1998. 719 с.

УДК 811.511.151

Э.В. Гусева
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПРЕДМЕТНЫХ СРАВНЕНИЙ В РОМАНЕ М. ИЛИБАЕВОЙ «ТИДЕ УШДЫМО ТЎНЯШТЕ»

В статье рассматривается семантическая структура предметных сравнений в романе М. Илибаевой «Тиде ушдымо тўняште». Корпус примеров собран методом сплошной выборки, каждая из которых является авторской. В статье анализируются наиболее распространенные модели предметных сравнений: N+Postposition+Adj, Adj+N+Postposition.

Ключевые слова: *марийский язык, сравнение, семантическая структура, марийский роман, М. Илибаева.*

Сравнение является одним из важнейших приемов создания языковой образности. Оно помогает создать художественную выразительность высказывания, является средством характеристики предмета, действия или явления. Сравнение – уподобление одного предмета (объект сравнения) другому (средство сравнения), «в результате чего выявляется и усиливается некоторый общий признак, который может оставаться и не названным» [4, с. 126].

Маркерами сравнения в языке служат особые служебные слова, оформляющие значение компаративности [5, с. 19–20]. В анализируемом нами материале, которым стал роман известного марийского прозаика современности М.К. Илибаевой «Тиде ушдымо тўняште», такими маркерами являются:

а) послелоги ***гай, гае, семын,*** например: … *лўмжат йомакысе гай – Йыван* [2, с. 7] ’… и имя как в сказке – Иван’; *Агытансола узьмак лук гай* [2, с. 25] ’ Агытансола, словно райский уголок’; *шўшпык семын оҥараш* [2, с. 41] ’петь, словно соловей’;

б) показатель сравнительного падежа ***–ла,*** например: *йомакысе патырла веле коеш* [2, с. 7] ’похож на сказочного богатыря’; *кинола веле чучеш* [2, с. 26] ’как в кино’; *паярла ласкан шинчет* [2, с. 60] ’сидишь спокойно, как барин’.

Наиболее распространенные модели предметных сравнений в анализируемом романе:

1) ***N+Postposition+Adj***, например: *маска гай кӧтырем* [2, с. 73] ’неповоротлив, как медведь’;

2) ***Adj+N+ Postposition,*** например: *эрыкан кайык гай* [2, с. 284] ’словно свободная птица’.

Лексико-семантический принцип классификации подразумевает анализ семантической структуры предметных сравнений. Семантической структурой сравнения называется соотношение лексико-семантического содержания референта и агента (первого и второго члена сравнения) [5, с. 27].

В исследованном романе можно выделить следующие группы предметных сравнений:

1) тело – элемент неживой природы, например: … *вочко гай кап* [2, с. 114] ’…тело как бочка’; *кӧршӧккучемла коеш* [2, с. 193] ’похож на ухват’;

2) глаза – свойство / характерная особенность неживой природы, например: *пычкемыш йўд гай шем шинча* [2, с. 180] ’глаза черные, как темная ночь’;

3) легкость тела – свойство/характерная особенность элемента неживой природы, например: *пыстылла веле куштылемын* [2, с. 148] ’стала легкой, как перышко’; *пыстыл семын кӱшкӧ-кӱшкӧ, кавашке, нӧлталтеш* [2, с.148] ’как перышко поднимается высоко-высоко, в небо’;

4) чорошее здоровье – свойство, качество элемента живой природы, например: *имньын гай тазалык* [2, с. 82] ’здоровье как у лошади’;

5) свобода – характерная особенность элемента живой природы, например: *кайык семын чоҥешташ* [2, с. 284] ’лететь словно птица’;

6) внешний вид – свойство/характерная особенность элемента неживой природы, например*: кечыйол гай волгыдо сынан* [2, с. 104] ’светлая как солнечный луч’.

В романе М. Илибаевой действия, поведение человека сравниваются с характерными действиями диких зверей, животных и птиц:

1) поведение, характер человека – поведение дикого зверя, например: *пире семын* [2, с. 55] ’словно волк’.

2) **действия человека – характерные действия птиц,** например: *шкет турняла коштат* [2, с. 98] ’ходишь, как одинокий журавль’.

3) действия человека - характерное поведение насекомых, например: *карме гай пижаш* [2, с. 58] ’липнуть как муха’; *пеледыш гыч пеледышыш чоҥештылше сӧрал лывыла чучо* [2, с. 118] ’показалась прекрасной бабочкой, летающей с цветка на цветок’

Сравнения подразделяются на две группы: сравнения из народной поэзии, непосредственно относящиеся к разговорному языку, и авторские сравнения [3; 6]. Объекты сравнения могут быть связаны с 1) религиозными воззрениями; 2) растительным миром; 3) животным миром (зооморфные сравнения) [3].

При сопоставлении предметов (предметное, простое сравнение) основание сравнения носит конкретный характер: это общее свойство двух предметов, которое обычно вербально выражено.

В анализируемом произведении в количественном отношении преобладают предметные простые и предметные развернутые типы сравнений. Обычно выделяют три типа простых предметных сравнений:

1) эксплицитно выражены все три члена – референт, агент и основание (критерий сравнения).

2) выражены два члена – референт и агент.

3) выражены два члена – референт и основание [5, с. 15–17].

В романе М. Илибаевой широко используется лишь первая группа сравнений, в которых эксплицитно выражены все три члена – референт (первый член), агент (второй член), основание сравнения.

В описании окружающего мира в произведении присутствуют этические и эстетические идеалы марийского народа, которые получают три типа оценки: положительную, нейтральную и отрицательную [1, с. 16]. Анализ исследуемого произведения показал преобладание сравнений с положительной оценкой.

Использование сравнения как стилистического приема в художественном произведении отражает особенности языковой картины мира не только автора романа, но и реальное художественное пространство целой эпохи.

Список сокращений и специальных терминов

Adj – имя прилагательное, **N –** имя существительное, **Postposition –** послелог.

Литература

1. Гусева Э.В. Выразительные и образные средства в создании словесного портрета: на материале марийского романа.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 2007. 23 с.

2. Илибаева М.К. Тиде ушдымо тӱняште: роман. Йошкар-Ола: «Марий книга издательстве» савыктыш пӧрт, 2019. 448 с.

*3. Иванов И.*С. Писательын йылмыже: туныктышо-влаклан пособий. Йошкар-Ола, 1989. 72 с.

4. Краткая литературная энциклопедия / гл. ред. А.А. Сурков. Т. 7. М. 1972. 1008 стлб.

5. Мезенин С. М. Образные средства языка (На материале произведений Шекспира). М.: МГПИ, 1984. 99 с.

6. Мустаев Е.Н. Марийский язык. Стилистика: учеб. пособие. Йошкар-Ола, 1995. 168 с.

УДК 811.511.151

С.В. Демьянова

Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

Науч. руководитель: Гусева Э.В., канд. филол. наук, доц.

МАРИЙ ДА АНГЛИЧАН ЙЫЛМЫЛАШТЕ ЛӸМ МУТЫН ШУКО ЧОТ ФОРМЫЖО

В статье рассматриваются основные случаи и особенности образования множественного числа имён существительных в марийском и английском языках.

Ключевые слова: *множественное число, английский язык, марийский язык, особенности образования.*

Шымлымаш пашан шумлыкшо – марий да англичан йылмылаште лӸм мутын шуко чот формыжын ышталтме ойыртемжым шымлен лекташ.

Марий йылме семынак англичан йылмыште нарицательный лӸм мутын кок числа формыжо уло – шкет чот да шуко чот. Шукыж годым собственный лӸм мут шкет чотышто гына каласалтеш. Шкет чот шуко предмет гыч иктыжым ойырен лӸмда, да шуко чот формо икте деч шуко предмет нерген палдара.

Южо лӸм мутын шкет чот формыжо веле уло, тыгай кончышым ме кок йылмыштат эскерен кертына:

– собственный лӸм мут-влак: *Моско – Moscow, Санкт-Петербург – Saint Petersburg, Иванов – Ivanov.* Чумыр еш нерген ойлымо годым шуко чот формым кучылташ лиеш, мутлан: *Иванов**мыт** (еш) – The Ivanov**s***;

– вещества ден материалым ончыктышо лӸм мут-влак: *шӧртньӧ – gold, ший – silver, вӱд – water, шӧр – milk*;

– качествым, состоянийым, действийым предмет семын ончыктышо отвлеченный лӸм мут-влак: *куан – happiness, ойго – sadness, йӧратымаш – love.*

Марий йылмыште мужыран предмет-влак шкет чотышто веле каласалтыт

гын, англичан йылмыште тыгай предмет-влак шуко чот форман лийыт, мутлан: *вашкӱзӧ – scissor**s**, шинчалык – glass**es,** йолаш – trouser**s**.* Тӱрлӧ кушкыл лӱм-влак марий йылмыште шкет чот формышто веле кучылталтыт, а англичан йылмыште кок формыжат вашлиялтеш, мутлан: *шоган – onion-onions, ковышта – cabbage-cabbages, паренге – potato-potatoes*.

Марий йылмыште шуко чотым ончыктышо *-влак, -шамыч* суффикс-влак кореш дене, *-ла, -мыт* – пырля возалтыт. Нунын кокла гыч *-влак* ден *-шамыч* икгай значениян улыт: икте деч шуко предметым, родо-тукымым, пӱтынь ешым ончыктат, мутлан: *…шошат лишемеш, – уремыште куштылго чиеман ӱдыр-рвезе-**влакым** ужын, Иван Григорьевич келгын шӱлалтыш…* [1, с. 3], *...туге-туге, самырык-**шамыч** эре вияшрак корным кычалыт…* [1, с. 8].

Лӱм мутын *-ла* суффиксше чондымо лӱм мутыш ушалтеш да предметын шуко чотшым каласен пуа, мутлан: *Тошкен лаптыртыме луман йолгорно кенета радамын шындылме куэр**ла**шке кадыргалтыш* [1, с. 5].

-мыт суффикс тӱрлӧ значений дене кучылталтеш:

1) тӱшкалыкым ончыкташлан: ойлымо годым поснак кӱлешан ењжым муттӱњ лӱмденак пуа, а *-мыт* суффикс молыштым тиде лӱм мут пелен пырляштарен чумыра: *Андреймыт, Гладков деч вашмутшым колдеак, кабинет гыч лектыч* [1, с. 37].

2) икгай фамилиян икмыняр еҥым ончыкта: *Губин**мыт** еш, Петров**мыт** еш.*

Англичан йылмыште лӱм мутын шуко чот формыжо тӱњ шотышто -s мутмучашым ушымо дене ышталтеш, мутлан: *carrot – carrot**s*** ‘кешыр’, *shop – shop**s*** ‘кевыт – кевыт-влак’, *dog – dog**s*** ‘пий – пий-шамыч’.

Англичан шомак *-s, -sh, -ch, -ss, -x, -z, -o* буква-влак дене пыта гын, лӱм мутым шуко чот формышто каласыме годым *-es* мутмучаш ешаралтеш, мутлан: *box – box**es*** ‘коробка – коробка-влак’, *watch – watch**es*** ‘шагат – шагат-шамыч’, *glass – glass**es*** ‘стакан – стакан-шамыч’, *bus – bus**es*** ‘автобус – автобус-влак’, *potato – potato**es*** ‘паренге – паренге-влак’, *tomato – tomato**es*** ‘помидор – помидор-влак’, *hero – hero**es*** ‘герой – герой-влак’.

Лӱм мут согласный да *y* дене пыта гын, шуко чот формым ыштыме годым *y* буква *i*-ыш савырна да шуко чот формын *-es* мутмучашыже ешаралтеш: *city – cit**ies*** ‘ола – олала’, *study – studies* ‘шымлымаш – шымлымаш-влак’.

Шомак *-f* але *-fe* дене пыта гын, шуко чот формым ыштыме годым *-f* буква *-v*-шке савырна: *wolf – wol**ves*** ‘пире – пире-влак’, *knife – kni**ves*** ‘кӱзӧ – кӱзӧ-влак’.

Англичан йылмыште икмыняр лӱм мутын шуко чот формыжо вес йӧн-влак полшымо дене лиеш:

– мутвожысо гласный буква-влак вашталтме дене: *woman – women* ‘ӱдырамаш – ӱдырамаш-влак’; *man – men* ‘пӧръеҥ – пӧръеҥ-влак’; *tooth – teeth* ‘пӱй – пӱй-влак’, *foot – feet* ‘йол – йол-влак’; *goose – geese* ‘комбо – комбо-влак’;

– мутвожысо согласный ден гласный-влак вашталтме дене: *mouse – mice* ‘коля – коля-влак’; *louse – lice* ‘тий – тий-шамыч’;

– *-en* мутмучашым ушымо дене: *ox – oxen* ‘ӱшкыж – ӱшкыж-влак’;

– *-ren* мутмучашым ушымо дене: *child – children* ‘йоча – йоча-влак’.

Англичан йылмыште икмыняр лӱм мутын шкет чот ден шуко чот формышт икгай улыт: *moose – moose* ‘шордо – шордо-влак’; *sheep – sheep* ‘шорык – шорык-влак’; *series – series* ‘серий – серий-влак’.

Грек да латин йылме гыч кӱсынлымӧ шомак-влакын шуко чот формышт аралалт кодыныт: *phenomenon – phenomena* ‘кончыш – кончыш-влак’; *crisis – crises* ‘кризис – кризис-влак’; *basis – bases* ‘оснований – оснований-влак’.

Лӱм мутын чот мут пелен кучылтылтмыж годым марий да англичан йылмыште тыгай ойртемым ончыкташ лиеш: марий йылмыште лӱм мут чот мут пелен шога гын, лӱм мут шкет чот формышто кучылталтеш (*кок ӱдыр, кум пырыс, шым олма*); англичан йылмыште чот мут пелен шогышо лӱм мут шуко чот форман лиеш (two girl**s**, three cat**s**, seven apple**s**).

Иктешлен каласаш гын, марий да англичан йылмыштат лӱм мутын шкет да шуко чот формыжо-влакын посна ойыртемышт уло. Кок йылмыштат южо лӱм мут-влак шкет чот форман гына лийын кертыт. Марий йылмыште лӱм мутын шуко чот формыжо *-влак, -шамыч, -мыт, -ла* суффикс-влак ушалтме дене лиеш, англичан йылмыште *-s (-es, -ies)* мутмучашым ешарыме дене, да тыгак икмыняр посна ойыртемалтше формо-влак вашлиялтыт.

Литературт

1. *Илибаева М.К.* Кечан ӱмылыштӧ: роман. Йошкар-Ола: Мар. кн. савыктыш, 1994. 264 с.

УДК 811.511.111

Н.О. Имаева
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)
Науч. руководитель: Андрианова Е.М., канд. филол. наук, доц.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФИНСКИХ ФИТОНИМОВ

Статья посвящена исследованию семантики финских фитонимов. Освещается история их изучения, актуальность и новизна исследования семантики финской ботанической номенклатуры.

Ключевые слова: *финский язык, фитоним, семантика, номинация, компонент, компонентный анализ.*

Актуальность заявленной темы заключается в том, что в современном финно-угорском языкознании возрастает интерес к изучению финской лексикологии, в частности, компонентов фитонимической номенклатуры. Семантика финских фитонимов отражает специфику духовной и материальной жизни финского народа.

Из истории исследования финских фитонимов мы знаем, что первый перечень народных названий растений был опубликован в 1673 году Э. Тилландз. Но поистине значимая с научной точки зрения работа «Финские народные названия растений» принадлежит известному финскому собирателю фольклора Х.А. Рейнхольму. Фундаментальным собранием финских фитонимов до настоящего времени остается книга П. Сухонена «Финские названия растений» («Suomalaiset kasvinnimet»), вышедшая в 1936 году [2, с. 17–18].

Автором труда «Флора Финляндии» («Flora Fennica. Suomen kasvisto») по определению растений Финляндии является Э. Лённрот. В ходе своих

исследований Э. Лённрот столкнулся с рядом сложностей и, в первую очередь, с необходимостью создания названий для многих растений, которые ранее не выделялись народом и на тот период времени не имели финских наименований. Большинство из предложенных им обозначений закрепились в языке и являются основой финской научной ботанической терминологии [2, с. 18].

Нами был проанализирован финско-русский словарь И. Вахроса и А. Щербакова [1], в котором представлены свыше 250 000 финских слов и в котором нами были выделены слова, относящиеся к категории фитонимов.

В семантике фитонимов воплощены определённые характеристики, которые отражают в себе видение финнами окружающей природы в давние времена, духовный мир людей, их быт и культуру. Лексика фитонимов финского языка представляет собой интересный материал для изучения с точки зрения образования слова, причины его первоначального наименования и связи с другими словами.

В данной работе проводится сопоставительный анализ фрагментов семантического и ассоциативного полей лексем, образующих синонимическую сеть, с целью выявления существующих между ними интегральных и дифференциальных признаков. В исследовании финских фитонимов использован метод компонентного анализа, предполагающего разбивку и критериальную оценку семантической единицы – семы. Значение единицы языка может включать одну или несколько сем. Г. Хельбинг определяет сему как «элементарный компонент значения, реализуемый внутри лексемы или семемы» [3, с. 47].

Встречается номинация финских фитонимов с использованием следующих семантических компонентов: цвета, вкуса, наименования еды, времени (сезона), числительного, орнитонима, зоонима, дендронима, антропонима, частей тела, названий заболевания, твёрдого природного материала, указания местонахождения растения (его обильности произрастания в определённом месте). Данные семы подробно рассматриваются в следующей таблице:

Сема	**Фитоним**	**Перевод**
цвет		
musta (чёрный)	**musta**poppeli **musta**herukka	осокорь чёрная смородина
valko (белый)	**valko**lumme **valko**apila **valko**sipuli **valko**juuri	белая кувшинка белый клевер чеснок пырей ползучий
kelta (жёлтый)	**kelta**lumme **kelta**vuokko **kelta**kurjenmiekka **kulta**vihma	жёлтая кувшинка ветреница касатик аировидный ракитник
tuli (огненный)	ukon**tuli**kukka	коровяк скриповидный
kulta (золотой)	**kulta**vihma	ракитник
sini (синий)	**sini**kello **sini**marja	колокольчик синяк (растение)
puna (красный)	**puna**tatti **puna**juuri	подосиновик столовая свекла

vihreä (зелёный)	**viher**peippo	зеленушка
запах		
tuoksu (аромат, благоухание)	**tuoksu**matara	ясменник душистый
вкус		
katkera (горький)	**katkera**tatar	горец перечный
suola (соль)	niitty**suola**heinä **suola**heinä	щавель кислый щавель кислый
sokeri (сахар)	**sokeri**ruoko	сахарный тростник
сравнение с пищей		
kakkara (лепёшка)	päivän**kakkara**	ромашка
voi (масло)	**voi**kukka **voi**tatti	одуванчик маслёнок
mesi (мёд)	**mesi**sieni	опёнок луговой
rieska (пресный хлеб)	isokäen**rieska**	гусиный лук
herkku (лакомство)	**herkku**tatti **herkku**sieni	белый гриб шампиньон
сезон		
kevät (весна)	kevätesikko	первоцвет
talvi (зима) **kylm**ä (холод)	**talvi**sipuli **kylmän**kukka	лук-батун, многолетний лук прострел раскрытый, сон-трава
числительное (структура растения)		
kolme (три)	**kolmi**lehti **kolmi**apila	трилистник трилистник
антропоним		
yrjö (Георгий)	**yrjö**kukka	георгин
väinö (Вяйно)	**väinö**putki	болиголов, дягиль
pietar (Пётр)	**pietar**yrtti	пижма
maija (Майя)	sauna**maija**	звездчатка средняя, мокрица
орнитоним		
käki (кукушка)	**käen**kaali iso**käen**rieska	кислица гусиный лук
peippo (зяблик)	viher**peippo**	зеленушка
зооним		
koira (собака)	**koiran**ruusu	шиповник
kissa (кот)	**kissan**kello	колокольчик
hiiri (мышь)	**hiiren**virna	мышиный горошек
karhu (медведь)	**karhun**putki **karhun**laukka **karhun**vatukka	дягиль, дудник дикий лук, черемша ежевика
sika (свинья)	**sian**puolukka	толокнянка, медвежья ягода
poro (олень)	**poron**jäkälä	кладоний, олений мох
härkä (бык)	**härkä**papu	боб
kärppä (горностай)	kavala**kärpäs**sieni	бледная поганка
pukki (козёл) **vuohi** (козёл)	**pukin**parta **vuohen**putki	козлобородник сныть обыкновенная
lehmä (корова)	**lehmä**ntatti	подберёзовик
koi (моль, мотылёк)	**koi**ruoho **koi**maruna	полынь горькая полынь горькая
дендроним		
kuusi (ель)	**kuusi**mapensas lehti**kuusi**	белая жимолость лиственница

	jalo**kuusi**	пихта
koivu (берёза)	**koivu**rousku	груздь перечный
leppä (ольха)	**leppä**rousku	рыжик
paju (верба, ива)	härmä**paju**	краснотал
pihlaja (рябина)	ora**pihlaja**	боярышник
heisi (калина)	saksa**heisi**	бузина
части тела и его составляющие		
polvi (колено)	kurjen**polvi**	герань
käpälä (ноги, лапа)	kulta**käpälä**	бессмертник
korva (ухо)	**korva**sieni	строчок
sulka (перо)	**sulka**heinä	ковыль
villa (шерсть)	puu**villa** **villa**karvarousku	хлопок белянка
место распространения и обильности произрастания		
pelto (поле)	**pelto**korte **pelto**valvatti **pelto**hierakka **pelto**lemmikki **pelto**ohdake **pelto**luoho	полевой хвощ осот полевой конский щавель незабудка полевая осот, бодяк полевой метлица
keto (поле, поляна)	**keto**humala	тысячелистник
niitty (луг)	**niitty**suolaheinä	щавель кислый
aho (луг, поляна)	**aho**mansikka **aho**sieni **aho**jäkkärä	земляника лесная шампиньон сушеница
suo (болото)	**suo**korte **suo**pursut	хвощ болотный багульник
mäki (склон, холм, гора)	**mäki**tervakko **mäki**kuisma **mäki**meirami	смолка клейкая зверобой душица
piha (двор) **rata** (дорога)	**piha**tähtimö **piharata**mo	мокрица-звездчатка подорожник
tarha (огород)	**tarha**neilikka **tarha**orvokki	гвоздика анютины глазки
nurmi (луг)	**nurmi**tähkiö	тимофеевка
nummi (вересковая пустошь)	**nummi**tatti	козляк
pökkelö (пень)	**pökkelö**kääpä	берёзовый гриб, чага, трутовик
luhta (болото)	**luhta**heinä	осока
сравнение		
muna (яйцо) **koiso** (паслён)	**munakoiso** (яйцевидный паслён)	баклажан
miekka (меч, шпага, сабля)	keltakurjen**miekka** (саблевидный)	касатик аировидный
viulu (скрипка)	**viulu**	скрипица

Из проведённого семантического анализа финских фитонимов можно сделать вывод, что в большинстве случаев номинация растительности образована лексико-синтаксическим путём (способом сращения). В основу номинации большинства фитонимов легло сравнение части или целого растения с другим предметом; также способы номинации определены по критериям мотивемов цвета, вкуса, звука (например, *viulu;* образующийся лексический фон

при этом: разлом гриба напополам вызывает скрипящий звук*)*, географического распространения (места произрастания), периода цветения, внешнего вида, особенности строения, связи с именем собственным (антрпоним).

Таким образом, лексико-семантическое поле финских фитонимов – крупнейшее пространство лексической системы, характеризующееся наличием ядра и периферии, связью между элементами и их определенной упорядоченностью. В центре поля находятся наиболее частотные слова, а на периферии «обосновались» стилистически окрашенные, нечастотные единицы. С помощью метода компонентного анализа нами исследовано лексико-семантическое поле финских фитонимов ботанической терминологии, представляющее собой парадигматическую структуру.

Литература

1. *Вахрос И., Щербаков А*. Большой финско-русский словарь. М.: Изд-во «Живой язык», 2007. 816 с.

2. *Рубцова О.Г.* Названия лекарственных растений в разноструктурных языках (на материала русского, марийского, немецкого и латинского языков): дис. … канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 2015. 218 с.

3. *Шафиков С.Г.* Семантические универсалии в лексике. Уфа, 1996. 196 с.

УДК 81’27

Е.А. Кондрашкина
Институт языкознания РАН (Москва)

ОСОБЕННОСТИ ДВУЯЗЫЧИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН

Статья посвящена рассмотрению ситуации с использованием двух и более языков населением Республики Башкортостан. Особенностью этой ситуации является тот факт, что в качестве основного языка, которым пользуются собеседники, часто выступает не башкирский язык, как государственный язык республики, а татарский. Исследуются и объясняются причины такого явления.

Ключевые слова: *башкирский язык, татарский язык, русский язык, система образования, СМИ.*

В Республике Башкортостан национальный состав населения отличается чрезвычайным этническим разнообразием. В Российской Федерации это одна из самых многонациональных республик, в которой, по данным переписи 2010 г., проживают представители свыше 120 различных национальностей [2, с. 84–86]. Они представлены славянскими, тюркскими, финно-угорскими, индоевропейскими и другими этническими группами.

Население Башкортостана в период переписи 2010 г. составляло немногим более 4 млн. чел. Самыми многочисленными были представители трех национальностей: русские – 35,2 % от всего населения, башкиры – 28,8 % и татары – 24, 8% [2, с. 84–86]. Соответственно три языка – русский, башкирский и татарский – функционируют почти в равной степени в республике. Общее количество языков и диалектов, по подсчетам как местных, так и других ученых, колеблется от 100 до 150 [1, с. 179].

Основные группы языков – это тюркские: башкирский, татарский, чувашский; славянские: русский, украинский, белорусский; финно-угорские: марийский, мордовский, удмуртский. Кроме этих языков функционируют также немецкий, латышский, армянский, азербайджанский, казахский, узбекский и др. В Башкортостане проживает небольшая, чуть более тысячи чел. группа вьетнамцев [1, с. 179]. Официальными документами, регламентирующими использование и функционирование языков в республике, являются Конституция и Закон «О языках народов Республики Башкортостан», принятый в 1999 г., которыми устанавливаются государственные языки – башкирский и русский. Как отмечает Н.Г. Искужина, еще в 1917 г. первая автономная Башкирская Советская Социалистическая Республика в составе РСФСР объявила на территории БАССР государственными языками башкирский и русский языки [1, с. 178].

Расселение представителей различных этносов на территории Башкортостана разнообразно: есть крупные поселения мордвы, удмуртов, латышей, немцев, украинцев, есть чересполосное расселение, есть компактное и дисперсное. Как отмечает А.Д. Коростелев, «такая картина расселения сформировалась исторически в результате различных процессов миграции представителей многих народов на территорию края в течение последних четырех столетий, урбанизационных процессов XX века, а также процессов ассимиляции и межэтнического взаимодействия, в результате которых часть населения изменила свою этническую принадлежность» [4, с. 8].

Башкиры и татары составляют основную массу тюркоязычного населения республики, при этом количество татар сопоставимо с количеством башкир: татар меньше всего на 4 %, т.е. на 162 992 чел. Их переселение на территорию Башкирии началось во второй половине XVI века. Сами татары объясняли свою миграцию отсутствием земель на родине, необходимых условий для хорошей жизни, а позже – спасением от насильственной христианизации, поскольку башкир не крестили, как соседних с татарами финно-угров. К тому же добровольное вхождение башкирских земель в подданство русского царя обеспечило им получение охранных грамот, которые гарантировали относительную автономию их внутренней жизни. Все это привлекало не только татар, но и представителей других этносов и способствовало их миграции на башкирские земли. Переселяясь в Приуралье, татары на первых порах обособлялись от башкир и даже конфликтовали с ними, но в последующие годы общность языков и культур привела к тому, что образовался своеобразный этнокультурный синтез [6, с. 182].

Обычно считается, что проживание в сельской местности способствует сохранению и использованию языка, так как в городах, населенных членами различных этнических групп, языком межнационального общения становится русский язык. В Башкортостане во многих городах доминирует русское и русскоязычное население, но на западе страны в городах Агидель и Дюртюли преобладает татарский язык, а на юго-западе в городах Баймак и Учалы – татарский [5, с. 683].

Большинство жителей Башкортостана владеют двумя или тремя языками. Так, 67,4 % башкир владеют родным языком, 27 % – татарским языком, по

0,11 % – марийским и чувашским, чуть меньшее количество – удмуртским. 66,7 % татар владеют татарским, 11,2% – башкирским, 0,18 % – чувашским, 0,13 % – марийским и 0,05 % – удмуртским языками [2, с. 84–86]. Интересно отметить, что среди марийцев, мордвы, чувашей, удмуртов и других народностей, проживающих в Башкортостане, владеющих татарским языком больше, чем владеющих башкирским – государственным языком республики. Например, среди марийцев башкирским языком владеет 2,5 % марийского населения республики, татарским – 19,9 %, среди удмуртов – 4,5 % башкирским, 35,7 % – татарским, среди чувашей – 5,3% башкирским, 13,6 % – татарским [2, с. 190–191]. Также среди представителей других национальностей большее количество респондентов называют родным языком татарский, чем башкирский. Например: марийцы – татарский 0,44 %, башкирский – 0,05 %; удмурты – 1,7 % татарский, 0,12 % башкирский. Среди башкирского населения 16,8% башкир называют родным языком татарский, а татары только 0,7 % признают родным башкирский язык [2, с. 268–269].

Общая демографическая мощность башкирского языка – 22,9 %, татарского – 26 %, русского языка – 96,4 % [3, с. 689–690].

Характеризуя функционирование башкирского и татарского языков в Башкортостане, необходимо учитывать их положение в системе школьного образования. Для сравнения: в 2014/2015 уч. г. в городах и поселках городского типа башкирский язык был языком обучения в 35 школах (9 048 уч.), как предмет его изучали в 269 школах (28 897 уч.); татарский язык был языком обучения в 3-х школах (614 уч.), как предмет изучался в 179 школах (17 591 уч.). В сельской местности на башкирском языке велось обучение в 502 школах (28 297 уч.), как предмет язык изучался в 572 школах (32 373 уч.). Татарский язык был языком обучения в 90 школах (3 105 уч.), предметом изучения был в 482 школах (27 481 уч.). Укажем также, что русский язык изучается во всех классах школы. Кроме того, имеются школы для марийских, чувашских и удмуртских детей. Как предмет изучаются мордовские языки (эрзянский и мокшанский), немецкий, украинский, белорусский, латышский.

Что касается средств массовой информации, то в Башкортостане выходят 24 газеты на башкирском языке, включая республиканские, городские и районные, 31 газета на татарском языке и 58 газет на русском языке. Есть также газеты на марийском, чувашском, удмуртском языках. 108 каналов телевидения ведут трансляции на русском, башкирском, татарском, чувашском, марийском, удмуртском, английском и немецком языках. На радио соотношение языков следующее: 42 % радиопередач транслируется на русском языке, 34 % – на башкирском, 20 % – на татарском, 4 % – на чувашском, марийском и удмуртском языках [1, с. 82–183].

Названные выше обстоятельства являются причиной развитого билингвизма в республике, поскольку социальное окружение, доступность средств массовой информации и ряд других факторов позволяют, начиная с раннего школьного возраста, овладевать другими, кроме родного, языками.

В Башкортостане двуязычие отличается гетерогенностью. Наряду с национально-русским билингвизмом, как в большинстве других национальных регионах РФ, здесь нередки случаи национально-национального

близкородственного двуязычия (башкирско-татарского и татарско-башкирского) или даже трехъязычия (башкирско-татарско-русского). Тот факт, что татарский язык занимает достаточно прочные позиции в Башкортостане, можно объяснить рядом причин: схожесть языков, несмотря на то, что в башкирском языке есть дополнительные специфические буквы, но, как говорят, татарин может легко понять башкира; татарское население более активно в разных сферах деятельности, как вторая по численности после русских национальность; общая религиозная приверженность и общность культурных традиций (праздник «Сабантуй» является одинаково большим праздником как для башкир, так и для татар) и рядом других факторов.

В целом, отметим, что в многонациональном Башкортостане с его сложным этническим составом созданы условия для сохранения и развития языков наиболее многочисленных и компактно проживающих их носителей.

Литература

1. *Искужина Н.Г.* Языковая ситуация в Республике Башкортостан на современном этапе // Многоязычие в Волго-Уральском регионе. Т. 1: Актуальная языковая политика и языковая ситуация / ред. *Д. Мюллер, М. Вингендер*. Франкфурт на Майне, 2017. С. 177–185.

2. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г.: в 11 т. Т. 4. Кн. 1. М.: Статистика России, 2012. 2101 с.

3. *Кожемякина В.А.* Языковая ситуация в Республике Башкортостан // Язык и общество: энциклопедия. М.: Азбуковник, 2016. С. 686–694.

4. *Коростелев А.Д.* Компьютерный «Этностатистический атлас Башкортостана» // Этностатистическая траектория Южного Урала. Динамика расселения народов Башкирии. М.: Изд-во РУДН, 2006. С. 8–27.

5. *Сафин Ф.Г., Сабирова Е.Н.* Языки национальных меньшинств в Башкортостане и факторы их сохранения // Языковое единство и языковое разнообразие в полиэтническом государстве. Межд. конференция. М.: Ин-т языкознания РАН, 2018. С. 682–687.

6. *Хайретдинов Д.З.* «Великий исход»: процессы массового переселения нижегородских татар-мишарей в XVII – XVIII вв. // Теория и практика общественного развития. № 20. 2015. С. 180–182.

УДК 811.511.1

К.Г. Костина
Удмуртский государственный университет (г. Ижевск)
Науч. руководитель: Кондратьева Н.В., д-р филол. наук, проф.

О СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ КАУЗАТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена изучению семантической структуры каузативных глаголов в системе современного удмуртского языка. Автором выделяются глаголы воздействия и созидания, каузативные конструкции с учетом одушевленности и неодушевленности участников ситуации.

Ключевые слова: *каузативность, глагол, каузативная ситуация, удмуртский язык.*

Категория каузативности, одна из ключевых направлений исследования в лингвистике, функционирует во многих языках мира. Связана она с понятием каузативности и выражает причинно-следственные отношения. А.А. Потебня дает следующее объяснение причинно-следственным отношениям: «Понятие действия, как и понятие субъекта и объекта, неразрывно связано с понятием причины… есть причиняющее, причинение (совершение действия), причиненное (совершенное, сделанное): отражение действия на предмете имеет причиною действие субъекта. Причинность слагается из действия субъекта и одновременности или последовательности этого действия с состоянием объекта» [5, с. 9]. Иными словами, в конструкциях, где прослеживается семантика каузативности и причинности, выявляются два актанта, субъект-каузатор и объект каузации. Субъект-каузатор (или Каузатив) является источником воздействия или инициатором действия, и, являясь чаще всего в предложении подлежащим, составляет грамматическую основу предложения. Объект каузации – лицо, выступающее в роли носителя состояния, объект воздействия субъекта. Основой для выделения каузативных отношений служит ядро семантической структуры – каузативный глагол. Ведущим значением каузативных глаголов является сема воздействия, присущая только каузативным глаголам как функционально-семантическому разряду глаголов [2, с. 76], например: *виыны* ‘воздействовать таким образом, чтобы кто-либо умер’, *тӥяны* ‘воздействовать таким образом, чтобы что-либо сломалось’: <…> *гуртамы одӥг кышномуртэз* ***виллям*** ‘<…> в деревне (нашей) одну женщину убили’ [3, с. 339].

Значение влияния в семантике глагола является признаком каузативного глагола. Сравним, для примера, значения глаголов *тӥяны* ‘сломать’ и *пуктыны* ‘поставить, построить’. Глагол *тӥяны* имеет семантическое значение физического воздействия на объект – оказать такое воздействие, чтобы что-либо сломалось (*писпу тӥяны* ‘сломать дерево’, *пыд тӥяны* ‘сломать ногу’), поэтому может считаться каузативным глаголом. Глагол *пуктыны* в значении *корка пуктыны* ‘построить дом’ означает не воздействие на объект, а его созидание. Значение созидания не входит в каузативную семантику, следовательно, глагол *пуктыны* в значении ‘построить дом’ не может быть каузативным. Каузативным является глагол *пуктыны* ‘поставить’ с семантическим значением перемещения объекта: *Зуркак йырзэ жутӥз, ведразэ пыд дораз* ***пуктӥз*** ‘Резко [Зина] подняла голову, ведро поставила к ногам’ [4, с. 98].

Во многих языках агглютинативного типа встречаются так называемые открытые, каузативные глаголы, образованные аффиксальным способом. В удмуртском языке к таким глаголам относятся глаголы понудительного залога, образованные от переходных и непереходных глаголов при помощи суффикса *-т(ы)-*: *Макар уж дурысь бертэм бере, Зоя сое колодча борды жильыен замок поны****т****ӥз* ‘Когда Макар вернулся с работы, Зоя заставила его запереть колодец на замок’ [3, с. 26]. Переходные глаголы являются носителями конкретных значений и могут обозначать: действия, в результате которых что-нибудь уничтожается (глаголы *сутыны* ‘сжечь’, *сиыны* ‘съесть’ и др.): – *Учкы али, вить табань* ***сии****, Аликсан!* ‘Посмотри-ка, пять блинов съел, Александр!’ [3, с. 104];

действия, производящие те или иные изменения в предметах (глаголы *вожманы* ‘красить в зеленый цвет’, *паланы* ‘чистить’, *позыртыны* ‘скрутить’, *бабыльтыны* ‘завить’, *бирдыяны* ‘застегнуть’ и др.): – *Собере, пукон вылысь султыса, куалекъясь киосыныз пальтозэ* ***бирдыяз*** ‘Потом [Варвара Сидоровна], встав со стула, трясущимися руками застегнула пальто’ [1, с. 140]; действия, изменяющие пространственное положение предмета (глаголы *жутыны* ‘поднять’, *пуктыны* ‘посадить’, *ошыны* ‘повесить’ и др.): *Доразы вуэмзы бере, кӧкы* ***ошиз*** ‘Когда пришли домой, [Макар] повесил колыбель [3, с. 9].

С учетом одушевленности и неодушевленности участников каузативной ситуации в удмуртском языке выделяются следующие типы конструкций:

1) воздействие одушевленного лица (человека, животного) на одушевленное лицо (человека, животное): *Кирла кучапиез, пал пыдыныз ӵыжыса, омыре жутӥз, соиз мяк! гинэ шуиз но, выж вылэ небыт ӟустыри кадь усиз* ‘Кирла пинком одной ноги взметнул на воздух, а тот со звуком мяк! упал на пол словно мягкая тряпка’ [4, с. 22];

2) воздействие одушевленного лица (человека, животного) на неодушевленное лицо (предмет, явление, событие): *Магазинысь ваем конфетсэ Кирла жӧк вылэ кисьтӥз* ‘Кирла высыпал на стол купленные в магазине конфеты’ [4, с. 21];

3) воздействие неодушевленного лица (предмета, явления, события) на одушевленное лицо (человека, животное): *Гурезь ултӥ васькыкуз, оломар сямен тодаз лыктӥз пересь Олексейлэн кылыз* ‘Когда спускался с горы, ни с того, ни с чего вспомнились слова пожилого Олексея’ [4, с. 18];

4) воздействие неодушевленного лица (предмета, явления, события) на неодушевленное лицо (предмет, явление, событие): *Уката ик Кирлалэсь йырзэ кур каризы парторглэн Муканов Сергейлэн кылъёсыз* ‘Еще сильнее расстроили Кирлу (букв. голову Кирлы) слова парторга Муканова Сергея’ [4, с. 7].

Таким образом, категория каузативности в удмуртском языке может быть представлена каузативными глаголами, которые имеют сложную семантическую структуру. Одним из важных условий выделения каузативных глаголов в самостоятельный функционально-семантический разряд глаголов является семантический признак воздействия на объект с тем, чтобы изменить его состояние или побудить к совершению действия.

Литература

1. *Валишин Р.Г.* Инвожо уйшоре но пиштэ. Ижевск: Удмуртия, 1974. 152 с.

2. *Дадуева Е.А.* Общая характеристика каузативных глаголов // Вестник СибГУТИ. 2011. № 2. С. 76–81.

3. *Красильников Г.Д.* Вуж юрт: дилогия. Ижевск: Удмуртия, 1976. 408 с.

4. *Красильников Г.Д.* Кошкисез мед кошкоз: веросъёс. Ижевск: Удмуртия, 1971. 174 с.

5. *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике: в 4 т. Т. 3: Об изменении значения и заменах существительного. М.: Просвещение, 1968. 551 с.

УДК 821’124; 82’13; 811’124

А.В. Котова
Санкт-Петербургский государственный университет ветеринарной медицины (г. Санкт-Петербург)

СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ОБРАЗОВ СРАВНЕНИЙ В «АХИЛЛЕИДЕ» СТАЦИЯ

В статье приводится классификация сравнений в «Ахиллеиде» Стация на основании семантики используемых в них образов и делается вывод о том, что в целом Стаций следует эпической традиции, а формированию его индивидуального стиля способствует выраженная в частностях вариативность, направленная на достижение художественных целей поэта.

Ключевые слова: *эпос, античная литература, римская литература, Стаций, «Ахиллеида», сравнения, образ сравнения.*

Римские эпические поэмы имеют между собой множество общих черт, что связано как с законами жанра, так и с тем, что литературная традиция формировалась на основе сознательной ориентации авторов на произведения предшественников. Вместе с тем каждый автор, опираясь на традицию, привносил собственные принципы формирования тех или иных художественных приемов исходя из контекста своих поэм [1, с. 254].

Характерной чертой художественной системы античного эпоса, наряду с постоянными эпитетами, повторениями и формулами, являются сравнения, которые, как известно, содержат в себе три элемента: объект сравнения (то, что сравнивается), образ сравнения (то, с чем производится сравнение) и tertium comparationis (основание сравнения). Необходимо отметить, что сравнение – прием не статичный, и в авторском эпосе можно наблюдать различные способы его развития: приумножение tertia comparationis, создание в одном сравнении отсылок к нескольким литературным источникам, разнообразие в способах построения сравнений, вариативность в семантике образов и т.д. Все это формирует стилистическую составляющую текста.

Настоящая статья посвящена вопросу семантической классификации образов сравнений в «Ахиллеиде» Стация (I в. н. э.) в сопоставлении с «Энеидой» Вергилия (I в. до н. э.) и «Аргонавтикой» Валерия Флакка (I в. н. э.).

Примечательно, что все три поэмы считаются незавершенными. Известно, что Вергилий работал над «Энеидой» одиннадцать лет, вплоть до своей смерти, и считал, что для окончания работы ему нужно еще три года [4, с. 23]. От Валерия Флакка до нас дошла поэма «Аргонавтика», обрывающаяся на половине восьмой книги. Оставил ли Флакк свою поэму незаконченной, или она частично утрачена, неизвестно [2]. «Ахиллеида» является незавершенной из-за смерти автора, сейчас мы располагаем первой книгой и началом второй, в которых повествуется о юности Ахилла.

На рисунке 1 представлено распределение образов сравнений поэм Стация, Вергилия и Валерия Флакка по семантическим группам «Природа», «Человек», «Мифология».

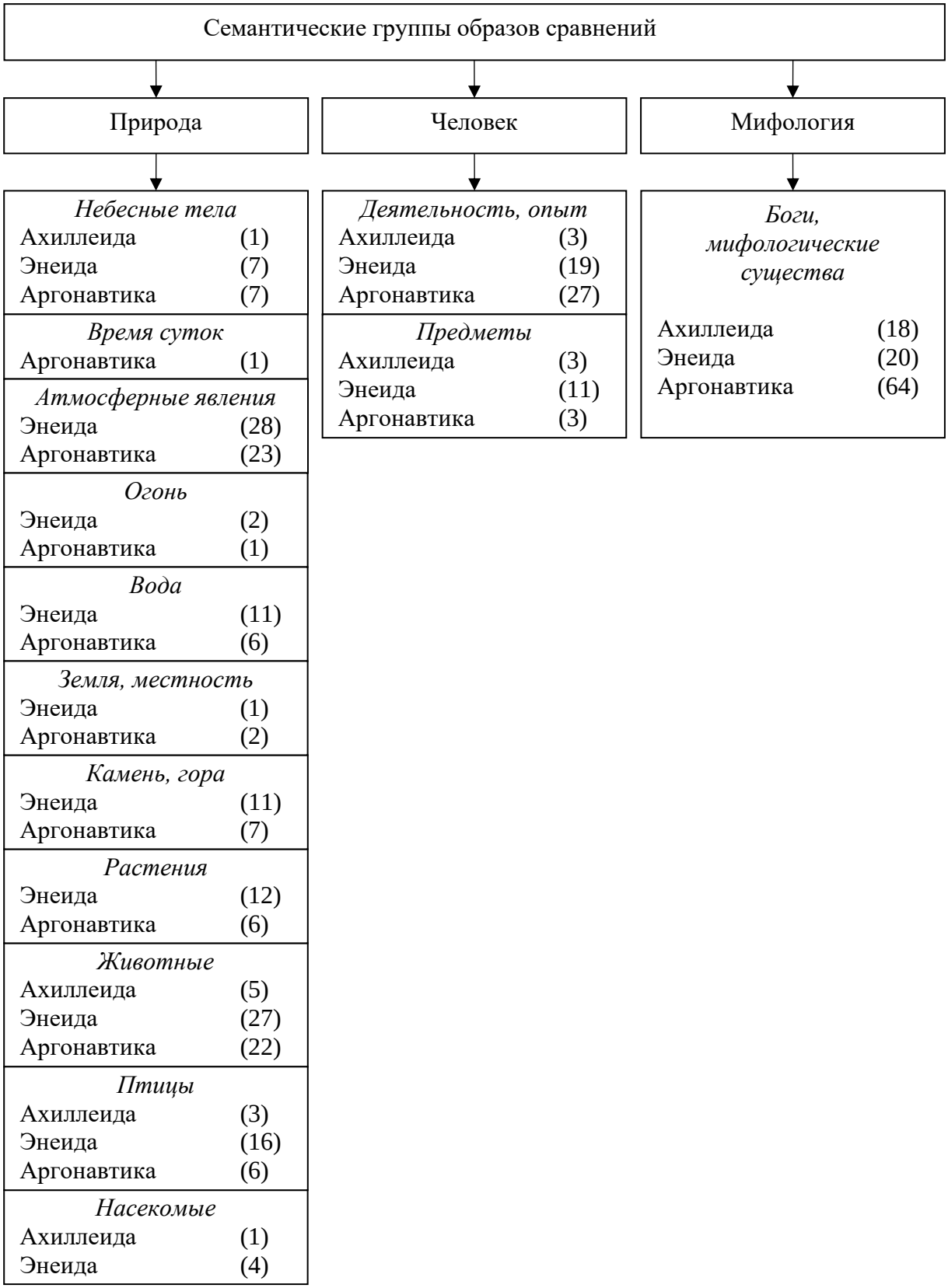


Рис 1. Семантическая классификация образов сравнений
в «Ахиллеиде» Стация, «Энеиде» Вергилия и «Аргонавтике» Валерия Флакка

В «Энеиде» большинство сравнений относятся к группе «Природа». Среди них преобладают сравнения, в которых образы взяты из области атмосферных явлений (радуга, снег), в том числе неблагоприятных (ливень, град, смерч). Часто такие сравнения служат для иллюстрации движения и звуков вступивших в бой противников. В поэме Вергилия также много сравнений с животными (больше всего со львами, волками, быком) и птицами. Есть сравнения с растениями: деревья, как правило, передают размер или стойкость, листья и посевы – многочисленность. На втором месте по частоте встречаемости – сравнения, имеющие бытовой характер и связанные с деятельностью человека (охотник, пастух, пахарь, земледелец, путники, пережидающие в укрытии град; женщины, которые встают рано, чтобы заняться делами; умоляющий человек), а также сравнения с предметами, созданными руками человека (волчок, изделие из слоновой кости или Паросского мрамора, или другого камня, колесницы, стрела, щит). Несколько меньше сравнений, образ которых взят из мифологии: в «Энеиде» встречаются сопоставления с богами (Диана, Аполлон, Кибела) и другими мифологическими существами (Орион, Кентавры).

Что касается «Аргонавтики», в ней самая многочисленная группа, где образом сравнения также выступают элементы, связанные с природой. Далее по количеству идут сравнения, основанные на мифологии. Наименьшее количество сравнений имеют в качестве образа понятие, соотносимое с человеком [3, с. 385].

Отметим, что образы, используемые Стацием, укладываются в меньшее, по сравнению с «Энеидой» и «Аргонавтикой», количество подгрупп: в «Ахиллеиде» отсутствуют сравнения с растениями, горами, камнями, водой, огнем, атмосферными явлениями вроде ветра, града, дождя и др. В зоосравнениях отсутствуют образы нападающих львов, волков, хищных птиц, характерных при описаниях героев и битв. Это можно объяснить тем, что поэма, в связи с незавершенностью, не содержит батальных сцен, в которых традиционно используются перечисленные образы. Кроме этого, у Стация наблюдается иное распределение сравнений по группам: в отличие от предшественников, у него наибольшее количество сравнений имеют мифологическую тематику, на втором месте – «природные» сравнения. Наиболее редкие – сравнения, где образом сравнения является человек, это сближает Стация с Валерием Флакком.

Итак, в целом, Стаций использует традиционные образы и тем самым следует эпической традиции, а формированию его индивидуального стиля способствует выраженная в частностях вариативность, направленная на достижение художественных целей поэта.

Литература

1. *Гордезиани Р.В.* Проблемы гомеровского эпоса. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1978. 395 с.

2. История римской литературы / под ред. *С.И. Соболевского* и др. Т. 1. М.: Акад. наук СССР, 1959. 534 с. // URL: http://simposium.ru/ru/node/11725 (дата обращения: 25.08.2020).

3. *Котова А.В.* Семантика образов сравнения в «Аргонавтике» Валерия Флакка // Филологические и социокультурные вопросы науки и образования: сб. материалов

IV Межд. науч.-практ. очно-заочной конф. Краснодар: Кубан. гос. технол. ун-т, 2019. С. 382–387.

4. *Полонская К.П.* Римские поэты эпохи принципата Августа. М.: МГУ, 1963. 106 с.

УДК 811.511.151

Е.Г. Ласточкина
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

МАРИЙ ЙЫЛМЫШТЕ СИНАКСИЧЕСКИЙ ДА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПАРОНИМ НЕРГЕН УМЫЛЫМАШ

Статья посвящена лексическим особенностям синтаксических и фразеологических паронимов в марийском языке.

Ключевые слова: *марийский язык, паронимы, лексические паронимы, фразеологические паронимы, синтаксические паронимы, синонимы, омонимы.*

Пароним терминым тӱрлӧ семын умылтарат. Тиде пашаште тыгай умылымашлан энгертена: «Паронимы – это разные по значению слова, близкие по произношению, лексико-грамматической принадлежности и по родству корней, сходность в звучании которых приводит их к смешению в речи» [1, с. 14], мутлан: *абонемент* / *абонент; вӱраҥлаш* / *вӱраҥдаш; памаш* / *пашма*.

Марий йылмыште лексический пароним деч посна тыгак фразеологический ден синтаксический пароним-влакым палемдаш лиеш, мутлан: *вишкыде вуйдорык* / *вуйдорык вишкыдемын*; *вуеш шуаш* / *вуеш шушо*; *вуй кошарга* / *вуйым кошарташ*.

О.В. Вишнякова синтаксический паронимлан тыгай определенийым пуа: «это семантически самостоятельные созвучные словосочетания, имеющие в своем составе однокорневые слова, различающиеся порядком слов и функциями в предложении, и тем самым образующие паронимические пары [1, с. 128]. Тыгай паронимын тӱҥ признакше – предложенийыште икгайрак мут радам. Предложенийыште шомак-влакым алмашташ гын, синтаксический значений гына огыл, тыгак семантическийжат ваштaлтеш. Синтаксический паронимыште, лексический пароним семынак, мут-влакым икте-весе дене ваштaлташ огеш лий.

Синтаксический еденице-влак коклаште паронимий муткылдыш-влакым палемдаш лиеш, мутлан: *физике закон* / *физикысе закон*; *практике паша* / *паша практик*; *теҥызысе кол*/ *кол теҥызыште*. Нине муткылдыш-влак посна значениян улыт, сандене нуным предложнийыште икте-весе дене алмашташ огеш лий, мутлан: *Тудын* ***артист*** *талантше дене кажне кугешна* / *Тиде* ***артистын*** *талантшым шуко еҥ пала. Артист* ден *артистын* шомак-влак тӱрлӧ признакым ончыктат. Икымше значенийыштыже талантым ончыкта гын, весыштыже артист радамыш пурымыжым.

Фразеологический пароним-влак, лексический семынак, кок компонент гыч шогат; мут-влак, пералтыш икгайрак улыт, но кажныже посна значениян [2, с. 53]. Марий йылмыште фразеологический пароним-влакын синонимышт палемдаш лиеш. Мутлан: *вуеш шуаш* (капеш шуаш, ушым шындаш, йол ӱмбак

шогалаш, вуй-почым погаш) / *вуеш шушо* (капеш шушо, ушым шындыше); *умшашке вӱдым подылаш* (йолым пидаш, умшам петыраш) / *умшашке вӱдым подылшыла* (йылме йомын, йылмым кучаш, йылмым нелаш, йылмым пурлаш).

Фразеологический пароним радамыште, лексический семынак, омоним лийын кертеш, мутлан: *мутым пуаш* I. Уверять кого-л., в чем-л. II. Разрешить выступить где-л. с сообщением. Але вес пример: *унчыли вуя шогалташ* I. Приводить в полный беспорядок что-л. II. Коренным образом изменить что-л.

Фразеологический паронимым мутланыме годым икте-весе дене вашталташ огеш лий: *йылме лывырге* / *йылме лывырген*; *шырпын шалаташ* / *шырпын шалана*.

Марий йылмыште тыгай фразеологий пароним-влакым палемдаш лиеш:

– глагол формо дене ойыртемалтше: *ломыжыш савыраш* / *ломыжыш савырнаш*; *шыгырыш пураш* / *шыгырыш пурташ*;

– лӱм мутын грамматике формышт дене тӱрлӧ: *лӱмжӧ веле* / *лӱмлан веле*; *лӱмнер шӱктаралтеш* / *лӱмнерым шӱкташ*; *уш пудырана* / *ушым пудырaташ*;

– лексике еденицын чотшо дене ойыртемалтше: *йылмым пурлаш* / *йылмым тореш пурлаш*; *кишке гай* / *кишке гай лияш*; *оҥ ден оҥ ваш шогаш* / *оҥ дене шогаш*;

– «лӱм мут + глагол» да «лӱм мут + причастий» модель дене ышталтше: *вуеш шуаш* / *вуеш шушо*; *омсам почаш* / *омсам почмо*;

– кок компонентше денат ойыртемалтше: *лӱмнер шӱктаралтеш*/ *лӱмнерым шӱкташ*; *чоным нӧлташ* / *чон нӧлтын*;

– кокымшо ужашыже таҥастарымаш дене ышталтын: *китай пырдыж* / *китай пырдыжла*; *лӱдшӧ мераҥ* / *лӱдшӧ мераҥ гай*; *мураш пурышо агытан* / *мураш пурышо агытан гай*; *чыве лӱдыктыш* / *чыве лӱдыктыш гай*.

Тыгак шагалрак вашлиялтше тӱшка-влакымат палемдаш лиеш: *ик тувыр дене шоген кодаш* / *ик тувыр дене шогалтен кодаш*; *ик вуй* / *ик вуя*; *ни шогалаш, ни ши*нчаш / *ни шогаш, ни шинчаш*; *шем кече* / *шем кечылан*; *шым кӧгӧн дене суралаш* / *шым кӧгӧн дене суралымаште*.

Иктешлен каласаш гын, марий йылмыште пароним-влак лексике, синаксис да фразеологий ужашлаште вашлиялтыт. Тыге марий йылмыште лексический, синтаксический да фразеологический пароним-влакым ойыраш лиеш. Нине пароним-влак группо икте-весе дене огыт вашталт, молан манаш гын кажне компонентше шке значениян самостоятельный еденице.

Литературт

1. *Вишнякова О.В.* Словарь паронимов русского языка. М.: Рус. яз, 1984. 352 с.

2. *Ишкильдина З.К.* Лексико-семантическая категория паронимии в разноструктурных языках. Уфа, 2003. 220 с.

УДК 811.511.151

О.Н. Манасова
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)
Науч. руководитель: Андрианова Е.М., канд. филол. наук, доц.

ОЛЫКМАРИЙ НАРЕЧИЙЫСЕ ИСМЕНЦА КУТЫРТЫШЫН СОНӒЙӰК ОЙЫРТЕМЖЕ-ВЛАК

Статья посвящена изучению и исследованию фонетических особенностей исменецкого говора лугового наречия марийского языка.

Ключевые слова*: *марийский язык, фонетика, луговое наречие, диалект, подговор, согласные звуки, артикуляция, фонетическое явление.

Йылме – кеч-могай калыкынат эн шерге поянлыкше. Курымла дене кушкын толмо корныштыжо тудо илышыште вашлиялтше тӱрлӧ кончыш-влакым шке кӧргышкыжӧ шындарен. Тидыже утларакше мутвундо поянлыкыштыже раш коеш. Мут радамым пойдараш манын, йылме шуко йӧным кучылтеш: шке кӧргыштыжӧ улшо материал дене пайдалана, тыгак вес йылмыла гыч кӱсынла. Марий калык ожнысек тюрк да руш калык дене кылым кучен шоген да кызытат тиде кылым огеш йомдаре, мӧнгешла, эше чотрак гына виянӊден шога. Тиде ожнысек кыл лийме нерген посна диалектлаште кӱсынлымӧ шомак гыч пален налын кертына. Молан манаш гын тӱрлӧ кундемлаште тӱрлӧ калык дене кылым кученыт.

Исменца ял Звенигово районын сылне кундемыштыже верлана. Тоштой (преданий) почеш Эсмекпляк (Исменца) яллан тӱӊалтышым Эсмек(н) ыштен. Тудо Мӱшыл ер воктене верланен да тыштак илаш кодын. Тышечынак ялын лӱмжӧ лектын. Ялын шочмыжлан 18-ше курымым шотлаш лиеш. Исменец-Беляк нерген икымше палемдымаш 1719-ше ийыште лийын. Жап эртыме семын ял шарлен, тӱзланен. Кызыт Исменца ял кундемыш чылаже 8 ял пура. Тиде: Олык-Тӱр, Кукшеӊер, Одар, Стапан, Исменца, Аркамбал, Икымше ден Кокымшо Шӱргысола. Исменца ял кундемын кумдыкшо – 154,26 кв.км., 2000 утла еӊ ила.

Исменца селан шола могыржо гыч чуваш-влак пошкудо лийыт, а пурла гыч – татар-влак. Тыге тиде диалектыште чуваш, татар мут-влакым верешташ лиеш, мутат уке, руш мут-влак пурен шогат. Нуно кутырымо ойыртемым литератур марий йылме деч ойыртемалтшым ыштат.

Юлдӱр кутыртышын фонетике системыжым йылмызе Г.И. Лаврентьев шке шанче пашалаштыже келгын лончылен. Тудо ончыктымо кутыртышышто сонӊйӰк-влакын ассимиляцийышт [2], йонӊйӰк-влакын гармонийышт [3] нерген йодышлам почын пуэн, тыгак мемнан шымлыме ялкутыртышышто вашлиялтше ик фонетике кончыш шумлык мутым нӧлталын.

Литератур йылме дене танӊастарымаште исменца диалектыште фонетике могырым ойыртем кугун огеш палдырне. Но икмыняр кончыш-влакым вашлияш лиеш.

Ялкутыртышын сонӊйӰк системыже исторически шуаралтын. Тудын виянӊме корныштыжо ойыртем-влак сайын палдырнат. Мутлан, поснак ик фонеме олмеш вес фонемын кучылталтме ойыртемже нерген ойлаш кӱлеш. Сандене марий диалект-влак системыште тудо посна верым налеш.

Исменца диалектыште 27 согласный фонеме уло: б, в, г, д, ж, з, з’, й, к, л, л’, м, н, н’, ӈ, п, р, р’, с, с’, т, т’, ф, х, ц, ч, ш. Марий литератур йылмыште Иванов И.Г. 23 согласный фонемым ончыкта [1, с. 78]. Литератур йылме дене танастарымаште т’, р’, с’, з’ сонйӱк-влакым ойырен ончыктыман.

Шуко сонйӱк марий литератур йылмысе сонйӱк-влак деч огыт ойыртемалт. Сандене ме нуным ончаш огына тӱнал. Икмыняр пушкыдо сонйӱкшым гына ончалына.

Эн ончыч палемдаш кӱлеш: исменца кутыртышышто т’, р’, с’, з’ палатализованный сонйӱк-влак улыт. Диалектыште нуно кумдан огыт кучылталт.

Нунын кучылталтме ойыртемышт:

1. Мут тӱналтыште: *с’эӈаш, с’эр, с’ӱан*.
2. Мут покшелне йонйӱк ончылно: *уз’о, воз’аш, ор’эн* (лит. ойырен)
3. Вес сонйӱк дене пырля: *мас’ка, вит’шӱдӧ.*

Пушкыдо согласный-влак.

Исменца кутыртышышто йӱк составыште тыгай пушкыдо согласный фонеме-влакым палемден кодыман: д’, л’, н’, т’.

[д’] – шургыж, йоӈ, пушкыдо, йылмымучаш, тӱкнен-пудешталтше. Тудо вашлиялтеш:

1. Мут тӱналтыште литератур йылмысе **й** йӱкым алмашта, мутлан: *йошкарге – д’ошкаргэ, йӱштӧ – д’ӱштӧ*.

2. Мут покшелне [д’] моткоч шагал кучылталтеш, мутлан: *пӧрд’шэ*.

3. Мут мучаште [д’] огеш вашлиялт.

[л’] – йоӈ, йоӈгалтше (сонорный), йылмывокшел, тӱкнен-эртыше, пушкыдо. Кучылталтеш:

1. Мут покшелне: *кол’а, тол’о, шол’о, кол’о, шӱл’о*.

2. Изиш шуэнрак мут тӱналтыште: *л’увык, л’ыптыри*.

3. Кок йонйӱк коклосе положенийыште ончыл радам [э] ден [и] деч ончыч тудо пушкыдемдалтше тӱсым налеш да руш йылмысе палатализоватлалтше йӱк деке лишемеш: *шыл’э, мыл’э, шлӈшал’э, мос’и.* Падемдыман, вес ончыл радам йонйӱк-влак ончылно икмыняр палатализоватлалтше л деч ойыртемалтеш (тӱрлӧ, лӱаш, лӱмлӧ), палатализаций тыште изиш гына палдырна.

4. [л’] кок сонйӱк сочетанийын икымше але кокымшо компонентше лийын кертеш: *млл’глжаш, плл’ткаш*. Тыгай кылдышын вес йыжыӈже: *пырл’а, вырл’аӈгэ*. Тиде положенийыште тудо эше шуэнрак кучылталтеш.

5. Мут мучаште огеш кучылталт.

[н’] – йоӈ, йоӈгалтше (сонорный), нервомышан (назальный), йылмывокшел, тӱкнен-эртыше, пушкыдо. Лийын кертеш:

1. Мут тӱналтыште: *н’ога, н’ыкташ, н’услаш, н’эмлр, н’лмыргаш*.

2. Кок йонйӱк коклаште: *тӱн’а, вын’эр, кын’эрвуй, мын’ар, вын’ык.*

3. [н’] сонйӱк сочетанийын компонентше лиеш. Икымше компонентше, мутлан: *коглн’нан, клмлн’нан*; кокымшо компонентше: *имн’э, плрн’а, тлрн’а, ӱарн’а.*

4. [н’] мут покшелне эше кум сонйӱкан кылдышым ыштымаштат палдырна: *кӱртн’ӧ, шӧртн’ӧ, мӧртн’ӧ.*

[т’] шургыж, пич, йылмывокшел, тӱкнен-пудешталтше, пушкыдо. Тудо вашлиялтеш:

1. Мут тӱҥалтыште, мутлан: *т’орка*;

2. Мут покшелне, мутлан: *плат’э, кот’ама*.

3. Мут мучаште огеш кучылталт.

Иктешлен каласаш гын, исменца диалектыште 27 соҥйӱк уло. Нуно литератур йылме деч палынак огыт ойыртемалт.

Литератур

1. *Иванов И.Г.* Кызытсе марий йылме. Фонетика. Йошкар-Ола, 2000. 160 с.

2. *Лаврентьев Г.И.* Ассимиляция согласных в волжском говоре марийского языка // СФУ. 1966. № 3. С. 201–207.

3. *Лаврентьев Г.И.* Гармония гласных в волжском говоре марийского языка // Тезисы докладов на научной сессии по итогам исследовательских работ за 1966 год. Йошкар-Ола, 1967. С. 21–23.

УДК 821.511.131:811.511.131`373(045)

А.В. Маркова

Удмуртский государственный университет (г. Ижевск)

Науч. руководитель: Фёдорова Л.П., канд. пед. наук, доц.

КУЛИНАРНАЯ ЛЕКСИКА КАК СРЕДСТВО ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В ТРИЛОГИИ Г.С. МЕДВЕДЕВА «ЛӦЗЯ БЕСМЕН» («ЛОЗИНСКОЕ ПОЛЕ»)

Статья посвящена изучению кулинарной лексики и рассмотрению гастрономических мотивов в трилогии «Лӧзя бесмен» («Лозинское поле») удмуртского писателя Григория Медведева.

Ключевые слова: *кулинарная лексика, гастрономические мотивы, художественные средства выразительности, принятие пищи, языковые средства.*

Творчество удмуртского прозаика Григория Медведева исследовано в трудах многих ученых. «Лозинское поле» – это литературный памятник героическому времени революционного преобразования деревни Удмуртии на новых, социалистических началах» [2, с. 6]. В трилогии автор показывает время коллективизации. Главная тема произведения, по словам А. Власенко, – социалистическая переделка удмуртской деревни. «Лозинское поле» – произведение воинственное и доброе от начала до конца. И таково оно не по внешним признакам, а внутренне: зрелостью мысли, полнотой чувств и ясностью позиций художника» [2, с. 7]. Писатель старается детально раскрыть социальные и психологические конфликты колхозного строительства в удмуртской деревне. Как подмечает С.Т. Арекеева, в этой книге «можно найти характерные черты данного времени – призыв к лучшей жизни, борьба с оппортунизмом» [1, с. 18].

В галерее героев трилогии представлены все социальные слои крестьянства 20–30-х годов XX столетия. Образы строителей новой колхозной жизни противоречивы, особенно середняки. В создании атмосферы той поры, в

обрисовке быта и героев немаловажное значение в романе имеют гастрономическая лексика, меню героев, сцены трапезы. Они помогают раскрыть повседневную жизнь героев, также создают национальную специфику в романном повествовании. Сфера человеческой жизни, сопряженная с пищей, весьма многообразна и сложна настолько, насколько разнообразно и трудно её отображение в человеческом сознании. В языковом представлении каждого народа находится множество различных языковых средств (лексических и фразеологических) с целью отображения того, что связано с принятием пищи. Удмуртский язык в этом аспекте содержит богатый лексический (лексический и фразеологический) материал.

Венгерский исследователь Петер Домокош отмечал, что «лучшим достижением романа считается богатый, красочный и мощный язык, который впервые проявляется в удмуртском романе в превосходных описаниях, метких диалогах, психологически достоверно мотивированных внутренних монологах» [3, с. 283].

Трилогия Г. Медведева богата и колоритна средствами художественной выразительности, которые придают повествованию яркость, усиливают его эмоциональное воздействие, привлекают внимание читателя и слушателя к высказыванию. Отрывки, связанные с принятием пищи, можно разделить по нескольким направлениям: а) кулинарная лексика как средство художественной выразительности; б) процесс еды и восприятие съеденного; в) состав блюд и описание еды.

В романе Григория Медведева «Лӧзя бесмен» название пищи, продуктов можно найти чаще всего во фразеологических оборотах, а также в других средствах художественной выразительности в целом. Чаще всего из фразеологических оборотов встречаются **фразеологические единства** с упоминанием каши (*жук пӧзьтыны* ‘сварить кашу’): *Соин йырин кыӵе ке жук медаз кылды* [4, с. 484]. *Вӧйтэк ньылод, сыӵе со милям!* [4, с. 633]. *Эк бен жук пӧзёз, – лулӟе, синъёсыныз пеймытын шудэ Маланья. – Нош кин сиёз меда сое? Ачим пӧзьто, ачим ик сиё. Мынам луоз Ӟапи* [4, с. 513]. Таким образом, автор, по нашему мнению, подчеркивает важность умения героев нести ответственность за свои дела и поступки. Очень уместно в обрисовке Эшкабея Ондӥ использование фразеологизма «*Вӧйтэк ньылод, сыӵе со милям!*» [4, с. 633] ‘Проглотишь без масла, такой он у нас’. В данном случае автор показывает человека важного, высокомерного, которого следует принимать таким, какой он есть.

В романе встречается множество сравнений, связанных с едой. Рекордсменами можно назвать мучные изделия: хлеб и многообразную выпечку. Например: *Скаллы мӧзми, Никонович, – Миколай вина зынэн кужмо гурӟиз. – Скалтэк гидкуазь буш… Кыӵе-сыӵе крестьян луод скалтэк? Будьто ке, шорем няньтэк кадь* [4, с. 264] ‘По корове соскучился, Никонович, – отрыгнулся Миколай запахом перегара. – Пусто в хлеву без коровы… Каким-таким крестьянином быть без коровы? Как будто без куска хлеба’. Жизнь без коровы для крестьянина невозможна как трапеза без куска хлеба. *Куд-огъёсыз бинялтэм тамаксэс куспетӥ вунэтылӥзы, Кузьпинь Ванюркалэн зӧк ымдуръёсыз перепеч кадь лэзиськизы* [4, с. 291] ‘Некоторые забывали о своих сигаретах, пухлые губы

Кузьпинь Ванюрки опустились, как перепечи’. Особенности черт лица сравниваются с краями перепечей, в чем, безусловно, чувствуются признаки иронии. Недоспелые семена подсолнечника, в свою очередь, сравниваются с молоком: *«Мукетыз кияз шедем бере, со дугдйз, сяськаоссэ ӵабъяз но шундыберганзэ поттыса веръяз. Тысез нап йӧл кадь кизер на. Ванюрка солэсь дурзэ гинэ куалгытыса басьтйз»* [4, с. 412] ‘Попав ему в руки другая, он остановился, поцарпал соцветия и, очистив подсолнух, попробовал. Семена ещё недоспелые, как жирное молоко. Ванюрка оторвал лишь краешек’.

Язык романа метафоричен, отражающий в том числе картину мира крестьянина, его отношение к происходящим событиям. Например, кусок хлеба (нянь шорем) сопоставляется с чем-то очень важным и нужным в сознании человека, отсутствие которого сильно затрудняет жизнь: *Нош али бордысьтыз* ***шорем нянез*** *чигтйськыса усиз кадь. Интыяз ляк вал сое – нош кудпалтйз?* [4, с. 285].

В описании любви автор также использует метафору, противопоставляя человеческому чувству аппетитное поедание табаней: – Яратон – со тыныд табань сиён гинэ ӧвӧл! [4, с. 383] ‘Любовь – это тебе не только табани есть’.

Многие стилистические приемы трилогии создают определенные эффекты.

Немало примеров, которые выражаются фразеологическими оборотами и другими средствами художественной выразительности. Все они помогают автору охарактеризовать героев с самых разных сторон, обогатить лексику и смысл произведения, в целом.

Литература

1. *Арекеева С.Т.* Г.С. Медведевлэн чеберлыко дуннеез («Лӧзя бесмен» романэзъя). Ижевск: Удмуртия, 1997. 75 с.

2. *Власенко А.* Григорий Медведев и его роман «Лозинское поле» // *Медведев Г.С.* Лозинское поле: роман / пер. с удм. Ижевск: Удмуртия, 1973. С. 5–8.

3. *Домокош П.* История удмуртской литературы / пер. с венгерского В. Васовчика; науч. ред. А.Г. Шкляев. Ижевск: Удмуртия, 1993. 445 с.

4. *Медведев Г.С.* Лӧзя бесмен: роман-трилогия, верос. Ижевск: Удмуртия, 2006. 709 с.

УДК 811.112.2

Т.А. Митрофанова

Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ ИНТЕНЦИИ В НЕМЕЦКОМ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ ТЕКСТЕ

Статья посвящена рассмотрению прагматического потенциала языковых средств в немецком научно-популярном тексте. В ходе исследования было установлено, что обращенность, выраженная рядом морфологических и синтаксических средств, детерминирует и координирует деятельность автора научно-популярного произведения.

Ключевые слова: *научно-популярный текст, обращенность, адресант, адресат, прагматика высказывания, воздействие.*

Институциональное взаимодействие коммуникантов в рамках определенной общественной сферы деятельности предполагает использование языка как инструмента действия и воздействия, при помощи которого коммуниканты не только информируют, но и оказывают влияние на сознание и поведение друг друга, то есть языковое взаимодействие рассматривается в прагматическом аспекте.

Прагматическая установка научно-популярного произведения, индивидуально-социальные параметры адресанта и адресата определяют его своеобразие, особенности его построения. Языковое противопоставление отправителя и получателя речи передается специфически: для получения соответствующего прагматического эффекта в научно-популярном изложении обязательным условием является максимально открытая репрезентация в нем установки на ответную реакцию читателя, построение такой языковой стратегии субъекта речи, которая обеспечивала бы потенциальную обратную связь, то есть реализацию диалогичности [2].

В сфере научной коммуникации научно-популярная статья служит информированию читательской аудитории и ориентирована на людей, не имеющих глубоких познаний в науках, но желающих удовлетворить свой интерес в определенной области знаний. Это детерминирует особенности коммуникативных действий, в основе которых лежит намерение воздействовать на интеллектуальную, волевую и эмоциональную сферы адресата. Обращенность представляет собой релевантный прагматический вектор [1], который обусловливает и регулирует стратегию развертывания адресантом его речевого продукта, а также влияет на выбор и использование языковых средств. Далее проиллюстрируем лингвистические средства выражения прагматической интенции автора в немецкой научно-популярной статье.

Вопросно-ответный комплекс в начале статьи пробуждает интерес адресата, автор стремится при этом дополнительно активизировать знания адресата в нужном направлении. Мнения, высказанные в средствах массовой информации, особенно в социальных сетях, становятся зачастую поляризованными. Обращенность к читателю содержится в вопросе, в котором автор фокусирует центральную проблему статьи, какие психологические и социальные механизмы управляют поляризацией мнений людей, например: *Welche psychologischen und sozialen Mechanismen steuern diese Polarisierung? Dieser Frage ist der Informatiker Sven Banisch gemeinsam mit dem Physiker Eckehard Olbrich – beide am Max-Planck-Institut für Mathematik in den Naturwissenschaften – erstmals mithilfe einer Computersimulation nachgegangen* [5]. Ответ, который следует за самим вопросом, вовлекает получателя в когнитивный процесс.

Вопрос, которым автор завершает подзаголовок *Was kann dann helfen?* [4], представляет собой вместе со всем последующим изложением вопросно-ответный комплекс и, находясь в сильной позиции – начале текста, характеризуется обращенностью и оказывает сильное прагматическое воздействие на читающую аудиторию.

Экспрессивный порядок слов – использование предложного дополнения с предлогом *mit* – в начале научно-популярного текста, посвященного экологической

проблеме загрязнения морей и прибрежных зон Бразилии нефтепродуктами, также способствует фокусированию внимания читательской аудитории на данной проблеме, например: ***Mit Superlativen*** *sparte die Regierung Brasiliens nicht: Die* ***»Megaversteigerung«*** *von Ölfeldern mehrere hundert Kilometer südlich der brasilianischen Stadt Rio de Janeiro sollte den öffentlichen Kassen Brasiliens Milliarden Einnahmen einbringen und die Entwicklung des brasilianischen Ölsektors beschleunigen* [3]. Негативная оценка деятельности бразильского правительства передается лексемой с усилительной приставкой *mega-:* »*Megaversteigerung«* ‘супераукцион’ (кавычки передают авторскую иронию).

Метакоммуникативная вставка *das Ergebnis* выполняет композиционно-строевую функцию, функцию акцентирования, фасцинативную функцию (функцию координации адресата в речевом потоке), функцию метатекстового комментирования. То есть, метакоммуникативная вставка носит адресатоцентричный характер, например: ***Das Ergebnis****: Bei der Polarisierung von Meinungen spielt anscheinend die emotionale Zustimmung zu den Überzeugungen anderer eine entscheidende Rolle* [5].

Автор, комментируя исследовательскую модель, солидаризируется с адресатом, указывая на то, что социальное обучение и отзывы о наших мнениях играют решающую роль. Инклюзивное притяжательное местоимение 1 л. мн. ч. *unsere* усиливает прагматическое воздействие высказывания, например: *Dabei gingen sie (die Forscher – T. M.) – anders als in bisherigen Modellen – erstmals davon aus, dass soziales Lernen und das Feedback auf* ***unsere*** *Meinungsäußerungen eine entscheidende Rolle spielen* [5].

При акцентировании анализируемой научной проблемы автор поясняет результаты исследования. Используя бессоюзное придаточное предложение условия, автор передает обращенность к адресату через противопоставление одной группы адресата другой, тем, кто эмоционально одобряет наши взгляды, точку зрения. Последние выражаются неопределенно-личным местоимением *man*. Воздействие на адресата оказывается путем солидаризации адресанта и адресата с помощью личного местоимения 1 л. мн. ч. в дательном и винительном падежах *uns,* например: *Stimmt man* ***uns*** *zu, freut* ***uns*** *das und tut* ***uns*** *gut* [5].

В следующем примере автор дает объяснение поведения людей, причины, почему люди высказывают свое убеждение, использует придаточное предложение причины с союзом *weil*. Желание получить одобрение, по мнению исследователей, присуща всем людям, поэтому, обобщая вывод, автор статьи включает себя в круг адресата и использует инклюзивное личное местоимение 1 л. мн. ч. *wir*: ***Wir*** *drücken Überzeugungen aus,* ***weil wir*** *mit der Zustimmung* ***anderer belohnt werden wollen*** [5]. Обращенность к обобщенному адресату направлена неопределенным местоимением во мн.ч. *anderer*, а также адресат имплицитно передается в конструкции модального пассива (сочетание модального глагола *wollen,* выражающего желание и инфинитив пассив *belohnt werden*).

В приведенном ниже отрывке обращенность выражается сочетанием предлога и относительного местоимения *bei denen* с последующим уточнением, указанным в определительном придаточном предложении, которое вводится относительным местоимением *die*: *Das Wohlgefühl, das* ***bei denen*** *entsteht,* ***die*** *gleicher Meinung sind, führt zur Polarisierung der Meinung in eine Richtung* [5].

Таким образом, в научно-популярной статье автор решает не только задачу сообщения нового знания о действительности и доказательства истинности этого знания, вместе с тем он стремится воздействовать на интеллектуальную, волевую и эмоциональную сферы адресата. Выявленные средства обращенности способствуют включению адресата в ситуацию коммуникации, при этом автор намеренно стремится к своему пониманию и трактовке проблемы, темы и т.д. привлечь адресата и осуществить свой замысел.

Литература

1. *Митрофанова Т.А.* Обращенность как прагмалингвистический феномен в институциональном дискурсе (на материале немецкого языка): автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2009. 24 с.

2. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. *М.Н. Кожиной*. М: Флинта: Наука, 2003 // URL: https://rus-stylistics-dict.slovaronline.com/ (дата обращения 15.10.2020).

3. *Farmbauer M.* Die große Ölpest // URL: https://www.spektrum.de/news/ein-riesiger-oelteppich-unbekannten-ursprungs-erreicht-brasilien/1688202 (дата обращения: 15.10.2020).

4. *Tenzer E.* Ungeplante Reise // Psychologie Heute. 2019. № 8. C. 73–75 // URL: https://www.psychologie-heute.de/gesundheit/39987-ungeplante-reise.html#page (дата обращения: 15.10.2020).

5. *Wilhelm K.* Zustimmung fühlt sich gut an // Psychologie Heute. 2019. № 8. C. 70–71 // URL: https://www.psychologie-heute.de/gesellschaft/39990-zustimmung-fuehlt-sich-gut-an.html#page (дата обращения: 15.10.2020).

УДК 811.111

Т.А. Митрофанова, П.А. Кораблева
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

УПОТРЕБЛЕНИЕ ПАССИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ СТАТЬИ «DER FAIR VERTEILTE KUCHEN»)

Статья посвящена рассмотрению пассивных конструкций в немецком языке на материале научно-популярной статьи. В работе проиллюстрированы грамматические структуры, содержащие формальное подлежащее и акцентирующие описание самого действия или процесса, что придает действующему субъекту пассивный характер.

Ключевые слова: *пассивный залог, пассивные конструкции, способы выражения залоговых отношений, немецкий язык.*

Пассивный залог был и остается одной из центральных проблем, что влечет за собой множество вопросов, актуальных и по сей день [3, с. 136]. Вопрос страдательного залога и пассивных конструкций до сих пор остается не исследованным до конца и представляет собой неопределенную и обсуждаемую проблему [1, с. 5]. Следует отметить, что использование пассивных конструкций в немецком языке широко распространено, что не наблюдается в русском языке [2, с. 169]. Употребление пассивных конструкций можно встретить как в письменной, так и в устной речи. В письменных источниках они особенно

популярны при создании специальных текстов, одним из которых является научно-популярный текст. Такое распространение обусловлено тем фактом, что в текстах подобного рода важен не исполнитель действия, а результат или само действие.

В академических научных текстах основным средством передачи субъект-объектных отношений при неактивном субъекте является пассивный залог. В научно-популярном тексте он встречается в пассажах, где необходимо акцентировать внимание на самом действии при описании явления или процесса. Например: *Wer das Figürchen in seinem Kuchenstück findet, wird zum König gekrönt, darf eine Pappkrone tragen und wird auf die eine oder andere Weise geehrt* [5] ‘Тот, кто находит фигурку в своем куске торта, становится королем, может носить картонную корону и его прославляют тем или иным образом’.

Пассивный залог в настоящем времени wird gekrönt, wird geehrt используется в данном случае для описания действий, которые обычно следуют в случае находки фигурки в куске торта.

Однако важно отметить, что в научно-популярной статье авторы чаще используют пассивные грамматические конструкции для передачи субъект-объектных связей. Далее мы рассмотрим несколько видов пассивных конструкций, которые встречаются в анализируемой статье.

1. Man + глагол в активном залоге

Wenn man einen Kuchen auf eine bestimmte Zahl von Gästen aufteilen will, schneidet man einfach jeweils von den Punkten, an denen diese Zahl steht, zur Mitte, und erhält genau gleich große Kuchenstücke [5] ‘Если необходимо разделить торт между определенным количеством гостей, то просто отрезается кусок от точек, где находятся числа, до середины, и готовы куски торта одинакового размера’.

В предложениях данного типа подлежащее, то есть деятель, не исключается совсем, а называется обобщенным понятием, то есть неопределенно-личным местоимением man. Оно не отражает каких-либо свойств подлежащего, а является собирательным. В этом примере важно указание на действие, то есть сказуемое. Неопределенно-личная форма предложения строится благодаря конструкции man will и man schneidet, при этом нет необходимости использовать временные формы Passiv, но создается предложение, где отсутствует активный субъект.

2. Девербативное прилагательное с суффиксами -bar, -lich

В немецком языке пассивный залог может выражаться с помощью конструкции, состоящей из девербативного (отглагольного) прилагательного с суффиксами -bar, -lich. Например: *Der Unterschied zwischen diesen beiden Aspekten von Gerechtigkeit, die auch Verteilungsgerechtigkeit und Verfahrensgerechtigkeit genannt werden, ist untrennbar verknüpft mit dem Namen des amerikanischen politischen Philosophen John Rawls (1921–2002)* [4] ‘Разница между этими двумя аспектами справедливости, также называемыми распределительной справедливостью и процедурной справедливостью, неразрывно связана с именем американского политического философа Джона Ролза (1921–2002)’. *Aber es ist offensichtlich ein wünschenswertes Ergebnis, mit dem alle zufrieden sind* [4] ‘Но очевидно, что это желаемый результат, которым все довольны’.

В данных примерах суффиксы -bar (untrennbar) и -lich (offensichtlich) несут в себе черты страдательного залога, что делает предложение также пассивным. В таком типе предложений присутствуют как подлежащее, так и сказуемое, но его нельзя содержательно отнести к активному залогу.

3. lassen + sich + начальная форма глагола

Особенность данной конструкции в том, что она может употребляться как в страдательном, так и в действительном залогах. Данное явление зависит от подлежащего, с которым конструкция употребляется. Если подлежащее одушевленное, то и предложение будет в активном залоге. Если подлежащее неодушевленное, то предложение будет в пассивном залоге. Например: *Das lässt sich wunderbar an einer Kuchentradition aus Frankreich zeigen* [5] ‘Это прекрасно демонстрируется на примере французской традиции разделения торта’.

Представленная конструкция позволяет без указания деятеля построить предложение, что в русском предложении становится возвратным глаголом с суффиксом -ся. В немецком языке это явление показано с помощью sich.

Таким образом, в научно-популярной статье, основной целью которой является информирование широкого круга читателей, не являющихся специалистами в определенной области науки, для описания процессов и явлений авторы используют пассивные конструкции. Данные конструкции (неопределенно-личное местоимение man + глагол в активном залоге, девербативное прилагательное с суффиксами -bar, -lich, глагол lassen + sich + начальная форма глагола) содержат формальное подлежащее (формальный субъект), что позволяет создать ощущение личного обращения к читателю и оказать на него прагматическое воздействие.

Литература

1. *Гухман М.М.* Развитие залоговых противопоставлений в германских языках. М.: Наука, 1964. 293 с.

2. *Крушельницкая К.Г.* Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 272 с.

3. *Москальская О.И.* Грамматика немецкого языка. Теоретический курс. Морфология. М., 1956. 394 с.

4. *Warkus Matthias.* Der fair verteilte Kuchen. // Spectrum.de // URL: https://www.spektrum.de/kolumne/der-fair-verteilte-kuchen/1773948 (дата обращения 20.10.2020).

УДК 811.511.151

Э.И. Пекшеева
МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола)

КАЛЬКИРОВАНИЕ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ОБРАЗОВАНИЯ ПРОМЫСЛОВОЙ ЛЕКСИКИ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена исследованию промысловой (пчеловодческой и охотоведческой) лексики в марийском языке, образованной способом калькирования. В работе также освещается вопрос изучения калькирования в марийском

языкознании, о полных кальках и полукальках, их месте в промысловой лексике марийского языка.

Ключевые слова*: *марийский язык, русский язык, калькирование, полные кальки, полукальки, заимствование, промысловая лексика.

Интерес к исследованию промысловой лексики в научном мире не ослабевает. Она изучается на материале диалектов, в сопоставительном аспекте, с точки зрения происхождения, словообразовательной структуры, семантической основы. Лексика любого языка представляет большой интерес для изучения истории формирования этносов, их контактов с другими народами. В финно-угорском языкознании исследование лексики на основе тематических групп имеет давние традиции. Данный подход дает возможность последовательного изучения словарного состава.

В современной лингвистике явление калькирования представляет большой интерес в общей проблеме взаимодействия языков и развития их лексического состава. Изучению калькирования в марийском языке посвящена работа А.А. Саватковой «О калькировании в марийском языке» [3]. В ней впервые в марийском языкознании делается попытка освещения вопроса калькирования, автором выделены три основных вида калек: морфологические, когда новые слова образуются путем более или менее точного перевода формы и содержания; фразеологические, когда образуются новые словосочетания, новые выражения под влиянием другого языка; семантические кальки, когда имеющиеся в заимствующем языке лексические единицы изменяют круг своих значений под влиянием другого, заимствованного, языка [3, с. 37]. Также кальки разграничены на полные и неполные. Как отмечает в своей работе автор, «влияние, оказываемое со стороны русского языка, является очень плодотворным. Под влиянием русского языка обогащается и в определенном смысле совершенствуется словарный состав марийского языка, в котором отражаются все изменения, происходящие в духовной и материальной жизни народа» [3, с. 43–44].

В своей статье «Калькирование в марийском языке в его отношении к русским заимствованиям» З.В. Учаев отмечает, что «в обогащении словарного состава тесно взаимодействуют три явления, вызванные к жизни внешними факторами. Это – прямое заимствование, перевод и разнообразное калькирование, с помощью которых в марийском языке возникло много новых слов, терминологических сочетаний и фразеологических оборотов» [7, с. 47–48]. Автором освещаются вопросы влияния словообразовательных особенностей языков на процесс калькирования, о полукальках, классификации калек, различии между калькированием и буквальным переводом. Исследованию калькированных лексем в марийском языке посвящена работа С.Е. Васильевой «Калькированные и заимствованные лексемы в марийской лексикографии (сопоставительно-типологический аспект)» [1]. Во второй главе диссертации «Калькирование как процесс обогащения марийского языка» рассматриваются вопросы структурно-функциональных особенностей словообразования в марийском языке и генезиса калькирования, проблемы, связанные с кальками и их местом в марийском языке [1, с. 7–8]. Статья С.С. Сибатровой «О полукальках в современном марийском языке» [4] посвящена марийским

полукалькам-существительным, образованным по моделям русских слов. В ней также кратко освещена история изучения калькирования в марийском языкознании, рассмотрены другие сложные слова с заимствованным компонентом русского происхождения. Полукальки, выявленные, главным образом, на базе материалов орфографических словарей обеих литературных норм, десятитомного словаря марийского языка, приведены в систему в зависимости от происхождения и конкретного выражения их составных частей» [4, с. 54]. Как отмечает автор, что «полукальки характерны для лугово-восточной литературной нормы, в горномарийских источниках обнаружены только шесть единиц с заимствованной второй частью», что «относительная многочисленность первых в немалой степени связана с более активным калькированием слов с "регулярными" начальными элементами (электро-, фото-, радио-, теле-, авто-, кино- и др.) и некоторыми сокращениями (мед-, рай-, полит- и др.)» [4, с. 62]. В следующей работе С.С. Сибатровой «О полных кальках-композитах русского происхождения в марийском языке» рассматриваются кальки, выявленные в современных орфографических словарях обеих литературных норм, многотомном марийском словаре, в зависимости от их лексико-грамматических особенностей и структуры, а также от общей семантики и сферы употребления [5, с. 45]. Нельзя не согласиться с мнением автора о том, что «бóльшую группу образуют композиты, возникшие путем смыслового перевода, меньшую – кальки» [5, с. 46].

В настоящей работе рассматриваются словообразовательные кальки, сложные слова, которые образованы способом калькирования. Целью работы является выявление специфики калькирования как одного из способов образования понятий и терминов, связанных с промыслами марийского народа. Основой для написания статьи стали следующие основные дефиниции: «Калька – образование нового фразеологизма, слова или нового значения слова путем буквального перевода соответствующей иноязычной языковой единицы», «Словообразовательные кальки – поморфемный перевод иноязычного слова» [2, с. 211]. Отмечая склонность полукалек к простому словообразовательному переоформлению по внутренним законам и словопроизводственным моделям заимствующего языка, Н.М. Шанский дает им следующее определение: «Полукальки – это слова, состоящие частью из своего собственного материала, а частью из материала иноязычного слова, которые по словообразовательной структуре также точно соответствуют аналогичным словам языка-источника, из которого идет заимствование» [8, с. 108–109]. В Лингвистическом энциклопедическом словаре под полукалькой понимается «разновидность словообразовательной кальки, когда переводится только часть слова» [2, с. 211]. В нем подчеркивается, что «о полукальках можно говорить и в случае сложных терминов словосочетаний, но только тогда, когда они представляют собой фразеологизмы и дословный перевод одного из компонентов сочетания по существу не связан с общим смыслом термина» [2, с. 211].

В любом языке имеются слова иноязычного происхождения. Основным фактором, влияющим на развитие словарного состава языка, на его обогащение и совершенствование, является процесс постоянного роста лексики за счет появления новых слов, которые строятся либо по существующим уже в языке

словообразовательным моделям, либо заимствуются. Охота и пчеловодство (бортничество) являются древнейшими видами хозяйственной деятельности марийского народа. В связи с развитием новых технологий язык начинает пополняться новыми терминами. Материал исследования показал, что русский язык оказывает незначительное влияние на образование промысловой (пчеловодческой и охотоведческой) лексики в марийском языке.

В рассматриваемом пласте лексики нами выделены полные кальки – слова, которые возникают в результате буквального перевода отдельно значащих частей иноязычного слова или словосочетания. Среди словообразовательных калек выделяются сложные слова и составные термины, созданные по образцу русских слов и составных терминов, например: *ик йытыран пычал* ‘одноствольное ружье’ < *ик* ‘один’+ *йытыран* ‘со стволом’ + *пычал* ‘ружье’; *кок йытыран пычал* ‘двуствольное ружье’ < *кок* ‘два’ + *йытыран* ‘со стволом’ + *пычал* ‘ружье’; *рок мӱкш* л., *рок мӱкш* г. зоол. ‘земляная пчела’ < *рок* ‘земля’ + *мӱкш* ‘пчела’; *сонар пий* ‘охотничья собака; легавая’ < *сонар* ‘охота’ + *пий* ‘собака’. Исходя из примеров, можно сделать вывод, что сложных слов и сочетаний, образованных способом калькирования, немного. Это свидетельствует о том, что промысловая лексика является древнейшим пластом лексической системы марийского языка, связанной с основными видами хозяйственной деятельности марийского этноса и его взаимоотношении с природой. До сих пор сохраняется традиционный подход в использовании и образовании изучаемых терминов. Без глубокого анализа в некоторых случаях нельзя конкретно определить, это сложное слово, образованное способом словосложения, или калька.

Полные кальки характерны только для некоторых названий меда, которые созданы путем сложения основ марийского языка по структурному и семантическому образцу сложного слова или словосочетания русского языка, например: *сакыраҥше мӱй* ‘засахарившийся мед’ < *сакыраҥше* ‘засахарившийся’ + *мӱй* ‘мед’.

В наших материалах имеют место полукальки, где одна из составных частей заимствована, а другая часть передается марийским словом, например: *клевер мӱй* ‘клеверный мед’ < *клевер* ‘клевер’ + *мӱй* ‘мед’; *акаций мӱй* ‘акациевый мед’ < *акаций* ‘акация, акациевый’ + *мӱй* ‘мед’; *гнездовой омарта* ‘гнездовой улей’ < *гнездовой* ‘гнездовой’ + *омарта* ‘улей’; *дадан омарта* ‘Дадана улей’ (вертикальный однокорпусный улей с магазинной надставкой) < *Дадан* ‘Дадан’ (фамилия конструктора) + *омарта* ‘улей’; *карашан раме* ‘рамы с сотами’ < *карашан* ‘с сотами’ + *раме* ‘рама’; *нуклеус еш* ‘маленькая семейка’ (обычно нуклеусы устраивают на небольшое количество рамок) < *нуклеус* ‘нуклеус’ (маленькая семья пчёл, часто используемая для воспитания матки) + *еш* ‘семья, семейство’; *раме омарта* ‘рамочный улей’ (специально устроенный ящик для пчёл, улей в виде ящика из досок) < *раме* ‘рама’ + *омарта* ‘улей’; *уля лӓктем* г. ‘леток у улья’ < *уля* г. ‘улей’ + *лӓктем* ‘леток’; *донник мӱй* ‘донниковый мед’ < *донник* ‘донник’ (медоносное душистое растение семейства бобовых с белыми или жёлтыми цветками) + *мӱй* ‘мед’; *мӱкш семня* г. ‘пчелиная семья’ < *мӱкш* ‘пчела’ + *семня* ‘семья’; *разведчик мӱкш* ‘пчела-разведчица’ < *разведчик* + *мӱкш* ‘пчела’ и др.

Таким образом, в образовании промысловой лексики марийского языка калькирование является непродуктивным способом. Русский язык оказывает незначительное влияние на образование промысловой (пчеловодческой и охотоведческой) лексики в марийском языке.

Как уже отмечалось, промысловая лексика является древнейшим пластом лексической системы марийского языка, связанной с древнейшими видами хозяйственной деятельности марийского народа, и в марийском языке актуален традиционный подход в использовании и образовании связанных с ними терминов.

Сокращения

г. – горномарийская литературная норма; зоол. – зоологический термин; л. – лугово-восточная литературная норма.

Литература

1. *Васильева С.Е.* Калькированные и заимствованные лексемы в марийской лексикографии: сопоставительно-типологический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2009. 19 с.

2. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. *В.Н. Ярцевой*. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.

3. *Саваткова А.А.* О калькировании в марийском языке // Вопросы марийского языкознания: сб. ст. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1964. С. 37–44.

4. *Сибатрова С.С.* О полукальках в современном марийском языке // Вестник угроведения. 2017. № 3 (30). С. 54–65.

5. *Сибатрова С.С.* О полных кальках-композитах русского происхождения в марийском языке // Проблемы марийской и сравнительной филологии: сб. ст. / Мар. гос. ун-т; отв. ред. Р.А. Кудрявцева. Йошкар-Ола, 2017. С. 45–53.

6. Словарь марийского языка: в 10 т. / МарНИИЯЛИ. Йошкар-Ола, 1990–2005.

7. *Учаев З.В.* Калькирование в марийском языке в его отношении к русским заимствованиям // Проблемы русско-финно-угорского двуязычия: межвуз. сб. Йошкар-Ола, 1982. С. 47–62.

8. *Шанский Н.М.* Очерки по русскому словообразованию. М.: МГУ, 1968. 312 с.

УДК 811.511.151

Э.И. Пекшеева
МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола)

ЧУВАШСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ПРОМЫСЛОВОЙ ЛЕКСИКЕ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена рассмотрению чувашских заимствований в промысловой лексике марийского языка. Результаты контактирования марийского народа с чувашами отразились и в формировании названий, связанных с охотой и пчеловодством. Актуальность работы определяется интенсивным исследованием отдельных тематических групп слов с и недостаточной изученностью промысловой лексики с точки зрения происхождения.

Ключевые слова: *марийский язык, заимствование, чувашский язык, промыслы, лексика, охота, пчеловодство.*

Марийский язык относится к финно-угорской группе, чувашский язык является одним из древних языков тюркской группы. Сравнительно-исторические исследования показывают, что данные языки долгое время находились в контакте и заимствовали друг у друга лексический состав языка, хотя развивались и функционировали самостоятельно. Поэтому многие факты, наблюдаемые между этими языками, можно объяснить либо историческими контактами, либо типологическим параллелизмом, либо случайными совпадениями и др. Исторические контакты между финно-угорскими и тюркскими, а именно, булгаро-чувашскими, языками – давно установленный факт, не вызывающий сомнений.

Проблема чувашизмов в марийском языке привлекала к себе внимание исследователей. Марти Рясянен в своем труде, на основе исследований русских, а также зарубежных ученых, «Чувашские заимствования в черемисском языке» дает фонетические критерии к 500 чувашским заимствованиям в марийском языке [11, с. 6].

Задачей настоящего исследования является исследование чувашско-марийских связей на основе сравнительного анализа лексического состава этих двух языков.

С исторической точки зрения лексический фонд современного марийского языка состоит из исконных и заимствованных из других языков слов. Исконные слова составляют главное богатство марийской лексики, хотя заимствованные или иноязычные слова занимают удельный вес в лексиконе марийского языка. В разное время своего существования марийский народ соприкасался с разными народами и обогащал свою лексику за счёт их словарного запаса. Обычно заимствовались слова, обозначавшие известные достижения, изобретения или усовершенствования в общественно-хозяйственной жизни, в области техники и науки. Вообще, заимствованные слова являются отражением тех или иных экономических и культурных взаимоотношений с соседними народностями в разные исторические эпохи. Заимствование – это естественное, закономерное явление развития любого языка. По мнению ученых, словарный состав всех языков в ходе их исторического развития пополнялся за счет словарного состава других языков, благодаря которому обогатились национальные языки. В марийском языке прослеживаются одинаковые с чувашами элементы материальной и духовной культуры, быта и обычаев.

Как отмечено выше, в процессе исторического развития народы вступают между собой в языковые контакты, что неизбежно приводит к заимствованию ими иноязычной лексики. В лексике марийского языка существует довольно большое количество заимствованных слов, вошедших из различных источников и в разные эпохи. Не является исключением и исследуемая лексико-семантическая группа марийского языка, при формировании которой тоже имело место проникновение чужеродных элементов.

Большинство исследователей справедливо отмечают, что марийский язык – один из волжских финно-угорских языков, испытавший наиболее сильное влияние тюркских языков. По степени влияния на финно-угорские языки тюркские языки Поволжья можно расположить в такой последовательности: 1) чувашский, 2) татарский, 3) башкирский. Такое расположение справедливо

обосновывается и по отношению влияния тюркских языков на марийский язык во многих исследованиях, посвященных чувашско-марийским языковым контактам (Ф.И. Гордеев, Д.Е. Казанцев, Г.В. Лукоянов, М.Р. Федотов и др.). М.Р. Федотов в марийском языке зафиксировал 1352 чувашских заимствования, «считая каждую производную форму за отдельную единицу» [12, с. 164].

Результаты контактирования марийского народа с чувашами отразились и в формировании названий, связанных с промыслами марийского народа. Путем лингвистического анализа промысловой номенклатуры марийского языка можно выделить следующие наименования, относящиеся к лексике охоты, вошедшие из чувашского языка:

– *атма* ‘сачок, черпак; намет; сеть (для ловли рыбы и зверей)’ [1, с. 27] < общемар. * *ӓтмӓ* < булг. **ӓтмӓ* ‘сеть для ловли рыбы и зверей’, чув. *атма,* казан.-тат. *йтмә, жәтмә* ‘невод, сеть’, башк. *этмә* охот. ‘западня’. По-видимому, и в татарском, и в башкирском языках – булгарское наследие (<**свӓтмӓ* ~ **ӓтмӓ*) [2, с. 164; 3, с. 36; 12, с. 171];

– *сонар* ‘охота (на зверя, дичь)’ [4, с. 537; 8, с. 247] < чув. *сунар* / *сонар*; – тат. *сунарчылык* тж., кирг. *сонар* свежий снег, пороша; кирг., кур., тюм. *сунар* охота [12, с. 227].

В лексике, связанной с пчеловодством, можно отметить такие наименования:

– *вуля* ‘улей для пчел; специальный ящик (или прежде выдолбленная колода) для пчел’, с фонетическими вариантами, зафиксированными в различных словарях марийского языка – *выӹльа* (*ульа, хыӹльа*) ‘улей, скворечница’ [13, с. 18], ср. чув. *вӗлле* < марГ. *выля*; *ольы, уля* < др.-рус. *улей* [10, с. 158–159; 12, с. 177];

– *калак* ‘ложечка для мёда’ [5, с. 46], *калак* г. ‘лопатка (для меда)’ [4, с. 172], ‘самодельная деревянная лопаточка для меда, яйца’ [6, с. 227], *каляк* ‘лопаточка для яиц всмятку и меду’ [9, с. 16] < *чув. калак* ‘лопатка (для правки кос); лопатка (для меда, яиц всмятку)’ – каз., шор., тоб., кирг., бар. *калак* ‘большая ложка (шор.); мутовка; маленькая лопаточка (каз., тоб.); щепка, которая дается детям вместо ложки (кирг.); точильная дощечка (шор.)’ [12, с. 187];

– *караш* л., *кӓрӓш* г. ‘соты’ [6, с. 254; 4, с. 179], *карас* ‘соть мёду’ [9, с. 17], *кӓрӓш* ‘соты’ [5, с. 52] / удм. *карас* / морд.М *кяряст* / морд.Э *керязт* < чув. *карас*; – тат. *кәрәс*, башк. *кәрәҙ* ‘соты’ [12, с. 190];

– *отар* ‘пасека, пчельник’ [7, с. 350], ‘пчельник’ [4, с. 394]; чув. *утар* / *отар* > мар. *отар* ‘местность, богатая растительностью и цветами (для пчел); пчельник’ / удм. южн. *утор* ‘двор; ограда’, *муш утор* ‘пчельник’; от *утӑ* / *отӑ* ‘трава’ ~ тюрк. от трава; сено; растения. Ср. алт. *адару* (*ад* + *ары*), турк. *ары* ‘пчела’ [12, с. 258].

Материал исследования показал, что чувашский язык оказал незначительное влияние на формирование лексики, связанной с древнейшими занятиями марийского народа, а именно, с пчеловодством (бортничеством) и охотой.

Сокращения

алт. – алтайский язык; *бар.* – барабинский диалект татарского языка; *башк*. – башкирский язык; *булг.* – булгарский язык; *г., марГ.* – горномарийская литературная норма марийского языка; *др.-рус*. – древнерусский язык; *каз., казан-тат.* – казанско-татарский; *кирг*. – киргизский язык; *кур*. – курама (узбекский); *л.* – лугово-восточная литературная норма марийского языка; *мар.* – марийский язык; *мордМ* – мокшанско-мордовский, *мордЭ* – эрзянско-мордовский; *общемар*. – общемарийское слово; *охот*. – охотничий термин; *тат*. – татарский язык; *тж*. – так же; *тоб.* – говор тобольских татар; *турк.* – туркменский язык; *тюм*. – тюменский (говор тюменских татар); *тюрк*. – тюркский язык; *удм.* – удмуртский язык; *удм.южн*. – южный диалект удмуртского языка; *чув.* – чувашский язык; *шор.* – шорский язык

Литература

1. *Васильев В.М.* Марий мутэр. Тӱрлӧ вэре ильӹшэ марийӹн мутшӹм таҥастарен нэргэльӹмэ кнага. Москва, 1928. 347 с.
2. *Гордеев Ф.И*. Этимологический словарь марийского языка. Т. 1: А–Б. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1979. 255 с.
3. *Егоров В.Г*. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. 335 с.
4. Марийско-русский словарь. М., 1956. 863 с.
5. *Саваткова А.А.* Словарь горного наречия марийского языка. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1981. 235с.
6. Словарь марийского языка. Т. II: И – К (и – коса). Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1992. 464 с.
7. Словарь марийского языка. Т. IV: М – Ӧ (ма – ӧрчыктарымаш). Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1998. 384 с.
8. Словарь марийского языка. Т. VI: Р – С. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2001. 368 с.
9. *Троицкий В.П.* Черемисско-русский словарь. Казань, 1894. 87 с.
10. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. Т. III: Музя – Сят / пер. с. нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1987. 832 с.
11. *Федотов М.Р.* Исторические связи чувашского языка с языками финно-угров Поволжья и Перми. Чувашско-марийские связи. Ч. 1. Чебоксары: Чуваш. кн. из-во, 1965. 160 с.
12. *Федотов М.Р*. Чувашско-марийские языковые взаимосвязи / под ред. И.С. Галкина. Саранск: Изд-во Сарат. ун-та. Саран. фил., 1990. 336 с.
13. *Шорин В.С.* Маро-русский словарь горного наречия. Казань, 1920. 174 с.

УДК 81'272

Янош Пустаи
(Венгрия, г. Сомбатхей)

СГОРЕЛ, КАК ФАКЕЛ, ЗА РОДНОЙ ЯЗЫК
(к годовщине самопожертвования Альберта Разина) *

И если завтра мой язык исчезнет,
То я готов сегодня умереть
(Расул Гамзатов)

Статья посвящена обзорному рассмотрению положения российских финно-угорских и самодийских языков; автором ставится проблема их сохранения, развития.

Ключевые слова: *социолингвистика, языковая ситуация, языковая политика, финно-угорские и самодийские языки, ассимиляция, государственный статус языков.*

На большинстве языков мира говорят малочисленные народы. Родные языки этих народов находятся под угрозой исчезновения, они нуждаются в постоянной поддержке. Угроза масштабная, по оптимистическим прогнозам, к концу нашего века может исчезнуть половина языков, а по пессимистическим (точнее, реалистическим) – 80–90 % всех языков мира. По данным специалистов, каждые две недели исчезает один язык. Вымирание одного языка означает исчезновение одного миросозерцания, а это невосполнимая утрата знаний, касающихся культурных традиций всего человечества.

20 сентября является днём вымерших уральских языков. В этот день в 1989 году умерла Клавдия Плотникова, последняя представительница камассинского языка, относящегося к южно-самодийским языкам. С 1950-х годов она была единственным человеком, знающим этот язык и в своих молитвах к Богу обращающимся на родном языке. В прошлых столетиях вымерло много уральских языков, в том числе такие южно-самодийские языки, как маторский, койбальский, карагасский. Из финно-угорской ветви исчезли мерянский и муромский языки. Память о них сохранилась в топонимах и русских былинах. Из прибалтийско-финских языков вымершим можно считать ливский язык, в угрожающем положении находятся водский, ижорский, вепсский языки, а также энецкий и нганасанский языки, относящиеся к северной ветви самодийских языков.

ООН объявила 2019 год годом коренных языков, находящихся под угрозой исчезновения. Выльется ли решение, принятое на основе этого благородного намерения, в какой-нибудь конкретный результат, – это уже другой вопрос. Естественно, проводились и в последние месяцы года крупные и мелкие культурные, научные и, по всей вероятности, политические мероприятия, на которых, как мантра, высказывалась мысль о том, что языки надо беречь, сохранять и развивать, и для этого необходимо предоставлять всевозможную политическую, экономическую и моральную помощь. По моим наблюдениям, подобного рода высказывания в большинстве случаев остаются на словесном

---

* Перевод статьи Я. Пустаи с венгерского языка на русский язык сделан доктором философии М.Н. Кузнецовой. Оригинал статьи: *Pusztay János*. Emberfaklya az anyanyelvért // Levelek a borostyankőútról. 72 írással a nyelv körül. Budapest, 2020. O. 192–196.

уровне. Иногда мне кажется (возвращаясь к российской теме), что речь идёт о «потёмкинских деревнях», иными словами, о построении кулис. Не только тяжело, но и невозможно получить поддержку для проведения мероприятий, посвящённых главной теме года, а чтобы получить разрешение на использование эмблемы ЮНЕСКО, надо было прибегать к изощрённым способам. И мне среди других удалось организовать и осуществить несколько конференций, издать книги, но без эмблемы ЮНЕСКО, так как содержание для меня было главнее, чем пустые рамки.

В связи с годом ООН рассмотрим в качестве примера положение российских финно-угорских и самодийских языков. Российская Федерация является членом Европейского Совета, таким образом, предложения ЕС, касающиеся малочисленных, региональных языков и культур, относятся и к России. Некоторые из этих документов Россия не ратифицировала. Предложения сами по себе не имеют обязательную законную силу, и государства, игнорирующие их, нельзя привлечь к ответственности. Российское государство, впрочем, издаёт и такие законы, которые (правда, на бумаге), могли бы явиться самыми демократичными правовыми документами в мире. Внешняя пропаганда к тому же усиливает их значение и влияние, и западные демократические государства все это воспринимают за чистую монету, в то время как в действительности мощными темпами идёт осуществление имперского принципа *один язык – одна культура – один народ – один вождь*. Жертвами ассимиляционного давления становятся десятки коренных языков, культур и народов, среди них и финно-угорские народы.

Ассимиляции способствуют такие административные шаги, как слияние территории проживания этнических меньшинств в более крупные территориально-административные единицы. Оттеснению коренного языка и связанной с ним культуры (иначе – полной ассимиляции) способствует также практика всеобщего образования. В национальных школах, функционирующих с 1920 по 1960-е годы, можно было преподавать школьные предметы на родном языке. С закрытием национальных школ родной язык превратился в один из учебных предметов. В дальнейшем в учебном плане сформировали так называемый региональный компонент, который составлял 25 % всего учебного плана. В его рамках можно было изучать родной язык и культуру своего народа. Региональный компонент ещё десятилетие назад был обязательной частью учебного плана, в дальнейшем он стал факультативным, и этим вырыли ему «могилу». На этнической родине коренного народа учащиеся, представители этих народов, знающие свой язык, учили коренной язык как родной язык в обязательном порядке 2–3 часа в неделю, а учащиеся, относящиеся к нетитульному этносу, изучали его как (региональный) государственный язык также в неделю 2–3 часа. Конечно, это касалось только тех коренных языков, у которых был статус регионального государственного языка. Такими языками, в принципе, являются языки этнических республик, но, например, в Карельской Республике язык титульного коренного народа не смог получить статус регионального государственного языка, потому что в карельском письме используется латиница. По федеральному закону, государственным может быть только язык, использующий в своем письме кириллицу. О государственном

статусе языков коренных народов, проживающих, например, в автономных областях и не обладающих республиканским статусом, не может быть и речи.

Условия, описанные выше, уже сами по себе способствовали неблагоприятному положению коренных языков, но господствующему большинству даже этого было недостаточно. Русское население, проживающее на этнических территориях коренных народов, постоянно направляло петиции в адрес руководства данных республик, а также в соответствующие федеральные министерства и самому президенту с просьбой отменить обязательное преподавание языка коренного народа как регионального государственного языка. Просьба нашла отклик. Два года тому назад президент Российской Федерации во время визита в Йошкар-Олу – столицу одной финно-угорской республики – заявил в своей речи, что никого нельзя заставить учить язык, который он не хочет изучать. За заявлением последовал ряд правовых распоряжений. Исчезло обязательное преподавание коренных языков. Начиная с этого времени, коренной язык можно преподавать и изучать или как родной язык, или как региональный государственный только на факультативной основе и только на основе общего решения между учащимся и его родителями со школой.

Решение вызвало сильный протест, в первую очередь, в Татарстане и Башкортостане, а также в кавказских республиках. Организовывали митинги, собирали подписи, отправляли письменные заявления во все политические инстанции. Кажется, что в этих республиках национальная элита стала главной протестующей силой. В финно-угорских республиках активности было мало, национальная элита выступила как сдержанный наблюдатель событий, а не как предводитель движения протеста. Протестующие не добились значительных изменений, но я верю, что всё же они окажут положительное влияние на коренные языки и культуры. За права родного языка выступили отдельные личности.

10 сентября в Ижевске, столице Удмуртской Республики, напротив здания правительства в знак протеста против дискриминации родного языка поджёг себя известный исследователь, руководитель университетского института, активный борец за права родного языка, 79-летний Альберт Разин. Прибывшие на место происшествия спасатели застали его ещё живым, но от многочисленных ожогов он умер в больнице.

Разин был одним из четырнадцати подписавших заявление активистов, которое они в прошлом (2018. – *М.К.*) году направили в местный парламент. В нём они требовали, чтобы парламент отказался от реализации нового языкового закона. Несмотря на то, что в Удмуртии есть благоприятные моменты для сохранения народной культуры и языка, как, например, внедрённое по венгерскому образцу движение «танцевальных домов», поющие на удмуртском языке рэп-группы, – всё же официальная политика препятствует расширению удмуртского языка и культуры. Уже в начале 2000-х годов бывший удмуртский – русского происхождения – глава правительства заявил, что национальные школы есть нежелательные резервации, и, действуя в этом духе, воспрепятствовал функционированию школ, в которых обучали на удмуртском языке.

Люди, не жертвуйте собой, потому что и этим вы льёте воду на «мельницу» большинства. Выбирайте путь мирного протеста. Разговаривайте дома, в обществе, на рабочем месте, а также в семьях со смешанными браками на родных языках. Передавайте язык своим детям. Если по-другому не получится, выбирайте факультативный путь обучения и изучения родного языка в школах. Этим демонстрируете силу вашего языка, культуры и духа. Со временем ваш труд принесёт свои плоды. Трудным и утомительным является данный путь, но он увенчается успехом.

Внешняя международная поддержка возможна только в случае активизации деятельности в своих регионах. В Европейском парламенте с 2004 по 2009 гг. на повестке дня постоянно были пленарные выступления, в которых осуждали насилие против руководителей российских финно-угорских меньшинств. В это же время удалось достичь того, что Европарламент оказал значительную финансовую поддержку программам, направленным на благо российских финно-угорских народов. К сожалению, деньги переправлялись непосредственно в Москву, и только незначительную часть смогли использовать в интересах поставленных целей. Всё же, благодаря европейским деньгам, многие финно-угорские республики осуществили интересные программы. Одной из таких программ была программа «Школьная терминология» («Terminologia scholaris»), в рамках которой удалось разработать терминологию по 10 школьным предметам на пяти финно-угорских языках. В итоге изданы 50 маленьких терминологических словарей, которые позволяют данные учебные предметы вести на родном языке. В некоторых школах обучение на родном языке осуществляется на факультативной основе – и это 60 лет спустя после ликвидации национальных школ.

Так могут соприкасаться внутренняя воля и внешняя поддержка. Так может быть сохранён коренной язык, а через него языковое и культурное разнообразие мира, его красочность.

УДК 811.511.151

О.А. Сергеев
МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева (Йошкар-Ола)

О НЕКОТОРЫХ УСТАРЕВШИХ И УСТАРЕВАЮЩИХ СЛОВАХ, СВЯЗАННЫХ С ТРАДИЦИОННОЙ РЕЛИГИЕЙ МАРИ

В статье рассматривается одна из лексико-семантических групп, входящих в настоящее время в зону редких и забытых слов. Они главным образом связаны с духовной культурой марийского народа. Из анализированных лексических единиц некоторые из них не фиксированы современными лексикографическими произведениями марийских литературных языков.

Ключевые слова: *лексико-семантический пласт, марийский язык, производное слово, ранние памятники письменности, реестровое слово, слова пассивного запаса, словообразовательный суффикс.*

Любой язык, в том числе и марийский, имеет в своем фонде слова, входящие в т.н. в активную и пассивную лексику. Если слова активного запаса – это общеупотребительные, характерные для любого стиля в любой обстановке общения слова, то лексика пассивного запаса – редко употребляемые в повседневном общении и не всегда понятные носителям языка лексические единицы. К последней лексической категории относятся устаревшие (архаизмы и историзмы – потерявшие свою активность) и недавно появившиеся слова, непривычные, не вышедшие в общее употребление (неологизмы). По сравнению с пассивным лексическим фондом, активная лексика не имеет оттенка устарелости или новизны. Наличие в лексическом составе большого количества редких и забытых слов свидетельствует о возрасте (древности) того или иного языка. Как известно, «количеству редких слов отводится важное место при оценке богатства лексики» [подробнее, например, см.: 25, с. 166]. Тщательный анализ опубликованных и рукописных памятников марийского языка XVIII – начала XX вв. подтверждает, что действительно наш язык богат этой лексико-семантической категорией слов. Устаревшие и устаревающие слова, принадлежащие к разным лексико-тематическим группам, главным образом сохранились в рукописных словарях XVIII – второй половины XIX вв. [краткий список глоссарий, например, см.: 18, с. 173–186]. Тексты переводной церковно-миссионерской литературы хранят термины, связанные с православием. Многие из них также входят в группу забытых слов. Следует сказать, что подобные ценные «старые» слова зафиксированы в том или ином памятнике письменности (иногда даже в единственном источнике), многие из них не знакомы большинству говорящих на родном языке.

В данной работе мы остановимся на характеристике некоторых лексем, относящихся к традиционной религии марийского народа. Они принадлежат к лексическому пласту зоны редких и забытых слов.

Йӱктӱч (*йӱктыч, йӱктеч?*). В источниках лексическая единица встречается в разных вариантах: *Юктючъ* [9, с. 56, 74], *Югтиш* [12, с. 104; 13, с. 191], *юктичи* (например: «…у марийцев, придерживавшихся в то время традиционных языческих верований, имелись свои жрецы – «*мушаны*», «***юктичи***» и «*карты*») [5, с. 104], *юктюч* ‘чтец (молитв)’ [27, с. 142], *югтич* ‘жрец’ [32] и некоторые другие. Ссылаясь на книгу российского академика Н.П. Рычкова «Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 году» (СПб., 1770), Р.А. Саберов приводит вариант *юктуч* ‘чтец молитв’, ср. также: *мушан, карт* [16, с. 265]. Профессор И.Г. Иванов, перечисляя список слов в монографии академика Императорской АН и художеств И.Г. Георги (СПб., 1776–1777), отмечает такие эндонимы, как *картъ, мушанъ, удше*. Среди них имеется и исчезнувшее в современном марийском языке слово *югтишъ* [6, с. 36].

Описывая традиционную марийскую религию, одним из первых слово *йӱктӱч* зафиксировал русско-немецкий историк, участник Камчатской экспедиции Г.Ф. Миллер. Лексема написана с заглавной буквы и в ауслауте слова поставлена буква **ъ**. С одной стороны, фиксирование в конце слов графемы **ъ** по традициям тогдашней русской графики является правильной; с другой стороны, наличие **ъ** после графофонемы **ч** является ошибкой, так как в

марийском языке фонема **ч** всегда является мягкой [см.: 4, с. 178][*]. Описывая марийских «духовных людей» XVIII столетия, Г.Ф. Миллер пишет: «*…у черемисъ кромѣ* ***Мушановъ*** *есть еще и другїе духовные люди, которые у нихъ* ***Юктючъ*** *называются; а должность ихъ состоитъ въ томъ, чтобы при отправленїи ихъ службѣ учреждатъ порядки и читать молитвы:* [*у прочихъ же народовъ такихъ людей не бываетъ по тому, что у нихъ каждой хозяинъ должность Черемисскаго* ***Юктюча*** *отправляетъ*]. *Служба их состоитъ въ приношенїи въ жертву нѣкоторыхъ животныхъ, которыхъ они колютъ и варятъ и по отправленїи надъ оными молитвѣ отъ служащихъ по обѣщанїю службу людей, оныхъ въ снѣдь[**] употребляютъ…*» [9, с. 53–54], ср. также: «*…Прежде яденїя у Черемисъ* ***Юктючъ****, …обратившися лицемъ на востокъ, читаетъ приличныя ко учрежденной ихъ жертвѣ краткїя молитвы* [9, с. 58]; *…****Юктючъ*** *о новобрачной парѣ читаетъ нѣкоторыя молитвы… женихъ и невѣста нѣсколько времени стоятъ на колѣнкахъ. В то время* ***Юктючъ*** *подчиваетъ гостей пивомъ и медомъ по своему произволенїю*» [9, с. 74]. Судя по описаниям Г.Ф. Миллера, марийский *йӱктӱч,* кроме «публичной жертвы», на свадьбах «подчивал[***] гостей пивом и медом».

Чувашский лингвист Н.И. Егоров, рассматривая происхождение слова *йӱктӱч,* пишет: «*Юктюч* – в доступных словарях марийского языка похожего слова мы не нашли. Очевидно, оно происходит от марийского *йӱк* «голос», «звук», *йӱктеш* «читать» и буквально означает «чтец (молитв)» [27, с. 142] (инфинитивная форма – *йӱкташ* II спр. ‘читать’ – *О.С.*). На данное предположение ссылается Р.А. Саберов и к этой лексеме приводит значение: «дословно – ‘*чтец молитв’*» [16, с. 265]. Не исключено, что слово *йӱктӱч* образовано от имени существительного *йӱк*, ср. Л. ‘1) голос; а) в один голос, б) монотонно; 2) звук’ [11, с. 90]; *юк* Г. ‘1) голос; 2) звук; 3) шум, брань’ (11, с. 456); ‘1) голос; 2) звук, тон; 3) шум, брань, крик’ [17, с. 230]. От имени существительного при помощи суффикса *-т* образовано слово *йӱкташ*, Г. *юкташ* (где *-аш* – суффикс неопределенной формы глагола) ‘кликать птиц (животных)’ [17, с. 230]. А.А. Саваткова после словарной единицы *юкташ* дает помету *устар*., т.е. в настоящее время лексическая единица считается устаревшей. С этим мнением нельзя не согласиться. Рассматриваемая лексема нашла место также в десятом томе словаря марийского языка толкового типа. Реестровое слово дано с пометой *диал*. (диалектное слово – *О.С.*): *юкташ* II -ем *диал*. ‘читать; воспринимать написанное, произнося вслух или воспроизводя про себя’. К сожалению, иллюстративной частью данной словарной статьи выступает материал не из художественных или публицистических произведений, а словосочетание, приводимое составителем «Словаря марийского языка» от себя, ср.: *книгам юкташ* ‘читать книгу’; *йӱкын юкташ* ‘читать вслух’ [23, с. 171]. Слова на букву «*Ю ю*» принадлежат профессору И.С. Галкину. Не исключено, что сочетание слов *книгам юкташ* заимствовано из

[*] В графеме *ю* мы видим букву *ӱ*. В виду того, что в русской графической системе отсутствует специфическая марийская буква *ӱ*, автор книги фиксировал ее через йотированную букву *ю*. В немецком издании книги лигатура *ю* заменена буквой *ӱ*.

[**] *Снедь* (прост.) ‘пища, еда’ [14, с. 641].

[***] *Потчивать* от *почестить* (уст.) ‘предлагать съесть, выпить что-либо; угощать’ [33].

рукописного словаря XVIII в. Д. Дамаскина*. И.С. Галкин непосредственно был знаком с этим лексикографическим произведением 235-летней давности. Однако, на наш взгляд, правильнее было бы вместо лексической пометы *диал*. использовать помету *уст*. или *устар*. В десятитомном словаре марийского языка к заглавному слову *юкташ* приведено омонимичное слово: *юкташ* I -ем *диал*. (произошла опечатка – *-ем* показатель II спр. – *О.С.*) ‘кликать, кликнуть; звать, позвать; кричать, крикнуть (громко)’ [23, с. 171]. Правильным считаем то, что после реестрового слова отсутствует помета *Г*. (*г*.), которая отмечает принадлежность лексической единицы к богатствам горного наречия марийского языка. Вышедшая из активного употребления лексема *йӱкташ* (*юкташ*) широко использовалась в речи марийцев (как луговых, восточных, так и горных мари) в XVIII в. Впервые она нашла «прописку» в грамматике марийского языка 1775 г., ср.: (*кинягамъ)* ***юктемъ*** ‘читаю книгу’ [24, с. 32]. Данная единица зафиксирована и в рукописном памятнике 1785 г. церковных деятелей В. Крекнина и И. Платунова: *юктемъ* ‘читаю’**, *ваштарешъ юктемъ* ‘пою напротив’, ср. также образованные от глагола существительное *юктымашъ* ‘читание, чтение’ и причастие *юктуше*, использованное в значении существительного ‘читатель’ [7]. В источнике последняя лексема имеет еще значение ‘*поильщик’*. Отметим, что словарь кукарских священнослужителей отражает особенности разных говоров лугового наречия [подробнее о нем см.: 18, с. 39]. Лексическая единица *йӱкташ* зафиксирована и В.М. Васильевым в его словаре «Марий мутэр»: ср.: *йӱктэм* (ӱ. м.), *окэм* (ӱ. м.), *лудам* (о. м.) ‘читаю’, ср. также: *йӱктӓлдэм* (ӱ. м.), *кычкыралам* (о. м.) ‘зову, кличу’ [1, с. 313]. Реестровое слово свидетельствует, что анализированная нами лексема дана с пометой *ӱ. м*. (*ӱпӧ марий*), т.е. слово относится к восточному наречию марийского языка. Приводимый В.М. Васильевым после заглавного слова *йӱктэм* иллюстративный материал – *книга лудаш тыгодым вашке туныктат* – остался без перевода, в переводе сочетание означает: ‘*таким образом читать книгу быстро научат*’ – *О.С.*). Оно дает нам яснее понять семантику слова *йӱкташ*. В данном случае, на наш взгляд, он раскрывает значение ‘*читать по буквам, по слогам*’. В настоящее время лексическая единица *йӱкташ* входит в зону редких и забытых слов. Она не нашла место и в современных нормированных (лугововосточных) двуязычных марийских словарях. Лексическая единица *йӱкташ* ‘читать’ постепенно вытеснена со словом *лудаш* ‘1) читать, прочесть, прочитать что-л.; 2) считать, счесть, сосчитать’ [11, с. 174], первостепенное значение у которого было ‘*считать*’.

Как уже отметили, глагол *йӱкташ* возможно образован от имени существительного *йӱк* при помощи суффикса *-т*. А что тогда представляет агноним *йӱктӱч*? Если в слове выделяем корень *йӱк*, то чем является морфема *-тӱч*? После корня слов должен находиться суффикс, а такой суффикс в марийском языке отсутствует. Возникает вопрос: а не родственно ли забытое

---

* В основе словаря лежат особенности горного и северо-западного наречий марийского языка [подробнее см.: 18, с. 42–43]. В словаре Дамаскина дано сочетание *кинягамъ юктéмъ* ‘читаю книгу’ [19]. Интересно отметить то, что в этом же памятнике реестровое слово ***читаю*** переведено словом ‘*лодáмъ’*, Л. *лудам*, Г. *лыдам*, ср. также: ***читаю перед кем*** ‘*кюнъ áнзална лодáмъ*’, ***читаю опять*** ‘*ече лодáмъ*’ [19].

** Здесь и далее слова даны в оригинальном виде.

древнее слово *йӳктӳч* (*юктючъ, юктюч*) с древнетюркской лексемой *йагъычи*? Поясняя этимологию марийского слова *суас* ‘татарин’, чувашский профессор Н.И. Егоров приводит лексическую единицу *йагъычи*. В частности, он пишет: «В марийском языке этноним *суас* (*сӱäс, ша́ш́, сäс*) является заимствованием из чувашского языка. Диалектные формы этого марийского этнонима явно показывают его старое звучание *çăвăç* «язычник» – из древнетюркского *йагъычи* «жертвоприноситель», от *йагъ-* «приносить жертву» [27, с. 136]. Семантика марийского и древнетюркского слов главным образом также совпадают.

К «возрастному» пласту слов можно отнести лексическую единицу *мушан* (*мушанъ*). Она встречается уже в ранних письменных печатных памятниках XVIII в., в частности, в описаниях Г.Ф. Миллера и И.Г. Георги. Академик Г.Ф. Миллер, например, в монографии отмечает: «*Къ каждомъ народѣ есть нѣкоторые особливые люди, которые у Рускихъ ворожеями называются, и имъ по соединенному съ тѣмъ суевѣрію подобны такіе люди всѣ бываютъ сѣдобородые старики, которые между прочими по мнимому ихъ о будущихъ случаяхъ предсказанію, или по нѣкоторму съ Богомъ тайному обязательству, состоятъ въ великомъ почтенїи. Черемисы называютъ ихъ* ***Мушанъ*** *или* ***Мушангече*****...*» [9, с. 47].

В работе чувашского исследователя Н.В. Никольского, кроме варианта *мушан* [12, с. 103, 104], встречаем его фонетический вариант *мужан* [12, с. 104; ср. также: *мужаны, мажаны*** [12, с. 104; 13, с. 190]. По описанию Н.В. Никольского «*мужаны* или *мажаны* находились в таинственном союзе с богами, среди которых главный назывался *Югтиш*. Они были жрецами, ворожецами, предсказателями и толкователями снов» [12, с. 104]. *Мушан* определял время, место, род жертвы. Во время жертвоприношения при каждом огне находился особый *Мужан* или *Карт* и *Удше*… [12, с. 104].

Относящийся к лексико-семантической группе исчезающих и исчезнувших слов, эндоним *мушан* не зафиксирован в IV томе «Словаря марийского языка» (1998). Он не нашел место и в современных двуязычных словарях. Интересно отметить, что анализируемое нами слово включено в этимологический словарь Владимира Даля, ср.: *мушан* ‘колдун у черемисов’ из горномар. *mužan* ‘то же’ [30], мушан м. или карт, черемисский жрец и кудесник [31, см. также: 29, s. 80]. Вариант *мужан* сохранился в горном наречии марийского языка, семантика которого – ‘ворожея, знахарка, гадалка’ [17, с. 93–94]. В лугововосточном литературном языке используется слово *мужанче*, Г. *мужан* ‘ворожея, гадалка’ [17, с. 194; 21, с. 90], ср. также: *мужедаш* ‘1) ворожить, гадать, погадать; 2) *перен*. гадать, строить догадки, предположения о ком-чем-л.’; *мужедмаш* ‘ворожба, гадание’ [11, с. 194]. В словаре В.М. Васильева сохранен лексический вариант *мужаҥ* ‘ворожба’, ср. также: *мужо* ‘общее название низшего духа и болезни, с ним вообще’ [1, с. 124].

---

* В связи с отсутствием в русской графической системе буквы *ҥ*, в словах *мушан, мушангече* марийская специфическая буква *ҥ* обозначена литерой *н* и сочетанием букв *нг* (о подаче буквы *ҥ* в письменных памятниках XVIII–XIX вв. подробнее см.: [18, с. 115–116]). В лексических единицах *мушан, мушангече* мы видим современный вариант *мужаҥ* и *мужанче*.

** В монографии Н.В. Никольского также отмечено сочетание *Мушан Чен* ‘доброе божество’ [12, с. 103].

В слове *мужаҥ* можно выделить глаголообразовательный суффикс - *аҥ* (*мужаҥаш* – в течение времени, по всей видимости, слово вышло из употребления). Не исключено, что корень *муж* связан с лексемой *мужо (муж (о)*, значение которого очень близко к слову *мужо*, ср.: *мужо* уст. ‘(в суеверных представлениях) общее название злого духа и болезней, им насылаемых’ [11, с. 195], *муж (о)* уст. ‘болезнь’ [21, с. 91] и суффикс -*че*, образующий имя существительное). З.В. Учаев в слове *мужаҥ* не выделяет показателя -*аҥ*, т.е., по его мнению, лексема *мужаҥче* образована от существительного *мужаҥ* [26, с. 85].

К редким словам относится также языческий термин *удше* (фонетический вариант заимствован из книги [6, с. 36]). В подобном написании он зафиксирован в книге И.Г. Георги, в работе Н.В. Никольского [13, с. 191] и у некоторых других исследователей. Отметим, что по законам лабиальной гармонии марийского языка в ауслауте слова должна быть гласная *о* (ср. *удышо – О.С.*).

К сожалению, рассматриваемая нами лексическая единица в современных марийских словарях не приводится. Если разбирать данное слово по составу, то мы, скорее всего, должны выделить суффикс -*ышо*, тогда оставшаяся часть *уд-* будет корнем. В данном случае показатель -*ышо* является суффиксом активного причастия. Причастие образовано от глагола *удаш* (II спр.). Однако лексема, в процессе длинного исторического развития, по разным социально-политическим причинам в основном словарном составе марийского языка не сохранилась. Сопоставляя лексический состав современного марийского языка, семантически близким к слову *удаш (удышо)* мы считаем лексему *удылаш*, Г. *ыдылаш* (-*ам*) ‘молиться, помолиться’ [22, с. 19], ср. также производные от нее слова: *удылмаш*, Г. *ыдылмаш* ‘моление’, *удылмо*, Г. *ыдылмы* ‘1) *прич*. от *удылаш*; 2) *прил*. молитвенный; 3) *в знач. сущ*. ‘моление’ [22, с. 19]. Интересно отметить, что составитель словаря толкового типа глагол *удылаш* относит к I спряжению, а в «Марийско-русском словаре» после него стоит пометка «*2 спр.*» [11, с. 361], т.е. глагол II спряжения. Действительно, в марийском языке до настоящего времени сохранились несколько слов, в которых определить принадлежность к тому или иному спряжению довольно проблематично [об этом подробнее см.: 2, с. 165–177; 18, с. 66–67:], ср., например, также: *нӱжам, нӱжем*. В словаре марийского языка глагол *нӱжаш* приводится в двух словарных статьях (слова омонимы). В одной он причислен к глаголу I спряжения, см.: *нӱжаш* I -*ам*. ‘1) бить, побить, избивать, избить; хлестать, отхлестать; дубасить, отдубасить; лупить, отлупить; 2) *перен*. рассказывать, рассказать; сказывать, расписывать, расписать; 3) *перен*. делать что-л. усердно, ревностно, рьяно, с усердием’ [21, с. 227], во второй – ко II спряжению: *нӱжаш* II, Г. *нӹжӓш -ем* ‘1) тереть, натереть; шлифовать, отшлифовать; 2) скрести; скоблить, соскоблить, чистить, тереть чем-л. жестким; 3) брить, сбрить; срезать волосы бритвой; 4) точить, наточить, делать (сделать) острым путем трения чем-л.’ [21, с. 227–228]. В то же время в другом лексикографическом источнике слово *нӱжаш* дан в составе одной словарной статьи, а принадлежность к спряжению не указана: *нӱжаш* ‘1) тереть, натереть что-л.; 2) скрести; скоблить что-л.; соскоблить; 3) точить, наточить что-л.; гранить, выгранить что-л.; 4) брить, сбрить что-л.; 5) *перен.*

разг. лупить, отлупить, дубасить, отдубасить кого-л.’ [11, с. 211–212]. Лексема *нӱжаш*, как и *удылаш* относится к древнему пласту слов. Нельзя не отметить и то, что лексическая единица *удылаш* по сравнению со словарем толкового типа в марийско-русском словаре имеет дополнительный иллюстративный материал – *читать молитву* и помету *ср. улдаш* [11, с. 361]. Объяснение к реестровому слову *улдаш* следующее: «*2 спр*. ‘молиться, помолиться, читать молитву’», его синонимом выступает лексема *юмылдаш*, ср. также: *улдымаш* ‘моление, молитва’ [11, с. 364].

Внимательно изучая словарные статьи в 8-м томе «Словаря марийского языка», нас привлекает внимание отсутствие леммы *удылшо* ‘молельщик; тот, кто молится’ (активное причастие, также в значении существительного), в то же время слово *удылмо* (в значении причастия, прилагательного и существительного) дано отдельной словарной статьёй. Лексема *удылшо* зафиксирована в орфографическом словаре марийского языка [10, с. 297]. Тщательно проанализировав производящие и производные слова с морфемой *уд-*, мы пришли к выводу: не является ли агноним *удышо* (в памятниках письменности *удше*) усеченной формой существительного *удылшо*, образованного морфолого-синтаксическим способом от причастия? Если так, то морфему *-ыл* можно рассматривать как уменьшительно-ласкательный суффикс глагола.

К марийским религиозным эндонимам относятся также синонимичные слова *учо* и *ӱссӧ*. В словаре толкового типа они переведены словосочетанием ‘помощник жреца’, после словарной статьи *ӱссӧ* имеется лексическая помета *уст*. (устаревшая лексика – *О.С.*) [22, с. 134, 195]. Последняя лексема, например, для придания произведению национального колорита использована классиком марийской литературы С. Чавайном, ср.: *Сакарын йодышыжлан вашмутым пуымыла,* ***ӱссӧ-шамыч*** *Сакар ончыко оксам конден оптальыч* (С.Ч.) ‘Словно отвечая на вопрос Сакара, помощники жреца высыпали перед Сакаром деньги’ [пример заимствован из: 22, с. 195]. Основной функцией *учо* (помощника жреца) во время моления была «резать (скотину), бить по железу» ([*кумалме годым учо*] *солалташ полша, кӱртньым кыра*) или «зарезать жертвенную скотину» (*юмылан пуышаш вольыкым шӱшкылаш*) [примеры взяты: 22, с. 134; см. также: 28, с. 19; 1, с. 231]. Совершать этот языческий обряд помощники жреца (*учо, ӱссӧ-влак*) получили от юктучей (*йӱктӱч деч*). Об этом, например, отметил еще в своей монографии Г.Ф. Миллер. В частности, описывая деятельность «черемисского Юктюча», он писал: «*При приводѣ скота на жертвенное мѣсто, черемисский* ***Юктючъ*** *приказываетъ особливому человѣку оной скотъ бить…*» [9, с. 56]. Этим «особливым человеком» как раз был *учо* (*ӱссӧ*).

Еще одно почти забытое слово современного марийского языка – это *коштан*. По описанию этнографа Н.В. Никольского, «*…каштаны* или *мироеды*, люди дурных самых свойств, ненавидимые крестьянами, но опасные для них, потому что могут давать им разного рода неприятности, пользуясь особенным доверием и дружбой волостных начальников. Чего не захотят *каштаны*, то отвергает и мир из боязни подать противный голос, и, наоборот, к чему склоняет голос *каштана*, с тем соглашается; таким образом совершается избрание во все мирские должности, кроме волостного головы и писаря, которые везде почти

выбираются по указанию земских исправников с соблюдением только формы избрания их миром, от имени коего, но, часто против воли, составляется мирской приговор, представляемы на утверждение казенной палаты…» [12, с. 113].

В марийско-русском словаре оно дано в значении ‘своенравный; себялюбивый; злой’ [11, с. 132; см. также 1, с. 76]. В многотомном словаре лексема дана в семи значениях: *коштан* «‘1) *ист. сущ*. коштан, мироед, главенствующий в сельской общине; захватчик, притеснитель; 2) *разг. сущ*. повеса, шалопай, легкомысленный человек; 3) *разг. сущ*. ходатай; лицо, выступающее в интересах кого-л.; 4) *разг. сущ*. ябедник, ябеда; тот, кто ябедничает, жалуется на кого-то, выдает кого-л.; 5) *прил*. злой, жестокий; неприятный; 6) *прил*. злой, безжалостный, жестокий, лишенный доброты; 7) гордый, высокомерный, заносчивый, хвастливый; с непокладистым характером’» [20, с. 24], ср. также: *коштанлаш -ем* ‘гордиться собой, быть горделивым, заносчивым; *коштанлык* ‘1) высокомерие, заносчивость; 2) злость’; *коштанын* ‘заносчиво, с гонором, с задиристым видом’ [20, с. 24]. Слово включено и в орфографический словарь марийского языка [10, с. 147].

Марийский просветитель Г.Я. Яковлев в работе «Религиозные обряды черемис» слово *коштан* оставляет без перевода: *суас-**коштан** гычен саклы-арало, руш **коштан** гыченат арало-саклы* ‘сохрани отъ татарскихъ *коштановъ*, сохрани и отъ русскихъ *коштановъ*’ [28, с. 16]. В данном предложении лексическая единица *коштан* использована в значении ‘противник, враг’. В исследовании другого этнографа С.К. Кузнецова «Культ умершихъ и загробныхъ вѣрованияхъ луговыхъ черемисъ» *коштан* переведен как ‘*мироед*’, см.: «…кто при жизни больше другихъ вредилъ людямъ, именно колдуны (*ло́ктызӹ*), зловредные люди (*тушма̀н*) и міроѣды (*коштà̀н*)» [8, с. 77].

В современных марийских литературных (лугововосточном и горномарийском) языках слово *коштан* встречается очень редко. Подобное можно сказать и о чувашском языке. Комментируя лексему *коштан* в этнографическом очерке В.И. Лебедева «Симбирские чуваши», Н.И. Егоров отмечает: «*коштан*, в современной орфографии *куштан*, в старой чувашской деревне – лицо, часто выступавшее как посредник и защитник интересов общины» [27, с. 190], ср. у В.И. Лебедева: «Часто случается, что симбирские чуваши углубляются в леса верст на 30 от церквей и живут там семействами. Оттого они робки в обращении с другими людьми. При такой дикости чувашей и разъединенности общественные дела их обделывают так называемые *коштаны* или, как говорят в других местах, *мироеды*» [27, с. 182].

Итак, устаревшие и устаревающие лексические единицы являются ценным свидетельством исторического развития словарного состава марийского языка. В данном случае из анализированных лексем большинство примыкает к лексико-семантической группе эндонимы. Тщательный поиск в разных ранних печатных источниках может приумножить лексический состав марийского языка новыми ценными словами. Кладезь подобных глоссариев – это сохранившиеся ранние рукописные источники, этнографические исследования XVIII–XIX вв. и богатейшие материалы устного народного творчества.

Литература

1. *Васильев В.М.* (*Ӱпымарий*) Марий мутэр. Тӱрлӧ верэ илышэ марийын мутшым танастарэн нэргэлымэ книга. М.: СССР Калык-влак Рӱдӧ Савыктыш, 1926. 347 с.

2. *Галкин И.С.* К вопросу о возникновении двух типов спряжения в марийском языке // Вопросы финно-угорского языкознания. М.-Л., 1962. С. 165–177.

3. *Георги И.Г.* Описание всех в Российском государстве обитающих народов… Ч. 1–3. СПб., 1776–1777.

4. *Грузов Л.П.* Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1965. 244 с.

5. *Иванов А.Г., Сепеев Г.А.* Материалы анкеты В.Н. Татищева о марийцах Приуралья 30-х годов XVIII века // Марийский археографический вестник. 1994. № 4. С. 83–105.

6. *Иванов И.Г.* Марий литератур йылме историй: студент-влаклан тунемме книга. Йошкар-Ола: Изд-во МарГУ, 2003. 299 с.

7. Краткий черемисский словарь с российским переводом, собранный Кукарской слободы Троицкого собора протоиереем Василием Крекниным и Спасской церкви диаконом Иоанном Платуновым. 1785 года // Рукописный отдел Российской национальной библиотеки. Эрмитажное собрание № 197/1.

8. *Кузнецов С.К.* Культ умершихъ и загробныхъ вѣрованіяхъ луговыхъ черемисъ // Этнографическое обозрѣніе: Изданіе Этнографическаго Отдѣла Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Московскомъ Университетѣ. 1904. № 2. С. 67–90.

9. *Миллер Г.Ф.* Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков… СПб, 1791. 99 с.

10. Марий орфографий мутер. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2011. 368 с.

11. *Васильев В.М., Саваткова А.А., Учаев З.В.* Марийско-русский словарь. 2-е издание, с изм. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1991. 512 с.

12. *Никольский Н.В.* История мари (черемис). Вып. 1. Казань: Первая гос. типография, 1920. 180 с.

13. *Никольский Н.В.* Собрание сочинений. Т. III: Труды по истории, культуре и статистике народов Волго-Уралья и Сибири. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2008. 735 с.

14. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов / под ред. *Н.Ю. Шведовой*. 17-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1985. 797 с.

15. *Рычков Н.П.* Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства, 1769 и 1770 гг. С.-Пб, 1770. 189 с.

16. *Саберов Р.А.* Жречество мари (конец XX – начало XXI века): проблемы институционализации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 4 (1). С. 264–268.

17. *Саваткова А.А.* Словарь горного наречия марийского языка. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1981. 235 с.

18. *Сергеев О.А.* Истоки марийской письменности: историко-лингвистический анализ рукописных памятников марийского языка XVIII–XIX веков. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2002. 192 с.

19. Словарь черемисского языка с российским переводом // Рукописный отдел Российской национальной библиотеки. Эрмитажное собрание № 218.

20. Словарь марийского языка. Т. III (косараш–ляпкыме) / гл. ред. *И.С. Галкин*. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1994. 504 с.

21. Словарь марийского языка. Т. IV: М, Н, О, Ӧ (ма–ӧрчыктарымаш). Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1998. 384 с.

22. Словарь марийского языка. Т. VIII: У, Ӱ, Ф, Х, Ц, Ч. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2003. 511 с.

23. Словарь марийского языка. Т. X: Ы, Ӹ, Э, Ю, Я. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2005. 256 с.

24. Сочиненія, принадлежащіія к грамматикѣ черемискаго языка. Въ Санкт-Петербургѣ при Императорской Академіи наукъ 1775 года. 136 с.

25. *Тулдава Ю.* Проблемы и методы квантитативно-системного исследования лексики. Таллин: Валгус, 1987. 204 с.

26. *Учаев З.В*. Марий йылме. Икымше ужаш: факульт. занятийым эртарыме учебный пособий: туныктышо-влаклан. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1982. 184 с.

27. Хрестоматия по культуре Чувашского края: дореволюционный период / сост. *Н.И. Егоров, М.Г. Данилова*; под ред. *М.И. Скворцова*. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2001. 255 с.

28. *Яковлев Г.Я*. Религиозные обряды черемис. Казань: Типографія и Литографія В.М. Ключникова, 1887. 87 с.

29. *Ramstedt G.J*. Bergtscheremissische Sprachstudien / MSFoU XVII. Helsinki, 1902. 233 S.

30. Мушан // URL: https://gufo.me/dict/dal/мушан (дата обращения: 08.04.2020).

31. Толковый словарь живого великорусского языка // URL: https://librebook.me/tolkovyi_slovar_jivogo_velikorusskogo_iazyka/vol1/13 (дата обращения: 09.04.2020).

32. Карт (язычество) // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Карт_(язычество) (дата обращения: 08.04.2020).

33. Потчевать // URL: https://Ru.Wiktionary.Org/Wiki/Потчевать (дата обращения: 13.04.2020).

УДК 811.511.151

С.С. Сибатрова
МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола)

ГОРНОМАРИЙСКИЕ АДВЕРБИАЛЬНЫЕ СЛОВОСОЧЕТАНИЯ С НАРЕЧИЯМИ МЕРЫ И СТЕПЕНИ

В статье представляется классификация горномарийских наречий меры и степени, выступающих в зависимой части адвербиальных словосочетаний, по семантическим особенностям. Выявлено семь групп таких наречий, передающих разную степень проявления признака действия. Обращается внимание на грамматическую связь между компонентами словосочетаний – примыкание.

Ключевые слова: *горномарийские адвербиальные словосочетания, наречия меры и степени, семантические группы, грамматические значения.*

Известно, к адвербиальным (лат. *adverbium* – наречие) словосочетаниям относятся синтаксические конструкции с наречиями в качестве главного компонента. Согласно данным описательных работ по грамматике современного марийского языка, прежде всего учебных пособий (для учителей и студентов) по морфологии и синтаксису, зависимую позицию в адвербиальных словосочетаниях занимают количественные и некоторые другие наречия, именные части речи – существительные, местоимения, прилагательные,

числительные, именные конструкции с отдельными послелогами [см. 6, с. 273, 277; 8, с. 111, 113, 117–118; 2, с. 11; 3, с. 22–23; 7, с. 5; 4, с. 77, 118, 124; 1, с. 150, 154; 5 с. 250].

В настоящей статье будут рассмотрены горномарийские наречные словосочетания с количественно-определительными наречиями, а именно меры и степени, в зависимой позиции (т. е. модели $Н_{меры\ и\ ст.}$ + Н). Данная модель является одной из наиболее распространенных среди адвербиальных словосочетаний в марийском языке. Цель работы – установление лексического состава наречий меры и степени, определяющих другие наречия, и их семантические группы. Исследование осуществлено на базе материалов горномарийской части лексической картотеки МарНИИЯЛИ, которая представляет собой сбор цитат-предложений на конкретные слова из литературных источников. Выявление необходимых словосочетаний проводилось как по известным и предполагаемым зависимым компонентам, так и по отдельным широкоупотребительным опорным наречиям.

Итак, наречие как главенствующее слово в словосочетании способно присоединять к себе следующие наречия меры и степени: *айыртемӹн(ок)* ‘особенно, в особенности’, *вик(ок)* ‘совсем, совершенно’, *изиш* ‘немного, несколько, чуть’, *йолт(ок)* ‘совсем, совершенно, полностью’, *когон(ок)* ‘очень, слишком’, *лач* ‘совсем, совершенно’, *литӹмӓш* ‘очень, чересчур, чрезвычайно, чрезмерно’ (букв. ‘невозможное, небывалое’), *пиш(ок)* ‘очень, весьма’, *проц(ок)* ‘очень, весьма’, *пуше* ‘пуще, более, еще, еще более, все более’, *совсем(ок)* ‘совсем, совершенно’, *тӹргач(ок)* ‘очень, слишком, чересчур’, *утла(ок)* ‘слишком, чересчур, чрезмерно’, *чоте(ок), чотым, чотымаш* ‘очень, весьма’, *эче(ӓт)* ‘еще, более, еще более, все более’. В источниках выявлено 15 наречий меры и степени в сочетании с другими наречиями. Они употребляются для передачи различной степени проявления признака действия и выражают:

– высокую (большую, сильную) степень: *пиш(ок)* ‘очень, весьма’, *чоте(ок), чотым, чотымаш* ‘очень, весьма’, (при наречиях встречаются редко) *когон(ок)* ‘очень, слишком’ и *проц(ок)* ‘очень, весьма’. Например: *пиш когон (лӱдӓш)* ‘очень сильно (испугаться)’, *пиш пурын анжаш* ‘очень добро (смотреть)’, *пиш чыванʼла (чучаш)* ‘очень чванливым (казаться)’, *пиш мӹндыӱрц(ӹн) (толаш)* ‘очень издалека (приехать)’, *пиш шукердыӱ (ӹлӓш)* ‘очень давно (жить)’; *чоте яжон (тыменяш)* ‘очень хорошо (учиться)’, *чоте костанын (анжаш)* ‘очень строго (смотреть)’, *чоте ӹжӓлӓйӹмӹла (каяш)* ‘очень жалостливо (выглядеть)’, *чотым чӹнь (кыдалаш)* ‘очень быстро (ехать)’, *чотымаш поздан (толаш)* ‘очень поздно (прийти)’; *когонок пӹсӹн (эртӓш)* ‘очень быстро (пройти)’, *когон келгӹн (шанаш)* ‘очень глубоко (думать)’; *процок когон (янгылаш)* ‘очень сильно (устать)’, *проц яжон (сирӓш)* ‘очень хорошо (писать)’;

– чрезмерную, слишком (чересчур, весьма) большую степень: *утла(ок)* ‘слишком, чересчур, чрезмерно’, *литӹмӓш* ‘очень, чересчур, чрезвычайно, чрезмерно’, *тӹргач(ок)* ‘очень, слишком, чересчур’. Например: *утла когон (тыргыжланаш)* ‘слишком сильно (переживать)’, *утла литӹмӓш (ружгаш)* ‘очень сильно (шуметь)’, *утлаок пӹсӹн (мындырталташ)* ‘слишком быстро (катиться)’, *утла ирыӱ (шижӓш)* ‘слишком рано (проснуться)’, *утлаок кӱшкыӱ*

(лӱктӓлӓш) ‘слишком высоко (поднять)’; *литӹмаш пурын (келесӓш)* ‘чересчур добро (сказать)’, *литӹмӓш когон (сылыкланаш)* ‘чересчур сильно (грустить)’; *тӹргачок яжон (вӓшлиӓш)* ‘слишком хорошо (встретить)’;

– степень, исключительно, абсолютно соответствующую названному признаку: *лач* ‘совсем, совершенно’ (достаточно многозначное слово, как наречие меры и степени функционирует редко), *вик(ок)* ‘совсем, совершенно’, *совсем(ок)* ‘совсем, совершенно’, *йолт(ок)* ‘совсем, совершенно, полностью’. Например: *лач когонок (янгылаш)* ‘совсем сильно (устать)’, *лач тӧрӧкок (попаш гӹнь)* ‘совсем прямо (если говорить)’, *лач сагажок (шагалаш)* ‘совсем рядом (с ним остановиться)’, *лач тоштынжок (лӧценӓ тыл доно шӹнзенӹт)* ‘совсем в прошлом (сидели при свете лучины)’; *викок цӓрӓн (кодаш)* ‘совсем голым (остаться)’, *вик аккелӓ (чучаш)* ‘совсем ненужным (казаться)’, *викок ӧрдӹш (кеӓш)* ‘совсем в сторону (идти)’; *совсемок незерӹн (ӹлӓш)* ‘совсем бедно (жить)’, *совсем лишнӹ (ылаш)* ‘совсем близко (быть)’; *йолток виш (шуаш)* ‘совсем настежь (открыть)’;

– низкую (небольшую, некоторую) степень: *изиш* ‘немного, несколько, чуть’. Например: *изиш самыньрак (попаш)* ‘немного неверно (говорить)’, *изиш туран (келесӓш)* ‘немного резко (сказать)’, *изиш пӱгӹррӓклӓ (каяш)* ‘немного сутулым (выглядеть)’, *изиш йӹӱр (кеӓш)* ‘немного кругом (идти)’, *изиш шайылнырак (шалгаш)* ‘немного позади (стоять)’, *изиш вараrак (лӓктӓш)* ‘немного позже (выйти)’. Видно, *изиш* может употребляться с наречиями, которые снабжены суффиксом сравнительной степени *-рак,* выражающим в данном случае значение неполноты признака. Таким образом в подобных словосочетаниях–незначительное проявление признака параллельно передается двумя средствами – наречием *изиш* и суффиксом *-рак*;

– бóльшую степень (в сравнении с признаком данного же действия, проявляющимся в других обстоятельствах, или с аналогичным признаком другого действия): *эче(ӓт)* ‘еще, более, еще более, всё более’, *пуше* ‘пуще, более, еще, еще более, все более’. Например: *эчеӓт когоракын (шӹдешкӓш)* ‘еще больше (разозлиться)’, *эчеӓт пыт (тыменяш)* ‘еще усерднее (учиться)’, *эче пуше (цӱдейӓш)* ‘еще пуще (удивиться)’, *эче пакырак (карангаш)* ‘еще подальше (отойти)’, *эчеӓт келгӹшкӹрӓк (валаш)* ‘еще глубже (опуститься)’; (в отличие от *эче, пуше* употребляется при наречиях положительной степени, часто сопровождается постпозиционной усилительной частицей *веле* ‘даже, аж’) *пуше когон (мӓгӹрӓш)* ‘еще сильнее (плакать)’, *пуше чӹнь (кеӓш)* ‘еще быстрее (идти)’, *пуше (веле) лӱдышлӓ (каяш)* ‘еще страшнее (выгдядеть)’, *пуше (веле) потикӓн (чучаш)* ‘еще более смешным (казаться)’;

– большую степень признака в отличие от общих или прочих случаев, от подобного признака в других случаях: *айыртемӹн(ок)* ‘особенно, в особенности’. Например: *айыртемӹнок раскыдын (ӓшӹндӓрӓлтӓш)* ‘особенно четко (вспоминаться)’, *айыртемӹн яжон (шакташ)* ‘особенно хорошо (слышаться)’, *айыртемӹн цеверлӓ (каяш)* ‘особенно красивым (выглядеть)’, *айыртемӹнок кӹзӹт (нелемӓш)* ‘особенно сейчас (усложняться)’, *(ик шӹдӹр) айыртемӹн лишнӹ* ‘(одна звезда) особенно близко’.

Нужно отметить, что при необходимости передачи весьма большой степени в проявлении признака действия возможно совместное употребление

двух или даже трех наречий меры и степени: *утлаок когон кужын (лапам шиäш)* ‘очень долго (аплодировать)’, *утла когонок мӹндӹрäн (киэн кодаш)* ‘очень далеко (отстать)’, *пиш когон пыт (йäмдӹлäлтäш)* ‘очень усердно (готовиться)’.

Помимо вышерассмотренных, для передачи самой высокой (наивысшей) степени признака действия в языке функционируют наречия *сек* ‘… всех, … всего’ и (при наречиях встречается редко, характерно для разговорной речи) *самой* ‘… всех, … всего’. Например: *сек яжон (тыменяш)* ‘лучше всех (учиться)’, *сек ирен (мышкаш)* ‘чище всех (мыть)’, *сек пӹтäри(ок) лäктäш* ‘раньше всех (выходить)’, *сек ӱлнӹ (шалгаш)* ‘ниже всех (стоять)’; *самой когон (орландарен колташ)* ‘больше всего (обидеть)’, *самой кӱшнӹ (лиäш)* ‘выше всех (быть)’. Однако наречие *сек* в школьной грамматике отмечается как одно из составных форм выражения превосходной степени наречий [1, с. 154], А.А. Саватковой оно также приводится в ряду средств, передающих значение превосходной степени [2, с. 250]. По-видимому, будет правильно адвербиальные синтаксические конструкции с *сек, самой* не включать в ряд словосочетаний как представляющие аналитические формы категории превосходной степени наречий.

Как видно из изложенного, все наречия меры и степени соединяются с опорными наречиями связью примыкания, т. е. никак не изменяются (правда, многие из них нередко выступают с усилительно-выделительной частицей *-ок* ‘же’, а наречие *эче* – с частицей *-äт* ‘и, даже’). Они главным образом определяют качественные наречия, реже – наречия места и времени, а также (*утла, литӹмäш)* меры и степени. Преимущественная часть описываемых наречий (единицы первых четырех групп и последней группы: *пиш(ок), чоте(ок), чотым, чотымаш, когон(ок), проц(ок); утла(ок), литӹмäш, тӹргач(ок); лач, вик(ок), совсем(ок), йолт(ок); айыртемӹн(ок);* также *пуше*), а именно не допускающие в своем внутреннем содержании какого-либо сравнения, выступают только при наречиях в форме положительной степени; наречия же, выражающие низкую (небольшую, некоторую) и бóльшую степень, – *эче(ät), изиш* могут сочетаться с наречиями как сравнительной, так и положительной степени. Все рассмотренные наречия характеризуют признак действия, выраженный стержневым наречием, в целом со стороны его интенсивности – меры и степени. Следовательно, в таких адвербиальных словосочетаниях между компонентами устанавливается обстоятельственное отношение меры и степени.

Литература

1. *Апатеев А.И., Учаев З.В., Хлебникова Л.И.* Мары йӹлмӹ: Теорий: 5–9 класслан учеб. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1993. 288 с.

2. *Васикова Л.П.* Кызытсе марий йылме. Простой предложений синтаксис: туныктышылан полыш. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1987. 144 с.

3. *Васикова Л.П.* Сопоставительная грамматика русского и марийского языков. Синтаксис: пособие для учителя. Йошкар-Ола: Мар.кн. изд-во, 1990. 152 с.

4. *Максимов В.Н.* Послеложное управление в марийском языке: монография / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 1999. 160 с.

5. *Саваткова А.А.* Горное наречие марийского языка // Bibliotheca ceremissica. Szombathely. Savariae: Berzsenyi Dániel Főiskola, 2002. Tomus V. 292 p.

6. Современный марийский язык. Морфология / отв. ред. *Н.Т. Пенгитов*. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1961. 324 с.

7. *Тимофеева В.Т.* Кызытсе марий йылме. Простой предложений синтаксис: туныктышылан полыш. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1989. 120 с.

8. *Учаев З.В.* Марий йылме: факульт. занятийым эртарыме учеб. пособий: туныктышо-влаклан. Кокымшо ужаш. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1985. 183 с.

УДК 81’362=511

Г.Л. Соколова, А.Л. Коляго
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С РАЗНОРОДНОСТЬЮ ЧАСТЕЙ В СОВРЕМЕННОМ АРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ*

Статья посвящена стилистическим особенностям сложных предложений с разными видами синтаксической связи. В марийском языке сферой употребления сложных предложений с разными видами синтаксической связи является книжная речь. Стилистическая специфика таких предложений усложнена за счет употребления предложений с разными типами союзной или бессоюзной связи.

Ключевые слова: *стилистика, синтаксис, сложное предложение, разнотипность частей.*

Предложенное исследование продолжает цикл работ по проблеме стилистических возможностей сложного предложения в современном марийском языке [7–14].

Стилистические возможности и особенности сложных предложений зависят от многих факторов. К их числу относятся, в первую очередь, функциональный стиль, жанр произведения, манера повествования автора и др. Важное место отводится типу сложного предложения, так как именно он определяет стилистические особенности предложения, связанные с употреблением сочинительных, подчинительных союзов или их отсутствием.

Сложноподчиненные предложения, благодаря использованию подчинительных союзов, выражают временные, причинно-следственные, условные пространственные, целевые и другие отношения, которые по своей природе наиболее приспособлены для использования в научном и официально-деловом стилях речи. Язык художественной литературы также широко использует сложноподчиненные предложения разных типов.

Особенностью сложносочиненных предложений является их свободное синтаксическое построение, возможность соединять равноправные части, описывать, давать характеристики явлениям и событиям, выражать различные виды отношений, эффект движения позволяет их использовать во всех функциональных стилях речи. Одно из ведущих мест отводится языку художественной литературы.

* *Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Марий Эл в рамках научного проекта № 19-412-120002.*

Бессоюзная связь сложного предложения наиболее приспособлена для использования в разговорной речи. Однако использование бессоюзных предложений в книжной речи является одним из факторов экспрессивности, к которому авторы прибегают для привлечения внимания читателя и придания повествованию образности и эмоциональности. В бессоюзных сложных предложениях экспрессия создается за счет перехода от разговорности к книжности, считает Н.Ф. Формановская [15, с. 148].

В нашей работе мы остановимся на случаях использования сложных предложений с разнородностью частей в языке марийской художественной литературы и их экспрессивных возможностях.

В произведениях марийской художественной литературы случаи использования бессоюзной и разных видов союзной связи можно встретить достаточно часто. Такие предложения в языкознании относятся к сложным синтаксическим конструкциям со смешанным типом связи. Состав таких конструкций представлен в виде отдельных блоков, причем эти блоки могут быть как связаны друг с другом в смысловом отношении, так и нет. Границей между блоками служат союзы. В случае, когда союзы отсутствуют, используются различные знаки препинания.

В зависимости от видов связи между частями сложной синтаксической конструкции в произведениях марийской художественной литературы можно выделить следующие типы сложных предложений:

– ***сочинение и подчинение***

Вес семынже каласаш гын: тыге шокта – туге возалтеш, але туге возыман – туге лудман, йӱклыман [5, с. 114] ‘Если сказать по-другому: так слышится – так пишется, или так нужно писать – так нужно читать, произносить’. *Ужын омыл кӱкшака капетым, Но коеш шинчамлан тудо раш, Пуйто угыч мланде мучко лектын Кайшын жапнам моктен мураш* [3, с. 281] ‘Не видел твою высокую фигуру, но она ясно стоит перед моими глазам, как будто вновь из под земли появился воспевать наше уходящее время’.

Сочинительные союзы придают повествованию значение движения и усиливают значение придаточных союзов, помогают полнее раскрыть их значение.

– ***сочинение и бессоюзие***

Мардеж почеш имньым поктымыж дене лум шӱргышкыжӧ велын, мардеж лупшен, но рвезе ны лумым, ны марждежым шижын огыл – ушыштыжо Эльвира гына лийын [2, с. 128]. ‘Оттого что он гнал коня против ветра, снег падал на его лицо, хлестал ветер, но парень не чувствовал ни снега, ни ветра – в уме была только Эльвира’. *Возалташыже возалтыда тудо, родо-тукым дене эртарена огыла, а куштo илаш тӱҥалыдаже?* [1, с. 24] ‘Расписаться-то распишетесь, у родственников проведем (свадьбу), а где жить-то будете?’

В данных примерах эмоциональность высказыванию придают перечислительная и противительная интонация сочинительных союзов и разговорность бессоюзных простых предложений, входящих в блок сложного предложения.

– подчинение и бессоюзие

Марий-влак угычын кугыжаныш кучем ваштареш («черемисские войны» манме сар семын) кынел ыныш керт манын, нунылан апшат пашам ышташ виеш чарены, нуным олашке йӱдлан малаш пуртен огытыл – лӱдыныт [5, с. 109] ‘Чтобы марийцы снова не восстали против царской власти (как во времена так называемых «черемисских войн»), им совсем запретили заниматься кузнечным делом, их не пускали ночевать в город – боялись’. *Вес шот дене аклаш гын, йот йылме гыч налме ушан, шотан мут ава йылмым пойдара, сӧрастара гына огыл, у шинчымашым пуа, йылмын поянлыкшым шукемда, мыланна тӱнямбал мер илышым ужаш, умылаш, глобализаций манме саманын экшыкше деч аралаш полша* [5, с. 111] ‘Если посмотреть с другой стороны, взятые из иностранного языка умные, толковые слова не только обогащают и украшают родной язык, но и дают новые знания, увеличивают богатство языка, помогают нам увидеть, понять всемирную общественную жизнь, помогают уберечь от недостатков глобализации’. *Кутырымо йылмыште йӱк улы гын, шокта, чучеш, але шижалтеш гын, тудым возымо йылмышкат пуртыман докан, вет латынь але грек алфавитла гыч марий йылмыш пуртыдымо буква-влак эше ятыр улыт* [5, с. 114] ‘Если в разговорной речи есть звук, он звучит или чувствуется, его, наверное, нужно включить и в письменный язык, ведь есть еще много латинских и греческих букв, которые не вошли в марийский алфавит’.

В данных примерах значение подчинительных союзов усиливается перечислительной интонацией бессоюзных предложений, что создает эмоциональный эффект в предложениях.

– ***сочинение, подчинение и бессоюзие***

Нимом пелештен ом керт, тунар чот кумылем тодылалтын, а логар аҥыш, чучеш, пуйто комыля толын [4, с. 97] ‘Ничего не могу произнести, так сильно я растрогался, а к горлу, кажется, как будто комок подступил’. – *Сержант йолташ, а те каласен огыда керт, могай кундемыште мыланна салтак службым эрташ пӱрен, кушко ме каена? – йодо сержант деч тораште огыл верланыше кӱшыл полкышто кийыше рвезе* [4, с. 91] ‘– Товарищ сержант, а вы не можете сказать, в каком краю нам предстоит проходить военную службу, куда мы едем? – спросил сержанта парень, лежащий на недалеко находящейся верхней полке’. *Иктешлен каласаш гын, марий мутын, ойын сынжым ончыктымо годым тудын умылжым почын пуымо, ыҥжым умылтарыме годым шомакнам, йылмынам сӧрастарыме, саемдыме нерген гына огыл шоныман, а йылмынан тудын озажын – калыкын лӱмжым нӧлтымӧ нерген азапланыман, тудын таптержым ончыкташ тыршыман* [6, с. 111] ‘Если подвести итог, то когда показывают оттенок слова, речи, когда раскрывают его сущность, раскрывают значение слова, то нужно думать не только о приукрашивании языка и его улучшении, а нужно позаботиться о поднятии престижа хозяина языка – народа, нужно пытаться показать его силу’.

Сложная синтаксическая конструкция, в рассмотренных примерах из произведений марийской художественной литературы, представлена разными типами предложений, что является уже само по себе признаком экспрессивности. В приведенных сложных предложениях смешанного типа значения сочинения и бессоюзия представляют собой более высокий уровень

членения, так как они более свободны, чем значение подчинения, которое зависимо от них. Экспрессивные возможности таких сложных предложений смешанного типа в марийском языке многогранны, так как позволяют выразить и усилить оттенки значения всех предложений, входящих в их состав.

Литература

1. *Галютин-Ялзак Ю.* Ю: роман // Ончыко. 2020. № 9. С. 8–54.
2. *Весчурий К.* Пиалым сӧрышӧ у вий: ойлымаш // Ончыко. 2019. № 12. С. 125–135.
3. *Казаков М.* Йӧратыме поэзий йолташем: поэма, почеламут-влак. Йошкар-Ола: Мар. кн. савыктыш, 2003. 268 с.
4. *Петров Э.* Боец Яша: ойлымаш // Ончыко. 2019. № 6. С. 91–99.
5. *Соловьева В.* Марий сын: ожно, кызыт, вара // Ончыко. 2018. № 11. С. 104–116.
6. *Соловьева В.* Марий сын: ожно, кызыт, вара // Ончыко. 2018. № 12. С. 109–122.
7. *Соколова Г.Л., Коляго А.Л.* Complex Sentences in the Mari Language // Proceedings of ADVED 2019 – 5th International Conference on Advances in Education and Social Sciences 21-23 October 2019 – Istanbul, Turkey. P. 291–294.
8. *Соколова Г.Л., Коляго А.Л.* Stylistic Features of the Compound Sentence in the Mari Language // Proceedings of ADVED 2019 – 5th International Conference on Advances in Education and Social Sciences 21–23 October 2019 – Istanbul, Turkey. P. 295–298.
9. *Соколова Г.Л., Коляго А.Л.* Expressive ways of reporting other persons' speech in the Mari lanquage // Proceedings of INTCESS 2020 – 7th International Conference on Education and Social Sciences 20–22 January, 2020 – DUBAI (UAE). P. 51–54.
10. *Соколова Г.Л., Коляго А.Л.* Особенности функционально-стилистического использования бессоюзных сложных предложений в марийском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 12. С. 196–200.
11. *Соколова Г.Л., Коляго А.Л.* Сложные предложения в марийском языке // Современные тенденции и инновации в области гуманитарных и социальных наук: сборник материалов IV Международной научно-практической конференции / Мар. гос. ун-т; под ред. Д.А. Семеновой. Йошкар-Ола, 2019. С. 107–112.
12. *Соколова Г.Л., Коляго А.Л.* Стилистические особенности сложных предложений с эллипсом в главной части // Проблемы марийской и сравнительной филологии: сб. статей / Мар. гос. ун-т; отв. ред. Р.А. Кудрявцева. Йошкар-Ола, 2019. С. 90–93.
13. *Соколова Г.Л., Коляго А.Л.* Инверсия в сложном предложении поэтической речи марийского языка // Современные тенденции и инновации в области гуманитарных и социальных наук: сб. материалов V Межд. науч.-практ. конф. / Мар. гос. ун-т; под ред. Д.А. Семеновой. Йошкар-Ола, 2019. С. 49–53.
14. *Соколова Г.Л., Коляго А.Л.* Expressive ways of reporting other persons' speech in the Mari lanquage // Proceedings of INTCESS 2020 – 7th International Conference on Education and Social Sciences 20–22 January, 2020 – DUBAI (UAE). P. 51–54.
15. *Формановская Н.Ф.* Сложное предложение: семантико-стилистические аспекты. 3-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2015. 240 с.

УДК 316.454

В.И. Шабыков
МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола)
Р.А. Кудрявцева, Н.М. Краснова
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА ГОРНОМАРИЙСКОГО ЯЗЫКА В XXI ВЕКЕ*

В статье на материале социологических исследований 2011–2012 и 2018 годов актуализирован вопрос о современном социальном статусе горномарийского языка. Он рассмотрен в диахроническом аспекте на основе ответов горных мари, проживающих в Горномарийском районе Республики Марий Эл. Доказывается, что этнический социум горных мари активно мобилизирует внутренние механизмы этноязыковой защиты и пытается всемерно поддерживать социальный статус языка на этноидентификационном, коммуникативном и лингвокомпетентностном уровнях. Также выявлена актуальность проблемы поддержки горномарийского языка на государственном уровне.

Ключевые слова: *Республика Марий Эл, Горномарийский район, горные мари, общественное сознание, языковая ситуация, языковая политика, горномарийский язык, социальный статус языка, государственный язык, лингвокоммуникация, этническая самоидентификация.*

Целью статьи является сравнительный анализ результатов социологических исследований 2011 и 2018 годов «Межконфессиональные и межнациональные отношения в Республике Марий Эл» [3; 4] и 2012 года «Языковая ситуация в Республике Марий Эл», которые касаются языкового сознания и языкового поведения горных мари, проживающих на территории Горномарийского муниципального района Республики Марий Эл (далее – РМЭ). Отличие данного нашего исследования от предыдущего, посвященного изучению социального статуса горномарийского языка в современном обществе [5] на материале опроса 2018 года, заключается в том, что общественное сознание горных мари представлено уже в диахроническом разрезе.

В статье социальный статус горномарийского языка будет рассмотрен нами на следующих уровнях:

1) этноидентификационный (на основе анализа ответов респондентов на следующие вопросы анкеты: «Что сближает Вас с людьми Вашей национальности?», «Скажите, пожалуйста, какой язык Вы считаете родным?», «Хотите ли Вы, чтобы ваши дети знали родной язык?»);

2) коммуникативный (вопросы «На каком языке Вы обычно разговариваете со своими родителями и детьми?», «Кроме семьи, где Вы еще используете родной язык?»);

3) лингвокомпетентностный (вопросы «Насколько хорошо Вы владеете нижеуказанными языками (русским, марийским, татарским и другими?», «Если у Вас есть дети, знают ли они родной язык?»);

* *Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00481.*

4) государственный (вопрос «Как Вы считаете, в полной ли мере в Марий Эл функционируют русский и марийский языки как государственные?»).

Социологические исследования 2011 и 2018 годов показывают стабильно сохраняющийся высокий (и в определенной мере даже возрастающий) этноидентификационный статус горномарийского языка. Об этом, в первую очередь, свидетельствует то, что именно язык назван горными мари доминирующим мотивом сближения с людьми своей национальности. Язык как этноидентификационный фактор отметили в 2011 году 70,2 %, а в 2018 году – еще больше, почти 80 % опрошенных (Табл. 1), в то время как другие мотивы были выбраны гораздо меньшим количеством респондентов, например, народные обычаи выбрали соответственно 38,6 % и 41,4 %, черты характера, психологию – 10,5 % и 20,7 %, историческое прошлое – 14 % и 13,8 %, религию – 21,1 % и 13,8 %.

Важнейшим показателем этноидентификационного статуса горномарийского языка является признание его родным языком. Именно свой горномарийский язык признали родным в 2011 году более трех четвертей опрошенных горных мари, в 2018 году этот показатель заметно уменьшился, но тем не менее более половины (55,3 %) горных мари признавали родным язык своего этноса; кроме того, горномарийский и русский в равной мере признавали родными соответственно 17,5 % и 27,6 % опрошенных.

Таблица 1

Мотивы сближения горных мари с людьми своей национальности
(в % от числа опрошенных)

Мотивы	2011	2018
1) язык	70,2	79,3
2) народные обычаи	38,6	41,4
3) историческое прошлое	14,0	13,8
4) религия	21,1	13,8
5) черты внешнего облика	3,5	0,0
6) черты характера, психология	10,5	20,7
7) одинаковое отношение к другим народам	14,0	6,9
8) общая участь, одинаковое социально-общественное положение	14,0	3,4
9) другое	0,0	3,4
10) ничто не сближает	1,8	3,4
11) затрудняюсь ответить	3,5	0,0

Таким образом, горномарийский язык как родной язык, в целом, значим для значительного большинства горных мари (примерно для 83 % в 2018 году, а в 2011 году – 94,7 %) (Табл. 2). Исключительно русский язык называет родным небольшая часть горных мари, правда, их число к 2018 году, по сравнению с 2011 годом, увеличилось примерно в 2 раза (соответственно 10,3 % и 5,3 %).

На вопрос «Хотите ли Вы, чтобы Ваши дети знали родной язык?» в 2018 году более трех четвертей (75,9 %) горных мари ответили утвердительно («да»), в 2011 году таковых было еще больше – 80,7 %; тех, кто не хотел бы, чтобы их дети знали горномарийский язык, – очень незначительное количество

(в 2011 году их было 1,8 %, в 2018 году – 3,4 %). Однако довольно большая часть опрошенных (примерно пятая часть) по каким-то причинам не ответила на поставленный вопрос. И тем не менее можно утверждать, что горные мари в целом активно транслируют свой этнический язык в последующие поколения.

Таблица 2

Родной язык жителей горных мари (в % от опрошенных)

Язык	2011	2018
Марийский	77,2	55,3
Русский	5,3	10,3
Другой (напишите)	0,0	3,4
Русский и марийский	17,5	27,6
Русский и другой (напишите)	0,0	3,4

Коммуникативный статус горномарийского языка отчетливо проявляет себя в ответах респондентов на вопросы, связанные с его использованием в общении в семейном и общественном социуме.

На вопрос о том, на каком языке горные мари обычно разговаривают со своими родителями, были получены следующие ответы: в 2011 году разговаривали только на русском языке 12,3 %, в 2018 году – 10,3 %; только на горномарийском языке – соответственно 61,4 % и 48,3 %; на русском и горномарийском – 5,3 % и 17,2 %; не ответили – 21 % и 20,8 % (Табл. 3). Как видим, горномарийский язык в целом неплохо представлен в общении с родителями (в 2011 году разговаривали на нем 66,7 % и в 2018 году 65,5 % опрошенных); русскоязычное общение детей и родителей было отмечено лишь примерно у десятой части респондентов.

Таблица 3

Язык общения горных мари со своими родителями (в % от числа опрошенных)

Язык общения	2011	2018
Только на русском	12,3	10,3
Только на марийском	61,4	48,3
На русском и марийском	5,3	17,2
На русском и татарском	0,0	0,0
На русском и другом языке своей национальности	0,0	0,0
Не имею родителей	-	3,4
Не ответили	21,0	20,8

Явно проигрывает на этом фоне общение респондентов на горномарийском языке со своими детьми. В частности, лишь примерно треть опрошенных (33,3 %) в 2018 году разговаривала со своими детьми школьного возраста только на горномарийском языке, в то время как в 2011 году этот показатель был выше почти в 2 раза (62,5 %) (Табл. 4). Аналогичный процесс ухода горномарийского языка из общения с детьми школьного возраста, правда, в меньшей степени, обозначился и по позиции «общение на горномарийском языке параллельно с русским языком»: если в 2011 году так общалась почти четверть опрошенных, то в 2018 году уже только 16,7 %.

Таблица 4

Язык общения горных мари со своими детьми школьного возраста
(в % от числа опрошенных)

Язык общения	2011	2018
Только на русском	12,5	33,3
Только на марийском	62,5	33,3
На русском и марийском	25,0	16,7
Не ответили	0,0	16,7

Таким образом, к 2018 году половина опрошенных горных мари сохраняла в общении со своими детьми-школьниками этнический язык, и примерно треть опрошенных использовала для такой семейной коммуникации только русский язык.

Горные мари отметили следующие сферы социума, в которых они также имели в 2018 году общение на родном языке (представляем по мере убывания показателей) (Табл. 5): общение с друзьями – 100 % (сохранен показатель 2012 года), общение с коллегами по работе и общение в общественных местах – по 69 % (в 2012 году по позиции «с коллегами по работе» показатель был ниже). Отметилась тенденция к уменьшению общественного «веса» языка в административных учреждениях (от 30,6 % в 2012 году до 20,7 % в 2018 году) и, наоборот, к увеличению – в интернете (соответственно 8,3 % и 20,7 %) и в СМС-сообщениях. Безусловно, обращает на себя внимание такой позитивный в лингвофутурологическом контексте факт, что все горные мари общаются со своими друзьями на этническом языке.

Таблица 5

Использование горномарийского языка вне семьи
(в % от числа ответивших)

Варианты ответов	2012	2018
В разговоре с друзьями	100,0	100,0
С коллегами по работе	52,8	69,0
В общественных местах (в магазине, в транспорте, на улице и т.п.)	69,4	69,0
В административных учреждениях	30,6	20,7
В Интернете	8,3	20,7
СМС-сообщениях	11,1	13,8

Тот факт, что примерно пятая часть горных мари в 2018 году смогла сохранить коммуникацию с помощью родного языка в административных учреждениях, свидетельствует о том, что для этого в районе созданы определенные условия, в частности, управленческие структуры обеспечены кадрами, владеющими горномарийским языком. А то, что стабильно почти 70 % респондентов-мари общается на родном языке в общественных местах (в магазине, в транспорте, на улице и т.п.), говорит о том, что в Горномарийском районе, по сравнению с РМЭ в целом имеет место более благоприятная языковая ситуация и более взвешенная языковая политика, создана атмосфера уважения к языку коренного населения (горных мари).

Таким образом, несмотря на все усиливающуюся русификацию нерусского населения РМЭ, горные мари активно сохраняют этнический язык не только в качестве языка семейного общения, но в еще большей степени – как язык общения вне семьи.

Лингвокомпетентностный статус горномарийского языка, по социологическим материалам 2018 года, выглядит следующим образом:

– полноценно владеют им, то есть пишут, читают и говорят на нем, 86,2 % горных мари;

– читают и говорят на нем, но не умеют писать только 3,4 %;

– совсем не владеют им также 3,4 %.

Такие распространенные в целом среди марийцев РМЭ формы неполноценной лингвокомпетенции, как владение только устной речью, говорение с затруднениями и владение только на уровне понимания, вообще, не свойственны для горных мари. Об устойчивости лингвокомпетенции горных мари в этническом языке свидетельствует также и такой факт: значительное большинство (90,5 %) детей в семьях горных мари в 2018 году владели родным языком; не знали его дети только 4,8 % опрошенных.

Государственный статус горномарийского языка зафиксирован в Конституции РМЭ, в статье 15: «Государственными языками в Республике Марий Эл являются марийский (горный, луговой) и русский языки» [2]. Горные мари знают о государственном статусе горномарийского языка; они проявляют беспокойство за судьбу этого статуса, понимая, что от него зависит будущее их этнического языка. Значительная часть горных мари (более 60 % и в 2012 году, и в 2018 году) (Табл. 6) отметила, что горномарийский язык как государственный используется не в полной мере (больше используется русский язык).

Таблица 6

Мнение горных мари о функционировании русского и марийского языков как государственных (в % от числа опрошенных)

Мнение	2012	2018
Да, в полной мере функционируют русский и марийский языки	13,9	27,6
Больше используется русский язык, чем марийский язык	63,9	62,1
Больше используется марийский язык, чем русский язык	5,6	0,0
Нет, русский и марийский языки функционируют не в полной мере	0,0	10,3
Не могу сказать определенно	16,6	0,0

Таким образом, в ответах марийцев Горномарийского района в большой мере актуализирована проблема поддержки марийского языка на государственном уровне и соответственно государственной поддержки «доминантных коммуникативных сфер» («регулируемых сфер образования и массовой коммуникации» [1, с. 463], наиболее важных для функционального развития национального (нерусского) языка.

Итак, этнический социум горных мари активно мобилизирует внутренние механизмы этноязыковой защиты и пытается всемерно поддерживать социальный статус языка на этноидентификационном, коммуникативном и лингвокомпетентностном уровнях.

Язык занимает первое место среди мотивов сближения с людьми своей национальности; большинство горных мари использует родной язык в семейном социуме (правда, наметилось серьезное вытеснение языка из общения респондентов с их детьми школьного и дошкольного возраста); активно сохраняется язык и в общественном социуме (в максимальной мере – в общении с друзьями).

Горные мари к 2018 году сохранили высокий лингвокомпетентностный статус горномарийского языка (более 86 % опрошенных горных мари владеют полноценной коммуникацией на этническом языке, и более 90 % детей в семьях горных мари знают родной язык). Горные мари хорошо ориентируются в государственном статусе горномарийского языка и обеспокоены в этом плане судьбой своего родного языка.

Литература

1. *Кондрашкина Е.А*. Сферы общения и язык // Язык и общество: энциклопедия. М.: Изд. центр «Азбуковник», 2016. С. 460–464.

2. Конституция Республики Марий Эл (принята Конституционным Собранием Республики Марий Эл 24 июня 1995 г.) (с изменениями дополнениями). Статья 15 // URL: https://constitution.garant.ru/region/cons_mariy/chapter/d60e93439c93a0a5348ed8181732bb33/ (дата обращения: 12.02.2020).

3. Межконфессиональные и межнациональные отношения в Республике Марий Эл: науч.-статист. бюллетень / МарНИИЯЛИ; авт-сост. *В.И. Шабыков* и *О.В. Орлова.* Йошкар-Ола, 2018. 192 с.

4. Научно-статистический бюллетень «Межнациональные и межконфессиональные отношения в Республике Марий Эл» (материалы социологического исследования 2011 года / В.*И. Шабыков, О.В. Орлова, Г.С. Зеленеева* и др. // Социологические исследования межнациональных и межконфессиональных отношений: материалы Межрег. науч.-практ. конф. (7 июня 2012 г.) / МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева. Йошкар-Ола, 2013. С. 163–431.

5. *Шабыков В.И., Кудрявцева Р.А., Зорина З.Г.* Статус горномарийского языка в современном обществе // Социодинамика. 2020. № 4. С. 74–84 // URL: https://e-notabene.ru/pr/article_32757.html (дата обращения: 01.10.2020).

УДК 811.511.151

Г.А. Эрцикова
МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева (Йошкар-Ола)

КЫРЫК МАРЫ ОРФОЭПИ ДÄ СÄМЫРЫКВЛÄН КЫРЫК МАРЛА ПОПЫМЫ АЙЫРТЕМЫШТЫ*

В статье рассматриваются наиболее распространенные орфоэпические ошибки, встречающиеся в современной речи горных марийцев. Наблюдения над устной речью сельских жителей показывают, что речевые отклонения от литературных норм больше всего допускаются молодыми людьми, в речи людей старшего поколения произносительные нормы нарушаются меньше.

* *Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00481.*

Ключевые слова: *горномарийская орфоэпия, особенности произношения, классические нормы, нарушение норм, старшее поколение, молодое поколение.*

Хоть-махань литературный йӹлмӹн сирӹмӹ дӓ попымы нормывлӓжӹ улы. Сирӹмӹ нормывлӓ орфографи (грек шамак orthos – тӧр, grapho – сирем) лӹмдерӹштӹ пуалтыт, а попымы нормывлӓ – орфоэпи (грек шамак orthos – тӧр, epos – попымаш) лӹмдерӹштӹ.

Кырык марла орфографи лӹмдер остатка гӓнӓ 1994-шӹ ин лӓктӹн, авторжы – Л.П. Васикова [1], орфоэпи лӹмдер кырык марла эче уке. Тенге гӹнят кырык мары литературный йӹлмӹнӓт попымы нормывлӓжӹ улы.

Тагачшы кечӹн попымы йӹлмӹм виангдӹмӓштӹ кого пӓшӓм Кырык мары драма театр ӹштӓ. Тӹдӹ 1994-шӹ и гӹц пӓшӓм ӹштӓш тӹнгӓлӹн дӓ халык анзыкы кырык марла шукы яжо спектакльым лыктын (П. Першутын ямак поэмыжы семӹнь шӹндӹмӹ «Кыткы сӱӓн», М. Кудряшовын пьесӹжӹ семӹнь шӹндӹмӹ «Орлыкан пуйырымаш» дӓ шукы молы спектакльвлӓӓт). Театрын артиствлӓжӹ туан йӹлмӹн попымы нормывлӓжӹм мыштен кычылтыт, ӹшке попымашыштым тӹшлӓт дӓ тидӹн доно сӓмӹрӹквлӓлӓн пример ылыт.

Кырык марла попымы нормывлӓм кымда корныш лыкташ радиопередачывлӓӓт палшат: тагачшы кечӹн Мары Эл Радион эфирӹштӹжӹ «Акпарс» студин дӓ «Кырык мары цӓшӹн» кырык марла передачывлӓштӹм колышташ лиэш. Тенгеок кырык марла лӓкшӹ «Кырык сирем» телепередачат попымы нормывлӓм виангдӹмӓшкӹ ӹшке вижӹм пиштӓ.

Кырык сирӹштӹ погымы диалектологический материалвлӓнӓм шӹмлен лӓкмӹкӹ дӓ «Кырык мары цӓш» радиопередачын [2] икманяр сӓмӹрӹк хынажын попымыжым тӹшлен колыштмыкы, мӓ техень иктешлӹмӓшӹшкӹ шонна: кырык мары йӹлмӹн классический (латин шамак classicus – первоклассный, образцовый) попымы нормывлӓжӹ тӹнг шотышты когорак эдемвлӓн попымаштышты яжон перегӓлтӹнӹт, а шукы сӓмӹрӹк эдемӹн попымаштыжы «кыце сирӹмӹ, тенге лыдам, тенге попем» принцип шижӓлтеш. Тидӹжӹ сек пӹтӓриок попымы нормывлӓм научно шӹмлӹдӹмӓш, вузышты, школышты тӹдӹм тымдыдымаш, руш йӹлмӹн шынгалт пырымыжы доно кӹлдӓлтӹн.

Шамак толшеш, В Сузын «Вӓкш янгышта» шайыштмашыжы гӹц ик лаштыкым анжалына – кыце тӹдӹм 1937-шӹ ин сиренӹт, кыце кӹзӹтшӹ орфоргафи семӹнь сирӹмылӓ дӓ кыце ти лаштыкымок кырык мары орфоэпи правилывлӓм шотышкы нӓлӹн тӧр лыдмыла.

Книгӓштӹ пумы текст:

ЫржА лодон какльаныл кэшӹ арава корны мычкы Кэлгӹ-карэм сола ӹрвэзӹ – Хӧтьи, вӓкш токы лыргэ кыдалэш. Вадэш ӹдӹр-ӹрвэзӹ полкышты мадын каштмы паштэк шукы амалаш вӓрэшттэ гӹньӓт, аравашты шоӊгы тьотьилӓ нэрӹкӓлӹлӓш вара – сӓндӓлӹкшӹ махань цэвэр! Хӧтьи ирокок шишкалталэш, мыралталэш эчэ… Ти мырым ӹндэ эртӹш телӹм ӹдӹрвлӓ шӹнзӹш полкышты мыралтэн колтатат, шӹнзӹш полкышкы ам пыры маншыжок пыра. Цӹтӓш ак ли, мырыжы тӹхэнь ылэш ач... Тӹвэ вӓкшӓт кайэш, мардэж изиӓт тама ак йаӊышты. Вӓкш амасажы пачын шумы. Павылэт кӓнӓлтӓ вэкӓт... [4, с. 19–20].

Кӹзӹтшӹ орфографи правилывлӓм шотышкы нӓлӹн сирӹмӹ текст:

Ыржа ло доно какляныл кешы арава корны мычкы Келгарем сола ырвезы – Хӧти вӓкш докы лырге кыдалеш. Вадеш ыдыр-ырвезы полкышты мадын каштмы паштек шукы амалаш вӓрештде гынят, аравашты шонгы тьотилӓ нерыкӓлылӓш вара – сӓндӓлыкшы махань цевер! Хӧти ирокок шишкалталеш, мыралталеш эче… Ти мырым ынде эртышы телым ыдырвлӓ шынзышволкышты мыралтен колтатат, шынзышволкышкы ам пыры маншыжок пыра. Цытӓш ак ли, мырыжы тыхень ылеш ач... Тыве вӓкшӓт каеш, мардэж изиӓт, тама, ак йангышты. Вӓкш амасажы пачын шумы. Павылет кӓнӓлтӓ, векӓт...

Шамакын попымы айыртемжым дӓ кыце тӧр лыдаш келмым анжыкташ манын, транскипци доно пумы текст*:

Ы̆ржа ло·_дон ка?л’а·ныл_ге·шы арава_го·рны мы·ч’кы | Келгаре·м_со·ла рве·зы Хӧ·т’и вӓкш_то·к лы·рге кыда·леш || ва·деш ыдыр_ве·зы по·лкышты ма·дын ка·шмы па·штэк шук_ама·лаш вӓре·ште гын’ӓ·т | арава·шты шо·ӈкы тьотьи·лӓ нерыкӓ·лылӓш вара· | сӓнтӓ·лыкшы маха·нь це·вер || Хӧ·т’и ироко·к шишкалта·леш | мыралта·леш ече·// ти_мы·рым ы·нте е·ртыш_те·лым ыды·рвлӓ шынзышво·лкышты мыра·лтен_колтата·т | шынзышво·лкышкы а·м_пыры маншыжо·к пы·ра || ц·ытӓш а·?ли | мыры·жы тыхе·нь_ылеш_а·ч || ты·ве вӓкшӓ·т ка·еш | ма·рдеш и·зиӓт та·ма а·?_йаӈкышты || вӓкш_амаса·жы па·чын_шу·мы || Па·вылет кӓнӓ·лтӓ векӓ·т ||

Тенге, кӱшны пумы текствлӓ гыц раш каеш: 1937-шы иӓш орфорграфи кызытшы дорцын шукеш айыртемӓлтеш, тышты кырык марла попымы нормывлӓнӓт айыртемышты пӓлдырнӓ. Пумы материал анжыкта, кызытшы сирымы дӓ попымы нормывлӓ лошты айыртем улы. Икманярыжым анжал лӓктынӓ.

Кырык марла попышы когорак эдемвлӓ шамак мычашты шалгышы **д** буквам **т** юк семынь келесӓт: *выт, кат, тот, кит*, а сӓмырыквлӓ тыдым шукыжы годым **д** юк семыньок йонгалтарат: *выд, кад, тод, кид*. *Докы*, *доран*, *дорц*, *доны*, *доно* послелогвлӓн тынгӓлтыш **д** буквашты **к**, **п**, **с**, **т**, **ф**, **х**, **ч**, **ц**, **ш**, **щ** глухой согласный юквлӓ доно пытышы шамаквлӓ паштек **т** юк семынь келесӓлтеш: *вӓкш_то·кы*, *пӧрт_то·ны*, *шкаф_то·рц*, ыдыр-ырвезывлӓн гынь попымаштышты тиды шотышкы ак нӓлӓлт: *вӓкш докы*, *пӧрт доны*, *шкаф дорц*. Орфоэпи правило семынь *-де-*, *-дымы-* (*-дымы-*) суффиксвлӓ кӱшны анжыктымы глухой согласный доно пытышы шамакыш ушалтмышыты годым *-те-*, *-тымы-* (*-тымы-*) семынь йонгалтыт: *сӓнтӓ·лыкте*, *ку·нтымы*, *кырпы·цте*, *мӱ·кштымы*. *Сӓндӓлыкде*, *купдымы*, *кырпыцде*, *мӱкшдымы* манмаш попымы норма гыц ӧрдыжты лиэш. *-Де-* суффикс **т** юк доно пытышы шамакыш ушалтеш гынь, кужы **т** юк келесӓлтеш: *пӧ·рте*, *ки·те*, *ӓвӓ·те*, тенге гынят халык лошты кызыт шукыжы годым *пӧртде*, *кидде*, *ӓвӓтде* манмы шакта.

Кырык мары йылмышты молы согласныйвлӓ гыц айыртемӓлтшы ? юк улы. Алфавитыштышты тыды **к**, **т**, **д** буквавлӓ доно анжыкталтеш. Руш йылмыштышты ? юкым «гортанная смычка», а английскийыштышты – «glottal stop» манын. Кырык мары йылмым пӓлыдымы эдемлӓн ти юкым попымашты колаш нелы. ? юкым келесымы годым кукшылогер ӓнгыштышты юкым ыштышы кылвлӓ иктыштышы доно

* *Танскрипциштышты кычылтмы символвлӓм статья мычашты пумы.*

цат ушнат (äптӹртӹшӹм ӹштät), а вара трӱк айырлат, тенге ? юк шакта. Кӱшнӹ пумы текстӹштӹ техень юк *ка?л'а·ныл, а·?ли, а·?_йаӈкышты* шамаквлäштӹ вäшлиäлтеш. Ти шамаквлäм попымы годым **а** дон **л** (пӹтäришӹ кок шамакышты) дä **а** дон **й** (кымшы шамакышты) буквавлä лошты юк вуйта трӱк кӹрӹлт кеä, а вара печкäлт кемӹ ганьпӹсӹн лäктеш. Ти юкым эче игӹнцӹш доно тäнгäштарäш лиэш. Лач тенге ? юк когорак эдемвлäн попымаштышты шакта, сäмӹрӹквлäн шаяштышты ланзылымы юк ямын толеш, тӹдӹ **к**, **т**, **д** юквлä доно вашталтеш: *какляныл, ак ли, ак янгышты, тотлы, вадны*.

Шамак покшалны **нг** буква кӹлдӹш **ӈк** сложный юк семӹнь келесäлтеш. Анжыктымы текстӹштӹ тӹдӹм *шо·ӈкы, а·?_йаӈкышты* шамаквлäштӹ ужаш лиэш. Тенгеок ти юк *кара·ӈкай, мо·ӈкыр, пушä·ӈкӹ, äӈкä·лтäш* дä молы шамаквлäштät вäшлиäлтеш. Пäлемден коденä: 1937-шӹ и якте **ӈ** буква кырык мары алфавитӹштӹ анжыкталтын [3, с. 4]. Седӹндоно ти и якте лäкшӹ кырык марла книгäвлäштӹ (тенгеок В. Сузын анжыктымы книгäштӹжät) техень буква ӹшке вäржӹм мон.

Икманаш, анзыкылашы поколени кырык марла тӧр попаш тыменьжӹ манын, кырык мары литературный йӹлмӹн попымы айыртемвлäжӹм келгӹн шӹмлӹмӹлä, орфоэпи лӹмдерӹм ӹштӹмӹлä дä ӹдӹр-ӹрвезӹвлäлäн тӹдӹм школ гӹцок тымдаш тӹнгäлмӹлä. Тӹнäм веле туан йӹлмӹнäн соты анзыкылашыжы лиэш.

Транскрипци доно пумы текстӹштӹ кычылтмы символвлä

_ – шамаквлäм ушымы знак (строка лӹвäлäн шӹндäлтеш); || – пауза; | – пеле пауза; · – ударени; ‿ – кужылыкым анжыктышы знак (согласный буква вӹлäн шӹндäлтеш); ’ – согласный юкын пышкыды ылмыжым анжыктышы знак.

Литература

1. *Васикова Л.П.* Кырык марла орфографи лӹмдер = Орфографический словарь горномарийского языка. Йошкар-Ола: «Мары Элӹн периодика» изд-во, 1994. 593 с.

2. Радиостудия «Акпарс» дä «Кырык мары цäш» // URL: https://vk.com/club112592495 (дата обращения: 29.10. 2020).

3. *Саваткова А.А.* Мары орфографический словарь: кӹдäлäш школышты тыменьшӹвлäлан. Йошкар-Ола: Кн. лыкшы мары изд-во, 1978. 192 с.

4. *Сузы В.* Шайыштмашвлä. М.: Государствын «Художэствэнный льитьэратуры» издатьэльствы, 1937. 96 с.

УДК 811.511.151

Г.А. Эрцикова
МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева (Йошкар-Ола)

СОЮЗ И КОНКРЕТИЗАТОР: ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СЛОЖНОЙ КОНСТРУКЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются особенности взаимодействия отдельных союзов с конкретизаторами. Лексико-семантические конкретизаторы, занимая позицию после союзов, используются вместе с ними в качестве средств связи самостоятельных

предложений и выражают различные дополнительные оттенки семантических отношений.

Ключевые слова: *современный марийский язык, сочинительный союз, подчинительный союз, конкретизатор, особенности взаимодействия.*

Союзы (калька лат. conjunction и греч. sýndesmos, букв. – связь, союз) – класс служебных слов, оформляющих синтаксические связи предложений и синтаксические связи слов [1, с. 484]. Конкретизаторы (в русском языкознании их называют также «уточнителями», «различителями», «актуализаторами») – «слова и словосочетания, которые подключаются к союзу и уточняют его значение» [2, с. 714].

В современном марийском языке лексико-семантические конкретизаторы могут сопровождаться как с сочинительными, так и с подчинительными союзами. По результатам наших исследований, из четырех семантических групп сочинительных союзов конкретизаторы довольно часто употребляются при противительных союзах, их использование при соединительных, разделительных и градационных союзах не наблюдается. Из подчинительных союзов в сопровождении специальных лексических конкретизаторов могут выступать отдельные условные, уступительные, причинно-следственные союзы, а изъяснительные, сравнительные, причинные, целевые, временные, следственные союзы с рассматриваемыми лексическими элементами не взаимодействуют.

В роли лексико-семантических конкретизаторов чаще всего выступают различные подразряды наречий и частиц: г. *тӹнӓмок*, л. *тунамак* ‘в то же время; тотчас же, сразу же’, г. *трӱк(ок)*, л. *трук, кенета* ‘вдруг’, г., л. *лач* ‘только, лишь’, г., л. *вет* ‘ведь’, г. *эче*, л. *эше* ‘а еще’, г. *ӹнде(жӹ)*, л. *ынде* ‘теперь’, г., л. *уже* ‘уже’, г. *вара(жы)*, л. *вара(же)* ‘потом’, г. *гӹнь*, л. *гын* ‘же’ и др. При этом наиболее существенными различиями лексико-семантических конкретизаторов выступают не их морфологическая отнесенность, а лексико-семантические и функциональные признаки, отражающие их синтаксическую предназначенность. Рассматриваемые единицы языка входят в состав второго компонента сложной конструкции и занимают позицию после союза.

Лексико-семантические конкретизаторы условно можно разделить на: конкретизаторы, которые семантически совпадают со значением союзов, выделяя и акцентируя тот или иной аспект, и конкретизаторы, которые имеют дополнительные семантические характеристики.

К примеру, довольно часто оформляет конструкции совместно с конкретизаторами противительный союз г., л. *но* ‘но’. При этом одни конкретизаторы семантически близки к противительности и: 1) подчеркивают уступительно-сопоставительный характер сообщаемого (г. *ти веремӓн(ок)*, л. *тиде жапыште (жапыштак)* ‘в это (же) время’, г. *тӹ веремӓн(ок)*, л. *ты жапыште (жапыштак)* ‘в то (же) время’, г. *тӹнӓмок*, л. *тунамак* ‘в то же время; тотчас же, сразу же’, л. *ты годым* ‘в то время’, *тиде годым* ‘в это время’, г. *ти гӓнӓ(ӓт)*, л. *ты гана(ат)* ‘(и) в этот раз’); 2) актуализируют противительно-уступительные отношения (г. *таки*, г., л. *содыки* ‘все-таки’, г. *седок*, л. *садыгак, садиктак, садак* ‘все равно’); 3) акцентируют неожиданность

сообщаемого во второй части (г. *трӱк(ок)*, л. *трук, кенета* ‘вдруг’); 4) выражают ограничинельность (г., л. *лач* ‘только, лишь’).

Примеры: г. *Тымдымыла келесьӹмьӹ ти ладна шамакеш Миколайын кид-ялжат вален кеӓ... **Но ти веремӓн** мьӹндьӹрньӹ-мьӹндьӹрньӹ раскыдынракок угьӹц хьӹдьӹртьӹш юк шактен колта* (Н. Ильяков. Эдемвлӓ дӓ ивлӓ) ‘Из-за этих спокойных поучающих слов у Николая аж настроение упало... Но в это время снова далеко-далеко еще отчетливее послышался грохот грома’. *Ти веремӓн ик осколка Чӱчен лӓктеш онгжы вашт (Митян), **Но седок** фашиствлӓм шотла Дӓ арала ик араш* (А. Канюшков. Виолетта) ‘В это время одна осколка проходит сквозь его (Митин) грудь, но он все равно убивает (*букв.* считает) фашистов и складывает их в одну кучу’. *...Ваштаров шана. **Но трӱк** садвичьӹ капка дорцын ьӹдьӹрӓмӓш юк шактен колта* (Н. Ильяков. Эдемвлӓ дӓ ивлӓ) ‘…думает Ваштаров. Но вдруг со стороны ворот огорода послышался женский голос’.

л. *Нуно (Миля ден Сима) ваш-ваш ончал гына шуктышт, эше ала-мом каласынешт ыле, **но тунамак** шыпланышт* (М. Иванов. Илыш корнышто) ‘Они (Миля и Сима) только успели посмотреть друг на друга, еще что-то хотели сказать, но тотчас же замолчали’. *А вучымо пагыт кеч эркын, **Но садыгак** толын шуэш* (Ю. Чавайн. Сонарзе) ‘А ожидаемое время хоть медленно, но все равно придет’. *Алтыш ден Тариф тургыжланашат тӱӈалыт ыле, **но кенета** кудвечыште йӱк-йӱан нӧлталте* (К. Васин. Ушнымаш) ‘Алтыш и Тариф начали волноваться, но вдруг во дворе поднялся шум’. *Мыняр куатле йогыным палем, **Но лач** Какшан шӱм-чонышко кодеш* (А. Иванова. Какшан) ‘Сколько могучих рек я знаю, но только Кокшага остается на душе’.

Другая группа конкретизаторов имеет собственные семантические характеристики и: 1) выступает с усилительным оттенком (г., л. *теве, вот* ‘вот’); 2) придает характер возражения (г., л. *вет* ‘ведь’); 3) выполняет выделительную функцию (г. *вӓк*, л. *эсогыл*, г., л. *даже* ‘даже’, г., л. *и* ‘и’, г. *уж* ‘уж’).

Примеры: г. *Шьӹргьӹвлӓлӓн мычашат ак ли шаналтын. **Но теве** шьӹрерӓкьӹн дӓ шьӹрерӓкьӹн йонгата вӓрвлӓӓт попазаш тьӹнгӓлевьӹ* (В. Петухов. Кучкыжвлӓ дӓ курныжвлӓ) ‘Казалось, что лесам не будет конца. Но вот чаще и чаще стали попадаться и открытые места’. *Конечно, Феофил мӓмнӓн сусу. Почетный грамотымат нӓльӹн шоктен, вот кыце! **Но вет** Феофил Степаныч ик ьӹшкетшьӹ колхоз агыл* (Н. Ильяков. Эдемвлӓ дӓ ивлӓ) ‘Конечно, наш Феофил радуется. Он успел получить и почетную грамоту, вот как! Но ведь колхоз состоит не из одного Феофила Степановича’. *Хоть тиштӓкен ик пӧртӓт Урын валыде, йылыде… **Но уж** каждый плотникшок… Эче кечьӹ лӓкмешкок Преня мыч таварым видӓ* (А. Канюшков. У стройымашты) ‘Хоть здесь ни один дом не разрушился, не сгорел… Но уж каждый плотник… Еще до восхода солнца водит по бревну топором’.

л. *– Флейтист але гобоист лияш эше каньыле, **но вот** скрипач...* (Н. Арбан. Мичуш) ‘– Быть флейтистом или гобоистом еще легко, но вот скрипачом…’ *Тышанак Шубинат лап шинче. Тудат вуйжым чыкаш тӧча (капка йымаке). **Но эсогыл** вуйжат ок пуро* (Н. Лекайн. Кугу сарын тулыштыжо) ‘Здесь же присел и Шубин. Он тоже пытается засунуть голову (под дверь). Но даже голова не влезает’. *Чот кылмен улмаш (Саню), **но и** – черланен* (П. Корнилов. Санюн уло аважат) ‘Он (Саша) сильно замерз, но и – заболел’.

Отдельные из конкретизаторов, особенно конкретизаторы при противительном союзе г., л. *а* ‘а’, являются носителем значения, непосредственно не связанного с семантикой этого союза. В этих случаях они выполняют роль семантического центра, основного квалификатора отношения, поэтому они не могут быть опущены. Так, соединение г. *а ӹнде*, л. *а ынде* ‘а теперь’ выражает переход от сказанного к тому, что будет или должно быть сейчас, в настоящее время. Например: г. *«Эчеат теве изиш пӓнгеш,* ***а ӹндежӹ*** *ак кел ылнежӹ», – вырtеш веле Ваштаров шаналта* (Н. Ильяков. Эдемвлӓ дӓ ивлӓ) ‘«До сих пор вот еще немного тлеет, а теперь ненадо бы», – только на миг подумал Ваштаров’. л. *Семынже телат куандарыш,* ***а ынде*** *тудлан чевeрласаш жап шуын* (А. Мичурин-Азмекей. Пӱртӱс календарь) ‘По-своему и зима порадовала, а теперь пришла пора проститься с ней’.

Сочетания г. *а вара(жы),* л. *а вара(же)* ‘а потом(-то)’ выражают переход от сказанного к тому, что будет после, спустя некоторое время или вслед за кем-чем-нибудь. Например: г. *Олип тьотя шаналтыш,* ***а вара*** *мӹлӓм попа…* (Н. Ильяков. Ыражын пижоргы) ‘Дед Олип подумал, а потом говорит мне…’ л. *Энер вес велне адакат тайга шуйна,* ***а вараже*** *тошто йӱлем тӱҥалеш* (В. Арсеньев. Ондалчык янлык) ‘За рекой снова тянется тайга, а потом-то начинается старая гарь’.

Соединение союза г., л. *а* ‘а’ с лексемой г., л. *уже* ‘а уже’ употребляется при указании на то, что имеет место, сделано, осуществлено в сопоставлении с чем-нибудь или в противоположность тому, что было ранее, до этого. Например: г. *Шукердӹ агыл веле школыш каштеш ылы,* ***а уже*** *инженер пӓшӓмӓт ышmӓ* ‘Только недавно он ходил в школу, а уже работает инженером’. л. – *Тудо (Карпуш) вет мый дечем рвезе,* ***а уже*** *конга ӱмбакат кӱзен возын* (И. Васильев. Кинде верч) ‘– Он (Карпуш) ведь моложе меня, а уже залез на печку’.

Таким образом, для соединения самостоятельных предложений в тексте вместе с союзами могут использоваться лексико-семантические конкретизаторы, в роли которых выступают наречия и частицы. Одни конкретизаторы семантически совпадают со значением союза, выделяя и акцентируя тот или иной аспект; другие – имеют дополнительные семантические характеристики; третьи являются носителем значения, непосредственно не связанного с семантикой союза.

Условные сокращения

г. – горномарийский литературный язык; л. – лугово-восточный литературный язык.

Литература

1. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. *В.Н. Ярцева*. М.: Совет. энциклопедия, 1990. 685 с.

2. Русская грамматика. Т. I: Фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразование, морфология. М.: Наука, 1980. 784 с.

УДК 811.511.151

Т.В. Янцукова
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

ЗВУКОВЫЕ ЗАКОНЫ И ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ ГОРНОМАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ*

В статье анализируются звуковые законы и процессы в современном горномарийском языке: сцепление, палатальная гармония, пограничный сигнал между морфемами, ассимиляция, диссимиляция, элизия, диереза, гаплология, эпентеза, протеза, метатеза, чередование звуков.

***Ключевые слова**: произносительная норма, гласные и согласные звуки, сцепление, палатальная гармония, пограничный сигнал между морфемами, ассимиляция, диссимиляция, элизия, диереза, гаплология, эпентеза, протеза, метатеза, чередование звуков.*

Произносительные, или орфоэпические, нормы горномарийского языка включают в себя правила произношения гласных и согласных звуков, правила произношения сочетаний согласных звуков, правила произношения суффиксов и частиц, правила произношения отдельных грамматических форм, особенности произношения слов иноязычного происхождения.

Орфоэпические нормы определяются фонетической системой горномарийского языка, где действуют следующие звуковые (фонетические) законы и процессы, которые регулируют произношение слов:

1) **сцепление слов.** При произношении два или более слова крепко между собой связываются (сцепляются) и произносятся как одно единое слово: иреголгагыль (ире кол кагыль) ‘пирог из свежей рыбы’, тыгыдыгыткы (тыгыды кыткы) ‘маленький муравей’, Йылдӹр (Йыл тӹр) ‘берег Волги’, кыргыжгеäш (кыргыж кеäш) ‘пробежаться’, пäшäваштек (пäшä паштек) ‘после работы’, пурыгечӹ (пуры кечӹ) ‘добрый день’. При сцеплении слов произношение согласных звуков зависит от интервокального положения и от ассимиляции (уподобления) по звонкости. В позиции между гласными и после звонких согласных глухой согласный произносится как парный звонкий (к-г, т-д, п-в и т.д.);

2) **палатальная гармония.** В слове обычно могут быть или только гласные переднего ряда [ä, ö, ӱ, ӹ], или только гласные заднего ряда [а, о, у, ы]: äвäмлäн ‘моей маме’, пäшäштӹнä ‘на нашей работе’, кӹчäлӹнä ‘ищем’, шӹнгäлӹкдӹмӹ ‘без полога’, понгыжалташ ‘проснуться’, тывыртыш ‘творог’, шайышташ ‘рассказывать’. Однако, есть и исключения, например, в глагольных окончаниях после гласных переднего ряда произносится -а, а не -ä: ӹштӹделам ‘не сделал’, пäлӹделам ‘не знал’, попыделам ‘не говорил’, такое произношение наблюдается в правобережном говоре горномарийского языка. В левобережном говоре на этом месте произносятся гласные переднего ряда ä, ӹ: ӹштӹделäм ‘не сделал’, пäлӹделäм ‘не знал’, попыделäм ‘не говорил’, колделӹт ‘не слышали’, куштыделӹт ‘не растили’, качделӹт ‘не ели’.

* *Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00481.*

Гласные переднего ряда [и, э] выступают как нейтральные гласные – они могут сочетаться как с гласными переднего, так и заднего ряда: *карем* ‘овраг’, кä*рем* ‘кричу’, *мыни* ‘жаба’, *сирäш* ‘писать’. Части сложных слов подчиняются гармонии гласных независимо друг от друга: *пӧртанзыл* ‘сени’, *кавштавич*ӹ ‘огород’;

3) **пограничный сигнал между морфемами**. В слове, в морфемной границе, два одинаковых звука не обозначают долгий гласный звук, между ними образуется морфемная пограничная черта: камака-ан (камакаан) пӧрт ‘дом с печкой’, йäрмингä-äн (йäрмингää̈н) хала ‘город, где имеется ярмарка’, токо-ок (токоок) ‘только что’, яжо кымыл-лан (яжо кымыллан) ‘для хорошего настроения’, санзал-лан (санзаллан) пыраш ‘зайти за солью’.

Фонетические законы управляют фонетическими процессами. К фонетическим процессам можем отнести следующие (в основном, это комбинаторные процессы, вызванные изменениями в сочетаниях согласных):

– *ассимиляция* (уподобление) звуков по звонкости и глухости. Ассимиляция звуков по звонкости – уподобление последующего глухого звука предыдущему звонкому: [кыргыж**г**еäш] (кыргыж кеäш) ‘пробежаться’, [ял**г**ишä] (ял кишä) ‘след ноги’; ассимиляция звуков по глухости – уподобление предыдущего звонкого звука последующему глухому: [ки**т**шӹ] (кидшӹ) ‘его рука’ (ср. ялжы ‘его нога’), [кыргышталаш] (кыргыжталаш) ‘бегать’, [пräштäш] (пräжтäш) ‘затягиваться ремнем’, [юшшы] южшы ‘некоторый’;

– *диссимиляция* (расподобление) звуков: одинаковые звуки начинают различаться, а звуки неодинаковые, но имеющие какие-либо общие фонетические признаки, утрачивают эту общность: [нӹ**р**лӹ] нӹллӹ ‘сорок’, [качкы**н**далаш] качкылдалаш ‘поесть’, [лäктӹ**н**дäлäш] лäктӹлдäлäш ‘выйти ненадолго’. Явление диссимиляции в языке считается орфоэпической ошибкой;

– *элизия* (отпадение конечного гласного звука в слове, на стыке с начальным звуком следующего слова): солаштыш(ы) тома ‘деревенский дом’, корныштыш(ы) мäнгӹ ‘дорожный столб’, мондыдым(ы) вады ‘незабываемый вечер’, кäнӹм(ӹ) кечӹЫ ‘выходной день’, сä дон(о) салаш ‘косить косой’;

– *диереза* (выпадение звуков). Выпадение звуков может быть на стыке морфем): пӹлгомыштат (пӹлгомышты+ат) ‘и на небе’, ӹштӹмӹкем (ӹштӹмӹкӹ+эм) ‘когда я сделаю’, тагачшы (тагачы+шы) ‘сегодняшний’, качемаш (качы+эмаш), в слове: ляврä (лявӹрä) ‘грязь’, охра (охыра) ‘лук’, рунер (руннер) ‘сопляк’, ӹдрäмäш (ӹдӹрämäш) ‘женщина’;

– *гаплология* (выпадение слога). Выпадение слога может быть в слове: кыш(кы) кеет ‘куда идешь’, вургымлаш(кы) ‘направо’, ӧрдӹж(ӹш)кӹ ‘в сторону’; между компонентами сложного слова: когечӹЫ (кого+кечӹ) ‘пасха’, кугуза (кого ӹзä) ‘дядя’, куаки (кого+äки) ‘тётя’;

– *эпентеза* (вставка лишнего звука): пӹтäрли (пӹтäри) ‘сначала’, кӹлät (руш шамак *клети* гӹщ) ‘склад’, варентьӹн (вареньӹн) ‘у варенья’, шӹргӹмсавыц ‘полотенце’, ведӹрä ‘ведро’. Вставка лишнего звука может быть в некоторых случаях орфоэпической ошибкой (пӹтäрли), в некоторых – литературной (орфографической) нормой (шӹргӹмсавыц, ведӹрä);

– *протеза* (вставка звука в начало слова): ӹшке ‘сам’, ӹрвезӹ ‘юноша’, ӹлӹштӹш ‘листок’ (литературная (орфографическая) норма);

– *метатеза* (перестановка звуков в пределах слова): салава (савала) ‘ложка’, пугама (пумага) ‘бумага’, мыштынг (мышкынды) ‘кулак’, такое орфоэпическое явление чаще встречается в речи детей;

– *чередование звуков:* ч//ц: кӹчӓш – кӹцӹзӹ ‘просить – просящий’, з//ц: вызӹт – вӹцлӹ ‘пять – пятьдесят ’, з//ц: тӹрвӹнзӓш – тӹрвӹцмӓш ‘чихать – чихание’.

Указанные звуковые законы и процессы являются основой для установления орфоэпических норм горномарийского языка. Соблюдение единообразия в произношении имеет большое значение. Орфоэпические ошибки всегда мешают воспринимать содержание речи; внимание слушающего отвлекается неправильным произношением, высказывание не воспринимается с достаточным вниманием. Произношение, соответствующее орфоэпическим нормам, облегчает и ускоряет процесс общения. Поэтому социальная роль правильного произношения и соблюдения орфоэпических норм очень велика.

Литература

1. Большая российская энциклопедия // URL: https://bigenc.ru/vocabulary (дата обращения: 16.10.2020).

2. *Васикова Л.П.* Кырык мары йӹлмӹштӹ фонетический прцессвлӓ // У сем. 1997. № 1. С. 134–142.

3. *Васикова Л.П.* Кырык мары орфоэпин тӹнг законвлӓжӹ // У сем. 1996. № 2. С. 137–139.

4. *Зорина З.Г.* Звуковой строй современного горномарийского языка / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2007. 192 с.

РАЗДЕЛ II. ОПЫТ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУР И ПЕРСПЕКТИВЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ

УДК 821.511.151

Х.Г. Александрова
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)
Науч. руководитель: Бояринова Г.Н., канд. филол. наук, доц.

А. ВАСИЛЬЕВЫН ЛИРИКЫШТЫЖЕ ПЎРТЎС КОНЧЫШ-ВЛАК ТЎССЎРЕТ

В статье рассматривается своеобразие образов природных явлений в лирике марийского поэта Альберта Васильева. Делается вывод о том, что автор использует такие образы, как дождь, солнце, снег, роса, ветер, метель, иней, туман, луна, звёзды, заря. Они помогают раскрыть внутреннее состояние лирического героя. С помощью образов природных явлений автор изображает радость, горе, счастье.

Ключевые слова: *А. Васильев, образ, природные явления, сравнение, эпитет, метафора, олицетворение.*

А. Васильев – XXI курымын уста марий сылнымутчыжо. Тудын поэзийже моло серызе-влак деч палынак ойыртемалтеш. Поэтын шке йылмыже, шке шонымашыже, шке тўссўретше.

Писательын почеламутласе тўссўретше-влакым икмыняр тўшкалан шелаш лиеш. Эн кумдан пўртўс кончыш-влак кучылталтыт:

1. Йўр («*йўр вўд лие шомакем*» [1, с. 26]; «*шыве-шыве йўр деч лўдын*» [1, с. 26]; «*шыве-шыве йўрла*» [1, с. 34]; «*йўр тудым шўткален коден*» [1, с. 74]; «*леве йўрла шўмышкем вита*» [1, с. 97]; «*кўшўч йўрла йогаш тўҥале*» [1, с. 115]; «*нӧрет кеч леве йўрыштӧ*» [1, с. 131]; «*эрдене леве йўрыштӧ*» [1, с. 150];]; «*кеҥеж гай леве-леве йўрыш*» [1, с. 186] да ятыр молат).

Автор йўрын образшым кумдан кучылтеш. Тудын йўржӧ шукыж годым леве. Лирике герой йўр ӧпкем, ойгым мушкын колта манын ўшана. Тиде пўртўс кончыш гоч автор кажне почеламут кышкарыште шке шонымашыжым виктара. Иктешлен ойлаш гын, йўрын образше шўлык кумыл, ала-могай вашталтыш лийме дене кылдалтеш.

2. Кече («*ончем мый кызыт кече шичме велыш*» [1, с. 12]; «*шым пу да ўмылташ енгла эр кечым*» [1, с. 14]; «*тек кынелын кече эр эрдене шыргыжеш*» [1, с. 23]; «*эсогыл кече ўмбакше кӧранен онча*» [1, с. 32]; «*эрдене кече нӧлталмешке*» [1, с. 50]; «*ок мошто кече дене модын*» [1, с. 85]; «*яндар чон дене саламлен эр кечым*» [1, с. 101]; «*кӧлан кече шыргыжеш*» [1, с. 121]; «*ом азаплане, кече ыш лек манын*» [1, с. 127]; «*тул кече гае весела семетым*» [1, с. 184]; «*кава гыч кече йўштынрак онча*» [1, с. 186]; «*пыл дене кечым шойыштем*» [1, с. 222] да молат).

А. Васильевын поэзийыштыже кече пўртўс кончыш семын веле огыл, илыше образ семынат вашлиялтеш. Почеламутлаште кече «шыргыжеш», «йўштынрак, кӧранен онча». Тыгак тиде образ гоч геройын койыш-шоктышыжо

почылтеш, кумыл ойыртемже палдырна. Кече сай вашталтыш лийшашым шижтара. Тудо вияш да вончештарыме значениян.

3. Лум («*молан лум шонымаш ден леведаш*» [1, с. 12]; «*ош лумым урзо ден кышкен*» [1, с. 19]; «*лум йымачын тый лек да полшо мыланем*» [1, с. 45]; «*ош лум ден петырнен кертеш*» [1, с. 56]; «*кеҥежым мый ом вучо лумым*» [1, с. 85]; «*лум гыч попанаже*» [1, с. 145]; «*лумым поктылаш*» [1, с. 148]; «*лум леведмешке чытырен*» [1, с. 180]; «*ӱшанеда гын икымше лумлан*» [1, с. 189]; «*лум гай ошын*» [1, с. 269] да ятыр молат).

Серызе лумын образше гоч яндарлыкым ончыкта, тыгак тудо пӱртӱс вашталтыш дене кылдалтеш, тиде тӱссӱрет тыгак шоҥгылыкын лишеммыжым ончыкта. А. Васильевын лумжо эре ошо. Ме адакат тиде тӱсым марий тӱняужмаш дене кылден кертына.

4. Лупс («*эр лупсым подылына*» [1, с. 107]; «*лупсыш савырнен*» [1, с. 149]; «*мушкылтын пеледыш ты лупсеш*» [1, с. 149]). Коеш, автор тиде кончыш шотышто шке шонымашан. Примерлаште тиде образ метафорым ышта.

5. Мардеж («*вучалын шинчыше мардеж ваштaлтмым*» [1, с. 53]; «*ом чикте сорлыкым мардежлан*» [1, с. 74]; «*улат мардеж гай ман ида титакле*» [1, с. 92]; «*лай мардеж, вашкен ит кондо телым*» [1, с. 105]; «*мардеж куэм кудашын шогалтен*» [1, с. 131]; «*арам мардеж чот пеҥыже*» [1, с. 140]; «*куржын толын весела мардеж*» [1, с. 149]; «*ир мардеж, муремжым лугыч кӱрлын*» [1, с. 178] да ятыр молат).

А. Васильевын лирикыштыже мардежын образшат моткоч чӱчкыдын кучылталтеш. Но шукыж годым уда значений дене. Мардеж гоч поэт осал вий, осал чон, чонышто ласкалык укелыкым ончыкта.

6. Поран («*миен шуэш гын, савырнен пораныш*» [1, с. 18]; *«ял мучко, эр кынел, поран капкам шӱкедыл ошкылеш*» [1, с. 19]; «*ом шудал мый ош пораным*» [1, с. 27]; «*ош пораным кушкыжын ом кошт*» [1, с. 178]; «*ош пораным*» [1, с. 264]; «*апрельыште лӱшкен поран*» [1, с. 267] да молат).

Тиде пӱртӱс кончыш мардежын образшым ончыктымо дене икгайрак. Южо примерже моткоч оҥай, мутлан, тудо «капкам шӱведыл ошкылеш». Тиде образ гоч лирике геройын койыш-шоктышыжо почылтеш, тудо лӱддымӧ семын ончыкталтеш, южгунам чытамсыр кумылан улмыжым ончыкташ кучылталтеш.

7. Покшым («*ош покшым угыч чоным комыжла гын*» [1, с. 12]; «*ош покшым йӱштыж ден когартыш*» [1, с. 77]; «*чал ӱпемжым налын пагыт покшым*» [1, с. 105]; «*ӱпемжым налын покшым*» [1, с. 107]; «*эр покшымын юалге шӱлыш*» [1, с. 196]; «*чал шыже покшымым пӱргалын*» [1, с. 228]; «*опталын вуйыш покшым шийым*» [1, с. 245] да молат).

Покшым А. Васильевын лирикыштыже шоҥгылыкым, йӱштылыкым ончыкта. Поэтын покшымжо чал але ошо. Нине тӱс-влак лач шоҥгылыкым ушештарат. Эшеже тудо чон пусталык дене кылдалт сӱретлалтеш. Шагал годымжо вияш значениян.

8. Тӱтыра («*шынденыс тӱтыра адак левед*» [1, с. 62]; «*кынелше тӱтырам арама шке йырже пӱтыра*» [1, с. 149]; «*чонемжым тӱтыран ӱшан мыняр гана сӧрен ондалыш*» [1, с. 322] да молат). Тиде пӱртӱс кончышым автор ала-могай чарак улмо шот дене кылда. Тыге айдеме чонышто улшо йӧсланымашым почеш. Южо примерже вияш значениян.

9. Тылзе («*тылзе ӧрын ончалеш*» [1, с. 64]; «*петырыш ош тылзым*» [1, с. 64]; «*ончал кава гыч катлыше ош тылзе*» [1, с. 90]). Чумыр марий поэзийым ончалаш гын, тылзын образше тӱҥ шотышто йӧратымаш лирике дене кылдалтеш. А. Васильевын тудо вес сынан. Поэт тылзын образшым адакат ош тӱс дене кылда.

10. Ӱжара («*ӱжарам шинчат гычын кошталын*» [1, с. 23]; «*эр ӱжара нӧлтмеш*» [1, с. 165]; «*кавам кас ӱжара тӱрла гын*» [1, с. 187]; «*эр ӱжарам мален кодат*» [1, с. 249] да молат). Пример-влак ончыктат: автор тиде образым шуко ок кучылт, тӱҥ шотышто вияш значенийыште коеш, южгунам метафорымат ышта, тыгайже утларак оҥай лиеш.

11. Шӱдыр («*алят волгалтыт шӱдырла*» [1, с. 10]; «*кӧ туто шӱдырым поген*» [1, с. 17]; «*а шӱдыр погышо ястарыш шопнам коремышке эрден*» [1, с. 17]; «*шӱдыр дене возышым мый шонымем*» [1, с. 26]; «*кавасе шӱдырла чӱчкалын*» [1, с. 33]; «*ыш мондо шӱдырым нӧрташ*» [1, с. 70]; «*камвочшо шӱдыр кандын-кандын*» [1, с. 70]; «*шӱдыр черлан ит пу шыташ*» [1, с. 101] да ятыр молат.

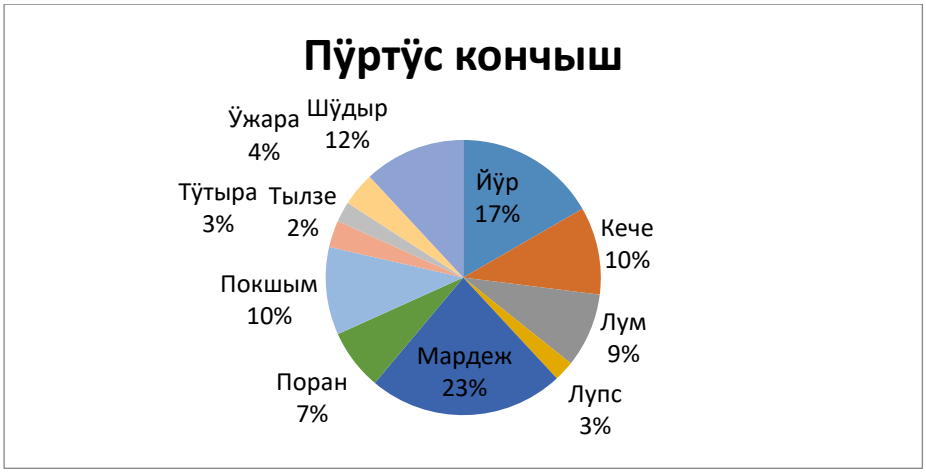
Шӱдыр – авторын ик эн йӧратыме образше, садлан ятыр почеламутыштыжо тудо вашлиялтеш. Тудо чыла годым гаяк вияш значений дене кучылталтеш. Тылеч посна поэт шӱдыр чер улмо нерген воза.

А. Васильевын тӱссӱретше-влак сылнештарыме йӧн-влакым ышташ полшат: метафорым (*«лум шонымаш»* [1, с. 12]; *«ӱжарам кошталын»* [1, с. 23]; *«шӱдыр дене возышым шогымем»* [1, с. 26]; *«йӱр вӱд дене корно лакыш погынале кумылем»* [1, с. 26]; *«пагыт покшым»* [1, с. 105]; *«кавам кас ӱжара тӱрла»* [1, с. 187]; *«мардежын мурым»* [1, с. 187]; *«суртдымо мардеж»* [1, с. 196] да молат); танастарымашым (*«алят йоҥгалтыт шӱдырла»* [1, с. 10]; *«кавасе шӱдырла чӱчкалтын»* [1, с. 33]; *«улат мардеж гай ман ида титакле»* [1, с. 92]; *«леве йӱрла шӱмышкем вита»* [1, с. 97]; *«кӱшӱч йӱрла йогаш тӱҥале»* [1, с. 115] да молат), олицетворенийым («*тылзе ӧрын ончалеш*» [1, с. 64]; «*мардеж куэм кудашын шогалтен*» [1, с. 138]; «*мардеж куэ лышташым кӱрыштеш*» [1, с. 148]; «*куржын толын весела мардеж*» [1, с. 149] да молат), эпитетым («*ош покшым*» [1, с. 12]; «*ош лумым*» [1, с. 19]; «*шем пыл*» [1, с. 26]; «*ош пораным*» [1, с. 27] да молат).

Икманаш, автор тыгай пӱртӱс кончыш тӱссӱрет-влакым кучылтын: йӱр, кече, лум, лупс, мардеж, поран, покшым, тӱтыра, тылзе, ӱжара, шӱдыр. Шукыж годым нуно геройын кӧргӧ чонжым почын пуаш полшат.

Пӱртӱс кончыш-влак гоч автор куанжым, ойгыжым, пиалжым да молымат сӱретлен ончыкта. Образ-влак илыше гай улыт. Лирике герой нунын дене кутыра, нунын деч йодеш. Пӱртӱс кончыш тӱссӱрет-влак ятыр метафорым, танастарымашым, эпитетым, риторике савырныкым да молымат ышташ полшат. Нуно почеламутлан у тӱсым пуат.

Кажне пӱртӱс кончышын процент шотышто кузе чӱчкыдын вашлиялтмыжым диаграммыште ужаш лиеш.



Литературӱ

1. *Васильев А.А.* Ош лумышто чевер полан: почеламут аршаш. Йошкар-Ола: «Марий книга издательстве» савыктыш пӧрт, 2017. 344 с.

УДК 821.511.131(045)

С.Т. Арекеева
Удмуртский государственный университет (г. Ижевск)

РОЛЬ И МЕСТО «ПИСЬМА» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ УДМУРТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА КЕДРА МИТРЕЯ «ТЯЖКОЕ ИГО»)*

Статья посвящена выявлению специфики функционирования эпистолярия в контексте исторического романа Кедра Митрея (Д.И. Корепанова) «Секыт зибет» («Тяжкое иго»). Определена значимая роль «письма» в организации сюжета произведения и в создании полнокровных образов героев.

Ключевые слова: *удмуртский писатель Кедра Митрей, роман «Секыт зибет» («Тяжкое иго»), письмо, сюжетообразующая и характерологическая роль.*

«Секыт зибет» («Тяжкое иго», 1928) Кедра Митрея – первый исторический роман в удмуртской литературе, повествующий об эпохе христианизации удмуртов в начале XIX века. Важную сюжетообразующую и характерологическую роль в его структуре играет письмо – послание отца своему сыну Дангыру. Оно, по замыслу автора, определяет не только поступки главного героя, адресата, но и, в целом, его судьбу, воздействуя на становление и формирование. Процесс постепенного «проявления» содержания и смысла письма через восприятие читающего / читателя –протянувшийся во времени диалог между отцом и сыном – составляет одно из узловых событий романа.

Дангыр – центральный персонаж романа «Секыт зибет», который, хотя и является героем-одиночкой, тем не менее, знаменует собой новое поколение, восстающее против насилия и социального угнетения. По ходу развития сюжета

* *Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Удмуртской Республики в рамках научного проекта № 18-412-180006.*

мать сообщает повзрослевшему сыну, что дома хранится письмо от его отца, который много лет назад погиб на солдатчине. С помощью ярких словесных деталей и приема инверсии автор подчеркивает, сколь ошеломительно для главного героя данное известие, как он взволнован и потрясен, как дорого для него отцовское послание из прошлого: *«Чуть не вырвал Дангыр бумажку из рук матери. Смотрит, вертит в руке: шероховатая, пожелтевшая от времени бумага, нацарапанные корявые буквы кое-где уже вылиняли. Прижал Дангыр бумажку к сердцу. Положил письмо на стол, гладит руками. Узнать бы, что тут написано! Беда, читать не умею»* [2, с. 34].

Жажда узнать, что в письме, и невозможность тотчас прочитать его по причине неграмотности первоначально побуждают Дангыра обратиться за помощью к дьякону. Однако вскоре юноша решительно отказывается от этой идеи: *«Нет, не дам дьякону, это письмо дорого только мне да матери. В коротеньком письме, наверно, не много слов, но в них, наверно, важные мысли отца. Во что бы то ни стало надо их узнать»* [2, с. 53].

Так, перед Дангыром встает важная и сложная задача: разобрать «узоры» отцовского письма («пужыятэм» гожтэт). Чтобы обучиться грамоте, юноша, вопреки своим принципам, принимает крещение и поступает в школу при церкви. Таким образом, отцовское письмо, независимо от содержания, которое Дангыру еще только предстоит раскрыть, подталкивает его к активным действиям, дает толчок для его культурного развития. Автор подчеркивает настойчивость и целеустремленность героя, терпящего издевательства со стороны своих учителей – попа и дьякона.

Психологически убедительно и живописно написана сцена, в которой Дангыр делает первую попытку прочитать письмо. Автор рисует физиологические проявления страха и волнения героя: *«…дышит часто-часто, его никогда не дрожавшие руки дрожат. Разворачивает сверток с письмом – дрожит, разворачивает само письмо – дрожит. Всмотрелся в письмо… сердце перестало биться. Некоторые буквы знакомы, некоторые – нет <…>.*

– Что это? Что это такое?!.. В школе ли неправильно учат, отец ли что-то не так написал?» [2, с. 61].

Пережив разочарование и упадок сил, Дангыр затем с новой силой берется за учебу, когда понимает, что его до сих пор учили только читать, но не писать, именно поэтому он не может разобрать письменный текст.

Наконец, Дангыру удается разобрать следующие строки: *«Ызрастутье… ниски поклон… и Сыну дангыру белва Лича до срои земли… собвено ручо… Прол Битов»* [2, с. 63]. Как можно заметить, данное послание по своей сути чисто информативное. В том числе автор письма констатирует, что писал его сам – собственноручно.

Дангыр очень нуждается в учителе-наставнике. Он ставит перед собой вопросы, на которые никто не дает ответа. Автор так выстраивает сюжет, что герой именно на этапе своего «социального» взросления через тайный, «второй» план разгадываемого письма получает от отца столь необходимую духовную поддержку. «Проявившийся», открывшийся взору чтеца текст звучит так: *«…бьют здесь очень сильно, нельзя терпеть. Не поддавайся, сынок, воронам… уничтожай их. Один сломишь силы… выступайте все вместе… Чомо»* [2, с. 92].

Как выясняет для себя Дангыр, отец «зашифровал» письмо, наложив тексты, написанные на удмуртском и русском языках, друг на друга. Многоточия в послании выражают недосказанность мысли, трудность самовыражения. Скрытое сравнение угнетателей с вороном соответствует народному типу мышления.

Удмуртский исследователь А. Зуева отмечает: «…второе чтение письма совпало с духовной зрелостью и возросшим культурным уровнем героя. В письме отца Дангыр разглядел то самое заветное, сердечное, что хотел передать ему отец, и то, к чему он шел собственным путем, – к идее борьбы против насилия и угнетения. Дангыр понимает условный, потаенный смысл обращения, ибо он социально возмужал, интеллектуально вырос, обогатился его внутренний мир» [1, с. 89].

Итак, письмо в данном произведении является нитью, соединяющей прошлое с настоящим и будущим, непосредственно влияя на жизнеповедение героя. Для сравнения отметим, что в романе М. Коновалова «Гаян», в котором изображено участие удмуртов в Крестьянской войне под предводительством Пугачева, отец передает сыну духовное завещание в устном виде: в образе народного певца, в сопровождении гуслей, он напевает-рассказывает Гаяну о том, как погибла его мать, призывая сына к отмщению за нее. В произведении Кедра Митрея раскрывается роль письменной традиции в культуре народа и его исторической судьбе. Прочтение письма Дангыром, ставшее плодом пережитых им унижений, тяжкого и мучительного труда, реализует внутреннюю связь между отцом и сыном, обеспечивает преемственность. Конечно, автор осовременивает героя-отца, посылающего сыну письмо. Но понятна авторская мысль: он хочет создать образ человека, который не сломился, который и на каторге думает о сыне как о своем продолжателе в борьбе за свободу и человеческое достоинство.

Таким образом, Кедра Митрей в романе «Секыт зйбет» («Тяжкое иго») очень оригинально и многозначно использовал сюжет «письма».

Литература

1. *Зуева А.С.* Удмуртская литература в контексте языческих и христианских традиций: монография. Изд-во Удм. ун-та, 1997. 372 с.

2. *Кедра Митрей.* Тяжкое иго / пер. автора. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1958. 99 с.

УДК 821.511.151

Т.Н. Беляева

Марийский государственный университет (Йошкар-Ола)

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ОБРАЗОВ В ДРАМЕ В. ДОМРАЧЕВА И В. САПАЕВА «ЭРГЕ» («СЫН»)

В статье характеризуется система символических образов в драме В. Домрачева и В. Сапаева «Эрге» («Сын»), выявляются их идейно-функциональные особенности.

***Ключевые слова**: марийская литература, драма, образ-символ, В. Домрачев, В. Сапаев.*

Драма марийского режиссера В. Домрачева и известного марийского писателя В. Сапаева «Эрге» («Сын») раскрывает страницы жизни и творчества композитора Эрика Сапаева, чьим именем назван в Республике Марий Эл театр оперы и балета.

Талантливого музыканта авторы драмы сравнивают с ***соловьем*** (это один из ключевых образов-символов в произведении, ассоциированный с одаренной от природы личностью, сумевшей правильно использовать свои природные способности и реализовать себя, как творческая личность):

Э д и к. Ачам мыйым, вич ияш йочам, Какшан вӱд воктеке намиен. Сер вес велне, ужарген шогышо уала коклаште, шымлу шым савыртышан шӱшпык сем йоҥген. «Изи веле, кузе сылнын мура! – мыйым кидыш кучен, ачам ойлен. – Тыят пӧрткайык огыл, шӱшпык лийын куш!» [1, с. 99. Здесь и далее везде перевод с марийского наш. – *Т.Б.*].

(Э д и к. Отец меня, пятилетнего ребенка, привел как-то к Кокшаге. На другом берегу среди зеленеющих кустарников звучала соловьиная трель. «Такая маленькая, но как поет! – сказал отец, взяв меня на руки. – И ты будь не скворцом, а соловьем!»).

И, действительно, образ соловья составляет символическую основу главного персонажа драма – Эдика. Это «марийский соловей», как и его прототип, перу которого принадлежит первая марийская опера «Акпатыр», премьера которой состоялась 5 апреля 1963 года на сцене Маргостеатра. Эрик Сапаев, будучи одним из первых марийских композиторов, сделал очень много для формирования и развития национального музыкального искусства. Именно эта мысль становится первой ключевой идеей в произведении В. Домрачева и В. Сапаева. Марийская драма перекликается с чувашской пьесой А. Калгана «Самое дорогое счастье», рассказывающей о пламенном поэте и общественном деятеле М. Сеспеле и тоже о новаторской его деятельности, но уже в чувашской поэзии, которую в полной мере начали осознавать лишь после его смерти. «Сын» и «Самое дорогое счастье» повествуют о нелегком жизненном пути талантливых людей, воспринимавшихся истинными сыновьями их народов – марийского и чувашского. Произведение чувашского драматурга знакомит читателя с Сеспелем как с личностью, страстно увлеченной идеалами революции, и как даровитым поэтом, умеющим «свои мысли и чувства облекать в волшебное поэтическое слово» [2, с. 91–92].

В драме «Сын» в образе главного персонажа нашли отголоски непростой жизненной биографии Э. Сапаева. Так, еще в детстве отца Эдика, Микиту Садаева, обвинили в шпионаже, в сподвижничестве троцкистам, репрессировали, как и многих представителей марийской творческой национальной интеллигенции. А до этой трагической истории была, казалось бы, счастливая семья, любимая жена, хорошая работа, должность и подрастал сын. Символом этого былого благополучия, крепкой (идеальной) семьи, в которой царил творческий дух, является в пьесе образ ***балалайки***:

«В е р у ш. …ончал-ян, балалайкыштетше ныл кыл лийшаш, а тыйын кумыт веле.

Э д и к. Уке, мый палем, лачак кум кыл лийшаш. Кӱжгыжӧ (струнам пералтен ончыкта) – ачам, кыдалашыже – авам, а эн вичкыжше – тиде мый. Чыланат иктӧр йӱкан лийыт гын, балалайке сайын шокташ тӱҥалеш» [1, с. 85]

(В е р у ш. … взгляни-ка, у балалайки должны быть четыре струны, а у твоей только три.

Э д и к. Нет, я знаю, должно быть только три. Толстая (проведя по струне) – это папа, средняя – мама, а самая тонкая – это я сам. Если все будут с одинаковой тональностью, балалайка красиво заиграет).

После ареста отца жизнь молодого Эдика претерпевает сильные изменения: его и мать клеймят, как «врагов народа». Мигита, понимая всю сложность ситуации, предвидя трагический исход, просит жену лишь об одном – сберечь чистоту души сына, воспитать его истинным патриотом, человеком с высокими нравственными идеалами, без обиды на людей за его арест. И его супруга, Веруш, несмотря на все трудности, которые выпали ей, смогла сберечь в сыне чистоту души, воспитать в нем любовь к своему народу, о чем свидетельствует жизненная позиция будущего композитора:

Шочмо-кушмо калыкемын чонжо, мурыжо, ойгыж ден куанже – пӱтынек шӱмешем возын. Мыйын уло ойгем да куанем, чон-кылем шӱм гыч лекше сем савыртышыш кусна. <...> Пӱрымаш мыйын икте – шочмо калыкемлан мурым возаш [1, с. 103]

(Душа родного народа, его песни, радость и печаль – все в моем сердце. Все мои горести и радости, все мое душевное состояние превращаются в музыку. <...> У меня одно призвание – написать музыку родному народу).

Эдик Садаев нашел свое место в жизни, прославившись, как выдающийся марийский композитор не только в родной республике, но и за ее пределами. Его душу всегда согревал образ родного народа, питавший и усиливающий его талант (это соотносится со следующей ключевой идеей произведения – утверждение неразрывной связи с народом, единства народа в трудностях и творчестве):

Америкыште резервацийыште илыше индеец-влак семын илена. Но пытен огынал. Кумло шымше ий уло марий интеллигенцийым солен нале гынат, марий калык ила. Угыч марий калыкым йӧратыше, марий калык верч вуйын шогышо ең-влак кушкыт. Лудса Валентин Колумбын почеламутшым, Юрий Чавайным, Альберт Степановым. Ме нуным аралышаш, кушкашышт полшышаш улына. Икте-весым аклен, пагален илаш огына тӱҥал гын, чыла йомдарен кертына: йылмынамат, йӱланамат… [1, с. 104]

(Существуем, словно индейцы, живущие в резервациях Америки. Но не вымерли. Несмотря на то, что тридцать седьмой год унес всю национальную интеллигенцию, марийский народ живет. Вновь появляются люди, любящие свой народ, заботящиеся о нем. Почитайте стихи Валентина Колумба, Юрия Чавайна, Альберта Степанова. Мы должны их оберегать, способствовать их творческому подъему. Если начнем жить, не ценя, не уважая друг друга, можем потерять все: язык, культуру…).

Образ балалайки, символизирующей в пьесе счастливый семейный очаг Садаевых, дан в динамике. Так, параллельно с арестом отца Сломана и балалайка – работники НКВД разрушают привычный уклад жизни семьи:

Э д и к. Авай, ончо, мом конденам! (Балалайкым луктеш).

В е р у ш. Балалайкыжым куштo муынат?

Э д и к. Пошкудо пӧртыштӧ шокташ пуышт. Покшел кылже веле уке. Мый ачамын пӧлеклыме балалайкыж гыч шындем. (Пырдыжыште кечыше шаланыше балалайка гыч покшел струнам алмаштен шында) [1, с. 96].

(Э д и к. Мама, посмотри, что я принес! (Вытаскивает балалайку).

В е р у ш. Балалайку-то где нашел?

Э д и к. Соседи дали поиграть. Только средней струны нет. Я возьму из папиной подаренной балалайки. (Заменяет струной из сломанной балалайки, висящей на стене).

Эдик остался один с матерью – и на инструменте остались лишь две струны, но осталась еще какая-то духовная опора. Глава семьи на Дальнем Востоке, но мать и сын, живя своей, оторванной от него жизнью, продолжают традиции семьи. Поломанный инструмент не выброшен, он висит на видном месте. Образ балалайки, как ниточка клубка, дернув которую, авторы распутывают нити жизненной судьбы Эдика Садаева, а также раскрывают свои собственные мысли и чувства.

Как видим, образы-символы в драме В. Домрачева и В. Сапаева «Сын» («Эрге») являются элементами композиции, средством характеристики героев, выражают авторскую оценку, проясняют скрытый смысл происходящего.

Все произведение, в целом, звучит как реквием по несправедливо репрессированным и безвременно ушедшим талантливым представителям, сыновьям и дочерям, марийского народа. Авторы призывают не повторять ошибок прошлого. В этом контексте заглавие произведения, безусловно, символично. В нем заключена не просто судьба Эдика Садаева, а судьба достойного сына народа мари. Следовательно, ***сын*** становится главным образом-символом произведения В. Домрачева и В. Сапаева.

Литература

1. *Домрачев В., Сапаев В.* Эрге // Ончыко. 1994. № 2. С. 81–105.

2. *Иванов И.И.* Драматургия 1975 года // Чувашский язык и литература: Труды ЧувНИИ. Вып. 67. Чебоксары, 1976. С. 90–98.

УДК 821.511.151

А.Г. Богданова

Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

Науч. руководитель: Бояринова Г.Н., канд. филол. наук, доц.

З. КАТКОВАН «САР ОК ЛИЙ ЫЛЕ ГЫН…» ПОВЕСТЫШЕ: ПРОБЛЕМЕ КЫШКАР

Статья посвящена анализу проблематики повести марийского прозаика З. Катковой «Если бы не война…». Социокультурная и философская проблематика

повести связана с темой войны и человека, идейно-нравственная проблематика связана с поиском «себя», раскрывает характеры главных героев, пути их становления, в совокупности они выражают основную идею произведения.

Ключевые слова: *З. Каткова, повесть, война, социокультурная, философская, идейно-нравственная проблематика, герои, идея.*

Зинаида Федоровна Каткован лӱмжӧ марий сылнымутышто кумдан палыме. Тудо шке паша саскажым кок йылме дене (марла да рушла) возен. «Сар ок лий ыле гын…» – серыш йӧн дене возымо, ойыртемалтше йыжыҥан сылнымутан произведений. Вес могырым ончалаш гын, тудо автобиографий сынан улеш: тыште ончыктымо действий, факт да событий-влак сылнымутчын илышыж дене чак кылдалтыныт.

Повестьын вуймутшо гычак ме раш ужына да умылена: тиде тулан пагыт кажне суртышко гаяк нимучашдыме ойгым, кочо уверым, нигунам мондаш лийдыме орлыкым конден, садлан сылнымутчо шке произведенийжылан «Сар ок лий ыле гын…» вуймутым пуэн. Тышечак повестьын ик проблематикыже рашемеш: тиде социокультурный.

Герой-влакланат тиде сарын осалжым, нелылыкшым чыташышт верештын. Лизук ден Элексей – тӱҥ герой-влак – илышын вияш да тӧрсыр корнылашт дене эртеныт, илыш толкынеш чот «рӱзалтыныт», но шучко сарын пуламырыштыже яндар шӱм-чонан кодыныт да шке кугу йӧратымашыштым арален сеҥеныт.

Кок йӧратыше еҥын рвезе илышыштым сар саман «тошкен»: йӧратыме танҥын – Элексейын – ӱмыржым пеш вашке кӱрлеш. А вес йӧратыше чон – Лиза – шкет кодеш, туге гынат яндар чоншижмашыжым арален кода.

Сылнымутышто ончыктымо сар – тиде конкретно-исторический факт, тудын кышкарешыже герой-влак эше утларак койыш-шоктышышт дене пеҥгыдемыт, шуаралт толыт, шкеныштым илыш йыжыҥлаште сайын кучат.

Сарын лӱшкымӧ пагытыштыже кажне еҥын кӧргӧ тӱняже, чон вургыжмыжо – тиде чумыр калыкын оптимизм шӱлышыжӧ. Кугу ойго чылаштымат иктыш уша, ваш-ваш полшаш, икте-весылан энгертен илаш кӱлмым ончыкта. Тидын нерген З. Каткова тыге палемда: *«Шучко сар шуко миллион айдемын илышыжым лугыч ыштен, шуко вӱрым, шинчавӱдым йоктарен, шуко еҥым тулыкеш коден. Шуко миллион еҥ мыланна, сар деч утаралт кодшо-влаклан, илаш сай лийже манын, шочмо элнам тушман деч арален, шке самырык илышыштым пуэн. А мыланна, кодшо-влаклан, илаш кӱлеш, сайын илаш кӱлеш, колат, Элексей?.. Илаш шкаланнат, нунын верчынат, пашам ышташ – шкаланнат, нунын верчынат; куанаш да ойгыраш, йӧраташ да йӧсланаш – шкаланнат, нунын верчынат»* [1, с.172].

Ужына, автор сар шотышто шке шонымашыжым геройын ойжо гоч раш почеш. Тышечак сылнымутын философский проблематикыже лектеш. Сар ок кӱл манме шоныш негызлалтеш. Сар шучко, вӱран, шинчавӱдан, колымаш дене темше. Айдеме илаш шочеш, тудо тӱням волгалтарышаш, шке йырже яндарлыкым, порылыкым шарышаш, айдеме йӧратыше да йӧратыме лийшаш манме шонымаш шочеш.

Автор шке повестьыштыже сар деч ончычсо да тыгак сар деч варасе илышымат ончыктен. Сар деч ончыч кок самырык еҥ курымашлык

йӧратымашым муэш. Тиде пиалан тат нерген Лиза икымше серышыштыже тыге воза: *«Кидым кучен, выче-выче кутыркален, изи йоча гай нимо амал деч посна воштылын, ме кадыргыл кийыше йолгорно дене ошкылына. Шыже гынат, игече йӧршын кеҥежымсе гай ояр, йырым-йыр ужар пасу, кандалге кава… Кечывалвел гыч леве мардеж лыжган пуалеш, тыйын кудыргалше ӱпетым тарвата… Пиалан еҥ-влак чылажым огыт уж»* [1, с. 153–154].

Сар пагытыште нӧргӧ уш-акылан ӱдыр чот шуаралтеш, кӧргӧ вий-куатше ешаралтеш, шкенжым пенгыдын куча, нелылык ончылно вуйым ок саке, чыла чытен лектын, шке вержым илышыште муэш. Тыгай илыш толкынышто Лиза йолӱмбалне пенгыдын шога. Тидын нерген Алексей тыге воза: *«Лизукем, патыр ӱдырамаш лийын омыл манын, арам тый ойлет. Уке, тый виян улат, тыйын кӧргӧ виетлан мый куанем веле огыл, кӧранемат. Коло кок ияш годым тыгай шучко туткарым илен лекташ да тиддеч вара эше весым илышлан помыжалтараш – тидым, кеч пӧръеҥ, кеч ӱдырамаш, кажныжак ыштен огеш керт. Тый патыр айдеме улат, тыланет лийын, мыйынат ош тӱняште илымем шуаш тӱҥалын; тый пиалан лият, вет мыйын шӱмыштемат пиалан лияш изи ӱшаным помыжалтенат»* [1, с. 174].

Шучко сар самырык ӱдырамашын Эчан пелашыжын ӱмыржым кӱрлеш, неле сусыр деч вара тудо илыш дене чеверласа. Кугу ойгым Лиза чытен лектеш, айдеме лӱмжым кӱшнӧ куча. Шучко саманыште самырык ава икшывымат йомдара. Ойгылан ӱдырамаш вуйым ок пу, тидымат сеҥаш вийым муэш, жапыштыже шкенжым кидыш налеш. Тугеже прозаик идейно-нравственный манме йодышым кумдан почеш, романный проблематикылан тӱткышым ойыра.

Сарын неле корнылаже Элексейымат тӱрлӧ семын терга: я ик могырышко лупшалеш, я вес могырышко йоктарен нангая. Тушман ваштареш кучедалме годым тудо сусырга, пел йол деч посна кодеш. Тыгай ситуацийыште герой шканже верымат ок му, но пенгыде да яндар вожан йӧратымаш тудлан вараже тӱҥ энертыш лиеш.

Элексей ныл ий тул-шикш лонгаште кредалеш. Кок еҥ кокласе аралеҥ кодымо йӧратымашын юзо вийжылан кӧра самырык рвезе илаш вийым муэш, ончыкылыклан ӱшана.

Лиза, Элексейым кычалын, Йошкар-Олаш толеш. Тыште нунын пытартыш вашлиймашышт лиеш. Тиддеч вара осал черлан кӧра Элексейын илышыже кӱрылтеш. Лиза шке йӧратымашыжым ӱшанлын сакла, эсогыл Элексейын аважымат «авай» манеш. Пытартыш серышыштыже тыге палемда: *«Сар огыл гын, мыйын ешемат, шочшемат лиеш ыле, тыят шукертак унукан лият ыле. Сар керте, пӱтынь илышнам карген пытарыш. Ойлыман огыл, чонлан моткоч йӧсӧ. Туге гынат илаш кӱлеш»* [1, с. 199].

Кумда верым Зинаида Федоровна герой-влакын кӧргӧ чоншижмашыштлан, тургыжланымыштлан ойыра. Повесть психологизм йӧнлан поян.

Кок еҥ кокласе виян да курымашлык йӧратымашын сар пагытлан кӧра кӱрылтмӧ корныжым автор раш почын пуэн, тидым ме геройын монологыштыжо раш ужына: *«Эчан, шӱмбел йолташем!.. Молан мыйым курымешлан тыге орланаш коденат? Молан мый тунам воктенет колен омыл гын? Кызыт тый денет пырля пычкемыш шӱгарыште могай ласкан кием ыле… Уке, тунам мый икшывыланна кӱлеш лийынам. Но вет ӱдырнажат уке,*

ниможат ынде уке, колат мо мыйым, Эчан? Тый але от шинче: уке мемнан изи чукайна, изи оҥгырна, ниможат, ниможат уке…» [1, с. 170].

Лизан орланымыже, шуко йӧсым чытен лекмыже, илышын кышкарешыже виян характеран лийын кодмыжо повестьыште раш палдырна.

Пӱртӱсын рольжат геройын сынжым почын пуаш полша. Нигӧ деч полыш уке: чыла ӱшан шканже гына. Пӱртӱсыштӧ Лиза чон куанжымат почеш, шкенжым лыпландара, у вий пурымым шижеш. Тудын дене лишыл йолташ семын мутлана, куана, нелылык гыч лекташ шканже корным муэш. *«Теҥыз серыш. Тушто кас марте, вӱд толкынын модмыжым ончен, колыштын, ошман сер ӱмбалне коштын эртарышым. Колшыре-влак, тошто гаяк, кычкырал-кычкырал, ловык ӱмбач писын чоҥештылыт, но тиде ганалан нунын йӱкышт шӱлыкан гае ыш шокто. Кечат вес семын волгалтарен: шыманрак да волгыдынрак; теҥызат вес семын шке акрет годсо мурыжым мурен: веселан, пуйто ала-молан куанен»* [1, с. 162]. Тыште ме авторын пӱртӱсым геройын көргӧ чонжо дене чак кылден моштымыжым шижына.

«Сар ок лий ыле гын…» – шӱм гыч шолын лекше да курымешлан лакемше кугу йӧратымашлан чапмуро. Лиза ден Элексей икте-весыштым курымешлан йӧратеныт. Шуко йӧсым чытен лектыныт, но шке яндар шӱмыштым, чын айдеме улмыштым кыртменак пенгыдемденыт.

Иктешлен, тыге каласыман: повестьыште кугу верым социокультурный, философский ден идейно-нравственный проблематике налын шогат. Нуно повестьын темыжым, идейжым, герой-влакын койыш-шоктышыштым кумдан почын пуаш полшат.

Литературт

1. *Бояринова Г.Н., Чеснокова С.П.* Марий литературт: 11 классыште тунемше-влаклан хрестоматий. Йошкар-Ола: Марий книга савыктыш. 2007. 276 с.

УДК 821.511.151

Г.Н. Бояринова
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

КЫЗЫТСЕ МАРИЙ ДРАМАТУРГИЙ: ЖАНР ОЙЫРТЕМ

Статья посвящена выявлению жанровой специфики современной марийской драматургии. Подчеркиваются такие художественные формы драматургии, как драма-хроника, драма-биография, историческая драма, лирико-психологическая драма, лирическая и сатирическая комедия, трагикомедия, фарс.

Ключевые слова: *современная марийская драматургия, тема, герой, конфликт, жанр.*

Илыш верыште ок шого, жап ончыко йорта, драматургийыштат вашталтыш-влак палемдалтыт: тематике пойдаралтеш, у автор-шамыч у семын возаш тыршат, вес формо-влакым кычалыт, возымыштым у йӧн дене пойдарат, у театр йылмым «ыштат». Тачысе кечын театрлан возен шогышо тыгай автор-влакым палемдыман: Г. Гордеев, В. Григорьев, З. Долгова, В. Матвеев,

А. Петров, Ю. Соловьев, Л. Яндак да м. Чаманен каласыман: кушкын шушо мастар возышына-влак илышым коден каеныт (Ю. Байгуза, В. Абукаев-Эмгак, М. Илибаева).

Кызытсе марий драматургийыште хронике але биографий драмым ончыктыман. Лач тыгай кышкар дене Ю. Соловьев «Йыван Кырля» (2009) драмыжым возен. Тудо чын лийше событийым почын, кумдан палыме актер, марий поэт Йыван Кырлян илышыжлан энертен серен. Тидланже авторлан документ материал дене кугу пашам ышташыже логалын, тиддеч посна 1930-шо ийласе пагытын «пушыжым» шижашыже пернен.

Драмын чоҥалтмыже тӱҥ шонымашым почаш полша. Кок ужаш гыч шогышо сылнымутышто ондак кумдан палыме актерын Москосо илышыже сӱретлалтеш, вара кугу туткарыш кузе логалмыже, мом чытымыже ончыкталтеш. Геройын илышыжым кумданрак почаш манын, драматург тӱрлӧ йӧнлан энерта: ончыч лийше событий-влак шарнымаш семын пуалтыт, Вӱдышӧ геройым пуртымо, почеламут-влак йоҥгалтыт, киносӱрет кая, действий шуко вере ончыкталтеш. Тӱҥ конфликт – социально-политический, тудо репрессий йодыш дене кылдалтын.

Драматург-влак историй темымат ӧрдыжеш огыт кодо. Л. Яндакын «Ший калык» (2010) драмыжым поснак палемден кодыман. Тудо марий сарзе-влакын монгол-татар-влак ваштареш кредалмыштым почын ончыкта. Марий князь ден Бату-хан, князь ден Маршан, Олыкпай ден Вашпатыр, Езукай ден Яшпатыр ваштарешла шогат. Вий тӧр огыл гынат, марий-влак чолгалыкым ончыктат. Героике темылан возымо ты сылнымут героике характерым почын пуа. Антитезе йӧн драмын чыла структурышкыжо шыҥа. Финалже – почылтшо, тудо героико темылан возымо марий драматургий традицийым умбакыже шуя.

В. Матвеев, монодраме кышкарым кучылтын, «Марпа» (2012) сылнымутым возен. Тудын геройжо – ялыште йӧршын шкет илыше шонго ӱдырамаш. Тудын илыш корныжо – элыштына лийше трагический лаштык-влак. Улан илыше кресаньык ешеш шочын-кушшо ӱдырлан шуко нелылыкым ужашыже перна. Героиня – политике системын кулжо. Ондак колхоз председатель тӱрлӧ семын орландара, ачажым шынден колтат, погым поген налыт, вара латшым ияш Марпалан сар корныш тошкалашыже логалеш. Тушеч пӧртылмекыже, йӧратыме марий деч азам ышта, вара семын целинам нӧлташ лектын кудалеш, ӧрдыж кундемыште дояркылан пашам ышта.

Шочмо кундемышке пӧртылмек, мланде пашам шуктен ила. Тудын шонымыж почеш, мланде айдемым пукша, тудо илаш вийым пуа. Уке гын кузе вес семын лийын кертеш? Марпа пеш чын шона: мый илем гын, ялат илаш тӱҥалеш. Геройын илыш драмыжым самырык драматург элыштына каен шогышо умылаш лийдыме политике паша дене кылда. Эше ик йодыш сылнымутчым тургыжландара: марий тӱня шолдырген толеш, калыкнан традицийже мондалтеш, марий тӱняужмаш ден шижмашна нӱшкемеш. Марпан образше гоч драматург калык уш-акылым иктешлен ончыкта, марий чоным почеш, порылык ден яндарлыкым мокта.

В. Григорьев «Ава шӱм» (2011) драмыштыже курымашлык йодышым почеш, ача-ава ден икшыве кокласе кылым сӱретла, тидым ик еш кокласе кыл гоч почеш. Нравственный йодышат авторым тургыжландара, авам мондымаш,

тудым утыш лукмаш сайыш ок кондо, айдеме чон дене модаш ок лий, маннеже сылнымутчо. Тиде йодышым келгынрак ончыкташ манын, В. Григорьев ватемарий кылым сӱретла, тиде сюжет ярым гоч тыге иктешла: ең пиалым пужен, шкеже нигунамат сай илышыш от воч.

Кажне гаяк возышым тачысе марий ял илыш йодыш тургыжландара, вет тачысе ялын тӱсшӧ шоңгылык дене кылдалтын, да эше тӱҥ шотышто тудо – илалше ӱдырамаш чуриян. «Ава шӱм» драмыштат ме тидымак ужына.

Марий калык – ныжылге кумылан калык, тудо почылтшо чонан, мыскарам йӧратыше. Тидым ме драматург ден ончышо-влакын койдарчык жанр деке мелын улмыштат шижын кертына. Комедий ик эн чолга сцене жанрлан шотлалтеш.

Лирике сынан койдарчык-влакым Г. Гордеев, З. Долгова, Л. Яндак возен шогат. Сатир сынан койдарчыкат шочмо драматургийнам пойдарен. Тиде жанрым Г. Гордеев моштен кучылтын, тудын «Кунам кӱдырчӧ кӱдырта» комедийже репертуарым пойдарен, пьесе оҥайын келыштаралтын.

Трагикомедият шке кышкаржым у произведений-влак дене темен. З. Долгован «Пысман корем», В. Абукаевын «Сулык пыжаш» сылнымутыштым поснак ойырен палемдыман. Фарс йӧным А. Петров моштен кучылтын. Тудын «Пупкин ӱдырым налеш» ден «Адак омсашке тӱкалат» (2008) пьесыже-влакым ончыктыман.

Г. Гордеевын драматургийже жанр шотышто поян. Тудо «Ял ӱмбалне – мужыр йӱксӧ» (2000) лирике ден семан комедийым, «Пеледыш лӱман мурызо» (2006) лирике драмым, «Куван кеҥеж» (2004) психологий драмым, «Эр кече пиалым сӧра» (2003) социально-психологический драмым, историй темылан келыштарыме трилогийын «Мый ом суко садак» (2002) сылнымутым лудшылан да ончышылан пӧлеклен.

Г. Гордеевын «Кунам кӱдырчӧ кӱдырта» (2011) сатир сынан койдарчыкше посна ял кӧргӧ илышым ончыктымо дене кылдалтын. Туге гынат тиде шыгыр кышкарым автор кумданда, келгемда, тыге чумыр элысе политике системе дене моштен кылда. Койдарчыкыште «революций» модалтеш, тудын тулешыже ятырын когаргат, чын чурийыштым почыт. Илышын социал тӧрсыржым автор кумдан почеш, тидланже символ сынан образ-влакым кучылтеш, поснак – кӱдырчын. Тудо, ик могырым, лӱдыкта, тунамак – южым яндарешта. Калыкат ондак революций лиймылан ӱшана, вара гына умыла: чылажат вотылтыш семын ышталтын улмаш. Пьесын кажне геройжо шкешотан, шке йылман, илыш историян. Автор пьесыштыже шуко оҥай сылнымут йӧн дене пайдаланен.

М. Илибаеван «Торешватесолаште томаша (2019) койдарчыкыштыже кызытсе марий ял илышыште лийше умылыдымаш-влак почылтыт. Герой-влак оҥай илыш дене илат, вате-шамыч пӧръеҥыштым шотлыдымо лийыныт, шкешт оксам ышташ тунемыныт (судья, футболист, бизнес-леди, корректор), суртыштым, йочаштым марийштлан ӱшанен кодат. Тыге икана марий-влак ялыш толын лекше ондакысе Ипполит йолташыштын полшымыж дене ватыштым туныкташ шонен пыштат, йышт «пудыранчыкым» ыштат, ял гыч шылыт. Тунам гына ӱдырамаш полко шке йоҥылышыжым умыла. Конфликт – локальный, но тунамак тудо кумдаҥеш. Тыгай историй кызытсе жаплан келшыше. Автор

социальный йодышым юмор да сатир чия полшымо дене почеш, обществын могай улмыжым иктешла.

З. Долгован «Немыч вате» (2015) комедийыште сӱретлыме историй кӱшнӧ ончыктымо ситуацийлан ваштарешла лектеш. Тыштат вашпижмаш икте-весым умылыдымылан кӧра шочеш. Тудыжо вучыдымын ялышке йот эл гыч толшо ӱдырамашлан кӧра лектеш. Тиде «немыч» ватет пуйто ял мландым шке кид йымакыже поген налнеже. Ончетше гын, саде Светлана шке шочмо верышкыже толын лектын. Тыге ялысе марий-влак «помыжалтыт», ялыштым тӱзаташ тӱҥалыт, шкештат сай могырыш вашталтыт. Тӱҥжӧ – нуно социальный илыш кышкарыште шке верыштым муыт гына огыл, чонышт денак весемыт, илышым вес шинча дене ончаш тӱҥалыт. Шочмо ял, мланде ончылно титакан улмыштым умылат.

Ужына, кок койдарчыкыштыжат кызытсе илышыште ӱдырамашын пӧръеҥ деч ончылнырак улмыжо почылтеш, тудын активный илыш радамыште шогымыжым ужына. Тыге вара семын, нуным ончен, пӧръеҥ-влакшат почеш кодаш огыт шоно, нунат чулымештыт.

В. Абукаев «Сулык пыжаш» (2010) трагикомедийыштыже айдемын уда койышыжым тӱжвак луктеш, тидланже келшыше ситуацийым налеш, трагический ден комический йӧн-влакым иктыш кучылтеш. Тыгодым юмор сынан элемент-влак национальный тӱсан улыт, сатир могырыш лупшалтыныт. Автор сюжетым илымаш ден колымаш йодыш йыр чумыра. «Сылнымутын чыла структурышкыжо сулык нерген шонымаш шыҥдаралтын. Тудын нерген реальный герой-влакат ойлат, тидымак вес тӱня гыч толшо-влакат палемдат» [1, с. 144]. XX курым – шуко социал тӧрсыр дене темше жап. Тидым ме трагикомедийысе герой-влакын илыш пӱрымашышт гочат иктешлен каласен кертына.

Иктешлен, тыге каласыман: марий драматургий верыште ок шого, серызе-влак возымыштым жапын йодмо проблемышт дене чак кылдат, у формо ден йӧн-влакым кычалыт, у геройым сценыш луктыт, конфликтым келгемдаш тыршат.

Литератур

1. *Бояринова Г.Н.* Валерий Абукаевын «Сулык пыжаш» трагикомедийже: сылнылык ойыртем // Проблемы марийской и сравнительной филологии: сб. ст. / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2016. С. 141–145.

УДК 821.511.151

Г.Н. Бояринова
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

ТЕМА ПОЛИТИКИ В БАСЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ В. ДМИТРИЕВА-ОЗИ

В статье рассматривается вопрос о власти и человеке в баснях марийского писателя В. Дмитриева-Ози, написанных в годы перестройки. Анализируются тексты, где данная проблематика является сюжетообразующей.

Ключевые слова: *В. Дмитриев-Ози, басня, мораль, власть, человек.*

Басня – краткое поучительно-назидательное поэтическое повествование с иносказательным и аллегорическим смыслом [1, с. 59]. В басне всегда присутствует мораль, она подытоживает изображенную сюжетную картину, выражает идею текста, авторскую позицию. Иногда мораль дается в начале текста, чаще – в конце произведения, встречаются тексты без явно выраженной назидательности. В таких случаях идея выражается через содержание басни в целом. Басне характерен своеобразный язык, он близок к бытовой речи. Поэтому басню чтецы не просто читают, а мастерски рассказывают. В баснях присутствует ритмическое оформление, строки текста рифмуются.

Большой вклад в марийское басенное творчество внес Виталий Дмитриев-Ози. В марийскую литературу он приходит в середине 1980-х годов. Он автор нескольких сборников басен, эпиграмм, фельетонов, шаржей, поэм, рассказов, новелл, стихотворений. В последнее время искал себя и в жанрах драматургии. В журнале «Ончыко» опубликованы три его пьесы. В. Дмитриев-Ози печатался под псевдонимами В. Сергеев, В. Яльский, В. Карпов, Орлой Канеш, Мичу Вичу, В. Мэчи. В данной статье мы будем опираться на его сборник басен «Локама» (2008).

В баснях В. Дмитриева-Ози главными героями выступают домашние животные, лесные звери, насекомые, птицы, иногда неодушевленные предметы. Они характеризуют человека, в сюжете басенного текста ведут себя, как люди: говорят, радуются, горюют и т.п. Используя аллегорический прием, автор высмеивает человеческие пороки, политику государства, отдельные социальные явления.

Годы перестройки сильно изменили жизнь простого народа. Смена политической системы в стране привела к разрухе в сельском хозяйстве, к распаду промышленного производства. Безработица, безденежье, бандитизм, рэкет надолго закрепились в жизни россиян. Вопросов к власти, правителям страны накопилось достаточно много.

Посмотрим, как в своих баснях эти вопросы раскрывает В. Дмитриев-Ози. «Рыба гниет с головы», – говорят в народе. Многое в жизни зависит от руководителей. Проблему народа и власти автор рассматривает во многих произведениях. В басне «Рывыж» («Лиса») мы видим, как главного героя переводят с одной должности на другую, и везде он руководитель, потому что дружит с Волком, краевым «хозяином». В данном тексте мораль открыто не выражается, идея просвечивает через «каркас» сюжета.

В басне «Олач» поднимается подобная же проблема. Собаку по кличке Олач всюду стараются пристроить в «теплое местечко»; почему ему такая почесть, гадать не приходится: *«мошта служен, шогалын, кӱлешыж годымжо – нулалын (пала: эн шерге – йӱмӧ-кочмо), лупша, келшен, йыргешке почшым» («умеет служить, встать, когда надо – лизнуть (знает: самое главное (ценное) – угощение), машет, как надо, круглым хвостом»*) [2, с. 38. Здесь и далее везде пер. с марийского наш. – *Г.Б.*].

В басне «Шудошырчык» («Стрекоза») герой оказывается в стане чиновников, начинает подниматься по карьерной лестнице, всех поучает, будто только он один все знает. Вывод такой: *«тыгае икте кӱзыш «пӱнчӧ вуйыш» да шинче… калык шӱйыш»* (*«один такой полез «на верхушку сосны» и сел… на шею*

народа») [2, с. 58]. Мораль басни «Пусакыште» («В углу») такова*: «ок ончал гын элоза "пусакыш" – тушто савырат айдемым бомж-кусатыш» («если президент страны не заглянет "в уголок" – там человека превратят в бомжа»*) [2, с. 58]. Поднятая проблема была весьма актуальной в годы перестройки. Она остается таковой и в наши дни.

Демократия должна была предоставить народу свободу во всех ее проявлениях, в том числе в сфере выборов в депутаты. Об этом автор рассуждает в басне «Сайлымаш» («Выборы»). Действие происходит в болоте. Местные жители выбирают кандидатов для отправки в центральное болото, одни предлагают Чибиса, другие – Чирка, третьи – за кандидатуру Цапли. Герои не жалеют красивых слов, характеризуя своих избранников. Но выходит совсем по-другому: *«депутатыш… Ужавам сайлат» («в депутаты выбирают… Лягушку»*) [2, с. 44].

Место действия в произведении «Агытан-депутат» («Петух-депутат») – лес и деревня неподалеку от него. Чтобы быть избранным, Петух очень старается: заискивает, упрашивает, обещает, кричит. Став депутатом, забывает своих куриц. Согласно принятым жизненным нормам, автор делает такой итог: *«лие кидыште мандат – шкенжын «мурыжым» мондат» («получив в руки мандат, – забывают свои «песни»*) [2, с. 53].

В годы Советской власти руководители не имели право брать на работу своих родственников. В годы перестройки и в постперестроечные времена все изменилось. Об этом писатель рассуждает в басне «Кад(ы)р паша» («Кривое дело»). Волк просит своего секретаря найти ему помощника. Секретарь по очереди предлагает кандидатуры Медведя, Крота, Крысы, Карася. Никто не нравится Волку. И в конце поступает предложение выдвинуть кандидатуру Шакала, причина выбора ясна: *«…родывожышто – мораль» («мораль – в родстве»)* [2, с. 49].

Какой руководитель – такой народ, каков народ – таков руководитель. Такая мысль высказана в басне «Корнывож» («Перекресток»).

Басня «Дракон» написана в форме сказки. В поле крестьянского сына богатыря Йывана кто-то вытоптал весь урожай, немного скосил и убрал. Ночью хозяин выходит сторожить и видит, что к полуночи на поле приходит Дракон. Йыван вступает с врагом в битву: срубает одну голову Дракона – вырастают две, потом – четыре. Йывану не осилить грозного врага. Идея выражена в следующих словах: «*Кугемше штатым иземдаш тӧчат, но тудо, унчыкеш, – лӧча» («Увеличенный штат пытаются уменьшить, но он, к удивлению, – разбухает»*) [2, с. 35]. И она не имеет отношение к основному сюжетному действию.

Перестройка намного ухудшила жизнь простого народа. Об этом автор рассуждает в таких басенных текстах, как «Вашмут» (Ответ»), «Илена…» (Живем…»), «Ак кӱза» («Цены повышаются»), «Шаньга-таньга», «Пий илыш» («Собачья жизнь»), «Омышто – поян» («Богат во сне»). Басня «Вашмут» («Ответ») хотя и коротка, но идея в ней выражена оригинально, иронично. Народ голодает, отправляют об этом телеграмму в вышестоящие инстанции, оттуда приходит ответ: *«Вучыза, миен шуэш эрла – колтенна вагон совлам» («Ждите, завтра получите – выслали вагон ложек»)* [2, с. 81].

В. Дмитриев-Ози затрагивает проблему дефолта в басне «Калта» («Кошелек»), пишет о том, что нарушаются законы («Тора шинчан» («Дальнезоркий»), «Суд»), высказывает свои мысли о рэкете («Мӱкш ден пачемыш» («Пчела и оса», «Опкын умдыла» («Жадный клоп»), поднимает тему бартера («Бартер»), пишет о ваучере («Коля ден комак» («Мышка и хомяк»).

Идея басни «Мираж» выражена предельно ясно: *«чылан чоҥенна «тӱшка райым», а чоҥымо – лекте! – сарайым» («все строили «коллективный рай», а построили – выходит! – сарай»*) [2, с. 77]. Автором затронута «больная» тема о строительстве коммунизма, об утрате иллюзии всеобщего счастья.

Экологическая тема напрямую связана с политическим строем страны. Стремление к наживе любым способом может привести к экологической катастрофе. Именно об этом басня «Пуш да юж» («Запах и воздух»).

Демократия рождает свободную прессу. Эта тема тоже волнует автора, к примеру, в басне «Чӧгыт» («Молоток»). У молотка большая сила: из ничего может сделать то, что надо: *«айдеме гыч ышта (но – кӧ мыняр пышта!) озаже – Чӧгытвуй – сай еҥым, а кӧм – кӱлеш гын – вик пера… вуйвем гыч!» («из человека сделает (но – кто сколько положит!) хозяин – Хозяин молотка – хорошего человека, а кого-то – если понадобится – сразу ударит … по голове»)* [2, с. 54].

Автор своим зорким взглядом видит жизненные недостатки. Он утверждает, что, если руководитель не выполняет свои функциональные обязанности, то жизнь не войдет в нормальное русло. Докажем это на примере басни «Оза(н)лык» («Хозяйство»). В лесу хозяином был Медведь, но из-за его лени решили выбрать на руководящую роль Кабана, но тот заботился лишь о себе (купил машину), а потом уехал, Ежик тоже больше думал о себе, чем об остальных, у Сороки не хватило толку, от Галки хорошей работы было не дождаться. Мораль выражена в конце текста: *«Отышто ыш кой озалык – шолдыргыш садлан озанлык» («В роще не было хозяина – вот поэтому разорилось хозяйство»* [2, с. 46].

В своих баснях В. Дмитриев-Ози поднимает тему политики в разных ее проявлениях. В качестве главных героев выбирает диких и домашних животных и птиц. Действие происходит в разных местах: на лесных полянах, в деревенском дворе, в кабинете начальников. Мораль в основном выражается в конце текста, она предельно ясна, лишь в некоторых баснях идея открыто не высказывается. Басни автор оформляет по-разному, ищет новые формы выражения: басня-сказка, басня-эпиграмма.

Литература

1. *Борев Ю.Б.* Эстетика. Теория литературы: энциклопедический словарь терминов. М.: ООО «Издательство Астрель»: «Издательство АСТ», 2003. 575 с.

2. *Дмитриев-Ози В.* Локама (шоймак-влак). Йошкар-Ола: ОАО «МПИК» савыктыш, 2008. 216 с.

УДК 821.511:142

С.П. Гудкова
НИ Мордовский государственный университет
им. Н.П. Огарева (г. Саранск)

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ НАСЛЕДИЕ Ф.В. СЫЧКОВА В ПОЭТИЧЕСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ Л. СЮСИНОЙ (НА МАТЕРИАЛЕ КНИГИ СТИХОВ «НАЕДИНЕ С СЫЧКОВЫМ»)

В статье рассматриваются художественные особенности книги стихов Л. Сюсиной «Наедине с Сычковым» (2019). В ходе анализа обращается внимание на специфику поэтической трактовки наследия эрзянского художника Ф.В. Сычкова. Делается вывод о возможности воссоздания визуальности полотен национального автора через поэтическое слово.

Ключевые слова: *современная поэзия Мордовии, Ф.В. Сычков, мотивы и образы, художественные особенности.*

Современная русскоязычная поэзия Мордовии отличается многообразием жанров, стилей, творческими индивидуальностями. В своем развитии русская литература Мордовии опирается как на традиции классической русской литературы, так и на наследие мордовского этноса, которые и определяют характер духовности, индивидуальности, ментальности повествования. Поэтическое творчество русскоязычных авторов привлекает внимание, в первую очередь, обращением к национальным мотивам: введение образов исторических личностей, традиций, культуры, быта, лексики мордовского народа. Доказательным является тот факт, что многочисленные и разноплановые следы мордовского влияния выступают не случайными экзотическими вкраплениями, а целостной системой приемов, направленных на обеспечение органичного существования в русской событийно-языковой художественной стихии национального героя [см.: 1, с. 7]. Авторы также заостряют внимание на красоте мордовского края, воссоздают характеры и облик эрзя-мокшанского народа. В этой связи необходимо отметить творчество таких поэтов, как В. Юшкин, В. Гадаев, А. Шаронов, В. Федосеев, А. Арапов, А. Громыхин, В. Абрамов и многих других. В их произведениях весьма часто переосмысливаются национальные мифологические образы и герои, исторические личности; дается новый взгляд на культурное наследие региона.

Заметим, что с течением времени интерес к данной теме не ослабевает, свидетельством чему может служить и новая книга стихов Л. Сюсиной «Наедине с Сычковым» (2019). Сквозной темой данного издания становится наследие Народного художника Мордовской АССР Ф.В. Сычкова. Книга издана к 150-летию со дня его рождения и является своего рода поэтическим выражением любви и признания великому художнику. В обращении к читателю автор отмечает, что «никогда еще не писалось мне так легко и непринужденно, как после знакомства с богатым творческим наследием великого Художника Земли Мордовской Ф.В. Сычкова. Почему? Может, потому что дышали мы одним воздухом, пропитанным ароматом луговых трав; купались в одной реке – синеокой Мокше; бродили по одним лесам, любовались поутру горящими рассветами и тонущими в озерах закатами. <…> Вглядываясь в картины

Сычкова, чувствуешь неповторимую легкость, возвращаешься в беззаботное босоногое детство и наполненную чувствами юность со свиданиями под рябиновым кустом у плетня, на скамеечке у вишневого сада. Приглашает Художник и на берег Мокши, где можно отдохнуть, наплясаться вдоволь под гармошку и перепеть всем селом любимые песни. Пошутить, пококетничать…

Встреча с творчеством Ф.В. Сычкова заставила взяться за перо и выплеснуть на бумагу чувства, переполнившие сердца и разум» [3, с. 3].

Действительно, Л. Сюсиной удалось через поэтическое слово передать всю многоцветную палитру красок художественного мира автора. Это не просто книга – это своего рода поэтический каталог великих картин мордовского мастера. Композиция сборника отличается соединением репродукций картин художника и поэтических откликов на них. Поэт не только описывает картины, но и передает чувства, эмоции, вызванные тем или иным полотном художника. Причем, отметим, что представленные репродукции, сделаны в отличном качестве. Они сохраняют и передают цветовую и идейную наполненность картин мастера. Перед читателем предстают неповторимые картины природы мордовского края в разные времена года («Зима. Этюд», 1920; «Разлив», 1920; «Зимний вечер этюд», 1925; «Лето», 1909; «Мокша разлилась», 1930, «Ледоход», 1940 и др.). Поэту удалось уловить необычный взгляд художника на динамику жизни природы, ее дыхание, передать многоцветную палитру красок и их оттенков:

Зимний вечер в деревне, как чудо:
Неожиданен, тих, в серебре…
Пруд, замерзший… И звезды над прудом –
Так случается лишь в декабре.

Белый снег синевою окрашен.
Блеск алмазов нам режет глаза.
И мороз, он силен, но не страшен,
Словно в мае над лугом гроза [3, с. 15]
(Поэтическая зарисовка к картине «Зимний вечер». Этюд, 1925).

Как известно, одной из центральных тем творчества художника является жизнь его родного села – Кочелаева. Часто на картинах Ф.В. Сычкова появляются весенние разливы полноводной Мокши, покосившиеся домики и плетни родной деревни. Через поэтическое слово Л. Сюсина передает глубокое романтическое чувство, преклонение мастера перед волнующей в своей скромности прелести национальной природы:

Здесь Кочелаево вскарабкалось на горку,
Чтоб с высоты смотреться в гладь воды,
Чтоб спозаранку целоваться с зорькой
И слушать вьюг нескладные лады.

Внизу дорога – ледяная тропка.
И мостик шаткий, хоровод берез.
Спит подо льдом пока речушка кротко –
Поет ей колыбельную мороз [3, с. 31]
(Поэтическая зарисовка к картине «Зимняя дорога», 1940).

Неотъемлемой частью родного мордовского края являются его жители, простые люди, которые также занимают одно из центральных мест в творчестве художника. Мастер показывает увлеченность своих односельчан трудом, передает жизнерадостность народных гуляний; вместе с детьми он испытывает восторг от зимних развлечений и забав. Малая родина всегда была живительным источником его творческого вдохновения. В своих интервью художник признавался: «Я люблю изображать простых людей не только в труде, но и показывать их жизнерадостность, веселье, игры. Я думаю, что в этом неиссякаемом оптимизме простого русского человека сказывается его великая созидательная сила, твердая вера в счастливое будущее» [6].

Поэту удалось передать внутреннюю энергию, которую излучают многочисленные портреты и портретные зарисовки односельчан мордовского художника («Девочка с цветами», 1932; «Лето», 1909; «Мяльщицы льна», 1905; «Молодая (Новобрачная в деревне)», 1925; «Молодуха», 1928; «Подружки», 1920; «Настя с вязанием», 1925; «Плясунья Соня», 1932; «Катание с гор», 1937, и др.):

Она знает, что очень мила,
Потому и глядит, не смущаясь.
Эта девушка… Нам улыбаясь,
Парня сельского сводит с ума!..
Искры с глаз… развязался платок…
Снять ли, бросить его – не решила…
На минутку присела… Спешила –
Да от дел отвлеклась на чуток…
Блуза белая, в сборку рукав,
Как лебедушка белые крылья,
И цветов луговых эскадрилья,
Разбежалась по блузе стремглав.
Круглолица. Румяна. Бела…
Потому и глядит, не смущаясь…
Минул век, а она, улыбаясь,
Снова в прошлое нас увела… [3, с. 133]
(Поэтическая зарисовка к картине «Девушка», 1945)

Поэтическая книга Л. Сюсиной не просто передает авторское отношение к творчеству великого художника, но и позволяет по-новому посмотреть на его наследие, еще раз соприкоснуться с творческой лабораторией мастера, почувствовать его настроение, эмоции, безграничную любовь к малой родине. Осмысливая многообразную палитру красок национального художника, автору удалось через поэтическое слово донести до читателя взгляд живописца на красоту и неповторимость мордовского края.

Литература

1. *Гудкова С.П.* Крупные жанровые формы в русской поэзии второй половины 1980 – 2000-х годов: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Саранск, 2010. 41 с.

2. Русская деревня на самобытных картинах, пронизанных позитивом и молодецким задором // URL: https://kulturologia.ru/blogs/280218/37889 (дата обращения: 12.08.2020).

3. *Сюсина Л.* Наедине с Сычковым. Саранск, 2019. 256 с.

УДК 82.08:882

Е.В. Гусева
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

ПОЭТИКА ОБРАЗА СУДЬБЫ В РОМАНЕ «ПРУД» А.М. РЕМИЗОВА

В статье рассматривается одна из центральных проблем в творчестве А.М. Ремизова – двоемирие. В данном аспекте дана интерпретация образа Судьбы в романе «Пруд». Особое внимание отводится поэтике образа.

Ключевые слова: *русская литература XX века, автор, двоемирие, поэтика.*

Жизнь и творчество Алексея Михайловича Ремизова (1877–1957) стали предметом пристального научного изучения российских литературоведов сравнительно недавно. Это объясняется многими причинами. Одна из них (если иметь в виду XX век) – отрицательное отношение советской власти к писателям-эмигрантам, другая причина связана с трудностью восприятия произведений писателя-модерниста, с особенностями его мировоззрения, о чем писал И.А. Ильин – философ русского зарубежья, первый глубокий исследователь творчества Ремизова: «Чтобы читать и постигать Ремизова, надо “сойти с ума”. Не помешаться, не заболеть душевно, а отказаться от своего привычного уклада и способа воспринимать вещи. Надо привести свою душу в состояние некоторой гибкости, лепкости, подвижности; и, повинуясь его зову, перестраивать лад и строй своей души почти при каждом новом произведении Ремизова» [6, с. 273].

Разнообразное в жанровом отношении творчество писателя: романы и повести, рассказы и переложения русских сказок, апокрифов, легенд, автобиографические повествования и воспоминания, публицистика – воссоздает огромную картину жизни, быта, культуры России рубежа XIX–XX веков [2, с. 3].

Внимание исследователей сосредоточилось на центральных проблемах идейно-тематического, образного и поэтического содержания творчества Ремизова, таких как влияние разнообразных идейно-философских концепций на писателя, своеобразие и металогия его художественного мира, традиции древнерусской культуры, стилистическое новаторство, мифотворчество, автобиографизм, поэтика сновидения и др. [1; 5; 8].

Так или иначе, все эти аспекты исследований соприкасаются с проблемой двоемирия писателя и восходят к его первому роману «Пруд» («Вопросы жизни», СПб., 1905) – «эпопее зла» (И.А. Ильин), который как в момент появления в печати, так и до сего дня получает самые разнообразные интерпретации, жанровые определения, неоднозначные оценки художественных особенностей и недостатков романа.

Понять двоемирие Ремизова нам поможет анализ основных форм присутствия ноуменального мира в мире феноменальном, т. е. классификация образов ноуменального мира и выяснение их идейно-художественных функций. В результате такого анализа мы сможем более глубоко осмыслить авторское художественное изображение потустороннего мира, прежде всего, как мира демонического, воплощенного в образах субстанциональных, натурфицированных и персонифицированных, тогда как сакральность потустороннего мира представлена в романе в пределах культовой предметности и обрядовости.

Обращение Ремизова в романе «Пруд» к образам Судьбы, Мары, Нужды тесно соотносится с народно-религиозной культурой. Живой интерес писателя вызывали сказки, мифы, легенды; апокрифы – «смутные, недорожденные образы, скрытые в “цветущих садах народного словотворчества” (фольклор!); чуть видная нежить примет, обычаев, обрядов, бытовых преданий, шуток, поговорок, пословиц, поверий, суеверий, ведовства и колдования – словом, все то, что живет в подполье всенародного сознания в неоформленном виде» [4, с. 275–276].

Ремизовские образы в соответствии с классификацией относятся к натурфицированным и изображаются по принципу от общего к более частному. Судьба в повествовании представлена как сила, господствующая над всем человечеством, Мара участвует в межличностных отношениях, Нужда приходит в жизнь конкретных людей.

На протяжении многих столетий предпринималась попытка осмыслить одно из самых сложных понятий – Судьба. Очевидно, что своими корнями оно уходит в фольклор. «Понятие судьбы в русском фольклоре складывается из трех его составляющих: 1) судьба как высшая сила над людьми, 2) судьба как данное человеку богом, 3) судьба как богом предназначенное / сужденное. Каждый из данных смыслов при словоупотреблении может быть главным, определяющим» [6, 137]. В словаре В.И. Даля судьба трактуется как «суд, судилище, судбище и расправа. <…> Участь, жребий, доля, рок, часть, счастье, предопределение, неминучее в быту земном, пути провидения» [3, с. 333].

Во всем повествовании романа Судьба выступает как абстрактная сила, и в этом ее сходство с Демоном-Демиургом. Такой подход позволяет автору показать все судьбы персонажей, в целом, как единую судьбу народа. Вместе с тем она понимается писателем как что-то индивидуальное, предопределенье, данное каждому человеку свыше, от Бога. Судьба определяет жизнь персонажей. В романе судьбы большинства персонажей трагичны, многие герои умирают – одни сами по себе, другие заканчивают жизнь самоубийством. Например, с первых страниц романа мы узнаем, что от старости умирают дед главного героя Николай Огорелышев и его жена Ефросиния, далее умирают торговец Толоков, Елисей Финогенов – от воспавления легких, бабушка Анна Ивановна и др.

Самоубийством заканчивает жизнь Варенька – мать братьев Финогеновых. Она, не выдержав своей тяжелой жизни, повесилась. Митя Прометей (сын няньки Прасковьи) утонул в пруду, Таня (сестра Мишки Сухоплатова – одноклассника Николая Финогенова) отравилась, Николай задушил Арсения, а сам попал под колеса кареты. Важно отметить, что авторский взгляд направлен не столько на саму смерть, сколько на трудную жизнь героев.

Судьба у Ремизова осмыслена нами как мифологема, которой приписываются сущность, свойства и действия. В структурно-смысловом плане это, прежде всего, «доля-недоля». Она вправе наделить человека всеми благами жизни или все отобрать. Порой Судьба несправедлива, что заставляет одного из героев романа размышлять: *«– Почему судьба у нас отрывает самое дорогое? – заговорил Алексей Алексеевич»* [7, с. 240. Далее цитирую это издание, указывая страницы в круглых скобках. – *Е.Г.*].

Само слово «судьба» становится ключевым в контексте, связанном с жизнью о. Глеба и братьями Финогеновыми. Показательным в этом отношении является эпизод об Андрее Алабышеве – герое, который примет монашество и станет о. Глебом: *«И уж хотел он жить, как ему любо, и все у него было, и он потянулся за огромным счастьем, уверенный, а судьба его, ненароком набежавшая доля-недоля его, вырвала из рук у него это огромное счастье, и, проведя его через страшную кровь, бросила, а когда он, отчаявшись, в отчаянии своем руки на себя наложил, она спасла его, и снова вывела на свет»* (с. 111).

В жизни персонажу приходится преодолевать много материальных и духовных трудностей, которые заставляют его воспринимать Судьбу как злой рок: *«Он везде видел только проклятие судьбе, он встретил то, от чего хотел уйти, самого себя он встретил, только разбившегося на много, много жизней»* (с. 111).

Персонаж воспринимает свою Судьбу как крест, который он должен пронести через всю жизнь, поэтому в жизни Андрея Алабышева приходит осознание неизбежности своей Судьбы: *«Надо принять всю судьбу – всякую недолю, и принять ее вольно и кротко, и благословить ее всю до конца»* (с. 111). Принятие Судьбы в романе становится своеобразной формулой жизни. Ей следует не только о. Глеб, но и один из братьев Финогеновых. Для него это, прежде всего, завет, формула жизни. Он осознает*: «Надо принять всю судьбу, всякую недолю и принять ее вольно и кротко и благословить ее всю до конца – был этот завет для Саши заповедью»* (с. 179).

С осознанием приходит полное принятие Судьбы. Простому человеку сложно примириться со всеми тяготами жизни. Не случайно то, герой, чтобы внутренне перебороть себя, свою гордыню и стать смиренным, становится монахом. В монашестве он совершает подвиг – безропотно принимает свою Судьбу: *«И перейдя через достаток, нищету, богатство, счастье, и, наконец, через кровь, и заглянув в глаза смерти, заглянув людям в бедующие глаза, проклинающие судьбу свою, он благословил это мир бед и неверности и случайности. И приняв всю судьбу, благословив ее всю до конца с ее скорбью, печалью, нуждою, понял всю игру судьбы, и стало ясно ему: зачем беды и за что бедуют»* (с. 112).

Поставив перед собой задачу, проанализировать поэтику инфернальных образов в романе Ремизова «Пруд», проведя их классификацию в соответствии с особенностями художественного воплощения, мы пришли к следующим выводам.

Инфернальные персонажи во всех их проявлениях – как образы субстанциональные, натурфицированные и персонифицированные – являются, прежде всего, объективацией авторского трагического мироощущения.

В образах Судьбы, Мары, Нужды натурфицируются представления автора о трех важнейших силах, определяющих жизнь человека. Судьба господствует над всей жизнью человека, Мара – над сферой межличностных отношений, Нужда – над внутренним состоянием человека, попавшего в беду, забитого нищетой. Все эти силы, как и персонифицированные образы Монаха и Плямки, являются одним вариантом главной инфернальной субстанции – Демона-Демиурга. Воссоздавая различные варианты зла, Ремизов использует целый арсенал поэтических средств (повествовательную рамку, особенную

хронотопическую и субъектную организацию текста), органически вписывая инфернальные образы в структуру произведения.

Литература

1. *Грачева А.М.* Алексей Ремизов и древнерусская культура. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 369 с.

2. *Гусева Е.В.* Роман «Пруд» А. М. Ремизова: Поэтика двоемирия: монография / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2011. 186 с.

3. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 12 т. Т. 11: Сап – Тех. М.: Мир книги, 2003. С. 333.

4. *Ильин И.А.* Собр. соч.: в 10 т. Т. 6. Кн. 1: О любезности: Социально-психологический опыт; Основы художества: О совершенном в искусстве; О тьме и просветлении: Книга художественной критики: Бунин, Ремизов, Шмелев. М.: Русская книга, 1996. 560 с.

5. *Нагорная Н. А.* Виртуальная реальность сновидения в творчестве А.М. Ремизова. Барнаул: БГПУ, 2000. 150с.

6. Понятие судьбы в контексте разных культур: сб. науч. тр. / РАН; Науч. совет по истории мировой культуры. М.: Наука, 1994. 318 с.

7. *Ремизов А.М.* Собр. соч.: в 10 т. / РАН, Ин-т- рус. лит. (Пушкинский дом): гл. ред. А.М. Грачева. Т. 1: Пруд: роман. М.: Русская книга, 2000. 572 с.

8. *Сергеев О. В.* Алексей Ремизов – узник снов: Поэтика сновидений в прозе А.М. Ремизова 1890–1910-х годов: монография. М.: МПГУ, 2002. 358 с.

УДК 821.511.151

Н.В. Гусева
Марийский институт образования (г. Йошкар-Ола)

1950–1960-ШО ИЙЛАСЕ МАРИЙ ЙОЧА ЛИТЕРАТУРЫШТО ПРОЗЫН ВИЯҢМЫЖЕ

Статья посвящена анализу развития марийской детской литературы 1950 – 1960-х гг. XX века. В ней на примере отдельных произведений выявлены жанровые разновидности и тематические направления.

***Ключевые слова**: марийская детская литература, жанр, приключенческая повесть, историко-биографическая повесть, рассказ, проза, тема.*

Илышыште йоча литературын кӱлешлыкше моткоч кугу. Вет лач шочмо сылнымут кушкын толшо самырык тукымын илышым умылаш тӱҥалмаштыже шкешотан тошкалтыш семын улеш. Шочмо йылме дене возымо сылнымут икшывын шӱм-куатшым, койыш-шоктышыжым шуараш полша; поро шонымашыжым виянда; илышым умылен мошташ, шочмэлым йӧраташ, лӱддымӧ, чулым, чын айдеме да шочмо кундемын патриотшо лияш туныкта, поро пашалан кумыланда. Сылнымутан произведенийысе герой-влак варажым лудшо йочан шӱм йолташыже, шкешотан туныктышыжо лийыт, тудым сай, поро пашалан кумыланден шогат, йоҥылыш корныш тошкалме деч аралат, нелылыкым сеҥаш таратат.

Йоча сылнымут, мемнан шонымаште, шуко жанран да тӱрлӧ темылан поян лийшаш. Вет кушкын толшо изи айдемын вуешыже кечын гаяк тӱрлӧ

йодыш шочеш. А тидланже вашмутым лач шуко жанр дене возалтше, тӱрлӧ темым почын пуышо произведений-влак гына пуэн кертыт. Вет йоча-влак йомакым, приключений сынан ойлымашым, героике да историй темылан возалтше повестьым, тӱрлӧ янлык-влак нерген произведенийым йӧратат.

Кугу Ачамланде сар деч вара марий йоча литератур палынак виянгын кая. Сылнымутыш у автор-влак (Д. Орай, Н. Лекайн, П. Пайдуш, А. Пасет) толыт, ятыр произведений шочыт, йоча литератур у жанр, теме дене пойдаралтеш. М. Майнын, С. Вишневскийын, В. Юксернын, К. Беляевын, Г. Матюковскийын, Б. Даниловын, Н. Ильяковын, А. Канюшковын, В. Ивановын, В. Сапаевын, И. Васильевын, Т. Батырбаевын, М. Евсееван, В. Бояринован, Луков Паюн, В. Любимовын, В. Орловын, А. Гороховын военно-патриотический, историко-революционный, приключений сынан, шочмо кундем, паша, пӱртӱс, сонарзе да колызо-влак, пионер ден комсомол организацийын илышышт нерген произведенийышт кумда верым налыныт.

Жанр шот дене ончалаш гын, 1954 ийыште А. Айзенвортын посна книга дене лекше «Вич полмезе» лӱман чапле произведенийже марий йоча литературышто у жанрлан – *приключенческий повестьлан* тӱнгалтышым пыштен. Повестьым автор тӱрыс тӧрлен шуктен огыл улмаш. Тиде пашам Ким Васин ден Петр Клюкин мучашке шуктеныт да 1954 ийыште посна книга дене савыктеныт. Произведенийыште Йошкар-Оласе школышто тунемше вич чолга рвезын кенеж каныш жапыште шочмо вершӧрым шымлен коштмышт нерген ойлалтеш. Нуно шке программыштым НИЭРАО (научно-исследовательская экспедиция по изучению рек, лесов и озёр родного края) манын лӱмденыт. Тыште автор пӱртӱс, тӱрлӧ пушенге, шудо да моло нергенат шуко палымыжым ончыктен.

1950-ше ийлаште марий йоча литературышто тура вашталтыш лиеш: туныктен каласыме сынан произведений-влак шагалемыт. Ончыл верыш *паша теме* лектеш. Икшыве-влакын пашам йӧратен кушмыштым, пашалан тунеммыштым, нуным пашалан ӱжшӧ произведений-влак возалтыт. Тыгай улыт В. Орловын техникым йӧратыме нерген «Шагат орва» ойлымашыже, В. Сапаевын «Мом каласет, Миля?» (1968), Аптулай Пасетын «Изи вӱдет йогалеш», Н. Лекайнын «Шӧртньӧ падыраш» (1951) повестьлашт, Т. Батырбаевын «Талгыде кӱтымаште» ойлымашыже. Произведенийын паша темылан возалтмыжым вуймутшак палдара: И. Емельяновын «Изи пашаче», Н. Лекайнын «Рита – садовод», «Розан фермыже», Макс Майнын «Сережа – строитель», «Ямде лий», А. Федоровын «Мемнан пӧлекна». Ятыр писатель-влакын возымаштышт паша да пӱртӱс теме чак кылдалтыныт. Паша темылан возалтше ойлымаш-влак пӱртӱсым жаплаш да пагалаш туныктат. Лач тыгаяк улеш Н. Лекайнын 1958 ийыште посна книга дене лекше «Ӧрыктарыше лыве» лӱман ойлымаш сборникше. Ты сборникысе «Рита – садовод» ойлымаш йоча-влакым пашаче айдеме лияш, илышым умылен мошташ туныкта. Ритан аважын каласкалымыж гоч йоча-влак кушкыл, пушенге-влакын илышышт, кушкын, атыланен толмышт нерген практический шинчымашым налыт. Ик ошкыл почеш весе Ритан шинчымашыжым келгемдат, тудо сад шындаш тунемеш, шындымеке, уто укшым пӱчкеден кышкаш кӱлмым пален налеш.

Н. Лекайнын ты сборникысе вес ойлымашыже – «Ӧрыктарыше лыве». Повествований Витя лӱман рвезын каласкалымыж семын чонгалтын. Тудын

образше гоч лудшыең порсын лыве нерген пален налеш. Витят порсын коконым ыштымашке шке вийжым пыштен, шке изи полышыж дене кугу пашалан шукталташыже полшен.

«Розан фермыже» ойлымаш йоча-влакым вес пашалан – сурт кайыкым йӧраташ, нунын койышыштым умылаш туныкта. Ялысе ӱдырын сурт көргӧ пашалан изинекак кумыланғын кушмыжым сылнын сӱретлыме. Мыскара сынан сӱретым онартыш мут-влак дене сылнештарыме. Тидыже изи икшывын кумылжым савыраш утларак полша.

Н. Лекайнын тыгак «Энгыжвондо коклаште» да «Вараксим-влак» ойлымаш сборник-влакшат йоча прозым пойдарен виянденыт.

«Латик кролик» (1962) ойлымашыштыже Н. Ильяков *чын айдеме могай лийшаш? темым* тарвата. Тыгай сынан произведений тудо пагытыште шагал лийын. Ойлымашын чоңалтмыжат шкешотан: автор кольцевой обрамлений йӧнлан энертен (Витян кочажын туныктен ойлымыжо: «Чыным йӧрате. Чын чарак гай улеш, айдемылан камвозаш ок пу» ой дене тӱңалеш да пыта), тӱң геройын – Витян – каласкалымыже семын возалтын. Йочан уда пашам ыштымыж деч вара тудын шӱм-чоныштыжо мо ышталтмым, тӱрлӧ ситуацийыште шкенжым кузе кучымыжым автор пеш сылнын, куштылго йылме, мыскара йӧре каласкала. Но эн ончык Витян поро кумылжым, чын пионер улмыжым ончыкта.

Йоча сылнымутым 1950 – 1960-шо ийлаште шке произведенийлаж дене чот пойдарен туныктышо, писатель Луков Паю (Парамон Павлович Луков). Кӱчык пагыт коклаште тудын «Шошо эр» (1954), «Пӧлек» (1962), «Кечан эрдене» (1965), «Изи годым» (1966), «Йӧратыме туныктышо» (1969) ойлымаш да повесть сборникше-влак лектыныт. Кажне гаяк произведенийже школ илыш, йоча-влакын тунеммышт нерген улыт. Тыгак Луков Паю тӱңалтыш классласе туныктышо-влаклан ямдылые методический пособий-влакын авторжо семынат палыме.

Марий йоча литературын пеледалт тӱзланыме пагытыштыже ятыр сай произведений-влакым возен курыкмарий сылнымутчо К. Беляев. Нунын кокла гыч «Эн шергакан пӧлек», «Буква-шамыч шылыныт», «Орденан пионер», «Подвиг» ойлымашлажым поснак палемдыман. Вара «Пеледыш аршаш» (1952), «Тетялык рассказвлӓ» (1955), «Кӱ техень патыр?» (1959) йоча ойлымаш сборникше-влак савыкталтыныт. Палемден кодыман, 1950 – 1960-шо ийлаште К. Беляевын творчествыже утларак виянын кая. Шке произведенийлаштыже тудо шукыж годым айдемын көргӧ чонжым, тудын психологийжым почын пуаш тырша. Тыгай улыт «Хала-автомат», «Гулька», «Ыңгыленыт», «Анюн папажы» ойлымаш-влак.

Йоча чоным келгын шижын да умылен моштышо вес писатель – тиде Борис Данилов. Икшыве кумылым мастарын савырыше сылнымутчо кажне гаяк ойлымашыштыже «йоча ойлымаш», «йоча-влаклан ойлымаш» манын палемда. Тудын «Изи астроном», «Туныктышо чыла пала», «Светланан ковыштаже», «Разведчик», «Петян мурыжо», «Палыме рвезе», «Мичу ноен», «Кыша», «Ит ондале», «Война огеш кӱл» ойлымашлаже «Ямде лий», «Марий коммуна», «Рвезе коммунист» газетлаште, «Ончыко» журналыште савыкталтыныт. Варакшым посна книга денат лектыныт: «Спутник» (1959), «Разведчик» (1961), «Ужар патруль» (1964). «Миша-артиллерист» документальный повестьшат 1968 ийыште ош тӱням ужын.

Торъял кундемын вес уста писательже, туныктышо-методист В. Сапапев тиде пагытыште йоча-влаклан «Мӧр пеледме годым» (1963) да «Мом каласет, Миля?» (1969) сылне повесть-влакым возен. Произведенийлаште рвезе тукымын чын верч шогымыжо, поро, волгыдо чонан, но тунамак тӱрлӧ койыш-шоктышан улмышт почылтеш. Чоҥалтме шот денат повесть-влак ойыртемалтше улыт. Икымшыже тӱҥ герой Иван Ивановын каласкалымыж семын чоҥалтын гын, «Мом каласет, Миля?» повесть ик йочан весын дене кутырымыж семын (диалог) чоҥалтеш.

1950 – 1960-шо ийлаште марий йоча литературышто *историко-биографический повесть* кумда верым налын. Марий писатель-влак *сар темылан* келге шонымашан произведений-влакым возат: фронтысо да тылысе илышым, йоча-влакын кугыеҥ-влак дене тӧр пашам ыштымыштым, орлыкан шужен илыме пагытыштым ончыктат. Тыгай улыт Б. Даниловын «Миша-артиллерист», В. Ивановын «Вӱдшӧ келге, серже тура» (1968), В. Любимовын «Полмезе жапем» (1967), Д. Орайын «Чолга шӱдыр» (1950), В. Юксернын «Атаманыч» (1949) Г. Матюковскийын «Нелы ин, нелы часын» (1968) повестьышт. Сылне произведенийым возаш писатель-влаклан шукыж годым шке шинчашт дене ужмышт, илыш опытышт кугун полшен. Мутлан, Б. Даниловын «Миша-артиллерист» повестьшын геройжо – мемнан землякна Совет Ушем Герой Михаил Лебедев. Б.Г. Данилов Миша Лебедев ден йолташ лийыныт, Чобык тӱҥалтыш, вара Куптӱр пеле кыдалаш школышто да У Торъял педучилищыште пырля тунемыныт. Кугу Ачамланде сарыште Днепр энерым вончымо годым патырлык ден лӱддымылыкым ончыктымыжлан Михаил Васильевич Лебедевлан Совет Союз Герой лӱмым пуымо. Чыла тиде повестьлан сай негыз лийын.

В. Юксерн Кугу Ачамланде сар годым Сахалиныште япон империалист-влак ваштареш кредалын. Лач тиде тудланат произведенийын сюжетшым чоҥаш, вер-шӧрым, боевой обстановкым ончыкташыже сайын полшен. Документальный повесть «Атаманыч» оҥай, приключений сынан сюжетше дене йоча-влакын йӧратыме произведенийышкыже шукертак савырнен. Самырык рвезе – Миша Ковалевын илыш корныжым, куан ден ойгыжым автор Атаманычын образше гоч келгын почын ончыктен. Вес оҥай образ – марий ялеш шочын-кушшо, марий пӱртӱсым йӧратыше сержант Кандалин. Самырык лудшо-влакым произведений Атаманыч гай чулым, лӱддымӧ лияш ӱжеш.

«Атаманыч» повестьым руш, украин, узбек, немыч да моло вес йылмылашке кусарыме. Тудо йоча литературын шӧртньӧ фондышкыжо пурен.

Йоча-влакын кугу сар годым тылысе неле илышыштым, кугыеҥ-влак дене тӧр неле-йӧсым чытен, пашам ыштымыштым В. Ивановын «Вӱдшӧ келге, серже тура», В. Любимовын «Полмезе жапем», Г. Матюковскийын «Нелы ин, нелы часын» повестьлаштышт ужына.

В. Ивановын «Вӱдшӧ келге, серже тура» повестьше лиризм кумыл дене шындаралтын. Повестьыште неле сар пагытысе марий ялын илышыже, марий ден эстон рвезе-влакын келшымашышт, келге чоншижмашышт устан ончыкталтыныт.

Самырык тукымлан В. Иванов тыгак «Яктер» (1963) повестьым возен, кудыжо вара руш йылмышке «Келай и его друзья» лӱм дене кусаралтын. Тыгак «Вӱдшӧ келге, серже тура» повесть руш йылмыш «Мой брат Эйно» лӱм дене

кусаралтын да кок повестьге Москвасе «Детгиз» издательствыште савыкталтыныт. В. Любимовынат «Полмезе жапем» (1967) повестьшым рушлашке кусарыме. Тудо «Идет мальчишка по дороге» лӱм дене Москвасе «Детская литература» издательствыште лектын. Тыште сар жапыште йоча-влакын неле илышышт ончыкталтын.

1950 – 1960-шо ийлаште йоча литературышто *пӱртӱс теме* ик эн ончыл верыште шоген. Шочмо кундемын пӱртӱсшым жаплыме, тудым йӧратыме да аралыме нерген А. Мичурин-Азмекей воза, кундемнан пӱртӱс поянлыкшым, моторлыкшым мокта. Пӱртӱс нерген возымыжо тудын у сынан, моло-влак деч ойыртемалтше. Азмекей янлык ден кайыквусо илышым сӱретла гынат, айдеме нергенат ок мондо. Тудо тӱҥ верыш тӱням уэмдыше айдемым луктеш. Тудын геройжо-влак пӱртӱсым йӧратат, пӱртӱс моторлык дене кугешнат. Писательын кажне ойлымашышкыже пӱртӱсым, пӱртӱс лонгаште илыше чыла чонаным йӧраташ, аралаш кӱлеш манме шонымаш шыҥдаралтын: «Пеледыш», «Кайыккомбо», «Кум тенге». «Пеледыш» ойлымашын геройжо – рвезе сонарзе Юрий, пӱртӱс уэммым, кажне чонаным, изи мӱкшым, мӧдывуй ӱмбалне кушшо пеледышым куанен онча, чылажат тудлан шерге. «Кайыккомбо» ойлымашын геройжо, кайык мурым колынат, сонарыш толмыжым монден, чодыра покшелне келанен колышт шога, пӱртӱс куатым йывыртен эскера. Прозаикын пӱртӱс темылан возымо ойлымашыже-влак икымше «Чодырасе сӱан» (1955) книгашкыже пурталтыныт. Тылеч вара писательын творчествыштыже пӱртӱс моторлык сонарзын шинчаж дене (тыге манаш лиеш, очыни. – *Н.Г.*) теме тӱҥ лиеш. 1960 ийыште вес «Тул воктене» йоча ойлымаш-влак сборникше лектын.

Мичурин-Азмекей ойлымашлаштыже пӱртӱсым, тудын деке мелын улшо поро айдемым кӧргӧ гыч сӧрастарен ончыкта. Тидыже повествований стильыштат, произведенийын йылмыштыжат раш коеш: сылне пӱртӱссӱрет, лирический описаний повествованийыште утларак падырнат. Мутлан, «Кайыккомбо» ойлымашыште вӱд тӱрым, комбым моторын, ныжылге кумыл дене, «Пеледыш» ойлымашыште шыже пӱртӱсым, шкет шогышо пеледышым лирик кумыл дене сӱретлен ончыктымо. Лирике сынан сӱретым почын пуаш писательлан шочмо йылмын поянлыкшым моштен кучылтмыжо кугун полша. Тудын возымо йылмыже – яндар, сӧрале, поян. Калык йылме гыч сылне танастарымашым (пеледыш салтак семын шога, марий ӱдыр-влак гай койшо куэр кушкеш, кушкын шушо качымарий-влак гай таза да мотор пӱнчер логаледа), виян ойсавыртыш-влакым кучылтеш (мланде уло онжо дене ласкан-ласкан шӱла, кече мланде шенгек шылеш). Пӱртӱсым – чодырам, пушенгым, кечым, мландым – чонан семын сӱретлен ончыктымаш пӱртӱсат, айдемат икте-весышт деч ойыраш лийдыме улыт, пӱртӱс – айдеме илышын ик кугу ужашыже шонымаш-влакым утларак пенгыдемда.

Творчествыжын тӱҥалтыш пагытыштыже марий йочалан М. Евсееват ятыр произведенийым возен. Тудын «Шырчык-влак» ойлымашыже ик эн сайлан шотлалтеш, шкешотан улеш. Шырчык-влак айдеме семын мутланат, ең койышым койыт. Тунамак автор йоча ден кайык коклосе келшымашым ик эн ончыл верыш шында. Школьник Ленька шырчык-влаклан тора корно гыч чонештен толмыштлан у пӧртым ыштен ямдылен, а нунышт тауштен, сылне мурым мурат. Тыгак тиде ойлымаш лудшо йочалан шуко сай шинчымашым пуа.

Мутлан, самырык шырчык-влак шонго да черле шырчыкым кочкыш кычалаш огыт колто, нуным конден пукшат. Але шырчык-влак шыже велеш игыштым чодыраш нангаят да тушан писын чонештылаш, шукш-копшангым пытараш туныктат. М. Евсеева кайык-влакым пагалаш, нунын поро йолташышт лияш ӱжеш.

Тиде пагытысе вес йоча писатель – Василий Орлов. Марий сылнымутышто тудо йоча писатель семын палыме. Прозаик, онай темым муын, тудым сылне йомак, мыскара дене сылнештара. Лач тыгаяк улеш «Шулдыран кол» ойлымашыже. Осал, тунемаш ӧрканыше, кайыкым кучен орландарыше рвезе – Петян – шке йонгылышыжым умылен, тӧрланымыж нерген «Лӧдӧ» ойлымаш. «Чоя кӱдыр» ден «Совла денат колым кучаш лиеш» ойлымашлаште кайыкын, колын илышышт гыч лийше онай-влакым каласкалыме. Нине кок ойлымашлан материалым автор шке илышыж гыч налын.

Тӱрлӧ калыкын келшен илымышт нерген, интернационализм шӱлыш дене шындаралтше З. Каткова «Изи Самар» ойлымашыже. Тудым икымше вараксим дене танастараш лиеш. Палемдыман, тыгай сынан произведений марий йоча сылнымутышто эше лийын огыл. Ойлымашын тӱҥ геройжо – Мӱндыр Эрвелыште илыше нанай калык гыч лекше рвезе. Самарын нанаец улмыжо лӱмжӧ гыч веле огыл, ӱмбал сынже, койыш-шоктышыжо гычат коеш. Тайгаште илаш тунемше лӱддымӧ рвезе пич чодыраште шенгын коштеш, чулым койышыж дене ойыртемалтеш. З. Каткова ӧрдыж вершӧрым, тусо пӱртӱсым йӧратен сӱретла, Амур воктене илыше калыкым, тудын йӱлажым, кӧргӧ чон шонымашыжым моштен ончыкта.

Иктешлен каласаш гын, 1950 – 1960-шо ийлаште марий йоча прозо виянгаш тӱналме пагытыште лийын: у жанр дене пойдаралтын, тӱрлӧ темылан произведений-влак возалтыныт. Йоча литературын ончыко виянгмаштыже тиде жап шкешотан шӱкалтыш семын лийын кодеш.

УДК 821.511.131-4”19”09(045)

Т.И. Зайцева
Удмуртский государственный университет (г. Ижевск)

ФРОНТОВЫЕ ОЧЕРКИ УДМУРТСКОГО ПУБЛИЦИСТА М. ЛЯМИНА В ПОСЛЕВОЕННОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ*

В статье рассматриваются особенности развития очерка о Великой Отечественной войне в удмуртской литературе послевоенных десятилетий. На материале малоизвестной очеркистики писателя-фронтовика М.А. Лямина осмысляется формирование художественной структуры удмуртского военного очерка, изучается зарождение новых повествовательных жанров военной тематики.

***Ключевые слова**: удмуртский очерк о Великой Отечественной войне, жанр, документальность, образность, М.А. Лямин.*

Важное место в послевоенном удмуртском литературном процессе занимает очерковое творчество писателя-фронтовика М. Лямина (1906–1978).

* *Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Удмуртской Республики в рамках научного проекта № 18–412–180006.*

Следует отметить, что произведения о войне, созданные в 1941–1945-е гг., принято называть первой волной военной литературы; второй волной развития литературы военной тематики стали послевоенные десятилетия. Благодаря очеркам М. Лямина формируются новые качества удмуртской литературы, связанные с развитием документальных жанров.

Материал, накопленный М. Ляминым на фронте, лег в основу его очерковых книг «Тыл пырти» («Сквозь огонь», 1945), «Вунэтонтэм аръёс» («Незабываемые годы», 1956), «Ож сюрес» («Боевой путь», 1962). Надо заметить, что ляминская книга «Боевой путь» была переведена на русский язык и вышла под названием «Четыре года в шинелях» (1965) с жанровым уточнением «Повесть о родной дивизии». В данном случае можно говорить о появлении в удмуртской литературе прозаического цикла, т. е. о развитии в национальной очеркистике циклообразующих факторов. Мысленно охватывая весь пласт публицистики М. Лямина, нельзя не заметить, что развитие жанра военного очерка в его творчестве характеризуется отходом автора от прямой оценки к психологизму. «Агитационный» характер очерка военных лет сменяется воссозданием драматизма военной повседневности, стремлением к изображению человеческих судеб и фронтовых будней в их сложности. Главным для писателя становится увековечение имени и подвига погибшего солдата.

Предметом рассмотрения в статье являются наиболее характерные послевоенные очерки М. Лямина, дающие представление об особенностях развития национальной очерковой прозы, в целом.

Особенный смысл в литературе тех лет вкладывался в название произведения. Примечательны в этом плане заголовки ляминских очерков, нацеленных на создание обобщенного образа солдата-освободителя, выходца из Удмуртии: «Ожын кыдан» («Закаленный в бою»), «Вунэтонтэм дан» («Вечная слава»), «Лек ож бусыын» («На кровавом поле боя»), «Батыр» («Богатырь») и др.

Своеобразие творческой манеры М. Лямина наглядно проявляется в очерке «Кыл» кутылись» («Захватывающий «языка»), включенном в сборник «Тыл пырти». В центре очерка – подвиг разведчика Николая Ивановича Семакина. Налицо желание писателя не только описать подвиг героя, но и раскрыть его личностные качества. Доминируют в характере Николая Семакина крестьянская смекалка, хозяйское начало, ответственность.

Структура очерка сочетает в себе романтический пафос и реалистически точное изображение фронтовой действительности. Лирические отступления о мирной работе Семакина в колхозе, его увлечении новыми агрономическими технологиями чередуются с описаниями разведок в тыл врага и связанных с ним боев. Психологически точно, с использованием эмоционально-возвышенной лексики воссоздан один из таких эпизодов, связанный с доставкой немецкого «языка». Во многом благодаря ему текст произведения превращается в возвеличение героической сущности советских разведчиков, в целом. По-особенному эмоционально приподнятым оказывается финал очерка: «*Ог коня ке кылын, коня ке суредэн Семкинлэсь куинь арлэсь ятыр ожмаськемзэ возьматыны шуг. Нош огез тодмо – со… батыръёс полысь батыр»* [2, с. 80. Пер. с удмуртского здесь и далее везде наш. – *Т.З.*] («В нескольких словах и небольших картинах передать более чем трехлетний военный путь Семакина

невозможно. Одно понятно – он… богатырь из богатырей»). Рядовой солдат Николай Семакин, уроженец далекой удмуртской деревушки Костромка, выросший среди простого народа и впитавший его лучшие черты и традиции, становится воплощением богатырской мощи всей Красной Армии.

Авторская романтическая характеристика героя и реалистическое изображение его подвига дополняют друг друга – этот синтез становится одним из действенных изобразительных приемов очерка.

Соединению лирических и эпических начал в «Кыл» кутылись» способствует образ военной дороги. С одной стороны, дорога является динамичным фоном произведения, с другой – характеризует изменение внутреннего мира героя, процесс закаливания его характера. Дорога олицетворяет военный путь солдата, прошедшего «сквозь огонь, воду и тяжести войны, которые невозможно забыть» (*«тыл пырти, ву пырти, ноку но вунэтонтэм шуг-секытъёс пырти»* [2, с. 80].

Углубляет правду о войне следующий сборник послевоенных очерков М. Лямина «Вунэтонтэм аръёс». Дистанция, разделяющая первую и вторую книги писателя, дала ему возможность осмыслить боевые события аналитически, увидеть новые грани в факте.

В книгу вошли восемь очерков, к числу лучших можно отнести «Зырдыт сюлэм» («Горячее сердце»), «Вунэтонтэм аръёс» («Незабываемые годы»), «Хирург», «Бертон» («Возвращение»). Наибольшие изменения коснулись композиционной структуры очерка. Эмоциональный контраст между «приподнятостью» героя и реалиями войны, характерный для очерков книги «Тыл пырти», сменяется психологическим контрастом, нацеленным на раскрытие внутренней атмосферы войны.

В свете сказанного заслуживает внимания очерк «Зырдыт сюлэм», рассказывающий о героической гибели политрука Петра Александровича Блинова (1913–1942), автора романа «Улэм потэ» («Жить хочется», 1940), вошедшего в золотой фонд удмуртской литературы. С документальной точностью писатель воспроизводит действия разведгруппы Блинова, называет подлинные имена и фамилии бойцов, принявших 7 января 1942 года тяжелейший бой за стратегически важную высоту у деревни Павлищево под Смоленском. В этом бою и погиб смертью храбрых талантливый удмуртский прозаик Петр Блинов. В текст очерка введены фрагмент из письма Блинова жене и маленькой дочери, отрывок из похоронки, написанной комиссаром дивизии, воспоминания самого Блинова о предвоенном Ижевске, с указанием конкретных мест, где любил бывать писатель.

Стремясь идти «внутрь факта», автор использует не привычный для национальной литературы прием: структура очерка «соткана» из описательных контрастов, взаимно дополняющих друг друга и внутренне развивающихся. Трудные минуты переживает подполковник Корниенко, подыскивая замену не вернувшимся с задания разведчикам. В глубоких раздумьях идет в разведку на смену погибшим однополчанам политрук Блинов. Драматизм конкретной человеческой судьбы вплетен в противоречия военной действительности: гуманность воина-освободителя и жестокость фашистских оккупантов. Природа, довоенная жизнь людей, само жизнеустройство, умело смоделированные в

художественном мире очерка, несовместимы с бесчеловечностью войны. Противопоставления и сопоставления, организующие поэтику очерка «Зырдыт сюлэм», удерживают напряженность действия, раскрывают драматизм состояния героев. Прием контраста исподволь переводит реалистическое описание в символическое, смерть героев воспринимается как бессмертие, вернее – олицетворяет бессмертие. *«Куке вунэтод шат сыче зырдыт сюлэмо адямиосты…»* [1, с. 14] («Людей с такими горячими сердцами никогда не забудешь…»). «Зырдыт сюлэм» – это литературный памятник писателю Петру Блинову.

Послевоенные очерки М. Лямина, фиксируя типическую ситуацию времени, отражают процесс формирования в удмуртской литературе повествовательных жанров о Великой Отечественной войне. Писатель поднимает актуальную для национальной литературы проблему – фактически точное изображение военных будней и художественное осмысление бытия человека на войне.

Литература

1. *Лямин М. А.* Вунэтонтэм аръёс. Советской армилэн воинъёсыз сярысь веросъёс но очеркъёс. Ижевск: Удмуртской книжной издательство, 1956. 78 с.

2. *Лямин М. А.* Тыл пырти: Очеркъёс. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1945. 81 с.

УДК 821.512.145

А.М. Закирзянов
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ (г. Казань)

МОЛОДЫЕ ГЕРОИ В СОВРЕМЕННОЙ ТАТАРСКОЙ ДРАМАТУРГИИ

Статья посвящена изучению образов молодых героев в современной татарской драматургии. На основе анализа пьес ведущих драматургов выявляются причины появления своеобразных героев, черты их характера, внутреннее обновление в новой культурной ситуации. Определяются приемы и средства раскрытия образов, обогащающие восприятие читателем художественного мира произведения.

***Ключевые слова**: современная татарская драматургия, тема, герой, традиция, конфликт, прием, идея.*

В конце XX века, в связи с серьезными изменениями в общественной жизни, татарская драматургия вступила в новый этап своего развития. Новизна особенно заметна в отображаемых жизненных материалах, мировоззрении автора, своеобразии художественного мышления и богатстве изобразительных средств и приемов. Освобождение от идеологии советского периода приводит к резкому подъему национальной тематики в драматургии, и это выводит на первый план тематику, связанную с историей, деятельностью отдельных личностей [1, с. 256–258]. Наряду с этим, советский период и царившие в нем порядки подвергаются сильной критике. Литераторы, не отказываясь от реалистической и романтической образности, вместе с тем берутся за освещение разнообразных граней нового бытия, вопросов подсознания человека, пограничного состояния его психики, активно обращаясь к новым

изобразительным средствам и приемам. Изменения, произошедшие в конце века, продолжились и в литературе XXI века, становясь богаче и полнее по содержанию. В этот период в татарской сценической литературе плодотворно трудились зрелые драматурги Т. Миннуллин, Р. Батулла, Ф. Садриев, Р. Хамид, а рядом с ними – представители среднего поколения З. Хаким, Аманулла, Р. Сагди, Д. Салихов, М. Гилязов. А затем, сохраняя преемственность, на арене появилась целая группа молодых авторов – И. Зайниев, Р. Сабыр, Р. Мухсинова, С. Гаффарова, Ю. Миннуллина, А. Шайдуллин и др.

В драматургии наблюдается разнообразие жанров и стилей, тем и мотивов. Постоянно поднимаются такие вопросы, как вхождение молодого поколения в большую жизнь, поиски своего места и утверждение своей личности в преодолении противоречий и препонов на своем пути – и все эти драматургические нововведения сопровождаются серьезными дискуссиями.

К переменам в личной и общественной жизни молодежь особенно чувствительна, что находит наиболее полное отражение в их действиях и поступках, образе жизни, мечтаниях и стремлениях, нравственных качествах и духовном мире. В пьесах З. Хакима «Лицо», Т. Миннуллина «Сумасшедший», «Священнослужитель» и «Сон», И. Зайниева «Цветок лука» и «Люстра», Э. Ибрагимовой «Заблудшие судьбы», Р. Сабыра «Желание», Р. Зайдуллы «Казанская сирота» и др. занимают важное место герои, запутавшиеся в противоречиях эпохи, в поисках своего места, впавшие в депрессию, утонувшие в водочно-наркотическом омуте. Авторов особенно интересуют целеустремленные молодые люди, которые всевозможным испытаниям противопоставляют свою силу воли, отличаются цельным духовным миром и стойким характером.

Вполне естественно, что в творчестве молодого автора И. Зайниева центральное место занимают молодые герои. В его пьесах «Лунная девушка» (2004), «За несколько дней до свадьбы» (2006), «Когда небеса улыбаются» (2006) и «Цветок лука» (2006) отображаются мечты и стремления, радости и тревоги молодых. В комедии «Когда небеса улыбаются» освещается жизнь студентов в общежитии: всевозможные недоразумения, связанные с рождением чувства любви тесно переплетаются со случайными и неожиданными встречами. Внесенные в произведение условные образы – представители планет Марса и Венеры – изображаются как носители добра, желающие любви и радости землянам, помогающие молодым людям понимать друг друга.

Однако И. Зайниеву не чужды нравственные и философские проблемы бытия. В пьесе «Поговорим о любви» (2004) драматург свободно обращается к важнейшим вопросам бытия: взаимоотношений мужчины и женщины, семьи, смысла жизни и др. Успех произведения кроется в том, что он обращается к нравственным и национальным корням, желая донести до читателя и зрителя простую и в то же время глубокую мысль: смысл жизни в творении добра. Автор предлагает свою модель мира, основанную на любви, взаимном уважении, равенстве и гармонии.

В грустной драме Р. Сагди «Розовый туман» (2006) главной становится чрезвычайно важная и нужная тема, до этого как бы остававшаяся вне поля

зрения драматургов, – это тема наркомании, ворвавшейся в сегодняшнюю жизнь как настоящее бедствие; она показана на фоне жизни беспризорных детей-сирот.

В конце XX века происходившие в стране общественно-исторические события привели к потере целого поколения. Автор, с одной стороны, ставит своей целью раскрытие причин данного явления и поиск путей избавления от него, а с другой стороны, ведет серьезный разговор с читателем и зрителем о необходимости понять и помочь человеку, оказавшемуся на самом дне, потерявшему самого себя.

Противоречия между чувствами и желаниями в душе героев произведения – Марата и Артура – проявляются как общественная проблема. Развивается конфликт между нравственным образом жизни, идущим от предков, и желанием жить в свое удовольствие, не прилагая особых усилий и труда. В конце пьесы в душе некоторых героев начинается духовное обновление, и они готовы шагнуть в новую жизнь, другие же не могут выбраться из наркотического омута.

Пьеса З. Хуснияра «Огненный цветок» (2017), написанная на эту же тему, привлекает внимание нацеленностью на молодого читателя и зрителя. Хотя в этой пьесе события и явления кажутся нам довольно знакомыми и в основном доминируют белые и черные цвета, она интересна ясностью мыслей и взглядов, близостью к действительности. Целая цепь событий, основанная на выяснении сложных взаимоотношений между героями, наводит на серьезный разговор о родителях и детях, богатстве и счастье, дружбе и любви, любви и измене. Раскрывая причины погружения молодой девушки в омут наркомании, автор без излишнего умствования дает ненавязчивый совет: в повседневной суете и заботах как бы не забыть нам о своих детях, интересоваться их жизнью, погладить по голове, внимательно отнестись к их увлечениям, а если понадобится, то дать и дельный совет.

В литературе нового времени человек ставится в центр бытия, и вопрос защиты и отстаивания его желаний и стремлений становится одной из главных тем. Явственно прослеживается тенденция, когда в сегодняшней жизни на первый план выступает материальная сторона бытия, а моральные ценности остаются на заднем плане и в связи с этим наблюдается всемерный рост социального неравенства и несправедливости. Распад большого количества семей и рост числа сирот, одиноких холостяков, а также бездомных бомжей и бродяг и другие подобные явления свидетельствуют о болезни общества [2, с. 172]. Самое удручающее заключается в том, что все это пагубно отражается в мире детей и подростков, и произведения драматургов служат напоминанием об этой угрозе нашему будущему.

В драме Р. Зайдуллы «Казанская сирота», наряду с явлениями, связанными с жизнью детей-сирот, осмыслены и социально-политические мотивы, наводящие на размышления о судьбе страны и современного общества. В широком плане сиротский приют, царящие там нравы и явления служат как бы метафорой самого общества.

Национально-философская проблематика составляет особый пласт в этой пьесе. По оценке романтически настроенной девушки-сироты Умай, танец гордого и свободолюбивого парня Камиля олицетворяет собой символ свободы личности. По своей сути человек сродни птице свободы, и только в случае

пребывания в таком состоянии он остается настоящим Человеком. Именно за это качество у одних людей Камиль вызывает уважение и восхищение, а другие ненавидят его. Свобода личности тесно переплетается со стремлением к национальной независимости. Через действия и поступки этих двух героев улавливается призыв к читателю и зрителю избавиться от оков страха, рабской психологии и жить, защищая и отстаивая национальную гордость и свободу. Таким образом, путем успешного использования выражения «Казанская сирота» и известной легенды в одноименной пьесе моральные, философские и национальные проблемы бытия освещаются в новой плоскости.

В сказке-пьесе молодого автора С. Гаффаровой «Самат и Черный король» (2016), адресованной детям школьного возраста, через шахматную игру раскрывается мир душевных переживаний подростка. В связи с возникающими противоречиями между эгоистичными желаниями и нравственными ценностями, автором выдвигается решение серьезной нравственной проблемы: самая большая победа в жизни – победа над самим собой и добрые дела ради других.

Таким образом, в сценической литературе начала XXI века образы молодых героев занимают довольно обширное место в творчестве молодых драматургов. Драматурги уделяют серьезное внимание раскрытию образов молодых героев с присущими только им характерами. Они представляют многообразную палитру молодых персонажей: потерянные, сбившиеся с пути на жизненной стезе, с трудом пробивающие себе дорогу, маргинальные персонажи и др. Большинство молодых героев пребывает в духовном поиске, они находят опору в моральных ценностях, связывающих прошлое с настоящим. В пьесах значительное место занимают явления, служащие метафорой, приемы психологизма, мифологические сюжеты и нетипичные образы.

Литература

1. *Ахмадуллин А.Г.* Татарская драматургия: история и проблемы. Казань: Татар. кн. изд-во, 2012. 511 с.

2. *Миннуллина Ф.Х.* Трагедия личности в татарской драматургии конца XX века // Тюркский мир и исламская цивилизация: проблемы языка, литературы, истории и религии: материалы IX Межд. тюркологической конф. (Елабуга, 13–14 апреля 2018 г.) / отв. ред. Р.Б. Камаева. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. С. 171–174.

УДК 82-95

И.П. Карпов

Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

В.А. МУХИН-САВИ КАК СУБЪЕКТ КРИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Основная цель исследования: осмыслить особенности критического мышления Владимира Алексеевича Мухина-Сави (1888–1938), первого марийского критика-литературоведа. Задачи: актуализировать литературоведческие работы Мухина конца 1920-х – первой половины 1930-х годов, понять их ценностную проблематику.

В предыдущей нашей статье о Мухине были рассмотрены литературоведческие (теоретические) аспекты его критических суждений [см.: 12].

Настоящая статья посвящена высказываниям Мухина по конкретным проблемам марийской литературы и оценкам отдельных авторов и произведений.

***Ключевые слова**: автор, аксиология, эмпирический субъект, ценностные суждения, критика, критическое высказывание, марийская литература.*

Предметом мышления критического субъекта является литературно-художественное или публицистическое произведение, результатом – критическое высказывание, в котором дается анализ и оценка произведения.

В отличие от научного высказывания, в котором автор использует строго определенный понятийно-терминологический аппарат, субъект критической деятельности постоянно колеблется между установкой на «научность», «объективность» и использованием обыденно-оценочных суждений. И последнее тем ярче проявляется, чем более критик следует заранее принятой идеологии. В периоды обострения в обществе идеологической борьбы поляризуются и критические высказывания.

1. Классовый подход и вульгарный социологизм определили многие оценки Мухиным литературных явлений, хотя сам автор пытался занять объективную позицию.

Отметим это в качестве вступления к данному материалу и в его связи с предыдущим нашим материалом о Мухине [см.: 12].

Идея расслоения марийского крестьянства и марийской интеллигенции в рассуждениях Мухина непосредственно связана с оценкой тех или иных литературных произведений. Так, ранняя марийская «духовная литература», писал Мухин, служила «определенной классовой политике», что делает ее «малоценной с точки зрения подлинного выражения идеологии того или иного слоя марийского населения» [1, с. 65]. Сегодня марийские исследователи убедительно доказали важность духовной литературы, в том числе и первых опытов на марийском языке, для всей марийской литературы [см.: 15].

Легенда С.Г. Чавайна «Йыланда» и публицистическое произведение «Поян лийза!» («Будьте богаты!») (автор не указан) «красноречивее всех фактов рисуют социально-экономические чаяния кулацкой части марийского крестьянства» [3, с. 107] – так писал Мухин в статье, посвященной этим двум произведениям. Деревенская буржуазия еще до революций 1917 года в лице писателей выставляла требование экономических «свободных» отношений – «свободных» – в смысле возможности самой эксплуатировать трудящихся марий» [3, с. 107] *.

Как в свете классового сознания может быть прочитано литературное произведение, это мы можем увидеть в рассуждениях Мухина о рассказе-легенде С.Г. Чавайна «Йыланда».

«Рассказ “Йыланда” в марийской литературе приблизительно сыграл ту же роль, которую сыграла в русской литературе “Бедная Лиза” Карамзина; он был написан в 1907-8 г.г. Можно сказать, на нем проходило воспитание националистической молодежи до-революционного периода» [3, с. 107].

Один из выводов Мухина: «Сентиментальность, поверхностный психологизм, исторически невяжущиеся события, отсутствие социального

** В цитатах полностью сохраняется орфография и пунктуация оригинала.*

критерия в рассказе (впрочем, это довольно характерно для всех ранних произведений Чавайна), мелко буржуазный национализм и т. д. – вот отличительные черты произведения» [3, с. 109].

«Социальные корни влияния рассказа на читателей – в искании кулацкого слоя марий собственного былого величия» [3, с. 111].

«Идеализация прошлого – это ложный путь творчества. Ритм всякого искусства – в настоящем. Его природа – в удовлетворении социальных потребностей настоящего. Конечно, Йыланда объективно также удовлетворяла чьи-то потребности, но я уже сказал потребность – националистической части населения, т. е. кулаков, попов, лавочников. “передовой интеллигенции” и т. д.» [3, с. 112].

«В “Йыланда” мы замечаем классово враждебный нам социальный критерий. Это же обстоятельство делает произведение пустоцветом, наполненным дряблым сентиментализмом. Потому и герои его поразительно пассивны. Потому и самый рассказ представляет как бы намалеванную куклу, которая могла бы быть выставлена (вместо боженьки) для верующих националистических элементов марий» [3, с. 113].

Мухин подчеркивает, что дело не в осуждении Чавайна, а в понимании «определенной классовой закономерности», состоянии общества, воссозданного Чавайном, когда еще не было дифференциации «производственных, отсюда и социальных, классовых отношений внутри марийского крестьянства» [3, с. 113].

В нашу задачу не входит комментирование оценочных высказываний Мухина. Каждый, кто знаком с марийской литературой, знает и то, что отношение Мухина к Чавайну менялось, и то, как высоко оценивается сегодня творчество классика марийской литературы, в том числе и его романтическая легенда «Йыланда».

2. Главное, что интересует Мухина в «светской» марийской литературе первых лет ее существования – опять же идеологическое содержание: «Каково же было идеологическое направление нарождающейся марийской литературы?» [1, с. 66], ***можно ли эту литературу рассматривать как особый «идеологический фактор», каковы экономические причины её возникновения, «представляла ли она сгусток определённой классовой психологии»?***

Возникновение «светской» марийской литературы Мухин связывает с появлением календарей – «Марла календарь» (1907–1913 годы). В статье «Первые шаги Марийской литературы» (1928) Мухин подробно анализирует содержание календарей – политические, хозяйственные [1, с. 72–76] и художественные отделы. Это было первое столь подробное исследование календарей, которые изучаются и по настоящее время, порой без учета суждений их первого исследователя.

Мухин обращается к предисловиям календарей («Ончыл мут»), в которых видит «квинт-эссенцию настроений и направлений в мышлении тогдашней марийской интеллигенции, сгруппировавшейся вокруг “марийских календарей”» [1, с. 66]. И приходит к выводам: 1) в календарях нет «попытки научно, диалектически обосновать положение трудящихся марий» [1, с. 67];

2) интеллигенты «констатируют факт экономического истощения патриархальных условий жизни марий»; 3) но в предисловиях предлагается «обычный для интеллигенции всех народов рецепт культурного просвещения» [1, с. 67]; 4) интеллигенция не видит процесса ломки старой экономики мари, вхождение в «круговорот денежных отношений», не видит, что «пошло естественное расслоение и марийской деревни на бедняков, середняков и кулаков» [1, с. 67].

Наивная ориентация на просвещение объясняется, во-первых, близостью интеллигенции к происходящим процессам, невозможностью посмотреть на них со стороны, во-вторых, тем, что интеллигенция была «очень невысокого уровня развития» – «как в научном, так и общественно-политическом отношении» [1, с. 68].

Вместе с тем Мухин положительно оценивает постановку проблемы обучения детей в школах на родном языке, «привлечение внимания марийской интеллигенции к родному языку, осуждение тех, кто гнушается родной речью. Решение проблемы родного языка повело за собой необходимость перехода к национальной политике» (требования иметь своих учителей, инспекторов, свои учебники, книги, газеты…) [1, с. 70].

«…Это было громадным толчком в деле поднятия национального самосознания марий» [1, с. 70], «определенное идеологическое выражение времени» [1, с. 71]. Программа календарей – «означает и классовую базу, сгусток классовой психологии» [1, с. 71].

Зарождение марийской литературы происходит как литературы крестьянской – «со специфическими особенностями её национальных черт» [1, с. 71].

3. Исследование художественного раздела календарей начинается с народной словесности. И как всегда – Мухин задается вопросами идеологического порядка: что публиковалось, с какой целью?

Один из ответов: с целью «взаимоознакомления всех разбросанных частей марий друг с другом через песни» [1, с. 77]. «Этот метод красной нитью проходит через все календари» [1, с. 77].

Мухин пишет о содержании песен, их значении, выделяет песни юмористические: «Своеобразный юмор народа в них отражен всею прелестью примитивных отношений полов между собой» [1, с. 77] – и песни «религиозного» содержания (влияние окружающих мусульман, «восточно-меланхолический характер»), меланхолические песни восточных мари.

Мухин ограничивается общими оценками, имеющими чаще всего обыденное значение (интересно – неинтересно, нравится – не нравится).

«Интересна одна социальная песнь моркинских марий <…> “Элнэт пӱнчэт – кугу пӱнчэт, / Товар вондыдам чот кучыза…”» [1, с. 78].

«Все эти песни, – подводит итог Мухин, – вполне гармонируя с бытом, психологией марий, отражали не революционные годы существования их, а более древний период, когда они, живя в ближайшем общении с природой, брали из нее все узоры своих песен, начиная с художественных образов, кончая выявлением примитивных отношений между собой. В них можно найти лишь

черты младенческого возраста народа, когда он на все смотрит просто, ясно, бесхитростно…» [1, с. 78].

Песни способствовали развитию у народа художественного чутья (меткость выражений, богатая фантазия, чисто народный язык).

Мухин положительно оценивает «капитальный труд» Валериана Васильева «Марий муро» (1923).

4. Мухин указывает на немногочисленные художественные произведения, опубликованные в календарях, даёт их общую характеристику.

«Первые шаги литературного творчества поэтов марий помещены в календаре 1908 г.; стихотворения: “Йумо дэчын йу патыр” («Знание сильнее бога». – *И.К.*). С. Ик-эргэ; “Йэндал” за 1909 г. “Ой кнага”, “Марий патыр шамыч” С. Чавайна, “Увэран кува” Эвай, “Пырыс дэн шыл”, “Пойан вэнгэ” Тӱммари “Пыштэ” за 1910 г. “Элнэт пӱнчэр” Коркан курык марий, “Кабан йэр” Сайына за 1913 год.

Вот весь список произведений тогдашних молодых поэтов марий» [1, с. 78].

Уточним некоторые имена, обращаясь к справочнику К.К. Васина «Псевдонимы марийских писателей» [см.: 9].

С. Ик-эргэ (С. Ик эргэ) – Чавайн (Григорьев Сергей Григорьевич) (1888–1937), псевдоним, используемый в «Марла календаре» за 1908–1910 годы.

Тӱммари (также Ӱпымарий) – Васильев Валериан Михайлович (1883–1961). В 1910 г. под этим псевдонимом выступал в «Марла календаре».

Сайын – Сайн Эрге Сайгелде (Букетов Филипп Афанасьевич) (1871–1953). «“Каван ер” балладыже 1913 ийыште “Марла календареш” савыкталтын» [13, с. 145].

Эвай – Кармазин-Эвайн Гурий Гаврилович (Кутулбай Ибаев) (1882–1938) [см.: 11].

Коркан курык марий («Коркатовский мариец») – Корканмари – Федор Егорович (Георгиевич) Егоров (1866–1937) [см.: 14].

Рассмотрев два стихотворения Чавайна, Мухин отмечает, что Чавайн «шел в один тон со всем тоном календарей, доказывая, что сила науки сильнее бога» [1, с. 78–79]. В стихотворении «Марий патыр-шамыч» Чавайн «впервые берется облекать народные предания в художественные формы. Идея этого стихотворения – насмешка над смелой фантазией богатыря Маршана, захотевшего победить воздушное пространство, но вместо свободного полета (подобно птице), попавшего со своими несчастными крыльями из бересты в серный чан» [1, с. 79].

«Язык его стихотворений гладкий и достаточно образный, музыкальность сохранена; рифмовка по образцу классиков русской поэзии; идея их – народный примитив; социальная сторона – культурничество» [1, с. 79].

«В стихотворении “Элнэт пӱнчэр” довольно образно переданы (через призму лесного мироощущения) мысли о страданиях марий за прежние века» [1, с. 79].

5. В пределах классового восприятия литературы Мухин стремится к обобщениям, выражая их в «формулах».

В литературе 1917 года – «Все писатели, поэты, публицисты этого периода – интеллигенты, вышедшие из крестьянской среды и связанные с ним непосредственно. Егоров, Ф.Е. – священник, Чавайн, С.Г. – учитель, Бельский – учитель, Эвайн, С.Г. – учитель, Монарн – учитель, Ӱпымарий – студент Казанского Университета, Мухин, В.А. – учитель, Т.Е. (Ефремов) – быв. священник и т. д.» [2, с. 54] *.

Эти писатели представляли разные районы марийского края («дружное развертывание творческих сил среди основной части народа»), «большинство из них питомцы быв. Казанской учительской семинарии и ее местных филиалов, как Уньжинская, Николо-Березовская второклассные школы» [2, с. 54].

«Отсюда можно вывести для всех их единую формулу: крестьянин – сельская школа – второклассная (двухклассная) школа – учительская семинария и только для одного из них – Университет, т. е. мы имеем единообразие экономики и культуры (по крайней мере во внешней форме) в их положении и подготовке. И эта одинаковость накладывает на их литературное творчество этого периода печать монотонности не только по форме, но и по содержанию. Писатели, только что вышедшие из скорлупы самых примитивных общественных отношений, но в то же время проникнутые консервативными и прогрессивными течениями национальности, как таковой, естественно должны были представлять из себя продукты этой среды и этих отношений» [2, с. 54–55].

Мухину важно отметить: первые марийские писатели «в большинстве своем были выходцами из зажиточной части населения» [2, с. 55]. Важно потому, что социально-экономическое расслоение деревни не только в 1917 году, но и последующее время определит разные реакции писателей на революционные преобразования.

Итоговая «формула»: «крестьянство – сельское хозяйство – мелкие промыслы – развитие денежных отношений – дифференциация деревни (расслоение их на полупролетариев, середняков, зажиточных и кулаков) – вот основные части их социального и производственного окружения» [2, с. 55].

«Марийская литература 17 года была крайне несложна по форме: писались стихи и небольшие новеллы (рассказы). И количественно их было очень мало. Но тем не менее они таили в себе основные социальные сдвиги в жизни марийского общества» [2, с. 59].

«Поэзия всех народов, – теоретизирует Мухин в статье о марийской литературе 1917 года, – получает могучий толчок в своем развитии, когда она начинает питаться соками духовной культуры своего народа, когда она из стадии подражания поэзии более культурных, передовых народов, начинает конкретно строить свое “национальное лицо”» [2, с. 69].

К сожалению, пишет Мухин, имея в виду марийскую литературу 1917 года, один Чавайн интересовался фольклором, и приводит стихотворение «песню Чачавий»: «Вершина леса; “кож-гож-гож”».

---

* *Мухин указывает, что Т.Е. Ефремов «быв. священник», но Ефремов сложил сан в 1919 году и подал заявление на вступление в партию большевиков, т. е. в 1917 году он еще не был «бывшим».*

«Красота этой песни – продукт лесного мироощущения. Поэту удалось передать свое настроение в полном соответствии с сущностью народной поэзии и с сохранением ее примитивов в форме. Грусть девушки передана с чрезвычайною словесною сгущенностью. Но, к сожалению, это единственное произведение до сих пор остается единственным. От Чавайна, которому если можно отказать в достаточной глубинности его творчества, то мы не вправе отнять известного поэтического таланта. Но он, который был силен именно в своем обращении к народной поэзии, отошел от своей истинной природы, благодаря чему теряет свое “амплуа” в своем художественном творчестве последнего периода. Но об этом речь в последующих наших исследованиях» [2, с. 69]. Действительно, Мухин постоянно будет обращаться к творчеству Чавайна и все более высоко оценивать его произведения, особенно после драмы «Акпатыр» и романа «Элнет».

«Кроме этого стихотворения, мы имеем также ряд басен Ӱпы-марий, очень неуклюжих по своей форме и не имеющих никакого литературного значения» [2, с. 69].

«Но не могу не привести здесь одного шедевра неизвестного автора под названием “Песня ласточки”» [2, с. 70].

Ласточка – щебетунья
“Вычэ-вачэ” щебечет;
Под крылышком порхуньи
“Лыйэ-лай” ножки блещут;
Ведь и мы – щебетуньи,
Что живем теперь втуне?
Зачем, как щебетуньи,
Реем-блещем в раздумьи?

Почему это «шедевр», Мухин не конкретизирует. Также отмечает легенду «Кабан ер» Сайна, но пишет, что «здесь не столько обращение к фольклору, сколько использование исторического материала. Написанное довольно образно, но не имеет большого литературно значения» [2, с. 70].

Современный читатель может познакомиться с этим и другими анализируемыми Мухиным произведениями по книге «Сылнымут памаш» [1982] [см.: 13].

Оценки произведений («шедевр», «не имеет большого литературного значения», не имеет «никакого литературного значения»), сделанные без доказательств, без анализа, указывают нам на то, что Мухин, хотя и ставит в своих первых трудах научные задачи, но часто переходит на уровень субъективной критики и обыденных ценностных суждений.

6. Постоянная тема Мухина-критика – влияние русской литературы на марийскую, проблемы литературной среды и традиций.

Влияние русской литературы, – отмечает Мухин, – было не только в формах стихосложения, но и в заимствованиях. Стихотворение Чавайна «Йумо дэчын йу патыр» – соотносится с рассказом Л. Толстого о равном наследстве. «Увэры кува» – перевод сказки Пушкина о рыбаке и рыбке.

Постановка проблемы литературной среды и традиций была крайне важна для становящегося марийского литературоведения. Мухин это понимал тем более глубоко, потому что несколько лет был в интеллектуальной московской среде, имеющей многовековые традиции. Литературная среда марийских писателей складывалась только в послереволюционное время.

Дореволюционный период – «Говорить о чисто литературной марийской среде и традиции этого периода почти что не приходится…». «Единственным и более могущественным влиянием на первых марийских литераторов пользовалась русская литература. Русские классики: Пушкин, Лермонтов, Кольцов, Крылов, Никитин – вот истинные учителя первых марийских работников пера» [2, с. 55].

Впитывая в себя русскую классику, марийские писатели очень быстро овладевали литературным мастерством, расширяли свой интеллектуальный кругозор.

Определенное влияние на марийских литераторов оказывала и переведенная на русский язык иностранная литература (Диккенс, Шекспир, Гете, Мольер, Сервантес).

Марийские писатели, – отмечал Мухин, – «не могли не подвергаться влиянию и родной художественной сферы – народной словесности, но все-ж во всей сумме литературных традиций влияние русской литературы было наиболее сильное и характерное» [2, с. 56].

«…Литературная среда и традиции были чем-то внешним, неполным, внутренно мало связанными с существом самих творцов, и это сказалось в дальнейшем в том смысле, что марийская литература до сих пор не может найти действенных, родных путей и связей с массами» [2, с. 56].

«Родные же произведения устного творчества марий считались до революции малодостойными внимания, а посему они (за исключением Васильева (Упымарий)) мало кем записывались и изучались. Это отсутствие внимания к родным, живым источникам духовной жизни национальности следует считать одним из существенных недостатков в смысле органического восприятия нашими писателями родной культуры и на основе этого возможного воздействия на нее самое в смысле качественного преобразования и улучшения ее» [2, с. 56].

Мухин указывает на то, что не следует преувеличивать влияние русской (и иностранной) литературы на формирование писательской психологии марий, как и роль марийской народной словесности. Первой, потому что она не выражала настроения среды (т. е. марийского народа), второй, потому что «фольклорный примитив, в марийских условиях особо-отсталый, не в состоянии удовлетворять разрастающиеся культурные запросы масс» [2, с. 56].

Мухин ссылается на А.Н. Веселовского: «ни одна из европейских литератур, следовавших за римской, не развивалась из исключительно народных основ» [2, с. 56]. Мухин цитирует первый том собрания сочинений А.Н. Веселовского [см.: 10]. [В тексте инициалы Веселовского «А.И.» – вероятно, опечатка. – *И.К.*].

В других работах Мухин показывал, как по мере развития марийская литература всё более осваивала устное народное творчество своего народа [см.: 4, 5].

7. Мухин конкретизирует некоторые свои утверждения о влиянии русской классической поэзии на марийскую поэзию 1917 года, указывая на главный фактор литературного влияния – близость народного мироощущения.

«Не говоря уже о переводе Пушкинской “сказки о рыбаке и рыбке” т. КАРМАЗИНЫМ и некоторых стихотворений Пушкина т. Чавайном, мы можем говорить прежде всего о влиянии Никитина на творчество самого **Чавайна** и **Алексеева** (в части ощущений жизни природы)» [2, с. 70][*].

«*Поэты марийские, безусловно, были по своей крестьянской, земледельческо-трудовой природе ближе всех к Никитину, который так глубоко умел грустить и чувствовать тяжесть жизни. В этом опять сказывается известная параллель между “народной жизнью Никитина” и жизнью марий до революции. Вот почему Никитин был особенно приемлемым для марий поэтов. Могучие титаны русской поэзии: Пушкин, Лермонтов, Некрасов – в глазах марийских поэтов были недосягаемыми, и их мироощущение не гармонировало с мироощущением их (марпоэтов)*» [курсив наш. – *И.К.*] [2, с. 70].

В качестве примеров Мухин приводит стихотворения «Летняя ночь», «Утром» Чавайна и «Весною» Алексеева.

Мухин впервые в марийском литературоведении указывает на традиции Фета.

«Алексеевская поэзия – это нечто среднее между марийской народной и русской поэзией»; «Талантливый поэт Алексеев так прекрасно, тонко понимавший биение сердца природы, промелькнул своим стихотворением пред читателями 17 года и больше в поэзию не вернулся. Больше того, даже нет никаких данных судить о нем, как о поэте. В произведении же его чувствуется не только простая подражательность русским образцам, но и самостоятельное переживание лесного мироощущения. Его образы являются равными Фетовским образцам ощущений природы. И действительно, **Алексеев**, должен был пойти по своим образным качествам по пути Фета: так у них много общего» [2, с. 71].

Читая такие рассуждения о «равности» образов поэта, представленного одним стихотворением, и классика русской поэзии Фета, конечно, надо иметь в виду субъективность восприятия Мухина, его восхищение творческими успехами родных ему марийских поэтов. Субъективность эта может быть как со знаком «плюс» (Алексеев), так и со знаком «минус» (следующие высказывания о Чавайне).

«Касаясь Чавайновской поэзии, приходится отметить, конечно, некоторую переработку Никитиновских настроений, но оригинального самостоятельного производства образов в них не видим. И они действительно имели лишь переходящее значение в деле дальнейшего развития марийской поэзии, не оставив в ней каких-либо заметных следов» [2, с. 71].

---

[*] *В 1917 году вышел сборник И. Алексеева «Марий мут»* [см.: 13, с. 126–127].

Отметим одну из особенностей критического мышления Мухина: он постоянно пытается подняться над материалом, ему важно понять причины того или иного явления – и выразить это в «формуле».

«Формулу влияния русской поэзии на марийскую поэзию 17 года в грубых чертах можно выразить в следующем виде: общее сходство угнетения русских крестьян с угнетением всего марийского народа – русская природа (лесная меланхолическая) некоторых уголков России, схожая с природой марийского края – примитив настроений, зависящий от примитива природы и быта земледельцев у русских и у марийцев – интимность общения с природой и сочетание и переваривание в собственной психике всех этих элементов марийскими поэтами» [2, с. 72].

Более оригинальным и близким «к психике народных марийских масс» Чавайн оказался в попытках перенести в марийскую поэзию настроения Кольцова и «даже Ушинского (педагога)» – стихотворение «Заря».

«Здесь Чавайн инстинктивно опять вернулся на почве усвоения настроений вышеуказанных русских поэтов к родному миру. Чувствуется снова его истинная природа, где он держит себя легко и свободно. Родная природа, плюс родное производство вызывают у поэта неподдельное чувство крестьянина-пахаря, преисполненного чувством трудовой гордости…» [2 с. 72].

Будучи представителем трудового марийского народа, Мухин чувствовал основы основ народной жизни и народной этики, именно это определяет многие его высказывания и оценки. «…Труд, – писал он, – это самое высшее понятие у крестьянина-поэта о жизни. Пред трудом должны склонить головы все силы природы. **Чавайн** эту мысль великолепно выразил, инстинктивно понял значение крестьянского труда так, как сами они (крестьяне) его понимают.

Мысли поэта: природа – труд = это жизнь. Формула, как видим, чисто-крестьянской мысли» [2, с. 73].

8. Мухин впервые в марийской критике дает концептуальное изложение основных особенностей марийской поэзии первого года революции, поэтому вычленим наиболее существенные моменты этой концепции.

1. В центре внимания поэтов – тяжелая жизнь народа. Пример: стихотворение ***Ф. Егорова*** «Где здоровье?», главная тема – народное здравоохранение.

2. После Февральской революции и отречения царя от престола – «Поэты верят каждый по своему в светлое будущее народа» [2, с. 59]. ***Т. Е.*** (Ефремов) в стихотворении «Песнь о свободе» призывает свой народ: «Пора, пора уж бросить / В курных избах обитать; Пора хоромы строить, / Чтобы тело укреплять!..» ***Монарн***: «Проснись, марий народ!» [Монарн, Монарын – Вавилов П.И. – см.: 9, с. 34]. Эта же мысль в стихотворении ***Чавайна*** «Утром»: «Марий племя, ты проснись!»

«Таким образом, поэты один за другим зовут свою национальность к строительству новой жизни, к свету, знанью», «Идеалистическая романтика поэзии проникнута духом радости и прилившей новой силы» [2, с. 60].

«После долгой мучительной, безприветной жизни под игом царя – все сразу свежей зеленью начало распускаться» [2, с. 60], «Поэты, как самые чуткие сыны своего народа, поспешили об этом радостно возвестить» [2, с. 60].

3. Но поэты опасаются, что «национальность опять попадет в лапы “богачей-народов”, т. е. господствующих наций (классов)» [2, с. 60].

Т. Е.: «Но в новой той свободе / Богачам-народа власть! / Они нас на приводе / Будут снова гнуть-терзать!». ***Монарн***: «Вокруг тебя врагов / Много и полно, / Их нрав и ум суров – / Гнут марий умно!»

«Поэты видели и чуяли, что свободой могут воспользоваться имущие классы господствующих народов» [2, с. 60].

«Но эти нотки совершенно исчезают у поэта Бельского. Он верит в счастье бедных марий» [2, с. 60]. Стихотворение «Вести-радости»: «Чины и бюрократы / Уж послушны будут нам; / Мы сами тароваты / Строить счастье беднякам, / Начальство мы уж сами / Найдем из среды своей! / К чему над нами / Власть ненужных нам людей!» [2, с. 60]. Ӱпымарий – в стихотворении «Откуда началось и до чего дошли?»: «Нет, нет мерзость не нужна! / Бог спасет нас от всех зол! / Мощь свободы светит нам, / Так зачем опять престол?» [2, с. 61].

«Какою национальною гордостью звучат слова **Чавайна**: “Ведь мы люди тоже суть – сердцем и душой живой!” Народ, которого ставили ниже скотины до революции, теперь твердо заявляет: “Ведь мы тоже люди!..” Какая историческая ирония! Народ не мог считать себя за людей! И какое должно было чувство появиться у поэта, чтобы об этом гордо возвестить всему миру!» [2, с. 61].

Мысль эта о значении стихотворения Чавайна неоднократно будет повторяться в марийских исторических и литературоведческих исследованиях.

4. Мухин оценивает поэтов, исходя, как всегда, из классовой идеологии: одни поэты (**Бельский**) «сразу переходят на классовую позицию, а другие не прочь и с богом повозиться» [2, с. 61].

«Диссонанс уже начинается. Голоса уже расходятся. И это вполне понятно, ибо само движение исторически должно было таить в себе мелко-буржуазные корни земледельцев, в то же время выделяя наиболее активную часть их из бедняцких слоев населения для совершения решительных социальных сдвигов» [2, с. 61].

5. На просветительской точке зрения остаются Т.Е. (Ефремов), Чавайн, частично и Бельский.

«Каждый поэт хочет по своему поднять народ. Одни – светом знанья; другие – неутомимым трудом на земле; третьи – реформой всей жизни» [2, с. 62], но соединить всё это воедино поэты не могут, они ещё не в состоянии «дать цельный литературный образ» [2, с. 62].

6. Во время перехода к «высшим формам государственного образования» народы естественно доходят до осознания межнациональных отношений. «В условиях марийской действительности это заключалось в том, чтобы “не отставать” в ближайшую очередь от своих соседей: чуваш, вотяков и мордвы, а затем догнать в культурном отношении и русских. Вот что было основной и первоначальной формой межнациональных отношений; их короче можно характеризовать, как культурно-экономическое соревнование между национальностями» [2, с. 63].

«Если **Чавайн** говорит: “Мы, ведь, тоже люди суть – с сердцем и душой живой”, то **Т.Е**. национально-самоограниченное чувство **Чавайна** расширяет до степени предъявления прав национальности на участие в общем богатстве народов, мотивируя это в весьма резкой, но ощутительной форме: “Одни живут в богатстве, а другие – в нужде! Не в этом наше братство! Слезы бедных – в нищете”» [2, с. 63].

«Участие это на общественном пиру, безусловно, не могло мыслиться в смысле передачи части богатств других народов марийцам в порядке “уравнительного распределения”, или в еще какой-нибудь другой форме. Оно <…> должно было мыслиться в смысле предоставления возможности свободного развития денежно-хозяйственных отношений и для экономически передовых слоев марийского населения, без систематического давления и угнетения со стороны русской буржуазии на вылуплявшуюся из скорлупы патриархального хозяйства марийскую мелкую буржуазию» [2, с. 63–64].

«“Наше братство” – поэта должно было означать не что иное, как своеобразное отрицание угнетения, производимого русской буржуазией на хозяйственно-экономические отношения марий (верхушечных прослоек)» [2, с. 64].

7. «Но как толкуют марийские поэты свое право на самобытность? Какие стороны народной жизни кажутся им с точки зрения самобытности не только ценными, как факты, но и внутренними стимулами для дальнейшего развития?» [2, с. 64]. Мухин отвечает на эти вопросы: «Поэты в одном сходятся, что марийцы должны иметь свою веру, язык и обычаи» [2, с. 64], доказывая ссылками на конкретные произведения.

Т. Е.: «Но что хранят марийцы? / Гибкий, милый свой язык. / Их нерв где, в чем их лица? / К вере предков он привык».

Бельский: «Нужна нам наша вера. / Жить свободно мы хотим; / Не надо больше скверны. / Будет вольность, будем всем».

Монарн: «Вы в рощах не могли / Предаться мольбе; / Жертвы скрыто жгли / Богу и судьбе».

Поэты обращают внимание прежде всего на то, что отличало «иноверцев» от русских – вера, язык, обычаи.

«Так у поэтов создается новая формула отношений к народу: свобода – вольность – радость вере, языку и лицу народному (т. е. обычаям)» [2, с. 65].

9. Мухин, обобщая свои размышления в «формулах», давая общую характеристику марийской поэзии 1917 года, мыслит конкретно-исторически.

«Теперь свяжем все предшествующие формулы с последующими. Они представятся в следующем виде: **нищета-грязь-тьма-невежество-вымирание-притеснение языка, веры, обычаев – угнетение национальности** более сильными нациями в прошлом; **теперь должны быть: свет-просвещение-свобода языка, веры, обычаев – труд – реформа жизни – свержение ига господствующих наций (читай: классов!)»** [2, с. 65].

«Формула, как видим, получается логически последовательная и проникнутая единым стремлением и мыслью-счастья, освобождения народа

(читай: свободного развития новых экономических отношений для зажиточных слоев марий) и поднятия культурного уровня.

Какой степени общественного развития соответствует эта формула? Ответ мне кажется ясным. Это то, что я всегда называл началом проникновения в марийскую экономику элементов торгового капитализма, которые требовали от передовых культурных сил народа – интеллигенции на съездах-ли, в литературе-ли и т. д. формулировки своих мыслей, чаяний и надежд» [2, с. 65].

Пройдя вместе с народом и интеллигенцией весь путь активной деятельности в первые десятилетия XX века, Мухин понимал, как мыслили первые марийские поэты: равенство в пределах частной собственности. В начале 1930-х годов на место «патриархальной коллективности» пришла «организованная коллективность».

«Поэты и сами чувствовали, что они рупор своего народа (т. е. вышеуказанных прослоек народа)», «Но “любовь совместная” и “коллектив”, конечно, ими не мыслится так, как мы теперь понимаем организованную коллективность, сознательную и планомерную ее природу. Поэт говорит инстинктивно о патриархальной коллективности, что в корне должно отличаться от современного понимания этой формы общественной организации» [2, с. 65].

Так Мухин мыслил конкретно-исторически, он понимал реальное содержание слов и призывов первых послереволюционных лет. Если поэт призывал «друг другу помогите», то Мухин переносит этот призыв в реальную жизнь, в реальные экономические и социальные условия.

«…Что значит: “друг другу помогать” – при отсутствии надлежащих форм общественного порядка и соответствующих экономических предпосылок. Это ни в коем случае даже к идее комитетов деревенской взаимопомощи не приближало общественную мысль марий…

За внешней формулой коллективности, безусловно, таилась консервативная сущность крестьянско-интеллигентской идеологии…» [2, с. 66].

Мухин, употребляя выражение «свержение ига господствующих наций», постоянно конкретизирует: «(читай: классов!)», тем самым выражая понимание, что большевики порой существующие настроения межнационального противостояния повернули в плоскость классовой борьбы, строя новое государство как межнациональное единство.

10. Дореволюционную марийскую литературу и литературу 1917 года Мухин оценивал в конце 1920-х и начале 1930-х годов, когда деревенский мир был поделен на кулаков, середняков и бедноту, когда большевики стали опираться на бедняков, проводя раскулачивание и создавая колхозы, добиваясь идейного единства народов, когда писатели были собраны в один Союз под лозунгом метода социалистического реализма.

Итоговая оценка марийской литературы была дана Мухиным (совместно с И. Шабдаром) в статье 1936 года, помещенной в сборнике «15 лет социалистического строительства МАО», оценка истории марийского народа, его изобразительного и музыкального искусства – в других статьях этого же сборника [см.: 6, 7, 8].

В это время борьба против «классовых врагов» и «буржуазных националистов» достигала своей кульминации в форме репрессий. В своих

итоговых статьях Мухин выражает вполне ортодоксальное понимание марийской жизни и литературы.

«Трудящиеся массы всех национальностей, в том числе и мари, в противовес буржуазным националистам, активно поддерживали первые начинания родной им власти, руководимой большевистской партией. Ленин и Сталин стали знаменем освобождения их от помещичье-капиталистического ига. Революционная марийская интеллигенция (Петров И.П., Мухин В.А., Эшкинин А.К., Романов А., Кедрова А., Алексеев И.А., Данилов К.Ф., Бельский и др.) становятся во главе советского движения среди мари» [5, с. 194].

«За последние годы наша литература обогатилась произведениями новых прозаиков и поэтов: Олык Ипая, Ялкайна, Ефруша, Осмина, Элмара, П. Першута, Шат-Булата, Пекпатыра, Эрыкана и др.» [5, с. 201].

«Первый съезд советских писателей, прошедший под сталинским лозунгом социалистического реализма, поставил перед нашими писателями большие творческие задачи.

Овладев методом социалистического реализма, марийская литература создаст художественные произведения, достойные нашей замечательной эпохи – эпохи Ленина-Сталина» [5, с. 201].

Трагизм положения Мухина заключался в том, что многие упомянутые им политические деятели и литераторы вскоре были репрессированы. Эта же участь постигла и Мухина.

* * *

Владимир Алексеевич Мухин был плоть от плоти своего народа, но и своего времени – эпохи глобальных политических, социальных и культурных потрясений.

В пределах классового мировосприятия и порой вульгарно-социологических оценок в статьях Мухина запечатлено ***панорамное критическое видение*** марийской литературы, постановка важнейших проблем ее возникновения и развития, проблем, которые и до сих пор волнуют марийских исследователей.

В то же время критическое мышление Мухина – ***конкретно-историческое***. Его анализы и выводы отражают особенности разных периодов развития марийской литературы.

Мухин, пытаясь занять объективную, научную позицию в первых статьях о марийской литературе, в большинстве своих критических высказываний использовал ***личностные оценки, обыденные суждения***, тем самым выступая именно как ***субъект критической деятельности.***

Впервые Мухин подробно проанализировал поэзию «Марийских календарей», впервые указал на сложность следования традициям и взаимодействия поэта с литературной средой. Литературная традиция в усвоении марийской литературой уроков русской литературы имеет глубинные основы в ***сопоставимости народного мировосприятия***, поэтому первым марийским поэтам были более понятны Кольцов и Никитин, чем Пушкин, Лермонтов, Некрасов.

Близость к народной жизни позволила Мухину прийти к подобным выводам, а также понять ***народную основу зарождающейся марийской литературы***.

Многие высказывания Мухина стали в марийской критике общепринятыми, их используют, часто не ссылаясь на автора.

Проблема формирования литературной среды в период становления национальной литературы до сих пор остается актуальной.

Конечно, на многие проблемы Мухин только указал своими субъективными личными оценками. Но сама постановка проблем намечала пути дальнейшего развития марийского литературоведения. А образец классового анализа, каковым является всё критическое наследие Мухина, позволяет современному исследователю избежать крайностей и односторонности такого анализа.

Литература

1. *Мухин В.* Первые шаги Марийской литературы // Марий Эл: Журнал Марийского Областного Исполнительного К-та. Йошкар-Ола, 1928. № 12. Декабрь. С. 61–84.

2. *Мухин В.* Марийская литература в 1917 г. // Марий илыш (Марийская жизнь): Периодический Орган Марийского Обл. Об-ва Краеведения. Йошкар-Ола, 1929. Вып. 1. С. 52–81.

3. *Мухин В.* Два дореволюционных литературных памятника: «Йыланда» и «Поян лийза!» // М. А. О. (Марийская Автономная Область): Орган Марийского Научно-Исследовательского Института, Областной Плановой Комиссии и Областного бюро краеведения. Йошкар-Ола, 1931. № 1–2 (9–12). С. 107–117.

4. *Мухин В.А.* К вопросам о марийском искусстве, главным образом, художественной литературе // М. А. О. (Марийская Автономная Область): Орган Марийского Научно-Исследовательского Института, Областной Плановой Комиссии и Областного бюро краеведения. Йошкар-Ола, 1934. № 6–7. С. 3–21.

5. *Шабдар И.А., Мухин В.А.* Марийская художественная литература // 15 лет социалистического строительства МАО. Йошкар-Ола: Маргосиздат, 1936. С. 191–201.

6. *Мухин В.А., Эшкинин А. К.* Страницы из истории марийского народа // 15 лет социалистического строительства МАО. Йошкар-Ола: Маргосиздат, 1936. С. 25–182.

7. *Мухин В.А.* Музыка марийского народа // 15 лет социалистического строительства МАО. Йошкар-Ола: Маргосиздат, 1936. С. 183–190.

8. *Мухин В.А.* Изобразительное искусство мари // 15 лет социалистического строительства МАО. Йошкар-Ола: Маргосиздат, 1936. С. 205–209.

* * *

9. *Васин К.К.* Псевдонимы марийских литераторов: Краткий историко-литературный справочник. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1965. 92 с.

10. *Веселовский А.Н.* Собр. соч. Т. 1. Серия I. Поэтика. Т. 1: 1870–1899 / Издание Отд. рус. яз. и словесности Имп. Акад. Наук. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1913. 622 с.

11. *Зайниев Г.З.* Гурий Кармазин (Эвайн): Страницы жизни и творчества. Йошкар-Ола: Ред. газеты «Марий Эл», 2002. 64 с.

12. *Карпов И.П.* Аксиологическая проблематика в критических суждениях В.А. Мухина-Сави // Проблемы марийской и сравнительной филологии: сб. ст. / Мар.гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2019. С. 321–332.

13. Сылнымут памаш. Революций деч ончычсо марий легенда, йомак ойлымаш, почеламут, очерк / сост. К.К. Васин. Йошкар-Ола: Марий книга изд-во, 1982. 152 с.

14. *Сануков К.Н.* Историк-просветитель Федор Егоров // *Сануков К.Н*. Наши земляки: Пути и судьбы: очерки. Йошкар-Ола: ООО «Изд-во Мари Книга», 2011. С. 89–105.

15. *Федосеева Н.А*. Истоки формирования художественной словесности народа мари. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2017. 232 с.

УДК 82.2

И.Ю. Кириллова

Чувашский государственный институт гуманитарных исследований (г. Чебоксары)

С.М. МИХАЙЛОВ (ЯНДУШ) И СТАНОВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ДРАМАТУРГИИ

Творчество С.М. Михайлова (Яндуша), первого чувашского писателя, публициста, этнографа, рассмотрено в данной работе в контексте становления чувашской драматургии. В ней проанализированы рассказы-сценки писателя, которые оправданно считаются предысторией чувашской социально-бытовой драмы.

Ключевые слова: *чувашская драматургия, С. Михайлов (Яндуш), рассказ-диалог, социально-бытовая драма.*

Сформировавшиеся к началу XIX в. переводческие школы и первоосновы чувашского литературного языка, а также относительно благоприятные общественно-культурные условия в Поволжье в середине XIX века способствовали появлению в чувашской среде такой личности, как Спиридон Михайлович Михайлов. За свою сравнительно недолгую жизнь он сумел выучиться грамоте, возвыситься до уровня высокообразованных людей русского общества и заявить о себе, удостоившись признания еще при жизни. Его труды стали началом чувашской этнографической и исторической науки, фольклористики и художественной литературы. Художественно-этнографические очерки и рассказы писателя вошли в золотой фонд чувашской письменной культуры [8, с. 58]. Как выдающееся явление в российском этнокультурном пространстве середины XIX в., его имя достойно представлено в одном ряду с высокими именами ученых-подвижников народной культуры [2, с. 7].

С.М. Михайлов – первый историк, этнограф, фольклорист, писатель. Из его многогранной деятельности хотелось бы выделить его вклад в развитие литературных жанров в чувашской художественной словесности.

Не отрицая роли фольклорно-этнографических и обрядовых форм в зарождении чувашской драматургии, отметим, что немаловажное значение имели и собственно литературные традиции, в частности, повествовательные жанры. Первые трансформации повествовательных тенденций от описательности к изображению событийных действий происходят в творчестве С. Михайлова.

В изданный еще при жизни писателя сборник «Чувашские разговоры и сказки» (1853), кроме фольклорного материала, вошли небольшие рассказы, имеющие элементы пьесы, которые интересны в плане становления жанров

чувашской драматургической литературы. Это «живые картины-миниатюры», «сценки-разговоры», раскрывающие своеобразные характеры людей, их социальные черты, быт, историю [9, с. 28]. В «пьесах-диалогах» [3, с. 20] еще слабо выражено драматическое действие, в то же время через диалоги действующих лиц создается определенная драматическая ситуация. В «Рассказе дедушки Ивана о жизни в прошлом и происхождении названия «вирьял»» предметом диалога стало историческое прошлое народа. Как историк, С. Михайлов неоднократно обращался в своих работах к вопросу о происхождении чуваш, он упоминает их былое мужество и величие во времена Булгарского царства [6, с. 93]. Идеализация прошлого чувашей неоднократно встречается и в его художественных произведениях:

«С т а р и к. Нет, Григорий, теперь дурных людей много, обманывают друг друга.

М о л о д е ц. Прежде не обманывали разве по-теперешнему?

С т а р и к. Нет, в то время дружно жили» [7, с. 391–392].

В авторском сопоставлении исторического прошлого чувашей и их непростой современности осознается необходимость преодоления существующего гнета, несправедливости по отношению к крестьянину. Разговор старца и молодца в качестве пролога использовали чувашские драматурги М. Юрьев и Т. Педеркки в своих исторических пьесах про Волжскую Булгарию [4, с. 112].

Примечательно, что тексты в сборнике даны на чувашском языке с параллельным переводом на русский. Так, в «Разговоре анатры, то есть низового чувашина, с вирялем, то есть верховым чувашином» (1853) это позволило точнее предать диалектные особенности речи низовых и верховых чувашей, их этническое своеобразие. Диалог выполняет здесь разные функции – эстетическую, структурообразующую, выступает в качестве важнейшего компонента творческого метода. Публицистические приемы в нем легко синтезируется с художественными деталями.

В целом же, все рассказы-инсценировки объединены главной идеей – показать нелегкую жизнь чувашского крестьянина («Рассказ дедушки Фрола о Пугачеве», «Сборы на Балдран-базар», «Выговор Матрены дочери Ольге за отлучку к пузырнику» и др.). Осмысление национального быта – основной вопрос, который занимал С. Михайлова. Описывая события из повседневной жизни, создавая образ крестьянского мира, крестьянской культуры, народных традиций, будь то народная песня, обряд или фольклорно-мифологическое сознание, писатель пытался передать чаяния и тревоги народа, раскрыть его мировосприятие.

Большим подспорьем в этом явилось оживление демократического движения в России в середине XIX в., повлиявшее на развитие литературы, с которой сразу наметились реалистические тенденции. На первый план выходит тема народа, писатели активно исследуют актуальные проблемы крестьянской жизни. На фоне демократизации литературы понятны стремления С. Михайлова в обращении к социальным вопросам. Причины угнетенного положения чувашского и других народов Поволжья он видит в несовершенстве

государственного управления, а именно, в «местной власти, дурно управляющей чувашами и во зло употребляющей благонамеренные распоряжения правительства» [5, с. 172]. Главные виновники зла, по его мнению, – писари, старшины и близкие к ним по службе люди, первые притеснители чувашей. Эта мысль отражена и в главной идее диалогического рассказа «Разговор на постоялом дворе» (1859) – разоблачение произвола волостного начальства, которое обманывало и отбирало у простых мужиков всю прибыль. Рассказ-инсценировка строится на диалоге между автором-рассказчиком, путешествующим по Волге, и хозяйкой постоялого двора, вдовой-мещанкой. В разговоре с жителями села проявляет глубокий интерес к их быту, подробно описывает бытовую обстановку. Старуха жалуется собеседнику на бесчинство местной власти, обдирающей простой народ: писаря, игнорируя очередностью, записывают в рекруты; волостной глава обманом деньги собирает, лесной (лесничий) гончих собак на овец крестьянских травит и т.п. А пожаловаться некому. Выход С. Михайлов видит в замене волостного начальства достойными людьми [5, с. 173].

Несомненно, «разговоры» С. Михайлова, в которых присутствует инсценированная речь и бытовые ремарки, сыграли немаловажную роль на начальном этапе становления чувашской драматургии. В них явно проявляются элементы драматического произведения. Синтезируя в себе различные жанровые начала, они стали предысторией национальной социально-бытовой драмы. По жанру их можно отнести к одноактным пьесам.

Аналогичные «разговоры» встречаются в художественных текстах и других народов в период становления их литератур. Так, в «Мордовский этнографический сборник» А.А. Шахматова (1910) вошли рассказы-диалоги «Разговор двух крестьян», «Разговор соседа с соседом», «Разговор женщины с гостем» и др. Форму беседы-диалога использовал в конце XIX в. и башкирский писатель Р.Ф. Фахретдинов в рассказах «Я и Госман», «Хасан и Хусаин», «Виланд и я». «Разговоры» С. Михайлова, А. Шахматова, Р. Фахретдинова – это первый шаг в становлении национальной драмы как самостоятельного литературного произведения [1, с. 48–49].

Таким образом, в творчестве С. Михайлова-Яндуша мы наблюдаем первые трансформации повествовательных начал от описательности к изображению событийных действий. Его рассказы отличают социальная проблематика, реалистическое воспроизведение картин из народной жизни, сочетание реализма с национальным народно-художественным мышлением. Они оправданно считаются начальным этапом в становлении чувашской драмы.

Литература

1. *Антонов Ю.Г.* Зарождение и пути развития мордовской драматургии: монография. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2012. 260 с.

2. *Димитриев В.Д.* Предисловие // Михайлов С. Собрание сочинений: автобиография, статьи и корреспонденции, публикация документов, очерки и рассказы, фольклорные записи, письма. Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 2004. С. 7–24.

3. *Кириллов К.Д.* Особенности становления и развития чувашской драматургии в контексте тюркских литератур Урало-Поволжья (20-е годы): дис. … канд. филол. наук. М., 1991. 163 с.

4. *Кириллова И.Ю.* Драматургия (1956–1969 гг.) // История чувашской литературы XX в.: коллективная монография: в 2-х ч. Ч. 2. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2017. С. 101–127.

5. *Михайлов С.М.* Как управлять чувашами // *Михайлов С.М.* Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1972. С. 172–174.

6. *Михайлов С.М*. Краткое этнографическое описание чуваш // *Михайлов С.М*. Собрание сочинений: автобиография, статьи и корреспонденции, публикация документов, очерки и рассказы, фольклорные записи, письма. Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 2004. С. 91–110.

7. *Михайлов С.М.* Собрание сочинений: автобиография, статьи и корреспонденции, публикация документов, очерки и рассказы, фольклорные записи, письма. Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 2004. 512 с.

8. *Федоров Г.И., Сергеев В.И., Артемьев Ю.М*. К проблеме осознания чувашами этнической самобытности (на материале художественной и публицистико-этнографической литературы) // Вестник Чувашского государственного университета. 2012. № 4. С. 55–61.

9. *Хлебников Г.Я*. Зарождение и становление чувашской литературы // *Хлебников Г.Я.* Чувашская литературная классика и ее наследники. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2001. С. 20–39.

УДК 821.511.151

Н.И. Любимов
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)
Науч. руководитель: Кудрявцева Р.А., д-р филол. наук, проф.

ФИЛОСОФИЯ СЧАСТЬЯ В ЛИРИКЕ ЗОИ ДУДИНОЙ

Статья посвящена исследованию темы счастья в лирике Зои Дудиной. В ней выявлены основные философские аспекты (проблематика) данной темы и специфика их художественной реализации в конкретных стихотворениях автора, определены особенности характера лирической героини.

Ключевые слова: *современная марийская поэзия, Зоя Дудина, лирика, тема счастья, философская проблематика, лирический герой.*

«Состояние высшей удовлетворенности жизнью, чувство глубокого довольства и радости…» – таково первое и главное значение слова «счастье», фиксируемое в словарях русского языка [см., напр.: 2].

Тема счастья объединяет всех современных марийских поэтов, творчество которых обозначено философской направленностью (Ю. Рязанцева, А. Ивановой, Г. Ояра, А. Васильева, Н. Эмыкан и др.). Не является исключением и лирика Зои Дудиной.

Каждый поэт по-своему осмысляет эту тему, представляет свою проблематику счастья, внося в общечеловеческую или эпохальную трактовку этого понятия свои, индивидуальные смыслы, проистекающие из особенностей их личностной, жизненной, мировоззренческой биографии. Так, на поэтический мир З. Дудиной оказали сильное влияние языческая философия народа мари, мифопоэтика и стилистика народной культуры, а также драматические эпизоды

ее жизни. Ее стихотворения, затрагивающие тему счастья, полны спокойных, но глубоких размышлений, отличаются одухотворенностью мудростью, пониманием смысла человеческого существования, в них есть «чувство глубокого довольства и радости» от Богом данной жизни – личной и общей с ее народом, на общей с ним земле:

Пиал пагытемым илем, калыкем ден гӱрлен,
Тыныс мландем.
Илаш йывыртен лач тышан мылам Юмо пӱрен,
Юмо пӱрен [1, с. 12]
(Проживаю свое время счастья, грохоча вместе со своим народом,
Моя мирная земля.
Богом дано мне, радуясь, жить именно здесь,
Богом дано*).

В стихотворении «Мыйын мландем» («Моя Родина»), из которого взята вышеприведенная цитата (написано характерным для философских стихов восьмистишьем), З. Дудина пишет о предначертанном ей Богом счастье, которым для нее является жизнь со своим «серебряным» народом на мирной марийской земле. Она настоятельно пытается убедить в этом своего читателя, уважительно называя его другом, многократно обращаясь к нему с призывом и усиливая свою мысль: *Ончо, таҥем! Колышт, таҥем!* (Смотри, друг! Слушай, друг!).

В стихотворении «Май тылзын…» («В мае…») лирическая героиня с большой радостью идёт по «свободной дороге», которую открыл для нее дед, а затем продолжил её отец:

Пиалышт да ойгышт – чон погышт –
Шӱм-кечым мылам волгалтен [1, с. 45]
(Их счастье и горе – богатство их сердца –
Освещали мне душу-солнце).

Счастье для З. Дудиной – это быть продолжателем своего рода, его духовных традиций, умения ее близких предков переживать и радости (*Йоҥга йӱк-сӱан…* [1, с. 45]), и горе (*Сареш йомшо таҥжым…* [1, с. 45]). Традиции рода дают ей «крылья»: *Юл кайыкла шкемым шижам* [1, с. 45] (Чувствую себя птицей, летающей над Волгой). Они – начало для новой жизни, для новых поисков и самоутверждения в жизни: *Но таҥым умбаке ӱжам* [1, с. 45] (Но друга дальше зову…).

Другая ипостась счастья в стихотворениях З. Дудиной – это счастье в любви. Любовь для нее – это еще и искренность чувства и честный разговор по душам. За минуту такого счастья (настоящую любовную «боль») лирическая героиня готова страдать, обмануться и пережить расставание:

Йолташ ден ваш-ваш ӧндалалтын,
Эн чонлым ойлаш шинчаваш,

---

* *Подстрочный перевод цитат из стихотворений З. Дудиной на русский язык здесь и далее везде наш. – Н.Л.*

Эше ик гана одалалтын,
Пытартыш гана шӱмланаш [1, с. 49]
(Обнявшись с другом,
Говорить, глядя друг другу в глаза, о самом сокровенном,
Еще раз обманувшись,
Последний раз от души полюбить).

Честность в любви – это признак человечности и мужества («Айдемыла шкемым, чолган…» [1, с. 49]), без которых невозможно счастье.

Но и осмысление любовного счастья, как видим в стихотворении «Урмандыме илыш» (Бестолковая жизнь), не существует в лирике З. Дудиной без мифопоэтики:

О Юмо, шым йод дыр мый утым?
Кузе шонет, йӱштӧ Чолпан? [1, с. 49]
(О Бог, не попросила ли я лишнего?
Как думаешь, холодная Венера?).

Перед нами «сакральная ситуация обращения к Богу», но в характерной для лирики З. Дудиной форме «поэтической ситуации беседы», в которой «присутствует целая гамма человеческих состояний: шутливый упрек, саморефлексия, оправдание, благодарение, элементы спора» [3, с. 33].

Прямо обращаясь к Богу, лирическая героиня себя, свои принципы счастья все время сверяет с высшими законами. Она не может позволить себе того, что снизит ее облик и унизит, таким образом, также ее сородичей, связанных с древней культурой народа.

В стихотворении «Чий тӱнянам илена моктен» («Живем, восхваляя наш чистый мир»), посвященном доктору культурологии, профессору Галине Шкалиной, З. Дудина размышляет о счастье в взаимообогащающем и взаимоуважающем общении близких по духу людей. Она радуется тому, что в ее окружении есть честный и чистый человек, сопровождающий ее по жизни:

Чий поэт ден чий философ семын
Чий тӱням илена моктен [1, с. 65]
(Как подлинный поэт и подлинный философ?
Живем, восхваляя чистый мир).

Собеседник лирической героини, которую она называет честным, подлинным философом, такой же, как и она, романтик в душе, «устраивающий» свой мир с оглядкой на божественный идеал (не случаен в стихотворении мифопоэтический образ Белой Вселенной: *Кумыл ой ший лупс гае велалтын, / Ош Сандалык толкыныш ушна* [1, с. 65]), не допуская неприглядных поступков, слов и мыслей:

Огына лоҥ шем осал ден модын,
Огына кошт еҥ почеш локтен [1, с. 65]
(Не играем со злом,
Не ходим за людьми, наводя им порчу).

Автор доказывает, что непременным условием счастья является чистота и доброта души.

Лирическая героиня поэта умеет ценить то, что имеет сегодня, глубоко страдает от потерь. Так, страшной трагедий для нее стала смерть сына, образ которого приоткрывает в ее лирике еще одну грань темы счастья – счастье материнства:

Мый эргым тоенам эрдене,
Ачам-авам ден коденам [1, с. 122]
(Я похоронила сына утром,
Оставила с отцом и матерью).

В целом ряде стихотворений З. Дудина вспоминает о похоронах своего сына. В каждом из них – глубокая боль, сродни потере счастья, разума и жизни. Так, стихотворении «Мый эргым тоенам» («Я похоронила сына») лирическая героиня от горя отрешена от мира, ее разум слился с ветром; она просит подругу-ветер вернуть ей близких людей: отца, мать и сына:

Мардеж, мардеж, чыла моштет гын,
Авамым кондо кӱдыкем,
Ачам пытарыже шортмемым,
Изэргым модшо кидыштем… [1, с. 122]

(Ветер, ветер, если ты всё можешь,
Приведи ко мне мать,
Пусть отец остановит мои слёзы,
А сынок мой играет на моих руках).

Лирическая героиня все время ищет счастье; она продолжает размышлять о том, что оно означает. Никакие жизненные драмы не способны остановить ее в этом эмоциональном потоке и мыслительном действии. В стихотворении «А мый пиалым ужынам» («А я видела счастье») З. Дудина заявляет, что испытала в жизни настоящее счастье, так как ничего не боялась, стремилась к высокому, руководствовалась божественными истинами:

Куанле шижмым туржынам
Да мланде тӱрыш ӱжынам [1, с. 203]
(Радостные чувства выражала (*букв*. растирала)
И звала на край земли).

Далее она представляет отдельные лирические картины счастья, например, романтическое счастье детства на лоне великолепной природы, родного дома:

А мый пиалым паленам,
Юап шепкаште маленам,
Эр кече ден мутланенам,
Кас тымык ден йӱкланенам [1, с. 203]
(А я знала счастье,
Спала в прекрасной люльке,
Общалась с утренним солнцем

Разговаривала с вечерней тишиной).

Вспоминает о своем большом личном счастье и счастье материнства:

Вет мый пиалеш йӱленам,
Тулшолгым гае лийынам [1, с. 203]
(Ведь я горела в счастье,
Стала, как горячие угли).

З. Дудина говорит о том, что сгорела в своем счастье, напоминая, таким образом, о том, что счастье и горе часто «шагают» рядом. Счастье – это такое же испытание, как горе. Главное – не остановиться и продолжить поиски счастья, а значит, продолжить жить, не поступившись принципами. И лирическая героиня снова ищет свое счастье, помня о прошлом, не зацикливаясь на удивленных взглядах окружающих ее людей, зная, что, «обернутая бумагой» (это образное выражение ее состояния), она («горячий уголь») в любую минуту может вспыхнуть и сгореть дотла. Закачивается стихотворение вопросом, как все-таки выжить в таком состоянии, как удержаться на волне истинного счастья.

Итак, З. Дудина многогранно представляет тему счастья; философскую проблематику счастья в ее лирике составляет не только счастье быть любимой, любящей, но и счастье материнства, а также счастье жизни со своим «серебряным» народом на мирной марийской земле, в единении с природой и под духовной защитой Бога, счастье продолжателя и хранителя традиций рода (близких предков). Лирическая героиня неостановима в своих поисках счастья.

Литература

1. *Дудина З.М.* Кум томан ойпого. Икымше том: Куанышым, куэм ӧндал. Йошкар-Ола: «Марий Эл» газета» ООО, 2012. 464 с.

2. Значение слова «счастье» // КАРТАСЛОВ.РУ — Карта слов и выражений русского языка. URL: https://kartaslov.ru/значение-слова/счастье (дата обращения: 10.10.2020).

3. *Кудрявцева Р.А., Беляева Т.Н.* Символика языческого мира в современной марийской женской поэзии (на примере лирического цикла З. Дудиной «Я в тихую рощу приду») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 9(63). Ч. 3. С. 31–37.

УДК 821.511.131

О.М. Максимова
Удмуртский государственный университет (г. Ижевск)

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ТВОРЧЕСТВА УДМУРТСКОГО ПРОЗАИКА Г.К. ПЕРЕВОЩИКОВА

Рассматривается очеркистика известного удмуртского прозаика Г.К. Перевощикова (1937–2016). Автор впервые обращается к изучению проблематики и поэтики очерков писателя, посвященных Великой Отечественной войне.

Осмысляются особенности синтеза документального и образного начал в анализируемых текстах.

Ключевые слова: *удмуртская военная очерковая проза, традиция, жанр, поэтика, Г.К. Перевощиков.*

Проза Генриха Ксенофонтовича Перевощикова стала одним из наиболее значительных явлений в удмуртской литературе второй половины XX – начала XXI вв. Т.И. Зайцева замечает, что именно с творчеством Г. Перевощикова сопряжены «новые фазы» в развитии удмуртской прозы: «С его именем связаны четыре десятилетия литературной жизни в республике, он всегда одним из первых стремится осознать драматические коллизии современности, отозваться на то, чем живет эпоха и что волнует его народ» [1, с. 335]. Тем не менее очерковое творчество писателя, сыгравшее важную роль в формировании исторического сознания национальной литературы, до сих пор остается почти не изученным.

Очерк в творчестве Г. Перевощикова представлен книгами «Кыдазы егитъёс» («Мужала молодость», 1970), «Омырын – Меркушев» («В небе – Меркушев», 1970), «Куашетиз сильтол» («В грохоте бури», 1975). Ярким событием в удмуртской прозе 1970–1980-х гг. стала его военная очеркистика. В истории национальной литературы эволюция его очерковой публицистики наметила такую важную тенденцию литературного развития, как психологизм. Стремление автора проникнуть через факт в глубину явления отличает очерки, вошедшие в книгу «Куашетиз сильтол». Примечательно, что она была издана в честь 30-летия победы советского народа в Великой Отечественной войне, а за работу над очерками писателю была присуждена премия Комсомола Удмуртии.

Отличительные черты очерков этого сборника во многом обусловлены тем, что удаленность событий 1941–1945 годов изменила угол зрения автора на реалии войны. Своеобразие книги связано еще и с тем, что в ней воссозданы портреты и судьбы людей, вернувшихся с войны живыми. Из пяти очерков, составивших книгу, наиболее адекватное отражение специфика публицистического творчества Г. Перевощикова находит в произведении «Синдрофе – дуно эше» («Синдрофе – мой дорогой товарищ»). Произведение вполне может быть определено как портретно-психологический очерк, содержащий структурно-композиционные элементы биографического жанра. Писатель описывает достоверную фронтовую историю удмуртского парня из Шарканского района деревни Мувыр Геннадия Николаевича Николаева, воевавшего в девятом полку третьей партизанской дивизии греческой народно-освободительной армии. В бою за деревню Антоново в Смоленской области Николаева контузило, солдат оказался в плену. В очерке большое место отводится рассказу о полной лишений и тяжких испытаний жизни Николаева в немецком плену. Страшные эпизоды и драматические сцены привлекаются писателем для воплощения главной идеи произведения: человек может одолеть трагические обстоятельства и сохранить в себе силу духа, веру и человечность.

Очерк «Синдрофе – дуно эше» повествует о стойкости советского солдата, матери которого, Анисье Петровне, пришла похоронка, подписанная командующим частью Пономаревым. Эмоционально насыщены и публицистически ярко написаны картины, рассказывающие об отважной борьбе

греческих партизан-коммунистов с немецкими нацистами. Бесстрашная борьба с общим врагом-оккупантом сдружила советского солдата-удмурта с греческими патриотами. Автор создает достоверные образы греческих партизан, дает им емкие характеристики (командир отделения Адонис, командир отряда Пелопидас, синдрофе майор Янокос). Он заостряет мысль о том, что победа над фашизмом была достигнута сплоченностью людей разных национальностей, их единым желанием защитить свои земли.

Многие герои очерка «Синдрофе – дуно эше» – реальные люди, оставившие след в истории своих стран. О документальной природе образов, к примеру, свидетельствует представление в очерке факта встречи Николаева после войны в Москве с греческими друзьями. Председатель Советского комитета солидарности с греческими демократами писатель С.С. Смирнов, вручая Г.Н. Николаеву медаль «Виктория», подчеркнул следующее: *«Дуно медаль та, Николаев эш! Немецкой фашизмлы пумит батыр ожмаськем адямиослы гинэ сётиське»* [4, с. 72. Здесь и далее перевод с удмуртского наш. – *О.М.*] («Это дорогая медаль, товарищ Николаев! Ею награждают только отважно сражавшихся против немецкого фашизма героев»).

Глубокую смысловую нагрузку в «Синдрофе – дуно эше» несет его заглавие. «Синдрофе» – так греки обращаются к самому близкому и надежному товарищу. Название произведения подчеркивает общность судеб людей, воевавших в Великой Отечественной войне против фашизма.

Говоря об особенностях очеркистики Г. Перевощикова, нельзя не обратиться к очерку «Берлин, Фридрихштрассе», который написан в форме, близкой к дневниковым записям. Напомним, что в литературоведении бытует мнение, относящее дневник к автобиографическим или документальным произведениям: воспоминания, исповедь, мемуары, хроника, записная книжка, очерк [2; 3]. Итак, «Берлин, Фридрихштрассе» – вымышленный дневник, составленный автором как бы от лица героя очерка, гвардии майора, командира эскадрильи 63-го Гвардейского истребительного авиационного полка Ивана Васильевича Полякова, уроженца г. Воткинска. Пространственно-временная организация текста подчинена, с одной стороны, событийным закономерностям Великой Отечественной войны, с другой – наиболее важным фронтовым событиям и сражениям, пройдя через которые мужал характер молодого летчика Полякова, росло его военное мастерство. Из фронтового периода жизни своего героя автор сознательно и целенаправленно выбирает эпизоды, которые проясняют и черты его характера, и формирование его профессиональных навыков. Таковыми являются: участие И.В. Полякова в боевых действиях в Испании и получение первого ордена Красной Звезды; первая схватка с врагом на советской земле в июне 1941 года под городом Львов и пленение сбитого немецкого летчика; первое ранение в тяжелом бою в стратегической оборонительной операции под Киевом в августе 1941 года; возвращение в небо и участие в сражениях за Москву; первый испытательный бой на новом советском самолете «Кобра», победный май в Берлине 1945 года.

Хроникальное построение очерка дает возможность проследить динамику и внутренней жизни героя, фиксировать различные эмоциональные состояния. В самом начале войны Ивану Полякову очень хотелось найти дом в Берлине на

улице Фридрихштрассе, в котором жил тот плененный им немецкий летчик и где остались его жена и двое детей. Молодой воин хотел выяснить для себя, зачем немцы пришли с войной в его страну, кто он – *«зуч музъем вылэ кулон но кайгырон ваем немецкой капитан»* [4, с. 28] («на русскую землю принесший смерть и горе немецкий капитан»). Война изменила мировосприятие Полякова, поменялось его отношение к врагу; у него теперь личный счет к фашистам за уничтоженные города и деревни, за погибших друзей. Главное для солдата-победителя – не допустить повторения трагедии войны.

В завершение отметим, что, если для очеркистики писателей-фронтовиков была свойственна установка на простоту и ясность повествования, точность слова, скупость художественных средств и фактологичность, то очерковая проза Г. Перевощикова характеризуется такими приемами, как лиризм, обращение к символике и афористичности, многозначность образов, эмоционально-образное истолкование боевых эпизодов. К сожалению, в современной удмуртской прозе тема Великой Отечественной войны переместилась на периферию, однако традиции предшествующей литературы являются творческим ориентиром для современной публицистики, обращенной к локальным войнам.

Литература

1. *Зайцева Т.И.* Удмуртская проза второй половины XX – начала XXI века: национальный мир и человек: монография. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2009. 376 с.

2. *Ким М.Н.* Основы творческой деятельности журналиста: учебник для вузов. СПб.: Питер, 2011. 400 с.

3. *Кройчик Л.Е.* Система журналистских жанров // Основы творческой деятельности журналиста: учебник / ред.-сост. С. Г. Корконосенко. СПб.: Знание, СПбИВЭСЭП, 2000. URL: http://evartist.narod.ru/text5/64.htm (дата обращения: 11.09.2020).

4. *Перевощиков Г.К.* Куашетиз сильтол: очеркъёс. Ижевск: Удмуртия, 1975. 128 с.

УДК 821.511.151

К.Г. Никифорова, Р.А. Кудрявцева
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

ЦВЕТЫ В ПОЭТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ЛИРИЧЕСКОГО ЦИКЛА В. ИЗИЛЯНОВОЙ «ВЕНОК»

В статье анализируется система образов цветов в лирическом цикле В. Изиляновой «Венок» («Вуйшӱдыш»), определяются их символическая природа, циклообразующая функция, роль в раскрытии авторской ценностной концепции человека.

***Ключевые слова**: современная марийская поэзия, В. Изилянова, лирический цикл, поэтическая структура, образная система, цветы, художественные функции.*

В лирическом цикле, каковым является «Венок» («Вуйшӱдыш») современного марийского поэта Валентины Изиляновой [1, с. 186–196], вошедший в ее книгу «Письма в небо» («Кавашке серыш»), как правило, все

отдельные стихотворения, несмотря на их некоторую самостоятельность, образуют художественное единство. Они объединены единым авторским замыслом, задающим комплекс тем, проблем, мотивов, образов и специфику композиции. «Суть авторских циклов, их главная задача, – пишет литературовед И.В. Фоменко, – передать целостную систему авторских взглядов в системе определенным образом организованных стихотворений, в особым образом организованном контексте» [2, с. 3].

Одним из главных циклообразующих связей в «Венке» В. Изиляновой является система лирических образов-символов цветов, выявлению и аналитическому описанию которой и посвящена данная статья.

Образы цветов содержат в себе воспоминание автора о родине ее детства (Башкортостане), а также отражают мыслительную и эмоционально-поэтическую реальность ее жизни в Марий Эл. Но каждый раз – это начало к философским размышлениям, рефлексия каких-то ценностей – универсальных, этнических, индивидуально-человеческих.

Цикл, состоящий их 11 частей-стихотворений, открывается стихотворением с обобщенным образом цветка:

Тый манат, уло тушто ***пеледыш,***
Олык тӱрыштӧ корно воктен [1. с. 186].

В каждом последующем стихотворении он будет конкретизироваться, а поэт как будто перебирает, какой же цветок соответствует ей, ее характеру, образу ее жизни и мыслей, в образе какого цветка она представляется своему адресату-собеседнику, который трудно определить точно: то ли это хороший друг (подруга), то ли просто читатель, с которым она ведет философскую беседу:

Ну каласе вара мылам –
кудыжо? –
Ту пеледыш олмеш мый лиям [1, с. 186].

Возможно, собеседником автора является ее возлюбленный, которого она зовет к непростому разговору о жизни и счастье, мечтая о понимании и оценке себя, затаенных уголков ее души.

Десять цветков – десять поводов для размышлений о ценностях природной и человеческой жизни, десять состояний души лирической героини, десять вариантов судеб и решений. Каждый из них уподоблен человеку *(«Пеледыш йыҥгырта мылам», «Ош шинчапуныштым лупшат / Айманыше пеледыш-влак», «Тӱжем висвис шинччам кума»* и др.), осмысляется сквозь призму жизни и характера лирической героини, соотнесен с какими-то чертами личности самого автора или с какими-то человеческими типами. Каждое стихотворение содержит некий императив (нравственное предписание), «кодекс» человеческого поведения, его философско-эмоциональную подоплеку.

Первый цветок, названный по имени, – это ***бессмертник*** (курымашпеледыш), свободный и исцеляющий мир и человека цветок, независимый от времени и легко побеждающий жизненные бури:

Шочаш ойыренат пӱнчерым,
Когаршым лӱдыктет, эмлет оҥ черым.
Пеледын моштышо ошма йӧршан мландеш,
Тӧва гыч илыш лапым эскерет [1, с. 187].

Природа этого цветка очень близка внутренней природе самой лирической героини, не любящей толпу и тесноту, что в тексте выражено с помощью прямого (почти декларативного) сравнения:

Йӱк ойып дене ӱмылым тӱрлен
Чара вереш
вошт шергылтше тораште
Чонем гаяк тый тӱрыштӧ йӱлет,
Воткем ӱмбаосе туо орланге [1. с. 187].

Лирическая героиня, ценящая свободу души, хочет быть как можно ближе к этому «сильному» цветку:

Сынет дек шӱлышем дене тӱкнем:
Курымашетым пу мылам ужашым! [1, с. 187].

Дорог автору этот цветок и тем, что он «заточен» (направлен) на добро и радость (веселье), на сохранение их в памяти:

Кӧргеш йомартле кечым суралтен,
Ий мучко шарнымашым аралет [1, с. 187].

Следующий образ цветка – это ***колокольчик*** (онгырвуй), голубой цветок, сохранившийся в сложнейших условиях социальной действительности *(«Пытен ялна. Уке оралте»)*, все так же устремленный к небу (высокому) и вдохновляющий человека к жизни. Именно поэтому лирическая героиня восхищается им, готова молиться этому небесному цветку – молча, как Богу:

…Чон вузык кумыл
Корнемын ямже улмыжлан <…>
Тудлан мутдегеч кумалам [1, с. 188].

Ключевым образом следующего стихотворения является ***ромашка***; она предстает как обилие белого цвета *(«ош шоҥ оран», «Ош шинчапуштым лупшат»).* Этот образ появляется в цикле два раза, второй раз – в 9-м стихотворении («Шоҥешталтше тора аланем…»). В обоих случаях образ рожден воспоминанием о деревенской поре «белоснежной» молодости *(«Ош туйыс мурыктымо жап»)*, наполненной новыми ощущениями и романтическим надеждами:

…Тӱжем пеледышан увер
Омсаш, окнаш пуаш вашка <…>
Мыят каем кечан кожлаш
Пеледыш дене мужедаш [1, с. 189].

В 9-м стихотворении воспоминание о белой ромашке выводит поэта, слегка потерявшегося в водовороте жизни, на нужную дорогу, возвращает к напряженной внутренней работе, к новым познаниям:

Ош висвис волгалта йомшылан,
Корныўрым сеҥса чинчыла –
Кумылем ушна тиде пашаш,
Тунемам нойыде пеледаш [1, с. 189].

Во второй части стихотворения «Ромашка» («Висвис») заключена мудрость в восприятии жизненного цикла живой природы и человека: расцвет (*«Ош шинчапунышты лупшат / Айманыше пеледыш-влак»*), приумножение, испытание и выживание в трудностях:

Йўреш мо йўр, мардеж рўчка –
Кавашке шыргыжын онча
Тўжем-тўжем мотор шинча [1, с. 189].

Последний этап жизни – это увядание и смерть, которые должны быть восприняты так, как это делают в природе ромашки:

Жап ден чеверласен шыман,
Тўжем висвис шинчам кума [1, с. 189].

Незнакомый (неизвестный) цветок (стихотворение «Палыдыме пеледыш») в восприятии лирической героини это символическое выражение жизненного опыта и мудрой чистоты, поэтому в этом образе оказались востребованными такие тропеические выражения, как «чал пеледыш, / Йоча гай волгыдо ончалтышан», «Шым покшым деч салам куатым налше».

Душа лирического героя тянется к умиротворенному и мудрому состоянию души, заключенному в этом образе цветка («*Шып ваш ончен, изиш каналтена»* [1, с. 190]).

Незабудка (образ запечатлен в названии стихотворения «Ит мондо») – мифопоэтический образ (цветок, рожденный из слезы при расставании с возлюбленным), «тихо» (*«шыпак»*) и «нежно» (*«шыман»*) напоминающий «манкурту» о важнейших ценностях человеческой жизни – матери, любимом человеке, родине. Лирическая героиня тонко чувствует близкие ей запахи и «звуки» этого цветка, добавляя его в свой букет.

Подснежник (лумпеледыш) представлен как символ неожиданного, кратковременного и ложного («белые пузыри») счастья:

Тулла шыжалтше илыш кумыл,
Чон йымыктарыше ош кувыл (!)
Ик ончалмаште
почылтеш,
Ик шыргыжмаште
лойгалтеш,
Ик тўкнымаште
велалтеш [1, с. 192].

Лирическая героиня не спешит сорвать для своего букета такой цветок, она не сторонник иллюзорного счастья и «холодной» красоты.

Как концептуальное продолжение образа подснежника в определенной мере можно рассматривать и образ ***одуванчика*** (шӧрпеледыш): его самоотверженные усилия подняться ввысь, дотянуться до солнца (яркий желтый цвет) временны, ложны, в реальности одуванчики очень быстро приобретают серый цвет (символика образа в стихотворении: серое, ничем не приметное, бесполезное существование), который преобладает в человеческом мире – и внешнем, и внутреннем, подавляя своей множественностью духовную свободу и творчество. Отсюда в конце стихотворения появляется ассоциация с огромным строем солдат в шапках-облаках, вносящая в текст легкий иронический оттенок:

Таче кушко от ончал,
Кушко от тарване –
Мланде мучко рыҥ шогат
Пыл упшан салтак-влак [1, с. 193].

Не интересен для поэта и образ ***гиацинта*** (йӱрпеледыш) – это цветок, подавленный дождем, это воплощение уныния, отказа от внутреннего горения. Лирическая героиня отказывается от такого состояния души, она готова к борьбе, готова гореть и быть на распутье жизни, она жаждет полноценной жизни, которую никогда не заменит на самоунижение и уныние:

Чон озала, кӱштен корнывожыш,
Таче мыйым ужнеже саман,
Илышем дене модшыла модшо,
Йӱштӧ йӱр да пеледыш таман [1, с. 195].

Таким образом, цветы (автор возвращается к начальному обобщенному образу цветов) впервые в цикле начинают восприниматься как символ полноты и вкуса жизни.

Завершают «венок» конкретных цветов и авторскую мысль о желаемой полноте жизни и свободном духе, внутреннем горении человека ***маки*** (стихотворение «Маке-влак»):

…Сӧй пасула гыч толыт,
Ты козыра тӱняш
Шымалык гае почылт [1, с. 196].

Эти красные (горящие) цветы способны разбудить человека, хранить в его душе издревле ценимые высокие порывы, они вносят в его жизнь нежность и радость (праздник).

Итак, начав свои размышления о цветах с бессмертника (символа духовной свободы, способной пережить все жизненные испытания времени), В. Изилянова заканчивает свой цикл образом мака – цветка, ассоциированного с универсальными (бессмертными) истинами, раскрывающими смысл человеческой личности (жизнь, полная борьбы, высоких порывов, радости и нежности). В движении лирического сюжета отмечена антитеза: автор ведет читателя от позитивной коннотации (цветы, близкие душе лирической героини)

к негативной (цветы, не принимаемые ею в силу воплощаемых ими смыслов), а в заключении снова возвращается к позитиву (образная картина «шествия» по улице и наступления на мир маков). Таким образом, полноправным циклообразующим принципом, кроме системы образов цветов, становятся композиция и авторская концепция высокого человеческого бытия и творческого духа.

Литература

1. *Изилянова В.М.* Кавашке серыш: почеламут-влак. Йошкар-Ола: ОАО «МПИК» савыктыш, 2009. 288 с.

2. *Фоменко И.В.* Поэтика лирического цикла: автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 1990. 31 с.

УДК 82.09

В.Г. Родионов
Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова (г. Чебоксары)

СТАНОВЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ КАК ОБЪЕКТА ЧУВАШЕВЕДЧЕСКОЙ НАУКИ

Статья посвящена проблеме обретения своего «лица» чувашской наукой о литературе. В XIX в. фольклористика и литературоведение зарождались в недрах словесности. Тогда всех творцов текста называли писателями. Становление понятия «литературный (книжный) язык» связало индивидуальное творчество с письменностью, а в дальнейшем и с термином «литература».

Ключевые слова: *индивидуальное творчество, литературный язык, словесность, комплексный подход, историческая поэтика, чувашеведение.*

Самые первые переводчики и публикаторы текстов народных и авторских песен чувашей (русские поэты А. Фукс и Д. Ознобишин) относили эти творения к произведениям *словесности*. Например, А.А. Фукс писала так: «По крайней мере, так смотрю я на этот отрывок чувашской словесности, которую надобно было подслушать и написать со слов певца, не знающего грамоты, и потерявшего, вместе с целым народом, отечественные буквы для выражения чувств своих» [14, с. 357]. По определению же мужа поэтессы (ученого-немца К. Фукса), народные песни и переведенные с русского языка на чувашский книги научного и религиозного характера совершенно не относятся к *литературе*, а письменности у чувашей никогда не было.

В начале 1830-х гг. вышеназванные русские романтики включали в состав словесности, кроме авторских стихотворений, и устную поэзию; у западного европейца представления о содержании понятия «литература» были несколько иные. Для Карла Фукса в семантике данного термина важнее фактическое наличие письменности и «преданий исторических», он признавал только классическую литературу европейского типа [14, с. 357–362]. К решающим условиям создания литературной классики Гете относил, как известно, наличие понятия национальной истории [11, с. 176]. Получивший образование

в Германии ученый (К. Фукс) под «литературой» понимал творчество только индивидуальных авторов. Кафедра всеобщей литературы существовала тогда в Германии как кафедра романской и германской филологии и ориентировались на изучение средневековых текстов [4, с. 41–42].

В те годы в отечественной науке к словесности (литературе) относили, как уже было сказано, не только авторские произведения, но и фольклорные тексты без индивидуального авторства. В.А. Сбоев, будучи адъюнкт-профессором русской словесности, имел традиционное понимание названия своей кафедры. В своем очерке он писал, что у чувашей, есть «книжный язык, который состоит в препорядочном разладе с разговорным, живым» [12, с. 61]. Признание наличия литературного языка есть признание существования самой литературы в широком значении данного термина. Авторов этнографических очерков и заметок В.А. Сбоев ставил в ряды писателей, а самого ученого С. Михайлов (Яндуш) тоже величал этим именем. В одном из писем чувашский научный и творческий деятель определил себя как первого писателя из чувашей и марийцев [8, с. 437]. Они оба полагали, что в средние века предки чувашей были довольно образованными и имели свою письменность [12, с. 140–141; 8, с. 30].

Предположение поэта и прозаика С. Михайлова (Яндуша) о причастности предков чувашей к булгарским надгробным надписям в 1902 г. научно доказал Н.И. Ашмарин [1]. О булгарском происхождении чувашей писал прозаик Иван Юркин («Золотой ключ для истории бывшего Волжско-Камского Булгарского царства»), который переписывался с Н.И. Ашмариным и, скорее всего, при встрече в Москве (1894 г.) изложил ему свою гипотезу. Автор книги «Болгары и чуваши» считал, что некоторые данные «не оставляют никакого сомнения в том, что литературные и научные занятия не были чужды болгарам, обитавшим на Волге» [1, с. 57]. Тем самым он доказал правоту А.А. Фукс в полемике со своим мужем.

В 1895–1910 гг. ученый-тюрколог написал ряд научных работ по проблемам фольклористики и литературоведения народов Урало-Поволжья, тем самым заложил основы региональной филологической компаративистики. Н.И. Ашмарин относил устное творчество к народной словесности и считал его литературной деятельностью, одновременно как лингвист изучал особенности татарского литературного языка [2]. В 1900 г. ученый издал «Сборник чувашских песен, записанных в губерниях Казанской, Симбирской и Уфимской» с филологическим комментарием. (Данный сборник нужно считать, как первую антологию чувашской устной поэзии.) В своих взглядах на фольклор и литературу он полностью был солидарен с А.Н. Веселовским, который литературу тесно связывал с народной словесностью. «Проблема взаимодействия формы и содержания – одна из центральных в работах Веселовского, – пишет И.Л. Попова. – Формам, по Веселовскому, присуща статичность, они живут вечно, переходя из поколения в поколение, от одного народа к другому. Поэтический словарь и поэтические приемы – также постоянные величины, созданные первобытным коллективным сознанием. Содержание же, наоборот, подвижно, пребывает в постоянном движении и развитии, вливаясь в старые формы и обновляя их» [11, с. 17].

На рубеже XIX–XX вв. начало складываться новое историко-этническое сознание чувашской интеллигенции, которое способствовало появлению ряда научных трудов как по истории самого народа, так и по проблемам развития отдельных сфер его духовной жизнедеятельности (религиозного и школьного просвещения, этнографии, словесного творчества и т.д.). Эти научные сочинения, в основном, являлись историко-этнографическими, но содержали, как правило, лингвистические и фольклорно-литературоведческие разделы. В статье «Взгляд чуваш<ей> на воинскую повинность» (1905) Н.В. Никольский анализировал народные песни, отражающие военную тематику, там же опубликовал поэму Тараса Кириллова «Пулăшăр» (Помогите) в собственном переводе на русский язык [9, с. 355–367]. В историческом очерке «Народное образование у чуваш<ей>» (1906) ученый впервые анализировал оды на чувашском языке и их русские переводы второй половины XVIII в., там же предлагал свои варианты переводов этих стихотворных текстов [10, с. 73–90]. В части «Приложений» к монографии «Христианство среди чуваш<ей> Среднего Поволжья в XVI–XVIII веках» (1912) он опубликовал отдельные извлечения из грамматики чувашского языка (1769), русско-чувашских словарей и переводов на чувашский язык второй половины XVIII в., также очерк Ермея Рожанского «О чувашах, живущих в Нижегородской епархии» [10, с. 292–356]. Все эти тексты сопровождались текстологическими и другими комментариями.

Продолжая традиции ученых XIX в., в очерке «Чуваши Казанского Заволжья» (1911) Г.И. Комиссаров рассматривал фольклорные и литературные произведения в одной (двенадцатой) главе, разделяя их на народное словесное творчество и искусственное литературное (словесное) творчество [7, с. 104–181]. Будучи доцентом Восточного Педагогического института (г. Казань), в 1926–1927 гг. он впервые составил «Историю чувашской литературы», в которую включил отдельный раздел «Письменность на чувашском языке в XVIII веке» [7, с. 312–382]. Историю литературы он тесно связывал с народным поэтическим творчеством и становлением письменных традиций.

В 1930-е гг. под «литературой» стали понимать только авторские произведения, при этом сочиненные на светские темы и на основе яковлевской письменности. Так поступил Н.В. Васильев (*Шупуççынни*) в книге «Краткий очерк истории чувашской литературы» (М.: Центриздат, 1930): историю чувашской литературы он начинал лишь с творчества Михаила Федорова (последние два десятилетия XIX в.). Его схему потом (в 1940-е гг.) заимствовал М.Я. Сироткин. Такую структуру истории чувашской литературы, оторванную от истоков и корней, резко критиковал Г. Комиссаров (*Вантер*) [6, с. 249–250].

Более ранние периоды чувашской литературы М.Я. Сироткин включил в раздел «Предыстория чувашской письменности и литературы» [13]. Период, охватывающий 1870–1890-е гг., ученый назвал «Создание чувашской письменности и зарождение литературы». Периоды старой письменности (переводы и словари Е.И. Рожанского и Н.И. Золотницкого) автором бегло изложены в «Предыстории» [13, с. 3–30].

В 80–90-е гг. XX в. литературоведы возвратились к периодизации истории чувашской литературы до эпохи канонизированного соцреализма и господства вульгарного социологизма. В этом им способствовало освобождение

отечественного литературоведения от устаревших методологических посылов советской эпохи [6]. В коллективной монографии «История чувашской литературы XVIII–XIX веков» (2020) учтены теоретические положения современных отечественных литературоведов, которые способствуют наиболее полному изучению этапа становления и развития чувашской письменной культуры от первых письменных памятников до появления первых классиков чувашской художественной литературы в современном ее понимании [5]. Но это только первые шаги к комплексному подходу в нашей науке. Постоянные величины в художественном творчестве (поэтика, образы, формы) позволяют рассматривать фольклор и литературу как два последовательных этапы, две стадии эволюции национального художественно-поэтического сознания. Современное чувашское литературоведение должно придерживаться данного концептуального положения как одного из составляющих региональной и национальной исторической поэтики.

Литература

1. *Ашмарин Н.И.* Болгары и чуваши. Чебоксары: ЧГИГН, 2000. 144 с.

2. *Ашмарин Н.И.* Очерк литературной деятельности казанских татар-мохаммедан за 1880-1895 годы // Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским институтом восточных языков. Вып. IV. М.: Тип. Варвары Гатцук, 1901. [2] VI. 58 с. (отдельный оттиск).

3. *Ашмарин Н.И.* Сборник чувашских песен, записанных в губерниях Казанской, Симбирской и Уфимской // Известия ОАИЭ. Казань: Типолитография Казан. ун-та, 1900. Т. 16. Вып. 4–6. 91 с. (отдельный оттиск).

4. *Веселовский А.Н.* Историческая поэтика / ред., вступит. ст. и примечания В.М. Жирмунского. Л.: Худож. лит., 1940. 648 с.

5. История чувашской литературы XVIII–XIX веков: коллект. монография / *В.Г. Родионов, И.Ю. Кириллова, В.В. Никифорова*. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2020. 296 с.

6. История чувашской литературы XX века: коллект. монография / *В.Г. Родионов, Г.И. Федоров, А.Ф. Мышкина* и др. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2015. 431 с.

7. *Комиссаров Г.И.* О чувашах: Исследования. Воспоминания. Дневники и письма / сост. и примеч. *В.Г. Родионова*. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2003. 528 с.

8. *Михайлов С.М.* Собр. соч. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. 510 с.

9. *Никольский Н.В.* Собр. соч. Т. I: Труды по этнографии и фольклору / сост., предисл., коммент. и примеч. *Г.Б. Матвеева*. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. 527 с.

10. *Никольский Н.В.* Собр. соч. Т. II: Труды по истории христианизации и христианского просвещения чувашей / сост., предисл., коммен. и примеч. *Г.А. Николаева*. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2007. 447 с.

11 *Попова И.Л.* Историческая поэтика в теоретическом освещении. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 264 с.

12. *Сбоев В.А.* Заметки о чувашах: исследования об инородцах Казанской губернии. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. 142 с.

13. *Сироткин М.Я.* Очерки дореволюционной чувашской литературы. 2-е изд., доп. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1967. 240 с.

14. *Фукс А.А.* Поездка из Казани в Чебоксары (продолжение) // Заволжский муравей. Казань. 1834. № 6 (март). С. 348–362.

УДК 881.511.131–053.2 «19» (045)

И.Я. Рыбаков
Удмуртский государственный университет (г. Ижевск)
Науч. руководитель: Зайцева Т. И., д-р филол. наук, доц.

УДМУРТСКАЯ ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ЭПОХИ «ОТТЕПЕЛИ»

Рассматриваются явления, характерные для удмуртской детской литературы периода «оттепели», определившие тенденции ее развития. Освещается вклад наиболее талантливых писателей-«шестидесятников» в историю национальной литературы для детей.

Ключевые слова: *удмуртская детская литература, эпоха «оттепели», творческая индивидуальность.*

В 60-е годы XX века в удмуртскую детскую литературу пришло новое поколение писателей, произошла смена художественной парадигмы, отражающая изменения в картине мира детского автора. Наиболее яркими представителями национальной литературы этой эпохи стали Г.С. Симаков (1919–1996), А.Д. Вотяков (1928–1985), Г.А. Ходырев (1932–1995), Н.В. Васильев (1933–1983) и др. Многие произведения этих авторов вошли в золотой фонд удмуртской литературы, повлияли на дальнейшее развитие детской художественной словесности. Это, прежде всего, природоведческие рассказы Г. Симакова, например, вошедшие в его книгу «Тэль кырӟа» («Лес поет»), стихотворная авторская сказка А. Вотякова «Иши», гражданская лирика Г. Ходырева, в частности, его поэма «Вортты тон, валэ!» («Скачи, мой конь!»). Новое писательское поколение остро чувствовало необходимость перемен в детской литературе, авторы обратились к более сложным художественным формам и к особо актуальным проблемам современности. Главным предметом художественного исследования литературы для детей стал внутренний мир ребенка, его взаимоотношения со взрослыми и сверстниками, с окружающим миром.

Особенно значимым явился интерес авторов к фольклору, устно-поэтическим традициям, фольклорным мотивам и средствам выразительности. В удмуртской детской литературе появляются жанры, которые до сих пор любимы детьми и взрослыми: перевертыши, небылицы, считалки, короткий абсурдный стих. Переделки детского фольклора особенно характерны для поэзии Г. Ходырева. В качестве примера можно воспроизвести известную ходыревскую считалку:

Икча-кукча,
Пыддэ кутча!
Ик-кук,
Чорыг кук,
Иське, пук!» [4, с. 23].

Следует отметить, что тексты многих ходыревских считалок практически не переводимы, они не содержат сюжетной основы, состоят из «искусственных» словообразований. Говоря об уникальности детской поэзии Г. Ходырева, можно подчеркнуть умелое использование поэтом изобразительных приемов

фольклора, например: звукоподражание, звуковые и лексические повторы, рифма, риторические формы – именно этим обусловлена легкость заучивания и запоминания его стихов.

Помимо объединяющего всех авторов фольклоризма, необходимо отметить и их индивидуальные творческие поиски. Так, отличительной чертой прозы Г. Симакова является умение очеловечивать мир природы, его произведения соединяют в себе вымысел и народное знание, заключают в себе признаки научно-художественного и фольклорного текстов. Его литературные сказки отмечены близостью к «природоведческим» сказкам В. Бианки.

Особенно динамично в творчестве «шестидесятников» развивается жанр литературной сказки. Большую популярность приобрела сказка А. Вотякова «Иши» (1969). Главный герой этой сказки – поздний и очень избалованный ребенок – медвежонок Иши. После смерти родителей он оказался беспомощным «великовозрастным» подростком. Герой фольклорной сказки, как правило, имеет помощников. Для Иши другом-помощником стала белка, которая привела его к сородичам-медведям. В приемной семье медвежонка научили трудиться. Финал сказки:

Капчиез, пе, жӧк вылын,	*Счастье ты, сынок Иши,*
Нош шудбур асьме киын [1, с. 32].	*У себя в руках ищи!* [2, с. 32]

Поэту удалось создать произведение, в котором за простой ситуацией, незамысловатым сюжетом открываются глубокие народные представления о мироустройстве, а также мысль о том, что труд – это высочайшая ценность на земле.

Большинство произведений удмуртской детской литературы написано на деревенском материале. Одна из таких книг – это сборник рассказов Г. Красильникова «Веросъёс» (1955), в котором проявилась характерная черта его творчества – психологизм. В эту книгу включены восемь рассказов, которые объединены стремлением писателя рассказать о внутреннем росте ребенка на примере художественного моделирования различных бытовых (будничных) ситуаций. Особым эмоциональным фоном выделяется рассказ «Вал возьмасьёс» («Ночное»). Герой рассказа – одиннадцатилетний Аркаш, потерявший именную уздечку при ночном обходе табуна. Сидя у костра, мальчишки говорят о прочитанных про войну книжках, мечтают совершить подвиги. Как ни боялся Аркаш темноты и воображаемых видений, он все же разыскал уздечку и тем самым совершил свой первый маленький поступок-подвиг.

В детской литературе эпохи «оттепели» тесно переплетены темы «детство», «малая родина», «труд». В этом контексте представляют интерес некоторые подходы литературной критики к оценке произведений удмуртских детских авторов. Так, критикой этого периода была актуализирована проблема литературного героя. Надо сказать, что писательские идеи молодого поколения не всегда воспринимались критиками адекватно и объективно. В качестве примера приведет такую цитату: «…основными героями детской поэзии по-прежнему остаются кошки, собаки, куклы, жучки-паучки. Все события происходят в своих двориках, огородиках, на лужайках. Словно ребят не интересует ничего, кроме этого?!» [3]. Острие тенденциозной критики больше

всего испытал на себе Г. Ходырев. После выхода в свет его книги «В нашем дворе» стали говорить о замкнутости поэзии Г. Ходырева в узком кругу деревенского двора, о том, что героями его произведений являются представители крестьянского подворья (цыплята, гуси, котята и др.). Сегодня мы хорошо понимаем, что Г. Ходырев и другие писатели изображали мир, который близок и понятен деревенскому ребенку и самому автору, выходцу из крестьянской среды.

Критике непросто было освободиться от социологических установок, в свете которых главными качествами художественных произведений считались тематическая злободневность и идейная направленность; многие критики недооценивали условность художественного мира литературного текста. Соответственно творчество удмуртских детских писателей все еще нуждается в основательном и объективном исследовании. Удмуртская детская литература до сих пор остается одной из наименее изученных сфер национальной художественной словесности.

Литература

1. *Вотяков А.Д*. Иши: выжыкыл // Ижевск: Удмуртия, 1969. 32 с.
2. *Вотяков А.Д.* Иши: сказка в стихах // Ижевск: Удмуртия, 1974. 32 с.
3. *Дзюина К.Н.* О героях детских книг // Комсомолец Удмуртии. 1967. 28 марта.
4. *Ходырев Г.А*. Покчи дэменчи. Устинов: Удмуртия, 1986. 64 с.

УДК 821.511.151

Н.Л. Рыбакова
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)
Науч. руководитель: Кудрявцева Р.А., д-р филол. наук, проф.

Г. АЛЕКСЕЕВЫН «ТУЛЫК ЧОН» ПОВЕСТЬЫШТЫЖЕ ИНТЕРЬЕР РАШЕМДЫШ

В статье рассматривается интерьерная деталь в повести марийского писателя Геннадия Алексеева «Осиротевшая душа», выявляются специфика ее использования и художественные функции в произведении.

***Ключевые слова**: марийская литература, Геннадий Алексеев, «Осиротевшая душа», поэтика, интерьер, художественная деталь, интерьерная деталь.*

Г. Алексеев «Тулык чон» повестьыштыштыже интерьер рашемдыш дене кумдан да мастарын пайдалана.

Шуко вере интерьер рашемдышым автор персонаж-влакын психологий состоянийыштым сӱретлаш полшышо йӧн семын кучылтеш, нунын кумылыштым, тудым кӧргӧ чоншижмашыштым да шонкалымашыштым палемдыше арверыш савыра. Тыгак интерьер персонажын характержым тӱрлӧ могырым сӱретлаш полша. Рашемдыш-влак персонаж-влакын кумылыштын, койыш-шоктышыштын вашталтмышт дене палдарат. Тыге персонажын илыме пӧрткӧргым але йырвелым автор тудын кӧргӧ тӱняже дене пенгыдын кылда.

«Тулык чон» – тиде психологий сынан повесть. Тыгай сынан произведенийыште чылажат, каласен кодыман, персонаж-влакын

шинчаончалтышышт да умылымашышт гоч пуалтеш, нунын куанышт але йӧсланымашышт дене кылдалтеш. Рашемдышым шуко вере персонажын омышкыжо, шонкалымашышкыже пуртымо, тудын шинчаончалтышыже гоч почын пуымо.

Произведенийыште ятыр ойган сӱрет да персонаж-влакын неле, ойган состоянийыштым ончыктышо эпизод-влак вашлиялтыт. Тыгодым интерьерыште шем тӱс палдырна, действий пычкемышыште эрта. Мутан, повестьын икымше сӱретыштыжак лудына: *«**Пеле пычкемыш** пӧрт... <...> Мо-гынат, оласе огыл, ял пӧрт. Ик лукышто тул **йыл-йыл** чӱчка. Сорта тул, витне. Йырже ала-могай еҥ-влак погынен шогат. Чурийыштым **шойыштеныт**, иктыштымат палаш ок лий. Эртак ӱдырамаш. Ончалмаште чылан **ик тӱсан** улыт: **шем вургем, шем шовыч**... Огытат тарваныл, огытат кутыро. Вуйым кумык сакен шогалынытат, ала йыҥысат, ала шортыт: у-у-у да у-у-у эҥырат.*

*Пӧрт покшелне, ныл пӱкен ӱмбалне, кугу, **кужу колотка**. Тудыжат **шеме**. Ала чиялтыме, ала **шем материал** дене комыжлымо. А молан **шеме?** Йырваш **шеме, шем-пычкемыш тӱня**. **Тамык гай**... <...> **Пеле пычкемыш** пӧлем. Умбал лукышто изи тул коеш. «Чыла тугакыс! – Миклай лӱдын-ӧрткен шоналтыш»* [1, с. 3].

Тыгай сӱрет (пеле пычкемыш пӧлем) Миклайлан омыштыжо веле огыл конча, помыжалтмекшат тудо тыгай сӱретымак ужеш. Автор, «пычкемыш» да «шем» мут-влакан решемдышым кучылтын, тӱҥ геройын неле кӧргӧ состоянийжым да пиалдыме илышыжым ончыкта.

Вес сӱретысе рашемдыш-влакат куандыме илышым иктешлат: *«Урем **кугу огыл**, иктаж лу-лучко суртан. Покшелнырак **шоҥго куэ** тормылажым шаркален шога. Пел могыржо **кошкен**, тӱҥжӧ **тунҥырген**, **шемем шинчын**. Ваштарешыже – **изирак тошто пӧрт**. Молын деч ойыртемалтеш. Пошкудо оралте-влак кӱ, кермыч дене оптымо, кугу окнан улыт. А тидыже ала-кузе коклаштышт **пызнен шинчын**, **изи окнаж** дене **пуйто чыли-чули вожыл онча**. Капкажат... **ни леведышыже, ни моторлыкшо**... Урем велым **кӱжгӧ вара дене чараклыме**. Пӧрт **леведыш шememын**, **верын-верын регенчаҥашат тӱҥалын**. «Пӧръеҥ кид уке», – чаманен шоналтыш Миклай»* [1, с. 15]. Нуно Миклайын ушыштыжо шочыт, тудын чон вургыжмыжым шижтарат.

Марий прозышто пӧрт – тиде ешын тӱҥалтышыже. Калык тудым эреак еш пиал, перке, ям дене кылден. Тӱҥ персонаж-влакын илыме верыштышт пиал уке, садлан автор нунын пӧртыштым да тудын йырвелжым (уремжым) сӱретлымаште шӱлык кумылым лукшо чиям кучылтеш але путырак кӱчыкын да кукшын сӱретла. Теве, мутлан, Милян илыме пӧртшӧ, пӧрткӧргыжӧ нерген лудына: «*Пӧрт кӧргӧ **кугу огыл**, **уто ӱзгарат уке**. Покшелне **шелышталт, шемем пытыше** кугу, лопка коҥга. Коҥга ваштареш – **ӱстел, кок-кум пӱкен**. Оза вате кид ок шижалт. **Кӱвар лавыран**, мучко тунҥыр кыша веле, **тошкен пытарыме**. Ӱстембалне — кинде катыш, муно шӱк, шӱчаҥ кугу салма – **чылажат шала**. Окна ончылнак **кӱмыж-совлам орален шындыме**.*

*Коҥга шеҥгелым **лустыранше лавыран ситце** дене пӱрдымӧ»* [1, с. 21].

Йырым-йыр улшо еҥ-шамыч да ӱзгар-влак Милялан йот улыт. Йӧратыме еҥжым йомдарымекыже, тудын ласка да куштылго илышланжат мучаш ийын, чон ласкалыкше да илыш рӱдыжат шапалген. Сандене сурт-оралтыштыжыт ям

ок шижат. Героинян тӱжвал осал вий ваштареш шогаш ӱнарже веле огыл, кӧргӧ чон-кумылжат уке. Произведенийысе чыла сӱрет, интерьер гаяк, тӱҥ героинян коргӧ шӱм-чонжым, шижмашыжым рашемдат.

Икманаш, Г. Алексеевын повестьыштыже интерьер рашемдыш действийын вержым веле огыл ончыкта, тыгак психологий да характерологий функцийлам шукта (персонажын кумылжым, койыш-шоктышыжым, кӧргӧ чоншижмашыжым чын шижаш да умылаш полша).

Литературт

1. *Алексеев Г.* Тулык чон: повесть // Ончыко. 1987. № 1. С. 3–35.

УДК 821.511.151

М.В. Рябинина
Марийский государственный университет (Йошкар-Ола)

ХРОНОТОПИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПОВЕСТИ Г. ГОРДЕЕВА «ПО ТУ СТОРОНУ ДВЕРИ» В АКСИОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В статье рассматриваются особенности хронотопической структуры ранней повести Геннадия Гордеева «По ту сторону двери» («Омса вес велне»). Доказывается, что в произведении доминирует тип хронотопа, связанный с локусным (замкнутым) характером пространства, что хронотопы города и деревни, представляющие собой «лабиринты» из разных локусов, и топос дороги, создают не только пространственно-временное единство произведения, но и актуализируют и художественно реализуют различные ценностные категории авторской концепции жизни и человека.

***Ключевые слова**: марийская литература, повесть, Г. Гордеев, художественная аксиология, поэтика, хронотоп, локус, топос.*

Хронотоп как формально-содержательная категория литературного произведения, как отмечал М.М. Бахтин, тесно связан с его жанром и сюжетом, он «определяет художественное единство литературного произведения в его отношении к реальной действительности» [2, с. 10].

Ученый указывал на особую важность одного из значимых составляющих общего понятия «хронотоп» – хронотопа дороги. Как правило, «обладая широким объемом, хронотоп дороги исключительно четко и ясно раскрывает пространственно-временное единство» [4, с. 233] в произведении.

В повести современного марийского писателя Г. Гордеева «По ту сторону двери» («Омса вес велне»), в целом, превалирует другой тип хронотопа, связанный с локусным (замкнутым) характером пространства.

Дорога же заявлена только в начале произведения – как сырая, темная, грязная улица маленькой, осиротелой деревушки (это место обитания животного, а именно, собаки Шарика, очеловеченный образ которой позволяет говорить автору в определенной мере и об условиях современной жизни людей, а самое главное – презентовать аксиологические императивы его творчества), а далее – всего лишь как мимолетное расстояние между разными местами проживания собаки (локусными точками), как выражение пустот, которые

необходимо преодолеть в поисках жизненного пространства и удержания времени жизни.

Условия существования собаки на улице – это неимоверные трудности: голод, холод, унижение, потеря хозяев, предательство со стороны человека. Моросящий дождь и пронизывающий ветер усиливают и без того тяжелые страдания бездомного пса. Природная стихия (окружающее зооморфного персонажа пространство, топос) является своего рода «соучастником» всего действа: с одной стороны, она выражает внутреннее состояние дворняги – одиночество, бесприютность, боль, а с другой стороны, эти хаотичные природные явления противопоставлены Шарику. Столкнулись в жесткой схватке такие «силы», как жизнь и смерть, счастье и боль, уют и холод, одиночество.

Время в первых сюжетных фрагментах повести – это осенний вечер, приближение ночи, – оно соотносится с бытийным временем мироздания (рождение, развитие, угасание) и порождает ретроспекцию – путешествие по «маршруту собственной памяти».

Первый локус – это приют для бездомных животных. Несмотря на то, что это было замкнутое пространство, загороженное решетками, от этого «антидома» у Шарика остались теплые воспоминания, ведь здесь он родился, здесь родные ему существа – мать, братья и сестры: *«они радовались жизни, резвились, догоняя друг друга, весело подбежав к маме, теребили ее хвост, ноги, уши, а потом мама ложилась на мягкую солому, и они, нежно прижавшись к ней, высасывали молоко и тихо засыпали»* [3, с. 8]. Пространство приюта представлено как выражение таких ценностных категорий, как любовь и ласка, забота и внимание. Здесь ничего не предвещало беды, но в один прекрасный день хозяин приюта, плотный, толстенький мужчина с суровым, жестким характером, с целью получить выгоду увозит щенков на рынок и выставляет их на продажу, разлучает щенков с матерью.

Пес попадает в квартиру маленькой девочки Оли и ее родителей – это второй локус, представленный в повести «По ту сторону двери». Это пространство на фоне происходивших событий кажется псу более светлой, милостивой, надежной и благостной. Собака ощущает божественное тепло от девочки, обретает душевную гармонию и равновесие.

Оля придумала ему имя. Теперь его зовут Шарик. Они любят вместе поиграть, пошалить, посмеяться. Оля кормит щенка пряниками, конфетами, печеньем, тепло и нежно ухаживает за ним, моет его, сама бегает за мясом и рыбой в магазин. Шарик растет, развивается, из лохматого белого щеночка превращается в красивого крепкого пса.

Третий локус – аэропорт, куда Шарика привозит холодная, бессердечная, безжалостная женщина, мама Оли, с надеждой избавиться *«от лишнего рта», «от собачьего запаха в доме».* В данном помещении ничего не напоминает Шарику об уюте, тепле, доме. Это чужое пространство настораживает, пугает пса: *«зал гудит, как пчелиный улей, нигде не услышишь веселого разговора, не увидишь радостной улыбки»; «все расспрашивают друг друга о чем-то, спорят… Шарик понимает, что он опять осиротел, он никому не нужен, никто его не пожалеет, никто не приголубит. Он один, совсем один. Надежда только на самого себя»* [3, с. 20].

Но мир не без добрых людей, пытается убедить читателя автор: в пространстве аэропорта пес знакомится с добрым, понимающим человеком, журналистом Иваном, распознает ценность дружбы, добра, взаимопонимания. Но всегда есть опасность, подстерегающая всех – животного, человека. Отсюда неслучайно в мирное пространство, светлое повествование автор вводит хронотоп порога, реализованный в смежных пространственных образах двери и лестницы, которые, по мнению М.М. Бахтина, как правило, являются «метафоричными и символичными» [1, с. 182].

Порог, как отмечает исследователь, (в нашем случае – дверь самолета и лестница, ведущая к ней) «символизируют кризис, перелом» [1, 183]. Так и в жизни анималистического персонажа Г. Гордеева порог становится границей между своим пространством и чужим, местом встречи и расставания (расставания Ивана с Шариком). Журналист, несмотря на искреннее желание взять с собой Шарика в самолет, не может этого сделать, так как это невозможно без документов. Таким образом, дверь фиксирует не только пространственную (небо и земля), но и ценностную оппозицию – спокойствие и беспокойство, счастье и страдания.

Четвертый локус – подвал городской многоэтажки – сырое, грязное место, *«заполненное какими-то ящиками, пустыми бутылками»* [3, с. 42], куда собака попадает после расставания с Иваном. Тишина, темнота покрывают это пространство, заполняя все углы; пространство сжимается, наполняется тайной и странными предчувствиями. Шарик не может найти здесь спокойствие. Это место занимают бомжи, желание которых – поймать и продать собаку. Больше всего пугает Шарика «*невысокий, худощавый, словно от мороза покрасневшим кончиком носа, мужчина в мерзко воняющих сапогах, в грязном, мятом пальто, в черном картузе», "такого мерзкого" человека раньше он нигде не встречал»* [3, с. 44]. На уровне мыслей собаки мы ощущаем, как яростно восстает его сущность против насилия, несправедливости. При таком положении дел главной мечтой собаки становятся уже не тепло, уют и забота, а свобода.

Шарик уже ничего не понимает, идет, куда глаза глядят – это проявление хронотопа дороги в значении внутренней пустоты и неопределенности.

Пятым локусом становится еще одно замкнутое пространство: *«… помещение не тесное. С левой стороны – большая печь, напротив, около окна, широкий стол, с другой стороны – длинная скамейка. Стены дома почернели. Но это пространство успокаивает Шарика, оно кажется ему таким дорогим и близким, а жизнь прекрасной»* [3, с. 50–51]. Хозяевами этого домика при ферме являются Миклай и его жена. Несмотря на непростой характер, они не выгоняют собаку на улицу, Шарик находит временное теплое и светлое убежище, но в упорной борьбе с большой деревенской собакой он снова теряет жилье и оказывается в открытом пространстве осенней холодной, сырой улицы – в пространстве дороги. Таким образом, Г. Гордеев в конце повести возвращает читателя к хронотопу дороги (открытое пространство улицы + осеннее время), но уже с другой авторской аксиологией.

В начале повести дорога – это грязная и ненавистная улица как источник недовольства и импульс к жизни, к поискам лучшего и потому – как выражение

некой надежды на лучшее. В конце повести – это уже другой «знак»: пройдя через это лучшее, Шарик снова оказывается в «пропасти».

Шарик ассоциируется со странником, ведомым; его ведет дорога, и неизвестно, где и когда закончится этот путь. Дверь перед ним закрыта, нет дороги надежды – так актуализируется в произведении категория невозможности, нереализуемости. Гордеевский персонаж слаб, жалок, потерян в настоящем, несчастен, неспособен сам отвечать за свою жизнь. Однако в нем есть природный инстинкт (стремление выжить): несмотря на все преграды, природные катаклизмы, препятствия, встречающиеся на пути-дороге (жестокость, грубость, несправедливость, непонимание и т.д.), Шарик выживает. Автор ставит и вопрос о нравственно-ценностных основах отношения человека к животным, к природе.

Таким образом, в начале и в конце повести одна и та же неприглядная дорога и соотнесенная с ней в смысловом плане разрушившаяся сарайка (по-марийски – леваш). Такое пространство, в котором в конце произведения засыпает Шарик, обрамляет основную – ретроспективную – часть повествования (воспоминания собаки). Автор заканчивает свое произведение пространством сна; светлый и яркий сон оставляет «каплю» надежды на то, что такие ценностные категории, как доброта, дружба, верность, любовь все же восторжествуют и станут главными – как в жизни Шарика, так и в современном человеческом мире. «Света» добавляет в концовку произведения и то, что, потеряв спокойствие и благополучие, герой, однако, обретает желаемую свободу, потерю которой несколько раз очень остро переживал в своей жизни. Так, автор озадачивает своего читателя еще одним ценностно значимым вопросом: «Что важнее в жизни: свобода или уют и достаток?»

Итак, анализ организации художественного времени и пространства в повести Г. Гордеева «По ту сторону двери» позволяет нам сделать вывод о том, что хронотопы города и деревни, представляющие собой «лабиринты» из разных локусов (приют для бездомных собак, квартира маленькой девочки Оли и ее родителей, аэропорт, подвал, дом при ферме), и топос дороги, во-первых, создают пространственно-временное единство произведения; во-вторых, представлены в тексте как жизненное испытание главного персонажа, в котором, кроме реального, есть и аллегорический (обращенный на человеческий характер) смысл; в-третьих, они актуализируют и художественно реализуют различные ценностные категории авторской концепции жизни и человека (дом / антидом, справедливость / несправедливость, доброта / черствость, верность / предательство, счастье и одиночество, свобода / уют, спокойствие, достаток и др.).

Литература

1. *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе: очерки по исторической поэтике // *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С. 234–407.

2. *Бахтин М.М.* Эпос и роман / сост. *С.Г. Бочаров*; вступ. статья *В.В. Кожинова*. СПб.: Азбука, 2000. 300 с.

3. *Гордеев Г.* Омса вес велне: повесть ден ойлымаш-влак. Йошкар-Ола: Марий книга изд-во, 1990. 264 с.

4. *Меркулова И.И.* Хронотоп дороги как объект междисциплинарного изучения и преподавания // Интеграция образования. 2006. № 4. С. 232–234.

УДК 821.511.151

К.С. Рябчикова
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)
Науч. руководитель: Бояринова Г.Н., канд. филол. наук, доц.

Г. ОЯРЫН ЛИРИКЫШТЫЖЕ ПЎРТЎС ДЕНЕ КЫЛДАЛТШЕ СЎРЕТ-ВЛАК

В статье рассматриваются образы и явления природы в лирике марийского поэта Г. Сабанцева-Ояра. Автором выбраны стихотворные произведения поэта по принципу времен года. Делается вывод о том, что автор образы и явления природы всегда связывает с философскими размышлениями о человеке.

Ключевые слова: *Г. Сабанцев-Ояр, лирика, лирический герой, тема, идея, образ, природа, тропы, времена года.*

XXI курымышто пўртўсым аралыме йодыш тургыжландарыше, вет тудо кечын шапалга, айдемылан кӧра шке сынжым йомдарен толеш. Кеч-кӧланат пўртусын моторылыкшо келша, айдеме пўртўсым арален моштышаш. Геннадий Сабанцев-Ояр лирикыштыже пўртўсын моторлыкшым кумдан ончыктен. Шымлыме пашаштына Геннадий Сабанцевын лирикыштыже пўртўс сўрет-влакым ончен лектына.

Геннадий Сабанцев-Ояр кенгежымсе идалыклан шагал огыл почеламутым возен. Кенгежым пўртўсшат шке моторлыкшо дене уло тўҥям куандара. Ончалына «Кенгеж-сўретче» почеламутым. Кандаш строкан почеламутышто автор кенгежым мокта, вет тудо чылт сўретче гаяк уло тўням сылнештара, пўртўсым *«йомак гае ковёр»* [1, с. 14] ден шара.

Кенеж сўретым автор «Кенгеж мучаш» почеламутыштат ончыкта. Кенгеж деч вара мотор шыже толеш. Август мучаште колхоз шурным погаш тўҥалеш, калык, шке пакчаште саскам поген налмеке, телылан ямдылалтеш. Пызле *«чевер тўсшӧ ден»*, шке моторлыкшо ден калыкым куандарен шога. Куэжат *«той аршашым»* сакален коден. Автор тиде сўретым тыге моторын сўретлен ончыкта:

Пўртўсышкӧ шыже толшашым
Ынде чылажат шижтара:
Куэ сакален той аршашым,
Изиш ойганрак кутыра;
Пасушто пытартыш анаштым
Тўшкан комбайн-шамыч «пӧжгат»:
Шышталге тӧшак гай кашташтым
Кенгеж гычын шыжыш пыштат [1, с. 71].

Сылнымутышто шукыж годым «ш», «ж», согласный-влак кучылталтыт, а гласный кокла гыч «ӱ», «ӧ», «и» йўк-шамыч вашлиялтыт. Тыгак автор онай сылнештарыме йӧн-влакым кучылтеш: танастарымашым *(«чевергыш ялт пызлын парняже», «шышталге тӧшак гай кашташте»*); метафорым (*«йошкаргын торашке конча», «куэ ойганрак кутыра», «кенгеж гычын шыжыш пыштат»*); эпитет-влакым (*«эсенлыме жап», «тымык август», «той аршаш», «шышталге тӧшак», «тымык пўртўс»*).

Вес почеламутат кенеж тематикан, тудым поэт «Кенеж, кенеж» манын лӱмден. Тиде лирике произведенийыште автор тӱсым моштен кучылтын: ужар, ал. Тиддеч посна автор пӱртӱс образ-влакымат ончыктен: кече, куэ, куку. Лирике герой куэрлаште коштмыж годым, кукун йӱкшым колеш да мыняр илаш кодын манын йыштак шотла. Тиде сӱретым кумданрак ончалына:

Молан тынар ӱшаныше улам шке?
Куку почеш мыят шотлем йыштак.
Тыге чучеш: куку ик мурымаште
Ик ийым огыл – шӱдымак пышта [1, с. 16].

Айдемылан мыняр илаш пӱралтын, нигунамат пале огыл, садлан автор кажне илыме пагытна сайын эртыже манын шона. Автор ӱшана: тек айдеме ден поро кумыл пырля коштшо лийын кодыт. Поэт антитезе йӧным кучылтын: поро – осал, нуным ваштарешла шынден ончыктен.

«Йӱр сӱрет» сылнымут поснак оҥай. Лирике герой шучко йӱр толмылан пеш чот ӧрын. Автор тыге сӱретла:

Тугае йӱр – юмашне! – толын лекте:
Тавен-тава да лӱдыктен шурга.
Чыла пашаже тудын кызыт икте:
Кава ден мландым ваш ушен урга [1, с. 21].

Тыгай кончыш лач пӱртӱсыштӧ веле огыл лиеш, айдемат тыгай азапыш логал кертеш. Йӱр гоч айдемын кӧргӧ чоныштыжо лийше действийым ончыктымо. Пӱртӱсыштӧ кече онча гын, лач икмыняр жап гыч тудо вашталт кертеш. Лирике герой, тыгай пӱртӱс кончышым ужмеке, пытартышлан тыге каласа: *«… да, вӱд муэш шкаланже тура корным, айдеме веле ок му эрежак…»* [1, с. 21].

Шыже пагыт толмек, пӱртӱсшат, илышыжат вашталтеш: *«куэ той аршашым сакалта»* [1, с. 127], колхоз пасушто комбайн шурным пога, кайык-влак *«мӧҥгеш шокшо верыш чоҥештат»*, калык рӱжге пакча саскам пога. Тиде жапым Г. Ояр «Шула ынде вийже кенежын» мурорлангыште сылнын сӱретлен ончыкта. Август тылзе мучаште калык киндым поген налеш. Пырче шуко – кугу поянлык. Тиде жапыште канаш жап уке, пашам тыршен ыштыман, молан манаш гын кеч-могай жапыште пӱртӱс койыш вашталт кертеш. Икманаш, игече ондалчык. Нурышто комбайн-влак йӱдшӧ-кечыже пашам ыштат. Лирике герой тунемме нергенат шонкала:

Паша ынде кӧргыштӧ веле:
Тӧрлаш, эрыкташ, чиялташ…
Икече конденыт ӱстелым –
Шич тачак наукым шымлаш [1, с. 128].

Почеламут корно-влак сылнын йонгат, тидланже автор троп-влакым моштен кучылтын: метафор (*«шула ынде вийже кенежын», «тӧшак гай кашташтым кенеж гычын шыжыш пыштат», «чон ямде мураш»*); олицетворений (*«куэ изиш ойганрак кутыра», «комбайн-шамыч пӧжгат»*), эпитет-влак (*«у пагыт», «той аршаш», «волгалтше тӧшак», «шӱшпык омо», «мондалтдыме, ныжылге пагыт»*).

Шыжым тӱрлӧ кайык мӧнгеш шокшо элыш кая, молан манаш гын тиде пагытыште нунылан телым эртен лекташ каньыл огыл. Ончалына «Шыже шоныш» сылнымутым. Шыже гоч поэт айдемын ийготшым ончыкта. Шошо – шочын вочшо аза; кенеж – эн сылне пагыт, самырык-влакын пагытышт; шыже – кугурак ийготан-влаклан келшыше пагыт; теле – илалшырак-влакын. Тыге поэт философий лончыш лектеш, айдеме илыш йодышым ронча.

Мемнан элышкына шошым тӱрлӧ-тӱрлӧ кайык толеш. Кенеж мучко нуно ешым погат да шыжым мемнан деч угыч вес элыш чонештен каят. Автор тыге сӱретлен ончыкта:

Комбо-влак, кашталалт-кашталалтын,
Ешышт ден погынен чонештат.
А йырваш сото тӱс кышкалалтын –
Чон кана лапыштат, чонгаштат [1, с. 26].

Тӱшка кайык коклаште чыланжак вес элыш миен огыт шу, шукынжо колат. Тиде почеламутышто шыжын образше поэтым илыш нерген келгын шонкалаш тарата. Тыге сылнымут лудшым философий шонымашыш луктеш.

Шыжым игечыжат тӱрлӧ лиеш: йӱрат йӱреш, кечат онча, лумат лумаш тӧча. Тиде пӱртӱс кончыш айдемын тазалыкше гочат палыме. «Шыже волгенче» сылнымутышто лач тыгай сӱрет ончыкталтын:

Кунам толын лекте гын мӱндырчын
Тулсалым октябрь покшелне?
Йолгалте пылвомыш, но кӱдырчӧ
Ыш кӱдыртӧ дӱр-р, кавам шелын [1, с. 34].

Кӱдырчӧ пуйто кавам пеле гыч шелнеже, мландыш йӱрым опта. Туге гынат, тудын вийже кенежымсе гай огыл. Тыгай пӱртӱс сӱрет гоч автор илышыште лийше конфликт манмым ончыкта.

Теле идалык пеш сылне, лач тунам пӱртӱс йомакысыла веле коеш. Серызе Г. Оярат тиде идалык пагыт нерген ятыр почеламутым возен. Ончалына «Теле кечын толам чодырашке» сылнымутшым. Лирике герой, чодыраш пурымекше, пӱртӱсым эскерен, йӧршеш ӧреш. Тыште тудо тыгай сӱретым ужеш:

Шӱлыкем кызыт йӧршын ок кӱл дыр, –
Ты пӱртӱс гаяк мый волгалтам.
Уна, тудо кож шойыч Лумӱдыр
Эскера чояракын – ужам.
Лишке веле тол, ок мутлане,
Чу, могай осал вий кылмыктен? –
Пӱртӱс помышто мый ом сутлане,
Сото кумылым чоныш оптем [1, с. 112].

Лирике герой чодырасе йомак тӱняште шкенжым тӱрыснек вес илышыш куснышыла шижеш, пуйто тудо тиде сӱретым омыштыжо ужеш. Икманаш, автор лирикыштыже пӱртӱсын моторлыкшым тӱрлӧ идалык жапыште сӱретлен ончыкта, тидланже тӱрлӧ сылнештарыме йӧным кучылтеш. Авторлан кенежшат, шошыжат, шыжыжат, телыжат келша, нимогай идалыкым посна палемден ок кодо. Пӱртӱс дене кылден, поэт айдеме илышым ончыкта. Тыге пӱртӱс лирикым

философский лирике лончо гоч колта, нуным иктыш уша.

Литератур

1. *Сабанцев Г.Л.* Нумалтыш: почеламут-влак, поэма. Йошкар-Ола: Марий книга савыктыш, 1993. 160 с.

УДК 81.37, 81.42

И.В. Сергодеев
Снежинский физико-технический институт
НИ ядерного университета «МИФИ» (г. Снежинск)

ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЙ ОБРАЗ У. БЛЕЙКА *SERPENT* В АВТОТЕКСТУАЛЬНОМ ОСВЕЩЕНИИ

В статье рассматривается автотекстуальный тип межтекстовых отношений как актуальная проблема современной филологии. Определяется понятие интертекстуальности в узком и широком смыслах. Приводится типология интертекстуальных отношений. Автотекстуальные единицы обсуждаются на примере индивидуально-авторского кода У. Блейка serpent (змей).

***Ключевые слова**: поэтический текст, интертекстуальность, типология интертекстуальных отношений, автотекстуальность, У. Блейк.*

Одной из актуальных проблем современной филологии и теории мировой литературы является феномен интертекстуальных отношений (для обозначения *интертекстуальность / интертекстуальный* далее будем использовать сокращение ИТ) в современных англоязычных поэтических текстах (далее — ПТ). С позиции прецедентных текстов ИТ рассматривается в узком и широком смыслах.

ИТ в узком смысле понимается нами вслед за И.П. Смирновым как «текстовая способность формировать свой смысл посредством ссылки на другие тексты, которые встречаются в творчестве того же автора, в смежном искусстве или предшествующей литературе» [3, с. 11]. В этом случае ИТ обнаруживается в ограниченном количестве поэтических произведений, содержащих реминисценции к адресным текстам, и относится к дифференциальным признакам поэтического текста, в котором доминирует содержательно-подтекстовый (ассоциативный, коннотативный) вид информации.

ИТ в широком смысле – глобальная интеграция поэтических текстов как единиц словесной традиции и культуры. Такая интеграция свойственна ПТ как произведению, принадлежащему определенному времени, школе и традиции.

Мы, вслед за Н.С. Олизько, делим типы ИТ отношений на авто-, пара-, ин- и архитекстуальные [1]. Отметим, что типология Н.С. Олизько приводится в модифицированном виде. Термин *гипертекстуальность* заменяется *автотекстуальностью* по причине того, что с нашей точки зрения термин автотекстуальность точнее раскрывает суть данного типа межтекстовых отношений, а именно – случаев апелляции автора к собственным произведениям.

Под автотекстуальностью понимаются межтекстовые связи произведения отдельного автора с текстами этого же автора. Автотекстуальность обеспечивает разноуровневое нелинейное прочтение произведения, которое может помочь реципиенту проникнуть глубже в авторский замысел и разгадать часть уникальной картины мира автора.

К автотекстуальным единицам отнесем:

– маркированную самоаллюзию (нетрансформированное воспроизведение графически выделенной автором единицы прототекста в метатексте);

– немаркированную самоаллюзию (нетрансформированное воспроизведение графически невыделенной автором единицы прототекста в метатексте).

Использование самоаллюзии как автотекстуальной единицы в ПТ – случай распространенный. Анализ автотекстуального способа связи элементов произведения позволяет исследователю соединить в общую парадигму графически выделенные образы, которые, как показывают результаты практического исследования, в то же время являются ключевыми образами антрополингвистической картины мира поэта. Так, поэтическое наследие У. Блейка включает большое количество авторских кодов, один из которых выражен существительным *serpent (змей)* и синонимичными ему лексемами *reptile (рептилия)*, *snake (змея)*. В привычном понимании *serpent* – змей-искуситель, убедивший Еву вкусить плод с дерева познания добра и зла. У. Блейк наделяет образ *serpent* множеством переплетающихся авторских значений, некоторые из которых мы рассмотрим в рамках настоящего автотекстуального анализа.

Так, У. Блейк употребляет лексему *serpent* в поэме “Tiriel” (Тириэль):

…Such
[is] was Tiriel
[Hypocrisy the idiots wisdom & the wise mans folly]
Compelld to pray repugnant & to humble the immortal
spirit
Till I am subtil as *a serpent in a paradise*
Consuming all both flowers & fruits insects & warbling
birds
And now my paradise is fallen… [5, с. 103. Перевод на русский везде наш. – *И.С.*].

…Так
Тириэль
[Лицемерие, мудрость глупцов и безумие мудрецов]
Был вынужден молиться отвратительному и посрамить бессмертный
дух,
Пока не стал хитрым как *змей в раю,*
Поедающий цветы, фрукты, насекомых и поющих
птиц.
Теперь я потерял свой рай…

По сюжету произведения старый, слепой тиран Тириэль перед смертью проклинает своего отца Хара, чья «мудрость» заставила Тириэля презреть бессмертие духа ради «самости» (по У. Блейку, жизни ради себя): *Compelld to*

pray repugnant & to humble the immortal spirit (Был вынужден молиться отвратительному и посрамить бессмертный дух). Поэт сравнивает состояние самости с библейским змеем-искусителем и определяет это состояние лексемой *Hypocrisy (Ханжество).* Таким образом, в рамках обсуждаемого ПТ "Tiriel" образы *serpent* и *hypocrisy* тождественны.

Похожий образ встречается в фрагменте из эпической поэмы У. Блейка "The Song of Los" (Песнь Лоса), описывающем превращение Хары и Хевы в рептилий:

> Since that dread day when Har and Heva fled.
> Because their brethren & sisters liv'd in War & Lust;
> And as they fled they shrunk
> Into two narrow doleful forms:
> *Creeping in reptile flesh* upon
> The bosom of the ground… [5, с. 238]

> В тот ужасный день Хар и Хева бежали,
> Потому что их братья и сестры жили Войной и Желанием;
> Но пока они бежали, они стали
> Двумя маленькими жалкими существами,
> *Ползающими в змеиной плоти*
> По лону земли…

У. Блейк вновь обращается к образу духовного падения человека (согласно мифологии поэта, Хар и Хева/Гар и Гева – прародители человечества; фонетическая и лексикографическая связь имен Хевы и библейской Евы – очевидна), произошедшего в результате *War & Lust (Войны и Желания)*. В обсуждаемом отрывке автор переводит образ змея из метафизического состояния в физическое, помещая беглецов Хара и Хеву в *reptile flesh (змеиную плоть)* – символ потери человечности, воображения, духа, бессмертия.

В фрагменте из пророческой книги У. Блейка "Europe" (Европа) ИТ единица *serpent* наделяется новой семантикой:

> Then was *the serpent temple* form'd, image of infinite
> Shut up in finite revolutions, and man became an Angel;
> Heaven a mighty circle turning; God a tyrant crown'd [3, с. 230].

> Затем был воздвигнут *храм змеи*, образ бесконечной
> Тишины конечных революций, и человек стал Ангелом;
> Небеса – могущественным вращающимся кругом; Бог – коронованным тираном.

Образ *the serpent temple (храм змеи)* символизирует место, где люди поклоняются природе. По мнению А. Отсрайкер, через этот образ У. Блейк описывает культы друидов, возникшие после великого потопа и прославляющие «материализм» [5, с. 910]. Образы великого потопа и материализма также определяются с индивидуально-авторских позиций. Исследователь творчества У. Блейка В.В. Сердечная пишет: «…для Блейка Ной – человек воображения, переживший потоп Времени и Пространства путем построения ковчега любви для себя и своей семьи. Этот потоп был страшнейшим несчастьем всех времен: с тех пор, по Блейку, установились четыре времени года, люди перестали быть

гигантами, их жизнь сократилась. Нашествие воды было приливом Материи, отделившей человека от Вечности» [2, с. 36]. Таким образом, *the serpent temple* – храм материального вещества как оппозиции духа и воображения. В таком же смысле ИТ единицы serpent/*the serpent temple* употребляются и в других творениях У. Блейка, например, в пророческих книгах “America” (Америка) и “Book of Urizen” (Книга Уризена), а также в поэме “Jerusalem” (Иерусалим) [5].

В пророческой книге “Vala, or The Four Zoas” (Вала или четыре Зоа) У. Блейк расширяет семантику ИТ единицы *serpent* до образа Природы:

…the vast form of Nature like *a Serpent*… [5, с. 326].

…безбрежная форма Природы похожа на *Змея*…

По мнению, С. Фостера Деймона, составителя словаря “A Blake Dictionary. The ideas and symbols of William Blake” (Словарь Блейка. Идеи и символы Уильяма Блейка), Природа, по У. Блейку, сложнейший, многоуровневый образ, включающий в себя следующие смысловые аспекты: до грехопадения человек был един с Природой, после падения Природа отделилась от человека и стала проекцией его внутреннего мира, воображения; Природа – физическая форма человека, материализация его чувств, визуализация его эмоций; Природа – образ материальных соблазнов: сладострастия, богатства, власти и пр.; Природа – материальная сторона так называемого двойного восприятия мира, выраженного оппозицией: воображение – материализм и пр. [4, с. 295–296, 366]. Змей, таким образом, представляется образом чувственных, эмоциональных и материальных слабостей и соблазнов. В поэме “Visions of the Daughters of Albion” (Видения дщерей Альбиона) встречаем следующие строки:

And the wild snake, the pestilence to adorn him with gem & gold [5, с. 206].

И дикая змея – зло, украшающее его драгоценными камнями и золотом.

В представленном текстовом фрагменте змея украшает бога-тирана Уризена, в мифологии У. Блейка являющегося богом-разумом, богом-нелюбовью, создателем людей, символом материализма, врагом человеческого воображения, свободы и духа. Отождествление образа *змея* с символами человеческой духовной дегенерации (в данном случае с золотом, рубинами, драгоценностями) встречается также в фрагментах из пророческой книги “Vala, or The Four Zoas”, поэмах “Milton” (Мильтон) и “Jerusalem” [5].

Отметим, что автотекстуальные связи и реализующееся благодаря ним расширение смысла ИТ единицы *serpent/reptile/snake* не ограничиваются результатами представленного анализа. Однако освещенных примеров автотекстуальных отношений достаточно, чтобы проследить индивидуально-авторское преобразование образа *змея* от библейской эстетики до комплексной семантической парадигмы У. Блейка: змей – змей-искуситель – ханжество – культ природы – Природа как символ материализма – Природа как оппозиция духовности – Природа как цикличность – человеческие соблазны – драгоценные камни и т.д.

ИТ отношения, рассмотренные на примере автотекстуальных единиц, синтезируют контекстные значения авторского образа, встречающегося в

произведениях отдельного поэта, формируя тем самым смысловой комплекс этого образа. К автотекстуальному типу ИТ относится контекстно-смысловая взаимосвязь лексических единиц в рамках корпуса текстов отдельного автора. К автотекстуальным единицам относятся самоцитация и самоаллюзия.

Литература

1. *Олизько Н.С.* Интердискурсивность постмодернистского письма (на материале творчества Дж. Барта). Челябинск: Фотохудожник, 2009. 162 с.

2. *Сердечная В.В*. // URL: http://publishing-vak.ru/file/archive-philology-2017-1/2-serdechnaya.pdf (дата обращения: 20.10.2020).

3. *Смирнов И.П.* Порождение интертекста. Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б. Пастернака. СПб: СПБГУ, 1995. 189 с.

4. A Blake dictionary. The ideas and symbols of William Blake / S. Foster Damon; updated edition with a new foreword and annotated bibliography by Morris Eaves. – Updated ed. Hanover, New Hampshire: Dartmouth College Press, 2013. 532 p.

5. *Blake W.* The Complete Poems. London: Penguin Group, 2004. 1071 p.

УДК 821.511.131:801.73(045)

Л.П. Федорова

Удмуртский государственный университет (г. Ижевск)

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ТВОРЧЕСТВА УДМУРТСКОГО ПРОЗАИКА ТРОФИМА АРХИПОВА: К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ПЕРВОЙ ЧАСТИ ДИЛОГИИ «У РЕКИ ЛУДЗИНКИ»*

В статье рассматривается творческая лаборатория удмуртского прозаика Трофима Архипова, по материалам семейного архива прослеживается его работа над первой частью дилогии «У реки Лудзинки». По сохранившимся рукописным материалам анализируется история написания произведения – от первой повести «Бальзагуртъёс» (1945) до публикации книги «Лудзи шур дурын» («У реки Лудзинки»).

***Ключевые слова**: удмуртская проза, Трофим Архипов, текстология, архив писателя, дилогия «У реки Лудзинки».*

Судьба каждого классического произведения, как и судьба его автора, уникальна. Рождение художественного текста и жизнь произведения после издания, его эдиционная практика являются объектом текстологических исследований. К сожалению, очень немногие произведения удмуртских классиков изучены в данном ключе, следует отметить лишь работы А. Ермолаева, В. Кельмакова, В. Ванюшева, Т. Степановой, Л. Федоровой [4; 5; 6; 8; 9; 11; 12; 13: 14], но и они, в основном, посвящены судьбе произведения после публикации.

После смерти писателя изменения и правки в художественном тексте зачастую отдаются на откуп редактору и издателю. В связи с этим особую

* *Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Удмуртской Республики в рамках научного проекта № 18-412-180006.*

значимость приобретают текстологические исследования, главной целью которых является установление и распространение научно выверенных текстов классических произведений, воспроизведение и описание истории их создания.

Работа с архивами писателя, в случае их сохранности, позволяет многое узнать об этапах рождения замысла и написания произведения. В данной статье рассмотрим историю создания первой книги классического, полюбившего удмуртским читателям, произведения Т. Архипова «У реки Лудзинки», путь автора от повести «Бальӟагуртъёс» (1945) до книги «Лудӟи шур дурын» («У реки Лудзинки»), изданной в 1949 году.

Т. Архипов становится известным в литературных кругах республики в 20-х годах прошлого столетия. Как и большинство удмуртских писателей, свой творческий путь он начинает в журналистике и работает в редакциях газет и журналов до выхода на пенсию. В 1928 году по приглашению Кедры Митрея будущий писатель начинает свою писательскую карьеру в редакции газеты «Гудыри». В этом же году на страницах газеты появляется его первый рассказ «Осконлык бордысь» («С веры»). В 1931 году вышла в свет первая в соавторстве с А. Мироновым книга очерков «Межаос гырисько» («Межи распахиваются»). В первый период своего творчества автор отдает предпочтение жанрам рассказа и очерка. В годы репрессий Т. Архипов был сотрудником редакции газеты «Советская Удмуртия», но к жанру очерка вернулся только в годы войны. Над большими произведениями не работал. В 1945 году писатель снова берется за «художественное» перо и публикует в газете «Советская Удмуртия» повесть «Бальӟагуртъёс» [1], которая впоследствии становится основой романа «У реки Лудзинки», изданного в 1949 году под редакцией А. Перевозчикова и Л. Осотовой. Критики дали скромную оценку произведению. Еще долгих девять лет писатель работал над своим произведением. Прежде чем приступить к доработке первой части, в 1957 году Т. Архипов опубликовал вторую часть книги в жанре романа под редакцией В. Г. Широбокова. Следует отметить, что в издании 1949 года жанр произведения не был указан. Станислав Трофимович Архипов, сын писателя, вспоминает, что отец говорил о повести. В 1958 году в свет вышел доработанный и дополненный вариант произведения 1949 года издания. Таким образом, роман становится дилогией. В 1959 году роман впервые был издан на русском языке в переводе Н.П. Кралиной, затем в Москве, в издательстве «Советская Россия», в 1961 году.

Вернемся к истории написания произведения. Рассмотрим повесть «Бальӟагуртъёс», которая, как было сказано выше, стала основой для создания романа. Произведение состоит из пяти небольших глав. В центре повествования – фронтовик, герой-победитель Олексан. В первой части писатель изобразил начало войны: страшная весть рушит привычный ход жизни мирных селян. Во второй – автор знакомит читателя с семьей Олексана, в третьей главе его забирают на фронт. В лирико-драматическом тоне описана сцена прощания с родными. В четвертой части после боя он попадает в плен, жена Анна ждет ребенка. В пятой главе описываются побег Олексана из плена и его встреча с партизанами. Большое внимание уделено переживаниям солдата за сына.

Образ Олексана – воплощение патриотических настроений всего народа. Жена олицетворяет настоящую удмуртскую женщину, жизнь которой полна

глубоких переживаний, страданий, причиной которых стала война. Автор идеализирует Анну, что особенно заметно в портретах героини. В создании образа Олексана автор крайне редко использует описания: его характер и внутренний мир раскрываются через поступки и мысли. Остальные герои занимают в повести незначительное место. Следует отметить и то, что характерными чертами произведений, написанных во время или сразу после окончания войны, являются их небольшой объем и героическое начало в изображении войны. Не стала исключением и повесть «Бальӟагуртъёс».

В домашнем архиве Т. Архипова (год изучения архива – 1998 год) хранятся две папки с материалами по роману, в которых как раз отражается творческий процесс работы над первой частью книги. На обложке первой папки сделана запись «Планы и заметки по Лудзи». Во второй находится беловой автограф текста, изданного в 1958 году, отражающий завершающий этап авторской работы над рукописным вариантом произведения. Нас интересуют материалы первой папки, а именно, путь от газетной повести «Бальӟагуртъёс» до первой книги «Лудӟи шур дурын». Материалы в этой папке не датированы, писатель делает короткие заметки, записи на русском и удмуртском языках. Изучение сохранившихся архивных материалов и источников текста позволяет глубже проникнуть в лабораторию удмуртского прозаика, понять характер его творческих изысканий.

Текстолог П.Н. Медведев в книге «В лаборатории писателя» [10, с. 238], изучив рукописи многих известных русских писателей, выделяет несколько этапов становления произведения. Первый этап – зарождение смысла; второй – формирование произведения (разработка замысла); третий – планировка произведения, обычно совпадающая с кристаллизацией фабулы в ее основных чертах; четвертый – процесс словесного воплощения, начиная с первоначальных черновых набросков, вплоть до его полного канонического текста.

В истории создания повести «Лудӟи шур дурын» аналогичным образом можно выделить некоторые этапы творческого процесса. Первый этап – зарождение замысла. К этому этапу можно отнести создание повести «Бальӟагуртъёс», очерки о тружениках тыла «Калык кужым» («Народная сила») и «Анай» («Мать»), опубликованные в газетах в годы войны и в первые месяцы после окончания войны. Архивные материалы по этим произведениям не сохранились, но в повести остро чувствуются установки времени и соответствующие ему шаблоны в изображении событий и героев Великой Отечественной войны: некоторая «лакировка» событий военного времени, слабый психологизм, иллюстративность, определенная «романтизация» войны.

Второй этап в написании произведения – формирование произведения, который затянулся у Т. Архипова на многие годы: знакомство с реальными людьми и их историями, соотнесение идеи с требованиями времени, сбор фактического материала. Архивные записи писателя можно отнести именно к этому этапу. Все материалы в папке под названием «Планы, заметки по Лудзи» условно можно разделить на две части: «портретные характеристики героев» и «материалы». На листах А4 автор делает записи, касающиеся героев будущего произведения, даёт их списком-столбиком с некоторыми комментариями: *«Олексан, Поярков Илья Васильевич, Таня, Авдеев, Мартынов Андрей Иванович*

(Серые глаза, спрятанные под густыми ресницами), Елизавета Васильевна Воронова, Мария Петровна, Гырдымова Александра (Гырдым Сандра), Ипатов впоследствии пожарный, Кими – Тимофей Иванович Ермолаев, Чумой кенак (Пристальный взгляд, глубоко посаженные глаза), Никитин Федор – тракторист, сын Чумой, Костя Вахрушев, Тарасов Иван – Пичи Иви – механик, Главатских Сергей Николаевич, 2 секретарь, Гл. инженер, Инструктор, Кирилл Кириллович, Князев Аркадий Артемьевич, Зам. секретаря» [3].

Перечень героев напоминает список действующих лиц драматического произведения, в него включены почти все герои задуманной повести. Далее автор дает психофизическую характеристику каждому герою, ищет сюжетные линии, позволяющие глубже раскрыть характер, выстраивает конфликты. Приведем для иллюстрации черновые записи писателя по обдумыванию одного из героев, зафиксированные на русском и удмуртском языках:

«Захар Петров – в районе. Вылаз ку. Мугорыз чиед. С народом грубый, в семье – жесток. Подхалим. Со учке тазьы: ма солы ӟечез луоз. Кышно басьтэ егит нылэз, участница худож. самодеятельности, губит ее. Азьвыл кышнозэ куштэ. Пычасысьсэ – нылпиен. Мальчик с ненавистью к нему. Районын ужез куашкатэм бераз колхозэ ысто. Со мынэ машина понна. «Победа» луоз. Ворттылэ. Кызьы уполномоченнойёсты пӧя Сводки преувеличивает. Поярков разоблачает. Встреча с ним. Агроном лыктэ Коммунист. Захар рядовой колхозник» [3].

(«Захар Петров в районе. В кожаной куртке. Худощавого телосложения. С народом грубый, в семье жесток. Подхалим. Он судит так: какая ему выгода. Берет в жены молодую девушку, участница худож. самодеятельности, губит ее. Бросает первую жену. Пычасскую – с ребенком. Мальчик с ненавистью к нему. После провала дел в районе его направляют в колхоз. Он едет из-за машины. Скоро будет «Победа». Катается. Как обманывает уполномоченных. Сводки преувеличивает. Поярков разоблачает. Встреча с ним. Приезжает агроном. Коммунист. Захар рядовой колхозник).

В описаниях очень много глаголов, автор через действия «планирует» характер будущих героев. Подобные записи сделаны по образам Александра Михайлова, Тани, Ильи Пояркова, Кими, жены Захара, директора МТС, Палаша, Миквор Педора. Постепенно автор визуализирует своих героев, выдуманные персонажи «оживают».

Вторая часть архивных бумаг из папки «Планы, заметки по Лудзи», которую условно можно обозначить как «материалы», содержит небольшие зарисовки, вставки, крылатые выражения и другие заметки. К примеру, на одном из листов А4 автор записал пословицы, которые планировал включить в текст:

1. Одйг кыллэсь кырӟан кылдытыны уг луы (Из одного слова песня не сложится).

2. Бодыен ноку адямиосты уд огазея (Из-под палки людей не объединить).

3. Писэй кышкыт зверь. Нош кин понна? Валаны кулэ. (Кошка – опасной зверь. А для кого? Это еще понять надо).

4. Беркытэз ӵектӥзы, бурдтэм куакаез сётӥзы (После смекнули, что получили ворону без крыльев).

5. Тон паллян пыдысеныд эктыны кутскид. Канжаськод (Ты с левой ноги танцевать пошел, запнешься).

6. Судьба изменчива всегда: то поднимет, то выбросит в пропасть;

7. Одно блюдо, семеро с ложкой [3].

В папке встречаются отдельные листы с пометками на русском языке: «поправить», «добавить», «дальше» и т. п. Приведем для иллюстрации лишь один пример:

«Дальше:

Страдания Тани. Силазэ шедьтэ. Духи зын. Эн вунэты. Кинлэн ке но йыр сынэз шедем...

Куспазы кезьыт йӧ.

Председательысь уг потто. Гурт калык гурезь кадь со пала. Кулэ ӧвӧл мукетыз. Оло, Таня та сярысь малпа. Со пыр, лэся, возьматоно» [3].

(Ищет внутренние силы. Запах духов. Не забыть. Чья-то расческа нашлась… Между ними ледяная пропасть. Не снимают с должности председателя. Народ горой за него. Никого другого не нужно. Может быть показать через размышления Тани).

Встречаются пометки о журналах, актуальных для писателя на тот момент (Парт. Жизнь, № 1, 55 г.; Парт. Жизнь, № 3, 56 г.) [3].

Таким образом, знакомство с черновыми материалами наводит на мысль о том, что план произведения еще не проработан, писатель делает сиюминутные записи, не пытаясь пока создать связный текст. Черновики не датированы и не систематизированы. Некоторые записи кажутся не связанными с произведением. Большое внимание писатель уделяет проработке образов, некоторые из них, по признанию автора, имеют прототипы. Об этом Т. Архипов рассказал во время выступления с лекцией в Университете культуры 11 декабря 1963 года. Писатель сделал такую запись в своем блокноте: «Вас, вероятно, будет интересовать, как я работал над романом "У реки Лудзинки", какие факты, жизненные наблюдения легли в основу произведения? Место действия – моя родина. Природа. Пейзажи. Люди-прототипы, конечно, есть. Но обобщенные. Из нескольких людей. Вот, скажем, Авдеев Федор. Это прототип небольшого, но крепкого колхозника. Ему не хотелось укрупнения. Захар Петров – таких ходячих героев много было. Таня – олицетворение передовой женщины... Я говорил о некоторых типах, прототипах, об отдельных эпизодах. Есть там взятые почти с натуры. Вот скажем, на молотильном току. Факт, как бык гнался за Петровым Захаром. Они никак не могут терпеть запах спиртного...» [3].

К сожалению, в архиве писателя не удалось обнаружить план будущего произведения. Следовательно, информации для описания третьего этапа – планировки произведения (по классификации П.Н. Медведева) недостаточно. Большинство писателей уделяет серьезное внимание именно этому этапу. Из удмуртских писателей, к примеру, Геннадий Красильников, современник Т. Архипова, считая его самым сложным и ответственным, подробно пишет фабулу произведения [См. об этом: 14, с. 185]. Т. Архипов, вероятно, не расписал фабулу будущего произведения, или она не сохранилась. Разрозненные мысли зафиксированы на отдельных листах бумаги, оказавшихся в этот момент

под рукой. По материалам папки можно судить о том, что писатель находился в творческом поиске, процесс подготовки к написанию повести.

Последним этапом создания художественного текста становится словесное воплощение. Объединив свои замыслы, планы и заметки, писатель приступает к написанию повести. Через четыре года Т. Архипов издает книгу «У реки Лудзинки» [2]. К сожалению, пока не найден ни рукописный, ни машинописный вариант произведения 1949 года.

Но есть возможность сравнительного анализа двух опубликованных повестей «Бальӟагуртъёс» и «Лудӟи шур дурын», позволяющего проследить эволюцию замысла, влияние политических и социальных факторов на художественное воплощение идей автора.

Рассмотрим главные отличия книжного и газетного вариантов произведений. Во-первых, изменен хронотоп. В повести «Бальӟагуртъёс» события заканчиваются 1942-м годом, в книге «Лудӟи шур дурын» длятся до 1943–1944 гг. Хотя автор и не обозначает четких временных рамок, это можно понять из текста. Место действия в книге «Лудӟи шур дурын» ограничивается пространством колхоза, тогда как в повести «Бальӟагуртъёс» автор описывает события на фронте и в Германии, когда Олексан был узником лагеря. Во-вторых, фабула произведения тоже претерпевает значительные изменения. В газетном варианте на первом плане герой-победитель, патриот. В книжном – основное место занимает жизнь деревни военной поры, непосильный труд крестьян на благо Родины и скорейшей победы. Значительные коррективы, внесенные автором, прежде всего, связаны с политической ситуацией в стране. Нужно учитывать, что в послевоенные годы отношение властей к солдатам, побывавшим в плену, становится диаметрально противоположным: из солдата-победителя их превращают в предателей и изменников. Наверное, по этой причине Т. Архипов исключил из произведения сюжетную линию, связанную с пленением Олексана. О событиях, происходящих на фронте, читатель узнает из газетных публикаций, с которыми знакомится Илья Поярков, и из небольших газетных фронтовых вестей и зарисовок – внесюжетных элементов повествования.

Автор также реагировал на замечания, высказанные по поводу повести во время обсуждений и в рецензиях, указывавших на то, что Т. Архипов слишком мало внимания уделил работе партийной организации [11]. Сложно сказать, был ли согласен писатель с доводами критиков и студентов. Но в сложное для свободы слова время самым безопасным способом остаться верным самому себе был молчаливый протест или согласие с критиками и доработка изданного произведения. Изучив историю создания архиповского произведения, сложно не согласиться с оценкой Петера Домокоша: «Скованность и судороги времен культа личности еще оставляют следы в некоторых его романах, в частности "У реки Лудзинки", в особенности в первой его части, однако переработанное полное издание уже полностью лишено прежних недостатков, это значит, что творческие, художественные задатки Архипова были способны развиваться только в оптимальных условиях» [7, с. 378]. Дальнейший творческий процесс доработки повести 1949 года издания (сюжетно-композиционные изменения,

развитие характеров, стилистическая правка текста) исследован нами в статье «Бальӟагуртысен Лудӟи шур дурозь» (От деревни Бальӟагурт до реки Лудзинки).

Подводя итоги по изучению сохранившихся архивных материалов и опубликованных произведений Т. Архипова, можно сказать, что основным текстом первой части дилогии «У реки Лудзинки» нужно считать доработанное и дополненное автором издание 1958 года. Последнее прижизненное издание романа опубликовано в издательстве «Удмуртия» в 1985 году.

Литература

1. *Архипов Т.А*. Бальӟагуртьёс // Советской Удмуртия. 1945. 17, 19, 24, 27, 30 окт., 2 нояб.

2. *Архипов Т.А.* Лудӟи шур дурын. Ижевск, 1949. 134 с.

3. *Архипов Т.А.* Лудӟи шур дурын: Нырысетӥ люкетэз. Рукопись // Семейный архив С.Т. Архипова, сына писателя.

* * *

4. *Ванюшев В.М.* Возвращение Г.Е. Верещагина // Известия Уральского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. Екатеринбург: Изд-во Уральского государственного университета. 2010. С. 171–178.

5. *Ермолаев А.А*. «Гвардеецъёс» повесть сярысь // Туннэ но ӵуказе. Удмурт литература сярысь статьяос. Ижевск: Удмуртия, 1984. С. 68–74.

6. *Ермолаев А.А*. Писательлэн главной книгаез, яке кызьы кылдӥз трилогия // Туннэ но ӵуказе. Удмурт литература сярысь статьяос. Ижевск: Удмуртия, 1984. С. 72–78.

7. *Домокош П.* История удмуртской литературы / пер. В. Васовчик. Ижевск: Удмуртия, 1993. 448 с.

8. *Кельмаков В.К*. «Выль» но «вуж» Байтеряков // Удмурт кылосбурлэн йылсо сэрегъёсыз = Острые углы удмуртской филологии. Ижевск: Удмуртия, 2017. С. 397–407.

9. *Кельмаков В.К*. Герд в интерпретации современных удмуртских писателей // Кузебай Герд и современность: материалы Межд. науч.-практ. конф. (Ижевск, 31 марта – 2 апреля 2008 г.). Ижевск: Бон Анца, 2008. С. 48–54.

10. *Медведев П.Н*. В лаборатории писателя. Л.: Сов. писатель, 1971. 319 с.

11. *Самсонов С.* Одйг положительной герой сярысь // Советской Удмуртия. 1950. 9 сент.

12. *Степанова Т.С*. Проблемы текстологии рукописей Г.Е. Верещагина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 7. С. 173–177.

13. *Федорова Л П.* Текстологический аспект изучения творчества Ашальчи Оки // Многоязычие в образовательном пространстве. Вып. 5: в 2 ч. Ч. 2: Французско-удмуртские штудии. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2014. С. 373– 381.

14. *Федорова Л.П*. «Арлэн кутсконэз» романэз гожтон история // Удмуртская литература XX века: направления и тенденции развития = Удмурт литература XX дауре: будон сюресэз но азинскон ӧръёсыз: учеб. пособие. Ижевск: УдГУ, 1999. С. 182–207.

УДК 821.511.151.0

Н.А. Федосеева
МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола)

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ ПЕРЕВОДА В КОНТЕКСТЕ МАРИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Статья посвящена малоизученной теме переводческого процесса в марийской литературе первой половины XX века. Уточняются принципы отбора произведений для перевода, осмысляется культурное значение переводов в развитии марийской словесности.

Ключевые слова: *литературный процесс, перевод, марийская литература.*

История марийской словесности первой половины XX века рассматривалась исследователями прошлого столетия с идеологических позиций, поэтому большинство вопросов остаются до конца не раскрытыми, в том числе и проблемы перевода художественных произведений на марийский язык. Литературоведы затрагивали этот вопрос в контексте изучения творчества марийских классиков [1; 2; 6; 13], но специальных и обобщающих работ, посвященных данной теме, не имеется, кроме как рассмотренных нами некоторых проблем перевода русских поэтов на марийский язык [9; 10; 11; 12].

Переводческий процесс, начатый просветителями марийского народа в XIX веке, имел свое продолжение в начале XX века. Большинство переводных произведений было религиозного характера.

Начало художественного перевода на марийский язык принадлежит П. Эмяшу (Петру Григорьевичу Григорьеву, по рождению Шатров [8, с. 695]), который, по словам поэта Николая Мухина, давал переводить много стихотворений, басен и других произведения из русской литературы [5, с. 6]. П. Эмяш был учителем в Шоруньжинской школе (ныне Моркинского района Республики Марий Эл). Там в то время учился и основоположник марийской литературы Сергей Григорьевич Чавайн.

Следует отметить, что переводы первых двух десятилетий прошлого столетия были свободными. В основном переводили тех русских писателей, чье творчество было близким по духу марийскому народу. Главным образом, это были произведения Александра Пушкина, Ивана Никитина, Николая Некрасова.

В 1930–50-х годах процесс перевода усиливается. Готовили отдельные сборники, посвящали переводу литературные страницы в местной периодической печати по случаю знаменательной даты русских писателей (либо к юбилею со дня рождения, либо к круглой дате со дня годовщины смерти). По всей видимости, это было связано с указаниями властей; об этом может свидетельствовать, например, постановление Совета народных комиссаров за № 1036 от 23 ноября 1940 года об организации перевода и выпуске произведений Лермонтова на марийском (горном и луговом) языках к 100-летию со дня гибели русского поэта [3, л. 6]. Переводы отличались точностью, и некоторые из них сохраняли размер и другие составляющие формы оригинальных стихотворений.

Годы репрессий в марийском крае, как и по всему Советскому Союзу, унесли видных деятелей культуры. В их число попали С. Чавайн, И. Олык, О. Шабдар, Н. Мухин и другие, которые занимались уже профессиональным

переводом. Остались те писатели, которые только-только встали на путь марийской словесности. Произведения репрессированных были изъяты и запрещены. Чтобы заполнить эту нишу, в учебники и учебные пособия по родному языку и литературе начали включать переводные произведения не только классиков русской словесности, но и сочинения представителей других национальностей.

В советскую эпоху государство руководило культурой и литературой, а в 1920–30-х годах были выработаны формы и механизмы государственного влияния на литературные процессы [4, с. 54–55].

Правильно отмечает Е. Остапова о коми переводах, что «первоочередным принципом отбора литературы для перевода было её соответствие революционным преобразованиям» [7, с. 80]. Такая же картина наблюдалась и в марийской словесности. Были переведены революционные марши и гимны, в том числе знаменитый «Интернационал» Эжена Потье.

В связи с этим в литературе развивалась тема руководителей страны; главными героями произведений, конечно же, были Сталин и Ленин. Соответственно создавались произведения, посвященные вождям пролетариата, и параллельно переводились на языки народов СССР. Отметим некоторые из них: Паустовский К. «Файреддин ден Ленин» – «Файреддин и Ленин» (переводчик не указан); Исаковский М. «Мавзолей воктене» – «У мавзолея» (перевел М. Казаков); сказ русского народа «Тыйын сугынет почеш чыла шукталтын» – «По твоему завету все свершилось» (перевел М. Казаков); Сурков А. «Полководец» (перевел М. Казаков); белорусская народная песня «Сталинлан муро» – «Песня Сталину» (перевел А. Айзенворт); удмуртская народная песня «Кече дечат волгыдо» (перевел А. Айзенворт); Д. Джабаев «Великий Сталинский закон» (перевел М. Казаков); Д. Джабаев «Ленинын мавзолейыштыже» – «В мавзолее Ленина» (перевел М. Казаков, на горномарийский – Н. Ильяков); белорусский сказ «Ленинын чынже» – «Правда Ленина» (перевел И. Стрельников); русский сказ «Тыйын оет почеш чыла ышталт шуын» – «По твоему слову все свершилось» (перевел И. Стрельников); саамская народная песня «Сталин пäлä» – «Сталин знает» (переводчик не указан); Михалков С. «Ма гишäннä Сталин шана» – «О нас думает Сталин» (переводчик не указан); Михалков С. «Ленинӹн музейӹштӹ» – «В музее Ленина» (переводчик не указан); аварская народная песня «Тӹиньӹ первый тольыц дä эдемеш лӹымдӹшшӹц» – «Ты первым пришел и назвал человеком» (переводчик не указан); Купала Я. «Сталинлäн» – «Сталину» (переводчик не указан) и др.

Кроме отдельных публикаций в разных сборниках, учебных пособиях и периодической печати, были переведены и изданы отдельными сборниками на марийский (горный и луговой) язык произведения А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Некрасова, В. Маяковского, Т. Шевченко, М. Горького, И. Тургенева и др. Все это свидетельствует о том, что марийская словесность обогащалась и развивалась не в узких рамках, марийский читатель мог знакомиться с иной культурой. В этот период имели место разного характера пересказы, переложения, которые предстоит выявить и оценить, а также раскрыть переводческую деятельность многих писателей.

Литература

1. *Васин К.* М.Ю. Лермонтов да марий литература // Марий коммуна. 1954. 15 окт.

2. *Васин К.К.* Страницы дружбы. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1959. 152 с.

3. ГА РМЭ. Ф. Р–722. Оп. 1. Д. № 4. Л. 6.

4. *Голубков М.М.* Русская литература XX в.: После раскола. М.: Аспект Пресс, 2002. 267 с.

5. *Мухин Н.С.* Ойпого, ойырен налме произведений-влак: почеламут, поэма, пьеса, ойлымаш, публицистика / Г. Г. Гадиатов ямдылен. Йошкар-Ола: Марий книга издательство, 1990. 272 с.

6. *Мухин-Сави В.* С.Г. Чавайн // Тӱҥалтыш ошкыл. Йошкар-Ола, 1975. С. 29–34.

7. *Остапова Е.В.* Перевод в контексте коми литературы 20-х гг. XX века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2008. № 1. Ч. II. С. 80–82.

8. Писатели Марий Эл: биобиблиогр. справочник / сост. *А. Васинкин, В. Абукаев* и др. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2008. 752 с.

9. *Федосеева Н.А.* История перевода произведений М. Лермонтова на марийский язык в первой половине XX века // Языковые контакты народов Поволжья и Урала: проблемы регионального литературоведения и фольклористики: материалы XI Межд. симпозиума. Чебоксары: Чуваш. гос. ун-т им. И.Н. Ульянова, 2018. С. 154–162.

10. *Федосеева Н.А.* К вопросу об истории переводов произведений А.С. Пушкина в марийской литературе в первой половине XX века // «Свое» и «чужое» в культуре: материалы XI Межд. науч. конф. Петрозаводск: Петрозав. гос. ун-т, 2017. С. 116–118.

11. *Федосеева Н.А.* Особенности переводов произведений В. Маяковского на марийский язык в I половине XX в. // Филологические исследования – 2017. Фольклор, литературы и языки народов европейской части России: формы, модели, механизмы взаимодействия: сб. ст. по итогам Всерос. науч. конф. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2017. С. 297–299.

12. *Федосеева Н.А.* Русская лирика в переводах на марийский язык // Актуальные проблемы и перспективы развития русскоязычной литературы в контексте национальных литератур: материалы Всерос. научн.-практ. конф., приуроч. 75-летию со дня рождения Рустема Кутуя (Казань, 9 ноября 2011 г.). Казань, 2011. С. 107–112.

13. *Шабдар О.* А.С. Пушкин марий литературышто // Тӱҥалтыш ошкыл. Йошкар-Ола, 1975. С. 91–98.

УДК 821.511.151

К.А. Фролова

Марийский государственный университет (Йошкар-Ола)

Науч. руководитель: Кудрявцева Р.А. д-р филол. наук, проф.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОМЕДИИ Г. ГОРДЕЕВА «СОЛОВЬИНАЯ ТРЕЛЬ... ТИХИЙ ВЕЧЕР...»

В статье анализируются художественные особенности лирической комедии марийского драматурга Геннадия Гордеева «Шӱшпык муро... умыр кас...» («Соловьиная трель... тихий вечер...»). Обращается внимание на пафос, хронотоп, поэтику ремарок и некоторые особенности языка произведения.

Ключевые слова: *марийская литература, Геннадий Гордеев, лирическая комедия, пафос, поэтика, хронотоп, ремарка, язык произведения.*

Художественные особенности пьесы «Соловьиная трель... тихий вечер» во многом определяются ее жанровой спецификой. Жанр гордеевского произведения – это лирическая комедия.

В комедии, как правило, воспроизводятся и высмеиваются недостатки общества [см.: 3, с. 20]. Говоря об особенностях комедии с лирической направленностью, исследователи обычно отмечают следующее: лирическая комедия проникнута «симпатией к персонажам, где простейшие забавные ситуации касаются исключительно нравственных, но не социальных проблем. <…> Такие веселые непритязательные истории, часто – водевильного характера, – выполняли своеобразный "социальный заказ" массового зрителя» [4]; лирическая комедия – это «комедия, которая сдобрена элементами мелодрамы, упор делается на чувствах, персонажи не столь сумасбродны» [1].

Действительно, традиционным пафосом лирической комедии является не сатира или ирония, а юмор; основное место в произведении занимает не действие, а эмоциональная сфера человеческой жизни.

Такая художественная доминанта прослеживается и в пьесе Г. Гордеева «Соловьиная трель... тихий вечер...». Ведущий эмоциональный тон в произведении – это юмор («порын воштылмо йӧн» [3, с. 29]), сочетающийся с романтикой, которая не противоречит художественной природе лирической комедии. Четко прослеживаются авторские идеалы, связанные с состоянием человеческой души. Отсюда неудивительно то, что автор большое внимание уделяет переживаниям персонажей, их саморефлексии: «*…(шӱлыкын.) Пеш ужым. Нуным ончен, чонем шортын кодо»* [2, с. 344]; «*Титакым ыштышым шол. Кенеташте мо ияже чонем тунаре чыгылтен колтыш − шоналтенат шым шукто, иканаште куржын тольым... Кызыт толмо ок кӱл ыле... Титакым ыштышым... (Тупшым кученак, урем гоч эртен, мӧҥгыжӧ пура.)»* [2, с. 347].

Лирической комедии не свойственен масштабный хронотоп. Так и в пьесе Г. Гордеева, в котором время действия предельно ограничено – тремя днями. В начале произведения действие происходит ночью, о чем мы узнаем из реплик Такины: «*Йӱдрӱдыштӧ кӧ шӱрым шолта?!»* [2, с. 318]; «*Вашке» манеш, пелйӱд эртен»* [2, с. 321]. Затем даются события следующего дня. В этот день к своему дяде Йынати приезжает Эльвира: «*Тевыс толын лектым. (Йынати деч корамҥын, йырже веселан пӧрдын савырна.)»* [2, с. 329]. Приближение действия к полудню подтверждается словами Йынати: «*Садымак, манам, кайыза веле, уке гын шагат-кокыт гыч кол чӱҥгымым чарна»* [2, с. 334]. Далее автор воспроизводит ночную встречу Йынати и Такины, о которой они договаривались заранее. О наступлении ночи читатель узнает и по звездам на небе: «*А кӱшнӧ шӱдыр ала-кӧлан пиалым сӧрен чӱчка»* [2, с. 337]. Утро следующего дня начинается диалогами Эльвиры и Нади, спешащей к реке, чтобы искупаться. Вопросы Эльвиры: *«Надя, тый кушко?»*; «*Тыгай эрдене?»*. Ответные фразы Нади: «*…(кукшын). Энер деке, йӱштылаш»*; «*А мо вара?»*. В этот день Мичу приходит в дом к Наде, завершаются события уже в сумерках – их свадьбой.

Место действия – это, главным образом, дома Такины и Йынати. Описание их взаимоувязанное, помогающее автору раскрыть душевное

состояние этих персонажей, их привязанность друг к другу: «*Лиеш, но чон кумыл дене кӱлеш, ваче-ваче, вычыл-вычыл. (Такина деке пызна.) Тыгеракын»* [2, с. 319].

О месте действия мы узнаем через ремарку. Так, в начале пьесы автор представляет такую деревенскую картину: «*Ялысе пошкудо кок сурт. Ик велыште Такинан пӧртшӧ, весыште − Йынатин. Кок суртын кок кудывечыжым покшеч лопкарак савар авыра. Шып пеле пычкемыш йӱд. Шӱдыр-влак чолгыжыт, тылзе шыргыжеш. Теве саварыште ик оҥа «кочири-ик» шоктен тарваналта, рожышто Йынатин вуйжо коеш. Йынати шекланен ончыштеш, толашенак, йышт Такинан кудывечышке вонча, лӱдын чарналта, йыр ончыштеш. Такинан окнаж деке мия, яндам пералта да пӧрт лукыш чакналта. Пӧртыштӧ тул чӱкталтеш, окна почылтеш, Такина койылалта»* [2, с. 317]. Цель этой ремарки не только описание обстановки действия; в ней мастерски соединены деревенский пейзаж, элементы интерьера и эмоциональная сфера автора и его персонажей. В результате ремарка превращается в лирическое описание деревенского быта, а комедия приобретает лирический характер: *лопкарак савар, шып йӱд, шӱдыр-влак чолгыжыт, тылзе шыргыжеш, оҥа тарваналта*. Заканчивается пьеса также лирически окрашенной ремаркой: *«Йынати чоян Такина пелен пызна. А сем тугаяк шергылтеш, самырык-влак сем почеш куштат. Теве эркын рӱмбалга, куштымо семым йырым-йыр шӱшпык муро алмашта»* [2, с. 361].

Соединение юмора и лиризма отмечено и в ремарках, представляющих персонажей – особенности их характера или их психологическое состояние: «*(Надям вачыж гыч куча, утыр ылыжеш.) Тугеже тый йӧратен шынденат? Вот здорово»* [2, с. 329]; «*…(иралтын). Кузе-кузе... От тогдае пуйто...»* [2, с. 318]; «*… (чон йӧсын). Ачай, мом ойлыштат?! Чарне!»* [2, с. 328]; «*…(кумыл волен). Тугеже "огымак" манат?»* [2, с. 319].

Созданию юмористической линии повествования способствуют не только смешные ситуации, но и языковые приемы комического. Приведем для примера слова Йынати: *«...(Такина почеш куржеш). Шайтан, нунышт тыгай йӱдыштӧ мом ыштыл коштыт?»* [2, с. 321]; «*Тудо тыйын кӱч пырчетымат ок шого. Тый мыйын шӧртньӧ улат, а тудо шадыртан...»* [2, с. 346].

Юмор создается и за счет употребления персонажами в марийской речи русских слов*: «Келшыш веле мо, эше кузе чот − просто чудесно!»* [2, с. 340]; *«Муро − кӧргыштем» − прелестно каласыме!.. (Вуйжым Мичун вачышке пышта.) Палаш ыле: кӧргыштет кызыт могай муро йоҥга?»* [2, с. 341].

Лирическая тональность в изображении персонажей, как правило, создается с помощью многочисленных тропов. Эпитетов: «*Лиеш, но чон шокшо кумыл дене кӱлеш, ваче-ваче, вычыл-вычыл. (Такина деке пызна.) Тыгеракын»* [2, с. 319]; «*Ты ныжыл, шерге шомакым тый дечет эше нигунамат колын омыл»* [2, с. 322]; «*…(изиш шӱлыкын ешара.) Тугеже умыр касна пытыш»* [2, с. 323]. Метафор: «*…(утыр ылыжын ойла.) Умылет, куатле шижмаш дене чонем йӱла, чоҥештымем шуэш. Але вара илышыштем кеч ик гана шулдыран лийымем ок шу, але вара кеч ик гана кумылемым кӱшкӧ-кӱшкӧ ынет нӧлтӧ?»* [2, с. 326].

Пьеса «Соловьиная трель... тихий вечер...» насыщена недосказанными предложениями, скрывающими эмоции персонажей, что, безусловно, усиливает лирический тон произведения *«Уло кумылын тудын дене лыжга шомакым ваштaлташ вашкем, а тудо...»* [2, с. 319]; *«Ынде йӱд...»* [2, с. 321]. Автор часто обращается к экспрессивной речи, содержащей междометия: «…*(тудат куштылгын шӱлалта). Э-э-эх, касше могай тымык, умыр...»* [2, с. 318]; «…(*шыргыжалеш). Хе, шонен луктат огыл-ла тӱрлыжым. А мыйын чонемлан гын таче нимучашдымын ласка. Эх, Такинанжат, эре тыге лийже ыле»* [2, с. 337].

Итак, поэтика и стилистика пьесы Г. Гордеева «Соловьиная трель... тихий вечер...» тесно связаны с жанром произведения (лирическая комедия); в ней мастерски соединены юмор и лирическая тональность; произведение отличают хронотопическая простота, эмоциональная насыщенность повествования и характеров, лирический язык.

Литературы

1. Антон Павлович Чехов – изучаем в школе. Основные понятия // URL: http://chehov155.blogspot.com/p/blog-page_19.html (дата обращения: 10.05.2020).

2. *Гордеев Г.* Ял ӱмбалне − мужыр йӱксӧ: пьесе-влак. Йошкар-Ола: Марий Эл Республик писатель ушем, 2016. 400 с.

3. *Кудрявцева Р.А., Рябинина М.В.* Словарь литературоведческих терминов на марийском языке для общеобразовательных школ – Школлан марла сылнымутшанче мутер. Сыктывкар – Ижевск – Йошкар-Ола – Саранск – Бадачоньтомай, 2011. 80 с.

4. *Шабалина Т.* Комедия // Энциклопедия Кругосвет: универсальная научно-популярная энциклопедия // URL: https://www.krugosvet.ru/enc/literatura/komediya (дата обращения: 10.05.2020).

УДК 821.511.151

А.В. Четкарева
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)
Науч. руководитель: Бояринова Г.Н., канд. филол. наук, доц.

В. ИВАНОВЫН «САСКАВИЙ» ПОВЕСТЬШЫН ПРОБЛЕМЕ КЫШКАРЖЕ

В статье рассматривается проблематика повести марийского писателя В. Иванова «Саскавий». Выделены такие типы проблематики, как социокультурная, романная (идейно-нравственный подтип), национальная и философская. Анализ каждой проблемы подтверждается примерами из текстового материала.

***Ключевые слова**: В. Иванов, повесть, проблематика, герой, контраст.*

Вениамин Михайлович Иванов – марий калыкын уста писательже. Тудо сылнымут пашажым тӱрлӧ жанрыште шуктен шоген: роман, драме, повесть, ойлымаш, очерк, почеламут. Писательын возымо стильже онай: произведенийлаже тӱрлӧ тематикан улыт, сылнылык шотышто ойыртемалтыт, кугу лиризм кумыл дене сералтыныт. В. Иванов возымаштыже тӱрлӧ проблемым нӧлта. Тидыже тудын «Саскавий» повестьыштыжат палдырна.

Статьяштына повестьым проблеме кышкар могырым келгынрак лончылен лектына. «Саскавий» повесть самырык ең, Йынашын, чон почын каласкалымыж семын чоҥалтын. Проблеме кышкар могырым ончалаш гын, произведенийысе событий-влак тӱҥ шотышто Йынаш да тудын йӧратыме айдемыже-влак йыр пӧрдыт, сандене повестьыште нӧлталме проблеме-влак илышын тӱрлӧ шӧрынжӧ дене кылдалтыныт. «Проблематика – это сфера, в которой проявляется авторская концепция мира и человека, где запечатлеваются размышления и переживания писателя, где тема раскрывается под определённым углом зрения [1, с. 43]. Тугеже проблематике семын писательын илыш реальностьым кузе умылымыжым шотлыман.

«Саскавий» повестьыште прозаик тӱрлӧ проблематикым почын ончыкта. Тиде социокультурный, романный да национальный. Социокультурный проблематике – тиде обществыште пенгыдемдалтше кыл, посна обществыш пурышо ең-влакын илыш радамышт ден илыш условийшт, тыгак тудо быт, еш илышыште палдырнен кертеш.

Чыла тидым повестьыштат ужаш лиеш. Тушто ончыктымо событий-влак 1960-шо ийлаште колхозышто вияҥыт, марий ял илыш радам тӱрлӧ могыр гыч почылтеш. Тидыжым тӱҥ шотышто Йынаш ден Саскавийын ешыштышт ужына, тыгак нунын ача-аваштын илыш пӧрдемышт гочат. Повестьыште Поланурысо «Маяк» ден Корембал ялысе «Ончыко» колхоз-влак нерген каласен кодымо. Ял калык колхозышто пашам тыршен ышта, тудым нӧлташ уло вийым пышта. Повестьысе героиня, Саскавий, ондак «Ончыко» колхозышто тырша. Латиндеш ияш ӱдырым колхоз председатель бригадирлан шогалтынеже улмаш. Вара, Йынашлан марлан лекмекыже, тудо пошкудо ялыш илаш кусна, тусо «Маяк» тӱшка озанлыкыште тыршаш тӱҥалеш. Ӱдыр моткоч чолга, нимогай паша дечат огеш лӱд, сандене тыште тудлан бригадир сомылым кучыктен пуат, молан манаш гын ончычсо бригадирже шот дене пашам ыштен огыл.

Йынашат, колхозышто нелылык деч лӱдын шоген огы. Но геройын ачаже ден аваже йӧршын вес шонымышан улыт. Нуно шке сурт-оралтыштым тӱҥ верыш шындат, мӧҥысӧ пашам гына шот дене ыштат, личный илышышт мер илыш деч ӧрдыжтӧ. Нунын шонымышт почеш колхоз ешлан кугу пайдам ок кондо. Тыгай койыш поснак тыгай эпизодышто сайын палдырна: Йынашын ачаже плотник-влакым Пантелей кугызалан мончам ышташ нангаен, но ты жапыштак колхозышто шурно клатым леведаш кӱлын улмаш, вет уржа-сорла пагыт шушаш. Мончам ышташ кайыме амал сайын палыме: плотник-влак кужу тенге почеш каеныт. Ты сӱрет ончыкта: калык кок тӱшкалан шелалтеш. Иктышт колхоз верч улыт, эреак пашам ыштен, тыршен, пайдам конден шогат, вес тӱшкаже, мӧнгешла, шкаланже гына сайым ышташ шона, колхоз да колхоз калык нерген пешыже ок шоно, шке поянлыкышт верч гына тургыжланат.

В. Иванов повестьыште еш илышымат контраст йӧн полшымо дене ончыктен. Ончалына кок тӱҥ геройын ешыштым: Саскавийын да Йынашын. Самырык ӱдыр сӱан кече марте шке шочмо суртыштыжо аваже дене пырля илен, ачажын ӱмыржӧ эр кӱрылтын. Аваже ден ӱдыржӧ коклаште вашумылыдымаш лийын огыл, нуно икте-весым эреак пагаленыт, чоным почын пуэн кутыреныт.

Йынашын ешыштыже гын ача-ава да икшыве коклаште кыл тыгай лийын огыл. Рвезын ешыштыже патриархальный койышым ужына, тошто семынак ача

– ешын вуйжо, сандене Йынашын изиж годсекак чылажат ачажын кӱштымыж семын лийын. Йынаш школ деч вара тунемаш каяш шонен пышта, ачаже тудым чара, ик ий гыч армийыш кайман манеш. Вара Петр кугыза эргыжым библиотекарылан шогалта, молан манаш гын книгагудышто паша куштылгырак, колхозысо гай огыл, эшеже рвезе тыште пашадарым налеш, а колхозышто тудыжым огыт тӱлӧ, пашакечым гына шотлат. Но палемден кодыман: Йынаш ача-аваж гай огыл, тудын чонжо яндар, Саскавийын гай, садлан нуно икте-весе деке шӱманғыныт.

Романный проблематикыште посна личность, тудын койыш-шоктышыжо тӱҥ верым налеш. Тыште геройын вашталтмыже, тудын философий шотышто келгеммыже ончыко лектеш. Чыла тидым повестьыште Йынашын вашталт толмаштыже ужына. Латиндеш ий марте рвезе шкаланже шке оза лийын огыл, эреак ачаже пытартыш мутым кучен. Йынаш ачаже дене келшен огыл гын, Петр кугыза пенгыдын гына кычкырыл пуэн: *«Шыплане, йоча! Мом ышташ – шке палем!»* [2, с. 4]. Йынашын аваже шке шочшыжым ачаж деч арален ок нал, пелашыжын могырышкыжо гына шогалеш. Тыге Йынаш изи годсекак ача-аван кӱштымӧ почеш илен, кузе нуно каласат, туге лийын.

Но рвезе кушкеш да шке семын илаш шона. Эн ончыч тудо Саскавийым марлан налмылан тореш лиеш, но ачаж ден аваже тудым сеҥат. Вара самырык марий ватыжлан мӧнгысӧ сомылым ышташ полша: вӱдым мончаш олташ нумалеш, тувыр-йолаш шӱялташ памашыш пырля вола. Чыла тидым суртоза ден пелашыже огыт умыло, эргыштым шылталат.

Кульминацийым автор повесть мучашыш шында. Йынаш шке шочмо пӧртшым коден кая. Тудо ача-ава сурт гыч шке йӧратыме айдемыж деке лектын кая. Ик волгыдо чон тыгаяк яндар, волгыдо чонан айдемым ойырен налеш, вет тудлан материальный погын, поянлык илышыште эн кӱлешан огыл. Тыге самырык рвезе шке ойжылан оза лиеш, икымше келге илыш ошкылым ышта. Ме ужына, Йынаш тӱрлӧ шотышто шонкала, илышым вискала, кок еш позицийым умылаш тырша, шке ойышкыжо возеш.

Национальный проблематике «Саскавийыште» моткоч сайын палдырна. Ме марий ял илышын ойыртемжым ужына, йӱла дене кылдалтше сӱрет-влак нерген пален налына. Тыште у илышын толмыжо да тошто семынак йӱлам кучымо ваш шогат. Кунам Саскавийым марлан налме нерген мут лектеш, Йыныш тыгерак каласа: *«Ачий, тулартен ида кошт, тиде тошто койыш»* [2, с. 11]. Тышеч раш коеш: рвезылан тыгай йӱла ок келше, молан манаш гын тиде Саскавийым сырыктен кертеш. Тыште ме весымат шотыш налшаш улына: повесть соцреализм озаланыме жапыште возалтын, тунам тошто йӱла ваштареш шогымо пагыт лийын.

Сӱаным марий калык ойыртемын эртара. Повестьыштат сӱан дене кылдалтше ужаш-влак ончыкталтыт. Мутлан, Марья кока, Саскавийын аваже, савуш ден Йынашым вигак пӧртыш ок пурто; каче самырык ватыжым ача-аван суртышкыжо пуртымо деч ончыч ковёрыш, а тушкыжо шӱльым опталме, тыгыде оксам кудалтыме, шогалта; Саскавий сӱан вашеш Йынашын родо-тукымжылан пӧлек семын вургемым ыштен ямдылен. Чылажат марий йӱла почеш келыштаралтеш. Но самырык-влак тошто марий йӱлам пешыже кучаш огыт

вашке, нунын шонымаште ешыште вашумылымаш, икте-весым пагалымаш лийшаш, вет тиде гына йӧратымаш шӱлышым арален кодаш полша.

Философский проблеме айдеме илышын тӱрлӧ шӧрынжым почын пуа. Тыште ме айдеме да паша, тудым йӧратымаш, илышыште вашумылымаш ден йӧратымаш кумылын кӱлешлыкшым ужына. Тидыже тӱҥ герой-влакын илыш историйышт гоч почылтеш.

Иктешлен каласаш гын, тыге палемден кодена: «Саскавий» повестьыште проблематикын тӱрлӧ типшым ончыкташ лиеш: романный, тудын идейно-нравственный подтипше, национальный да философский. Вениамин Иванов нине йодыш-влакым самырык да илалше тукым коклосе ойыртем гоч ончыкташ тыршен: Йынаш ден Саскавий – Йынашын ача-аваже. Нине герой-влакын койыш-шоктышышт гоч кӱшнӧ ончыктымо проблематике сайын почылтеш.

Литератур

1. *Есин А.Б.* Принципы и приёмы анализа литературного произведения: учеб. пособие. 6-е изд. М.: Флинта: Наука, 2004. 248 с.

2. *Иванов В.* Саскавий. Йошкар-Ола: Книгам лукшо марий издательство, 1962. 84 с.

УДК 82.09:821.511.152

С.В. Шеянова, Н.И. Ермина
НИ Мордовский государственный университет
имени Н.П. Огарёва (г. Саранск)

ТЕМА СЕМЬИ В РАССКАЗАХ А. БРЫЖИНСКОГО: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья посвящена изучению современной мордовской прозы в аксиологическом аспекте, выявлению особенностей репрезентации семейно-брачных отношений в рассказах А. Брыжинского, что позволяет определить эстетический идеал автора, а также актуализировать нравственно-этические ценности современного общества.

Ключевые слова: *мордовский рассказ, А. Брыжинский, семейные ценности, аксиологический дискурс.*

Общественно-политические трансформации рубежа XX–XXI веков привели к тому, что национальная литература «становится открытым социокультурным пространством», «своеобразным индикатором ценностного состояния общества» [3], доминантой, которая актуализирует вневременные духовные ценности как «опорные позиции жизненного уклада» [3] личности, выступает своеобразным средством защиты социума от аксиологического нигилизма, духовного кризиса.

Особое место среди традиционных ценностей занимают семейные ценности, что обусловлено социообразующей ролью семьи, призванной быть «действенным инструментом гуманизации и консолидации общества, социализации личности, преодоления межнациональных конфликтов, достижения гражданского согласия, толерантного взаимодействия в

поликультурном социуме» [1]. В связи с этим острейшие проблемы института семьи становятся объектом исследования не только социологов, психологов, но и литераторов, которые выстраивают художественные модели семейно-брачных отношений, осмысливают факторы формирования семейных ценностей и их рецепцию персонажами.

Тема семьи – одна из доминирующих в творчестве эрзянского писателя А. Брыжинского, о чем свидетельствуют его рассказы, включенные в сборник «Костер души» [2], роман «У любви краски свои». Понятие семьи у автора ассоциируется с продолжением рода, а концепты «семья», «дом», «родство» гармонично коррелируют в идейной ткани произведений.

В процессе раскрытия семейных взаимоотношений А. Брыжинский выступает за идеал крепкой, сплоченной семьи, основанной на многовековом нравственном опыте народа. Герои его рассказов являются представителями современного общества, в сознании которого образ традиционной семьи трансформируется, ее значение девальвируется, однако они живут с опорой на общепринятые нормы морали, а значимость семейного долга воспринимается ими на уровне генетической памяти.

В рассказе «Семь раз отмерь – один раз отрежь» главный герой Семен Паршин оказывается в сложной жизненной ситуации, ему предстоит выбор ценностно-жизненной перспективы – или комфортное сосуществование с возлюбленной, или жизнь в семье и выполнение отцовского долга. Мужчина глубоко переживает сложившуюся ситуацию, он не может совладать со своими эмоциями, сделать выбор, разорвать отношения ни с женой, ни с любовницей. Осмысление героем своей судьбы основано на аксиологической смысловой антитезе: с одной стороны, эгоизм, желание уйти от семейных проблем в бурную личную жизнь, с другой, осознание своей ответственности перед близкими. Избежать трагической ошибки, сделать правильный выбор – сохранить семью, не нарушить важнейший нравственный закон – герою помогла история его друга. В этом рассказе А. Брыжинский воплощает этические принципы мордовского народа, согласно которым мужчина, продолжатель рода, несет ответственность за свое потомство, его воспитание и благополучие.

Рассказ «На седьмом небе» построен на психологической антитезе, автор описывает амбивалентные интенции Ивана Мекшина, особое внимание уделено раскрытию ценностных приоритетов героя. Мекшины женаты много лет, успели разочароваться в супружеских отношениях. Недопонимание в семье усугубляется отсутствием детей. Это обстоятельство выводит героя из душевного равновесия, порождает в нем чувство нереализованности, физиологической неполноценности, которое передается посредством саморефлексии, критического отношения к себе, осознания иллюзорности будущего семьи.

С рождением сына психологическое состояние Ивана стабилизируется, меняется его самооценка. Прозаик эмоционально тонко, трогательно передает чувства мужчины посредством приема *параллелизма. Природа аккомпанирует восторженному состоянию героя. «Услада переполняет его душу, радость не вмещается в груди, пытается вырваться наружу. Появилось страстное желание поделиться своими чувствами с кем-то из знакомых, запеть громким*

голосом, как в детстве прыгать от радости, кружиться в вихре вальса. <…> Казалось, что все вокруг озарено ярким светом, при встрече с ним окружающие разделяют его волнение. Даже птички, щебечущие на деревьях, радуются случившемуся событию» [2, с. 365– 366]. Мекшин испытывает психологическое перерождение, его сомнения, неудовлетворенность сменяются многообразием положительных эмоций. В данном рассказе автор проводит мысль о предназначении мужчины – продолжателя рода, манифестирует отцовство как высшую ценность.

Рассказ «Костер души» построен на ретроспективных размышлениях Юрия Ведяшкина о перипетиях его семейной жизни. Автор эксплицитно воссоздает психологическое состояние героя, узнавшего об измене жены: *«Порой приходят мысли покончить с собой. Жизнь превращается в густое, холодное, черное облако, ничто не радует, душа разрывается на части. Он ходит словно тень, никого не замечая вокруг, больше молчит»* [2, с. 369]. На определенное время душевная боль утихает, но забыть предательство Юрий не может. Это свидетельствует не о слабости его натуры, а о прочном моральном стержне. В авторской концепции каждый мужчина достоин стать счастливым мужем и отцом. Как семьянин Юрий реализует себя в отношениях с другой женщиной, за что не вызывает осуждения со стороны читателя.

В рассказе «Письмо матери» нет открытого противопоставления нравственных принципов. Конфликт возникает между самыми родными людьми – матерью и сыном. Сюжетные движения произведения фиксируют сложные человеческие взаимоотношения, поведение героев, поиски ими путей самореализации, их духовно-нравственный потенциал. Степан Кильдишкин, главный инженер завода, уважаемый человек, хороший семьянин, на первый взгляд вполне счастлив и ничем не обеспокоен. Однако никто не знает о том, что мужчина переживает из-за испортившихся отношений с матерью, которая воспитала его одна, приложила к этому все свои силы. Уже несколько лет мать и сын не общаются друг с другом. Степан неоднократно хотел навестить мать, но понимал, что, пока она желает вырвать его из семьи, стремится управлять его жизнью, взаимопонимания между ними не будет. Оторванность от матери, переживания о ней, неудовлетворенность сложившимися отношениями подорвали здоровье мужчины. Получив письмо от матери, в котором она просит прощения, он так расчувствовался, что попал в больницу. Позиция автора неизменна. Он ратует за сохранение традиционных семейных ценностей, гармоничное существование представителей разных поколений одной семьи, уважительные взаимоотношения между ее членами.

А. Брыжинский моделирует различные варианты семейных взаимоотношений, часто они строятся на аксиологической смысловой антитезе: с одной стороны, эгоистические интересы персонажей, стремящихся устроить личную жизнь, с другой, интересы семьи, ответственность перед близкими. Поляризация обстоятельств дает возможность автору констатировать необходимость соблюдения нравственного закона, утвердить традиционные семейные ценности – супружескую верность, осознание ответственности мужа и жены по отношению друг к другу, счастье материнства и отцовства, воспитание детей в соответствии с народными этическими нормами.

Литература

1. *Борисенков В. П., Гукаленко О. В.* Институт семьи и семейная политика в современной России: проблемы, тенденции и перспективы // Вестник Евразийской науки. 2014. № 5 (24). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/institut-semi-i-semeynaya-politika-v-sovremennoy-rossii-problemy-tendentsii-i-perspektivy (дата обращения: 26.08.2020).

2. *Брыжинский А.* Костер души: роман и рассказы. Саранск: Изд. дом «Книга», 2010. 392 с.

3. *Фунтова Д. А.* Ценностное пространство культуры через призму современной русской литературы // Вестник культуры и искусств. 2018. № 1 (53). С. 68–75. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnoe-prostranstvo-kultury-cherez-prizmu-sovremennoy-russkoy-literatury (дата обращения: 25.08.2020).

РАЗДЕЛ III. ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ФОЛЬКЛОРА И ФОЛЬКЛОРНОГО ИНТЕРТЕКСТА В ЛИТЕРАТУРЕ

УДК 821.511.131

А.А. Арзамазов
Удмуртский институт истории, языка и литературы
УдмФИЦ УрО РАН (г. Ижевск)

ПОЭМА АНДРЕЯ ТАРХАНОВА «ПЕПЕЛ СВЯЩЕННОГО БОРА»

Статья посвящена рассмотрению поэмы Андрея Тарханова «Пепел священного бора». Устанавливаются основные художественные особенности, выявляется фольклорно-мифологический план произведения, определяются его образно-символические доминанты.

***Ключевые слова**: мансийская поэзия, мифологический пласт, образно-символическая система, поэма.*

Андрей Семенович Тарханов (1936–2017), несмотря на статус русскоязычного писателя, безусловно, вписан в мансийскую художественную традицию, оценивается как мансийский национальный поэт. Биография Тарханова типична для представителя первого поколения этнической интеллигенции в СССР. У рожденного в отдаленном таежном поселении молодого человека была возможность учиться, расширять свои профессиональные навыки. Возвращение на историческую родину, творческая реализация среди «своих», выход на уровень интенсивной межкультурной коммуникации – почти обязательные этапы выстраивания жизненного пути национального писателя. Тарханов сначала хотел стать учителем (окончил Ханты-Мансийское педагогическое училище и даже успел поработать в школе). Учеба в Ленинградском педагогическом институте имени А.И. Герцена «предложила» иной сценарий движения – Тарханов все больше осознавал свое литературное предназначение, уверенно начал делать литературную карьеру, еще при жизни получил широкую известность.

Андрей Тарханов – автор многочисленных поэтических сборников: «Зеленый дождь» (1975), «Праздник грома» (1981), «Морошковое лето» (1985), «Пасхальный день» (1993), «Поющие молнии» (2001), «Исповедь язычника» (2001), «Флейта иволги зовет» (2013) и др.

Перу Андрея Тарханова принадлежит и несколько поэм. Пожалуй, наиболее известная, интересная поэма «Пепел священного бора», написанная во второй половине 1970-х годов. Мансийский поэт не мог проигнорировать этот сложный жанр, почти обязательный для национальных писателей крайнего Севера и Дальнего Востока. Лиро-эпическое «воздействие», по всей вероятности, оказывало и творческое наследие классика Ювана Шесталова, поэмы которого получили значительное признание не только в СССР, России, но и за рубежом.

Рассматриваемое произведение состоит из пяти частей, а также пролога и эпилога. В центре сюжета – события из реальной жизни. Пожар уничтожает родовое поселение Андрея Тарханова: *«Семь священных обгорелых лиственниц – это всё, что осталось».* Лирический герой – фактически биографический автор – переживает трагедию потери дома и становится старым в двадцать лет:

Деревенька сгорела моя,
В двадцать лет удивительно старый
Я стою у седого ручья… [1, с. 302]

Вода – стихия, не поддавшаяся огню. Для героя вода ручья становится сакральной: в ней отражаются счастливое детство, еще «живой» дом, который уже не возродить из пепла. Символ пепла проходит через всю поэму – он объявляется оберегом, называется «священной солью» родной земли. Случившийся пожар связывается с вторжением чужого мира – мира безответственных манкуртов, шальных денег нефти, в котором не уважают законы природы и не считаются с обыкновениями аборигенов. В стане врагов оказываются и свои, земляки, соблазненные легким достатком, иллюзорными перспективами северного благополучия. Эту экзистенциальную измену олицетворяет собой персонаж по фамилии Бугров. Его возвращение в поселение, «пьяные игры» с огнем стали причиной страшного пожара.

Важное место в структуре поэмы занимают сцена моления, описание мистического пробуждения мансийского идола. В молении древним богам принимает участие отец лирического героя – носитель традиционного мировоззрения манси. Он произносит молитву, представляющую собой художественно отшлифованный пример кодифицированной фольклорно-мифологической речи. Таких символически концентрированных текстов в поэзии Тарханова немного:

Пася, добрый сородич великого Нуми,
Речка Ил стала щедрой, как ты наказал ей.
От смородины черной она почернела,
От смородины красной потоки румяны.
Даже стерлядь из сора сюда приплывала.
Сеть мою, остроносая, спутала сильно.
Но улов был, признаюсь, сегодня счастливым.
Помасипа! Помасипа!
Кара-йю! Кара-йю!
Я тревогу принес тебе, добрый хозяин.
Ворон с крыши амбара кричал на кедровник,
Ворон трижды в окошко глядел мое ночью…
И закат был багровым, как спелая клюква… [1, с. 306]

Приводимые строки в некотором роде могут расцениваться как высшая степень авторского проявления этнопоэтики. Это тот нереализованный сценарий творческого развития, который мог бы существенно повысить художественную ценность, привлекательность поэзии Тарханова.

Один из ключевых эпизодов поэмы – пожар. Сцена его изображения устроена достаточно сложно. К визуальным впечатлениям добавляются эмоции

и реплики актантов, вербализованные реакции автора. Таким образом достигается эффект разноуровневой, разносторонней репрезентации катастрофы.

Важный пласт произведения «Пепел священного бора» – поэтическая «экранизация» психологически уязвленного, раскаявшегося человека. Автор «вживается» в поток сознания отрицательного персонажа Бугрова, выводит на всеобщее обозрение его внутренние, полные противоречий монологи, регистрирует серьезные изменения в поведении, свидетельствующие о глубинном разладе с самим собой. Несколько разочаровывает финальная часть поэмы, «отравленная» фальшивыми интонациями, «примирительными» заявлениями. Скрепляющий все части поэмы конфликт «своего» и «чужого» рассыпается, утрачивает смысл актуализации.

В целом, «Поэма священного бора» – одна из художественных вершин А. Тарханова. Показательно, что и в случае с мансийским поэтом срабатывает проверенное и на других национальных поэтах циркумполярной зоны правило – лиро-эпические формы в измерении литературного качества «перевешивают» обычные стихотворные тексты.

Следует подчеркнуть, что в литературных традициях народов Крайнего Севера и Дальнего Востока наблюдается повышенное авторское внимание к жанру поэмы. По-видимому, данная тенденция может быть обусловлена стремлением со стороны авторов заполнить «эпические пробелы» интенсивно развивающейся национальной литературы, их творческим желанием вступить в диалог с большой эпической традицией народов Сибири.

Литература

1. *Тарханов А.* День боренья: Стихи, поэмы. Екатеринбург: Средне-Уральское кн. изд-во, 2005. 319 с.

УДК 81`42

К.Ю. Вавилова
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

ЭПИТЕТЫ В РУССКИХ НАРОДНЫХ БАЛЛАДАХ

В центре внимания данной статьи – художественно-изобразительные средства, характерные для языка народных баллад. Народные баллады активно оперируют достаточно широким спектром художественных средств, в частности, своеобразной символикой, антитезой, метафорами, параллелизмами и др. Одним из наиболее распространенных образных средств балладной стилистики является эпитет. В качестве материала для исследования были взяты сборники русских народных баллад под редакцией А.М. Астаховой, Д.М. Балашова [3; 4], В.И. Чернышева, Н.П. Андреева [5], Б.П. Кирдана [1], Б.Н. Путилова [6]. В статье анализируются эпитеты, их функции в раскрытии содержания каждой конкретной балладной песни и в сохранении жанрового канона баллады в русском фольклоре.

***Ключевые слова**: народные баллады, фольклор, художественно-изобразительные средства, эпитеты.*

Ведущим художественно-изобразительным средством русских народных баллад является эпитет. «Эпитет – это одностороннее определение слова, либо подновляющее его нарицательное значение, либо усиливающее, подчеркивающее какое-нибудь характерное, выдающееся качество предмета» [2].

В балладах, основанных на конфликте «влюбленных против губителя», преобладают определения, связанные с предметным миром. Подобное употребление объясняется тем, что баллады представляют эпизоды из жизни людей (встреча в доме братьев и любовника сестры; шествие молодца к месту казни; многочисленные сцены убийства и т. д.). Эпитеты определяют место действия, предметы быта, орудия убийства, сцены казни, похорон.

Так, действия происходят в *«палатах белокаменных»*, на *«красном крыльце»*, в *«новой горнице»* [4, с. 78]. *«Божья церковь»* становится местом тайного венчания («Василий и Софья», «Иван Дудорович и Софья Волховична», «Алеша и сестра двух братьев»). Фрагментарно выделяются предметы быта: *«стулик ременчатой»* [3, с. 80], *«золота казна»*, *«лестница дубовая»* [3, с. 77–79].

Крайняя трагичность создается эпитетами, сопровождающими описание орудий убийства и сцены похорон: *«зелено / яровo вино»* [1, с. 183], *«лютое вино»* [1, с. 180], *«копьюшки булатные»*, *«ножечки булатные»* [3, с. 81–82], *«востра сабелька»* [3, с. 76], *«релюшки высокие / точеные»* [1, с. 149, 151], *«сохи дубовые»*, *«переклады кленовые»* [1, с. 141], *«плаха липовая»* [1, с. 149], *«петелки шелковые»* [1, с. 142; 89, с. 14–15], *«дубовый / клейновый гроб»*, *«тупиченка немудрая»* [1, с. 180–181], *«столбичек дубовый / высокий / еловый»* [1, с. 142, 149; 3, с. 83–84], *«ямы глубокие»* [3, с. 83–84].

Отдельную группу составляют характеристики предметов одежды и украшений. Часто упоминается платье девушки, обреченной на смерть: *«платье цветное»* [3, с. 75–76], *«платье воскресное, подвенечное»* [3, с. 77–79]. Детальное описание одежды отмечено в сюжетах, в которых братья выступают против любви сестры и молодца: *«белы чулочки пеньковые»*, *«сафьян сапожинки»* [3, с. 80].

Вторую по распространенности группу эпитетов составляет изображение человека, представленное оценочными эпитетами: *«свет королевишна»* [3, с. 83–84], *«Олена умная, Петровна разумная»* [3, с. 76], *«честная вдова»* [14, с. 181], *«безвинны людюшки»* [3, с. 52], *«Васильева матушка лиходейка»* [1, с. 179].

Внешность представлена эпизодично: руки (белы), грудь (белая), кудри (желтые), очи (ясные), тело (белое).

Во всех случаях герои молодые: *«молодая жена»* [3, с. 80], *«молодая вдова / вдовушка / шельма»* [1, с. 203; 3, с. 165-166], *«младых два Ивана»* [3, с. 77–79].

Социальное положение обозначено часто и широко в связи с тем, что ряд баллад имеет прямой («Молодец и королевна») или косвенный социально-идеологический контекст («Василий и Софья», «Алеша и сестра двух братьев» и т. д.): *«славный князь Владимир»* [3, с. 50], *«батюшка, грозный король»*, *«проклятый князь»* [3, с. 83–4], *«слуги верные / неизменные»* [1, с. 142–143; 3, с. 83–84], *«верны клюшники»* [1, с. 141, 149], *«борзы / поганые таторовья пановья»* [3, с. 83–84], *«грозен палач»* [1, с. 141, 149; 3, с. 83–84].

Представлены описания природного мира: *«шелковая трава»* [1, с. 203], *«крапива стрекучая»* [4, с. 90], *«березки кудреватые»* [4, с. 5], *«золота верба»* [1, с. 179–181; 3, с. 50–51], *«кипарисовый куст / кипарисно дерево / деревцо / кипарично дерево»* [1, с. 179–181, 183; 3, с. 51–52], *«част ракитов куст»* [1, с. 183], *«зеленый сад»* [1, с. 179], *«лесик дремучий»* [3, с. 165–166], *«роса утренняя»*, *«ключ гремячий»* [1, с. 203], *«ключик текучий»* [3, с. 165–166], *«сине море»* [1, с. 149; 63, с. 51–52;], *«сыра земля»* [3, с. 51–52], *«морозы крещенские»*, *«зима студеная»* [4, с. 87].

В балладах, в которых конфликт основан на противостоянии парня и девушки, характеристики, относящиеся к человеку, выходят на первый план, поскольку в данных сюжетах конфликт обнажает отношения между парнем и девушкой. Так, на передний план выходят оценочные эпитеты: *«холост, неженатый, белый кудреватый»* молодец [3, с. 95], *«Олешка шельма»* [1, с. 197]; *«красна девушка-раздушаночка»* [3, с. 107], *«девица, душа, мое сердце»* [3, с. 95], *«Дунюшка-любушка»* [89, с. 381–382], *«девица мудреница»* [3, с. 97], *«красавушка девушка»* [3, с. 94], *«девица бела, круглолица»* [3, с. 97], *«гостья спесивая / ломливая»* [3, с. 240].

Представлены и эпитеты, характеризующие внешность человека: *«очи ясные»*, *«черные брови»*, *«буйна головушка»*, *«белы руки»* [1, с 169, 216; 3, с. 106–107, 150–151, 236–241]. В балладах «Девушка поборола молодца», «Грозный и Домна», «Обманутая девушка» при описании девушки используется эпитет *«могучие плечи»*, безусловно, пришедший в балладу из былины.

Появляются и эпитеты, указывающие на эмоциональное состояние: *«позаплаканы / побитые глаза»*, *«порастрепана коса / порастрепаны волоса»* [1, с. 197–198; 3, с. 161–162].

Предметный мир связан с местом действия: *«новая горница»*, *«светлая светлица»* [3, с. 236–241], *«холостая горница, неженатая»* [6, с. 340–342], *«палаты белокаменны»* [3, с. 49], *«высок / новый терем»* [3, с. 119, 156–157], *«широкий двор»* [4, с. 179], *«двор царский»* [3, с. 237].

Изобилуют характеристики предметов роскоши, например, во время состязания герои закладывают дорогие вещи: *«крупный жемчуг»*, *«чистое серебро»* [6, с. 342–343], *«золотой венец»* [3, с. 94], *«красное золото»*, *«золотую казну / несметную»* [6, с. 342–343], *«дары шелковые»* [3, с. 99], *«кораблички не порожние»* [3, с. 94]. Сцена отравления также нарочито приукрашена: девушка подносит *«зелье лютое»* в *«серебряном кубце»*, отделанном *«камушками драгоценными»*, *«чарочке позолоченой»* на *«золотом подносе»* [3, с. 105–106, 107].

Эпитеты сопровождают описание орудий убийства: *«шелков пояс»* [3, с. 47], *«полуженые гвозди»* [1, с. 197], *«сабля острая»* [3, с. 109, 151], *«булатный меч»* [3, с. 110]. Девушка загадывает загадку, из чего сделаны *«пиво пьяно»*, кровавое вино в *«чарах винных»*, *«сальные свечи»,* кровать [3, с. 141–142].

Описательными эпитетами изобилуют и сюжеты о загадках: без умолку текут *«быстрые реки»*, чаще рощи – *«частые звезды»*, выше всего в лесу – *«светлый месяц»*, краше всего – *«красное солнце»*, сосна всю зиму в *«сыром бору зелена»* [3, с. 99].

Баллады, в которых описываются любовные отношения между родственниками, оперирует эпитетами, выражающими родственные отношения.

В конце баллады герои произносят монолог, в котором решающим становится узнавание о родстве [4, с. 75]. Девушка рассказывает о своем прошлом: *«У меня ль было девять братцев родимыих»* [4, с. 75].

Поскольку инцест в сюжете «Дети вдовы» может произойти между сыном и матерью, между братьями и сестрой, круг расширяется: *«родна мать»*, *«родна сестра»*; кроме того, упоминается о том, что вдова отправила сыновей по морю, сама пошла по миру с *«любимой дочерью»* [4, с. 71–72].

В сюжете «Царь Давыд и Олена» девушка обращается к отцу в надежде на то, что он изменит свое решение, называя его *«батюшкой разумным»*, *«батюшкой родимым»*; отец твердо намерен выдать Олену замуж: теперь она будет называть его *«лютыим свекром»*, а *«матушку родиму»* – *«лихою свекровью»*. Как и в других сюжетах, употребляются эпитеты: *«братец родимый»*, *«сестрица родима»* [4, с. 148–149].

Определения, указывающие на социальное положение семьи, становятся своеобразными маркерами узнавания. Разбойники обращаются к девушке: «*Ты какого роду есть да племени, / Поповского али господского?*» [4, с. 75]. Девушка оказывается их сестрой *«роду крестьянского»*, которую выдали замуж за *«купца да за богатого»*.

Охотник раскрывает родство с девушкой, потому что ее отец *«богатый»* [4, с. 290]; брат узнает, что его жена *«панночка – настоящая кралечка»* – сестра [4, с. 215].

Зачастую описание природы напрямую связано с внутренним состоянием героини, что также подчеркивается эпитетами: «*Башмачки и чулочки с ног бросала, / Побегла она по беленькому по снежочку, / По лютому по морозу*» [4, с. 148].

Типичными эпитетами цикла становятся определения локусов *«море синее, соленое, красавитое»* («Братья-разбойники и сестра», «Дети вдовы»), *«сторона родная»* («Братья-разбойники и сестра»), *«поле чистое»* («Дети вдовы»). Пространственные характеристики вводятся в данных сюжетах, поскольку имеется описание разлучения родных. Например, дочь отдали замуж *«за сине море»*, а она отправилась домой, потому что истосковалась *«по родимоей да по сторонушке»* [4, с. 74].

Примерами временных характеристик являются: *«третий год»*, *«ночька темная, ночь осенная»* [4, с. 74], *«на белой-то зоре»* [4, с. 290].

Имеется лишь единственное упоминание орудия убийства – *«булатный острый нож»* [4, с. 290]. Описание деталей сопровождается эпитетами потому, что мать узнает части корабля по определенным приметам: *«грузные якори»*, *«тонки парусы»* [4, с. 72].

Особенное значение принимает положение эпитетов относительно определяемого слова: 1) препозиция: *«чисто поле»*, *«цветно платье»* и т. д.; 2) постпозиция: *«платье подвенечно»* [4, с. 148]; 3) эпитет и определяемое слово могут быть отделены другими словами: *«Вы какого царя вы небесного»* [4, с. 71]. Как правило, второй и третий случаи чаще всего встречаются в прямой речи. Например, в обращении вдовы к морю: «*Ты убай, убай, море синее, / Уж ты пой, корми, да поле чистое*». При этом в повествовании сохраняется прямое

расположение эпитетов: «*И понесла вдова да ко чисту полю, / Ко чисту полю, да ко синю морю*» [4, с. 71].

Случаи отрыва эпитета от определяемого слова становятся способом выделения при обращениях: «*Прощай, девка, прощай, красная*» [4, с. 290].

Выявлен ряд случаев, в которых эпитеты входят в состав отрицательных выделительных конструкций [4, с. 74, с. 290].

Некоторые эпитеты включены в конструкции с повторами: после двух повторов вводится новый эпитет. Например, в сюжете «Охотник и сестра» основной сцене предшествует действие с животными: «*Только зайка серый пробежал, / Как за заинькой за серым люта львица прошла. / За львицей за лютой млад охотничек едет*» [4, с. 290].

Итак, анализ текстов баллад показал, что эпитет занимает центральное место в системе художественно-изобразительных средств данного фольклорного жанра. Текстовая выборка и последующий анализ использования эпитетов в русских балладных песнях позволяет выделить следующие группы: 1) эпитеты, относящиеся к изображению окружающего мира: природного мира, животного мира, предметного мира, временных обозначений; 2) эпитеты, относящиеся к изображению человека: описание человека и его внешности, реакция / состояние человека, социальное положение, возраст.

Литература

1. Баллады / сост., подгот. текста и коммент. Б.*П. Кирдана*; вступ. ст. *А.В. Кулагиной*. М.: Рус. книга, 2001. 464 с.

2. *Веселовский А.Н.* Историческая поэтика / вступ. ст. *И.К. Горского*; сост., коммент. *В.В. Мочаловой*. М.: Высш. шк., 1989. 406 с.

3. Народные баллады / вступ. ст., подгот. текста и прим. *Д.М. Балашова*; общ. ред. *А.М. Астаховой*. М.– Л.: Совет. писатель, 1963. 448 с.

4. Русская народная баллада / вступ. ст., подгот. текста и примеч. *Д.М. Балашова*. М.: Современник, 1983. 312 с.

5. Русская баллада / предисл., ред. В.И. Чернышева; вступ. ст. *Н.П. Андреева*. Л.: Совет. писатель, 1936. 502 с.

6. Русская народная поэзия: Эпическая поэзия / сост., подгот. текста, вступ. ст., предисл. к разделам и коммент. *Б.Н. Путилова*. Л.: Худ. лит., 1984. 440 с.

УДК 811.511.151+811.1331

Г.Н. Казыро

Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОСЛОВИЦ МАРИЙСКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩИХ КОНЦЕПТ «ВРЕМЯ»

Статья посвящена сравнительному анализу пословиц марийского и французского языков, репрезентирующих концепт «время». Анализ проведен с опорой на план содержания данных языковых единиц. Были выявлены пословицы с тождественными смысловыми доминантами, а также пословицы, не имеющие соответствующих эквивалентов.

***Ключевые слова*:** *пословица, смысловая доминанта, концепт, метафора, языковая картина мира.*

Целью сравнительного анализа является выявление общих и различающихся моментов в репрезентации концепта «время» в пословицах марийского и французского языков. Объект исследования – пословицы марийского и французского языков, эксплицитно и имплицитно репрезентирующие данный концепт. Материал для исследования был выбран из книги «Марий калык ойпого: Калыкмут-влак / Свод марийского фольлора: Пословицы и поговорки» [2]. Французские пословицы были отобраны из различных источников, размещенных в интернте [4]. Предмет исследования – сходные и отличные смысловые доминанты, представленные в плане содержания.

Человек познает окружающий мир через призму родного языка. В семантике языка закреплены результаты познания. Совокупность представлений о мире, заключенных в значении разных слов и выражений данного языка, складывается в единую систему взглядов, или представлений носителей языка, образуя языковую картину мира.

Языковая картина мира состоит из отдельных взаимосвязанных частей, одной из которых является пословичная картина мира. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» отмечается: «Пословица – это краткое, устойчивое в речевом обиходе, как правило, ритмически организованное изречение назидательного характера, в котором зафиксирован многовековой опыт народа; имеет форму законченного предложения (простого или сложного)» [3].

Языковая картина мира находит свое выражение в отдельных концептах. В дефиниции термина «концепт» мы придерживаемся точки зрения С.Г. Воркачева: «Концепт – это основная единица национального менталитета как специфического индивидуального и группового способа мировосприятия и миропонимания, имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой, а также задаваемая совокупностью когнитивных и поведенческих стереотипов и установок, главной характеристикой которого является особенность мышления и поведенческих реакций индивида или социальной группы» [1, с. 26].

Лексема «время» обладает широкой семантикой: смена дня и ночи, смена времен года, временная протяженность жизни человека, этапы его жизни, изменения в природе.

Нами были рассмотрены пословицы со словами *жап* (в марийском языке), *temps* (во французском языке), а также пословицы, в которых временная протяженность выражена имплицитно и заключена в смысле пословицы.

В результате анализа были выделены следующие смысловые доминанты:

1. В пословицах как марийского, так и русского языка широко представлена смысловая доминанта о том, что с течением времени все изменяется: *Жап семын кӱртнят тӱгагана* ‘С течением времени и железо ржавеет’. *Жап шуэш гын, кумыжат куптырга* ‘Настанет время, и береста корявится’. *Кажне жапын шке вургемже* ‘У каждого времени своя одежда’. *Autres temps, autres mœurs* ‘Другие времена, другие нравы (У каждого времени

свои обычаи)’. *Chaque chose en son temps* ‘Всему свое время’. *Les jours se suivent et ne se ressemblent pas* ‘День на день не приходится’.

2. В следующих марийских пословицах отмечается быстротечность времени, в некоторых из них содержится сравнение течения времени с течением воды: *Жап – йогын вӱд: шижде эрта* ‘Время – текучая вода: быстро проходит’. *Рвезе ӱмыр – порсын ярым, эртал кая йогын вӱд гай* ‘Век молодых – шелковая прядь, проходит как весеннее половодье’. *Рвезе жап шошым вӱдла эртен кая* ‘Время молодости проходит как весенний поток’. *Рвезе ӱмыр кок гана ок тол* ‘Молодость дважды не приходит’. *Ӱдыр ӱмыр – лыве ӱмыр гай кӱчык* ‘Девичий век короткий как век бабочки’. В двух последних пословицах выражена грусть по поводу быстротечности молодости.

Следующие пословицы говорят о том, что молодость – прекрасное время в жизни человека: *Рвезе жап – вӱр модмо пагыт* ‘В молодости кровь играет’. *Рвезе жап – мужыр оҥтыран пар имне* ‘Молодость – пара лошадей с парой колокольчиков’.

3. Время не подвластно человеку: *Жап мемнан тарзына огыл, ме тудын тарзыже улына* ‘Время – не наш работник, а мы его рабы’. *Жапым ик тапырланат от йолышто* ‘Время не остановишь (букв. *не привяжешь*) ни на один миг’. *Жап чылажымат терга, чылажланат оза* ‘Время все проверяет, всему хозяин’. *Le temps est un grand maître* ‘Время – великий учитель’. *Le temps passe et ne reviens pas* ‘Время уходит и не возвращается (прожитое не воротишь)’.

4. Время – лучший доктор: *Le temps guérit tout* ‘Время всё лечит’. Но в марийской пословице подчеркивается неоднозначность времени в этом плане: *Жап кок тӱран кӱзӧ гае: кӧм эмла, кӧм пӱгырта* ‘Время как обоюдоострый нож: кого лечит, кого калечит’.

5. Важно все делать в свое время и ценить время: *Ne remets pas au lendemain ce que tu peux faire aujourd’hui* ‘Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня’. *Qui tôt donne, deux fois donne* ‘Кто скоро помог, тот дважды помог’. *Il faut battre le fer pendant qu'il est chaud* ‘Куй железо, пока горячо’. *Кодшо пашаш лум лумеш* ‘Незавершенную работу засыпает снег’. *Курым мучко тамака шупшо пӧрт ыштышаш времам кода* ‘Куришь – теряешь время, необходимое для постройки дома’. *Жап шӧртньӧ дечат шерге* ‘Время дороже золота’. *Trop dormir cause mal vêtir* ‘Долго спать – добра не видать’. *Le temps, c’est d’argent* ‘Время – деньги’. *Le temps perdu ne se rattrape jamais* ‘Потерянное время не вернешь’.

6. Но спешка может повредить делу: *Вашке паша важык кая* ‘Поспешишь, людей насмешишь (букв. быстрая работа кривая)’. *Hâte-toi lentement!* ‘Спеши, да не торопись!’ *Pas à pas on vas loin* ‘Тише едешь – дальше будешь’. *Vite et bien se trouvent rarement ensemble* ‘Скоро, да не споро (букв. быстро и хорошо редко бывают вместе)’. *Mariage prompt, regrets longs* ‘Женился на скорую руку, да на долгую муку’.

7. Не следует радоваться чему-либо раньше времени: *Жап деч ончыч ит куане* ‘Раньше времени не радуйся’. *Ne faut pas crier victoire trop tôt* ‘Не нужно объявлять победу слишком рано (Не говори гоп, пока не перепрыгнешь)’. *Loue le beau jour au soir et la vie à la mort* ‘Хвали день вечером, а жизнь при смерти’.

8. Не нужно терять надежду на лучшее, со временем все может измениться: *Notre jour viendra* ‘Наш день придёт (Будет и на нашей улице праздник)’. *Qui vivra, verra* ‘Поживём, увидим’. La nuit porte conseil ‘Утро вечера мудренее’. Fais ce que dois, advienne que pourra ‘Делайте то, что должны, и будь что будет’.

Таким образом, концепт «время» широко репрезентирован как в марийских, так и во французских пословицах. Многие смысловые доминанты совпадают. Но отличие заключается в конкретных воплощениях концепта. Так, например, в марийском языке нет эквивалента для пословицы *L’exactitude est la politesse des rois* ‘Точность – вежливость королей’. В отличие от французского языка, в марийском языке имеется целый ряд пословиц о скоротечности молодости. В марийском языке более явно выражена идея времени как потока воды.

Литература

1. *Воркачев С.Г.* Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа. М.: Гнозис, 2004. 236 с.

2. Марий калык ойпого: калык-мут влак / Свод марийского фольклора: пословицы и поговорки / сост. *А.Е. Китиков*. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2004. 208 с.

3. Лингвистический энциклопедический словарь // URL: http://tapemark.narod.ru/les/508c.html (дата обращения: 22. 10. 2020).

4. Французские пословицы и поговорки // URL: https://www.tania-soleil.com/proverbes-francais/ (дата обращения: 20.09.2020).

УДК 398.95

М.А. Ключева
МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева
Марийский государственный университет (Йошкар-Ола)
Науч. руководитель: Кудрявцева Р.А., д-р филол. наук, проф.

МНИМЫЕ И СКРЫТЫЕ ЗООНИМЫ В МАРИЙСКОЙ ИГРОВОЙ ЛЕКСИКЕ

В статье на материале зоонимов показаны процессы асемантизации и пересемантизации слов в марийском детском игровом фольклоре.

Ключевые слова: *марийский детский фольклор, народные игры, считалки, асемантическая лексика, зоонимы.*

Для детского фольклора характерны активные процессы десемантизации и переосмысления слов. Непóнятые слова родного, чужого языка сначала приобретают характер асемантических (т.н. «заумь»), а в дальнейшем зачастую замещаются сходными по звучанию, но отличными по значению словами. В результате подобных подмен возникают, в частности, такие явления как мнимые и скрытые зоонимы, примеры которых на материале марийских народных игр покажем в данной статье.

Игра *«Левла»*, в которой можно опознать зооним *лев* (лат. Panthera leo), записана Е.С. Илимбаевой в 1974 г. в д. Шиньша Моркинского р-на Марийской

АССР, информант – Романов Виктор Алексеевич, ученик 5 класса, т.е. ок. 1962 г.р. Приведем описание игры (оригинальный текст с нашим переводом):

«Мечы ден калакым налатта мечым калак дене кырет, тӧштылыктет, кӧн эн шуко тӧштылыктен кертеш. Ке эн шагал тӧштылыкта, тудо оралаш шогалеш. Иктаж-гудо йочаже мечым налеш да умбачын пера. Орол йочаже мечы дек мия да мечым налеш. Вара тудо иктаж гудо йочажым лӱя мече ден. Если огеш логалта гын, тудак орола. Логалта гын, тудо кӧлан логалтен, тудо йоча орола. Мече круг вокгелне лиеш гын, тудо мечым кругышко шӱдырен пуртен кертыт. Вара иккана тӧштылыктен, умбак перат. Тудо (оролышыжо) умбачын куржеш да, мечым налеш та, лӱяш тӱҥалеш. Вара эре тыге лӱйкалаш тӱҥалат» [3, № 1348].

‘Берешь мяч и лопатку и набиваешь мяч лопаткой, чтобы мяч подскакивал – кто больше всех сможет набить. Кто меньше всего набьет, тот становится караулить [водить – *М.К.*]. Кто-нибудь из детей берет мяч и бьет издалека [подает мяч вдаль ударом лопатки – *М.К.*]. Ребенок-караульщик следует за мячом и берет мяч. Потом «стреляет» мячом в кого-нибудь из детей. Если не попадет, караулит тот же. Если попадет, караулит тот ребенок, в кого попал. Если мяч будет около круга, этот мяч могут волоком втащить в круг. Потом подкинув один раз, бьют вдаль [подают мяч ударом палки – *М.К.*]. Тот (караульщик) бежит издалека и берет мяч, и начинает стрелять [кидать мячом в игроков – *М.К.*]. Потом все время так стреляться начинаешь’.

Как видим, описание игры не очень понятное: первый фрагмент игры – начальный выбор водящего – как в чиже; дальнейший ход игры соответствует лапте, но игра не командная – в поле водит один игрок. Невнятен эпизод с втаскиванием мяча в круг, а заключительный фрагмент рассказа об игре – по-видимому, повторное описание действий водящего (как в лапте). При этом возникает вопрос: почему игра называется *«Левла»*, причем тут лев? Зоонимы в названиях игр типа лапты совершенно неестественны, вообще персонажная лексика в играх такого рода практически отсутствует. Ответ на этот вопрос можно найти, рассмотрев описания других подобных игр с ударом лопаткой по мячу.

В частности, в описании игры *«Кругла»* («В круг») (запись 1960 г. в с. Арино Моркинского р-на, информанты 1947–1948 г.р.) [3, № 1346] есть указание на то, что в начале игры один игрок выбрасывает мяч левой рукой (*«шола кыд дене»*). Другая игра – *«В лунки»* (д. Большие Селки Тоншаевского р-на Горьковской обл., запись 1961 г. от ученика 6 класса, т.е. ок. 1948 г.р.) [3, № 1347] – тоже записана весьма невнятно, но в ней есть четко прописанный эпизод: «закидывают мяч левухой», т.е. левой рукой. Соответственно, мы можем предположить, что то же самое имело место и в игре *«Левла»*, хотя об этом не сказано в ее описании. «Левой», «левухой» – эти слова в игре (из русского языка) были недопоняты марийскими детьми в конкретной деревне, и возникла пересемантизация, словно речь тут идет о животном – льве, и именно под таким названием *«Левла»* («Во льва») эта игра и закрепилась в игровом репертуаре. Причем по истечении определенного времени – лет через 10–20 (судя по сведениям об информантах) – про необходимость подавать мяч в игре именно левой рукой забыли (или при рассказе об игре упустили эту подробность). Но само название игры, получившее благодаря смежным играм адекватную

интерпретацию, напоминает нам об этом, т.е. позволяет реконструировать этот утраченный акциональный элемент игры. Кроме того, именно сопоставление со смежными материалами позволяет избежать ошибки в понимании образности игры – никакой лев (животное) там не подразумевался. Итак, ***«Левла»* – мнимый зооним**. Парвильно будет перевести это название игры на русский как «В лев», а не «Во льва».

Аналогичные примеры (ресемантизацию заимствований) можно найти и в текстах марийских считалок, например, в считалке:

Пирым, пирым, пик-алаша,
Тырня-кайык шик, шок.
Бур марийкам, марий кумда
Печем ширын кры-чок
(д. Малые Параты Волжского р-на РМЭ, информант 1927 г.р.) [2, с. 65].

В ней присутствуют как осмысленные, так и асемантические слова. И первые слова считалки – *пирым-пирым* – можно понять как *пире* ‘волк’ в аккузативе с редубликацией. Однако истинным источником этого зачина является татарское *берәм-берәм* ‘по-одному, по-одному’ (или его чувашский аналог), являющееся типичным зачином татарских считалок, таких как:

Берәм-берәм,
Икәм-икәм,
Өчәм-өчәм,
Дүртәм-дүртәм,
Бишәм-бишәм,
Алтан-алтан,
Авыр балтам:
– Кая китте?
– Тозга китте.
– Кайчан кайтыр?
– Яз кайтыр.
Үрдәк белән каз кайтыр,
Сыңар аяк, сыңарчык,
Балтырганга йөгереп чык! [4, с. 118].

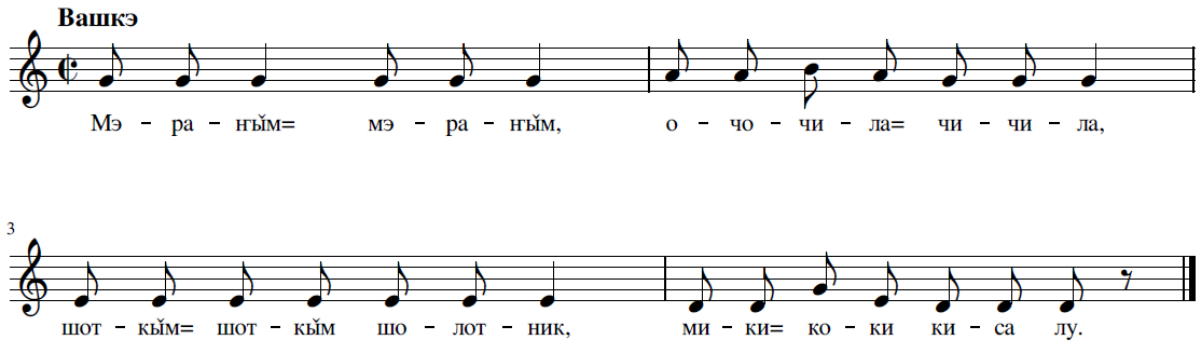
Первые шесть строк в этом тексте – татарские числительные с концовками на *-м*, *-н* с неясным значением (уменьшительным? детские искажения числительных?). Дальнейший перевод следующий:

‘Мой тяжелый топор:
– Куда пошел?
– За солью.
– Когда вернешься?
– Весной.
Утки и гуси возвращаются,
Уздечка, скворечник,
В борщевик выбегай!’ (перевод с марийского наш – *М.К.*).

Т.е. в марийской считалке *пирым*, понимаемое как ‘волк-АСС’ – это ресемантизация заимствованного татарского слова, мнимый зооним. Не исключено, что аналогичное происхождение имеет и зачин *мерањым-мерањым* ‘зайца-зайца’ (<тат. *берәм-берәм*) в следующей марийской «детской песне» (асемантической считалке):

Мэрањым-мэрањым,
Очочила-чичила.
Шоткым-шоткым шолотник,
Мики-коки киса лу
(д. Изи-Йарамари Царевококшайского у. Казанской губ. ~ ныне починок Ярамор Моркинского р-на РМЭ) [1, с. 32, № 108].

То же:



[5, с. 22, № 39] (В дальнейшем эта считалка многократно републиковалась. – *М.К.*).

Теперь рассмотрим обратное явление **скрытых зоонимов**, которые выглядят как асемантические лексемы, слова с неясным значением, но анализ происхождения которых вскрывает в них асемантизировавшийся зооним на чужом языке. Рассмотрим это на примере игры с палками *«Петьонга (Петюка)»* [3, № 1433–1437, 1439].

«Петьóнга (Петюнга, Пытюнга, Петюка, Питюка)» – своеобразное название горномарийской игры типа клёка, попá, пыжа (д. Юнга-Кушерга, Кузнецово, Большой Серманангер, Апшак-Пеляк, Кукшилиды Горномарийского р-на РМЭ; информанты 1948–1968 гг.р.). В этой игре при всем разнообразии вариантов основным действием игроков является бросание палки в деревянную чурку (банку), как в городках. Для этимологии данных лексем решающее значение имеет следующий момент в игре «*Петюка*»: водящий каждый раз, когда кто-либо из игроков сбивает банку с кирпича, ставит ее на место и при этом все время (с момента, как банка сбита до момента, пока она не установлена обратно на место) кричит голосянку: «*Пе-тю-ка*!» Что характерно, в описании А. Терещенко русской игры *«Тюзик»* (типа чижа) такое наказание называется «гонют куры», и сообщается, что проигравших при этом дразнят «курами» («московскими», «петербургскими»). «Игра эта выражаетъ насмѣшку на ветренность столичныхъ куриць, которыя прыгаютъ во всю свою жизнь, а подъ старость убираются въ деревню на одной ножкѣ» [8, с. 24]. Т.е. обращаем внимание на животный код в лексике данной русской игры. Далее находим, что

петушок – «детская игра, наподобие игры в чижика» (Свердл., 1983) [6, с. 335]; а одно из диалектных названий кукарекающей курицы – *петунья* (ср. и нижн. теч. р. Урал, 1976; без значения и ударения – Новг.) [6, с. 322]. Ср. также: *пет* – петух (Тамб., б. м.) [6, с. 325], *петонёк* – ласк. петушок (Перм., Сев.-Двин., 1928) [6, с. 329], *петун* – петух (Твер., Пск., Новг., Петерб., Волог., Яросл., КАССР, Арх., Олон., Смол., Сев.-Зап., Свердл., Байкал., Амур., Приб.) *петунёнок* (Приб.) [6, с. 322].

На основе данных сопоставлений делаем вывод, что мар. Г. *петьонга* и *петюка* происходят от некоторых русских диалектных лексем (подобных вышеприведенным), означающих петушка или курицу, и, по-видимому, заимствованы из некоторой русской игры типа чижа (или пыжа) с соответствующей голосянкой (в функции дразнилки, скорее всего в наказании проигравшего в конце игры). Фонетически превращение рус. *петун*, *петунья*, *петонёк* в мар. *петю́ка*, *петьо́нга* и т.п. вполне возможно, ср. *чулок* (рус.) > *чулка́* (мар.), *опёнок* (рус.) > *опо́нька* (мар.) и т.п. С десемантизацией при заимствовании в марийский лексема обрела новое значение – предметное (наименование предмета игры) вместо персонажного (наименования игрока) – «петьонгой» марийские дети называют сбиваемую в игре банку. (Любопытно также, что одной из характерных для селений Горномарийского района Марий Эл марийских фамилий является *Пекунькин*. Ср. русские фамилии: *Петунов, Петунин, Петункин, Петунькин* < диал. *петун* ‘петух’.)

Отметим также следующую параллель между марийской игрой и русским чижом в описании А. Терещенко. В мар. игре *«Петюка»* [3, № 1433] очерченный квадрат, в котором устанавливается сбиваемая «петьонга», называется *момоца* ‘баня’ (мар. Г). У Терещенко же читаем, что игроки делают по 12 ударов. Если кто-то ударит 13 раз, говорят: *палка на баню* [8, с. 24].

Итак, рассмотренное в контексте аналогичных русских игр название марийской игры является **скрытым зоонимом** – словом, которым дразнили проигрывающего, и которое он кричал при наказании в конце игры (в голосянке), как бы называя сам себя именем животного (петуха). Оно является в марийском языке асемантизировавшимся заимствованием из русского. Возможно, специальный анализ марийской асемантической лексики в играх позволит выявить и другие факты подобных скрытых зоонимов (например, за специфическим асемантическим названием игры в жмурки *сюре* [7, с. 120; 3, № 921] может стоять эвфемизм «рогатый», ср. *шур* ‘рог’).

Литература

1. *Васильев В.М. (Ӱпымарий)* Марий мутэр: турлӧ вэрэ илы̆шэ марийы̆н мутшы̆м тангастарэн нэргэлы̆мэ книга. Моско: СССР калы̆к-влак рӱдӧ савы̆кты̆ш, 1926 [на обложке – 1928]. 346 с.

2. *Ключева М.А.* Народные подвижные детские игры: современный фолькл. сб. М.: Форум; Неолит, 2014. 400 с.

3. Марий калык модыш = Марийские народные игры / МарНИИЯЛИ; авт.-сост. *М.А. Ключева*. Йошкар-Ола, 2020. 1216 с. (на правах рукописи).

4. Народные жемчужины: татарские народные игры / сост. *Р.Ф. Ягафаров*. Казань: Магариф, 2002. 159 с.

5. *Палантай И.С.* Марла мураш тунуктымо савыш / Марий мурым йоча пӧртышто, школышто тунукташ йӧнӹштарэн возэн Палантай Йыван (И.С. Ключников). М.: Центр. вост. изд-во при Н.К.М., 1923. 56 с.

6. Словарь русских народных говоров / гл. ред. *Ф.П. Сороколетов*; ред. выпуска *И.А. Попов*. Вып. 26. Л.: Наука, 1991. 350 с.

7. *Смирновъ И.Н.* Черемисы: историко-этнографическій очеркъ. Казань: Типографія Императорскаго Ун-та, 1889. 269 с.

8. *Терещенко А.* Бытъ русскаго народа. Т. 4. Забавы. 1. Игры. Санктпетербургъ: въ типографіи военно-учебныхъ заведеній, 1848. С. 3–130.

УДК 398

М.Н. Кузнецова
(г. Йошкар-Ола)

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ Х.-Х. БАРТЕНСА О СААМСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

В статье представлен научно-аналитический обзор двух монографических изданий известного немецкого финно-угроведа Х.-Х. Бартенса, посвященных исследованию саамского фольклора: «Tschuden und andere Feinde in der saamischen Erzähltradition» («Чуди и другие враги в саамских повествовательных традициях», 2017) и «Sagen aus Lappland» («Предания из Лапландии», 2018).

Ключевые слова: *финно-угорская фольклористика, саамский фольклор, немецкий финно-угровед Х.-Х. Бартенс, сказания, предания.*

Доктор Ханс-Херманн Бартенс (род. 1945) – известный немецкий финно-угровед, преподаватель кафедры финно-угорского языкознания университета им. Георга Августа в Гёттингене, автор многих монографий и книг, в том числе книги *Die finnisch-ugrischen Minoritätsvölker in Europa* («Финно-угорские этнические меньшинства в Европе» – 1998 [2], 2000 [3]). В финно-угорском научном мире его знают, в первую очередь, как крупного специалиста по языку и фольклору саамского народа. Он – автор и составитель немецкоязычного учебника по саамскому языку (1989) [5]. Бартенс занимается также исследованием языков и фольклора других финно-угорских народов. Для марийской научной интеллигенции огромный интерес представляют его исследования о модальности в марийском языке: *Zum Ausdruck der deontischen Modalität im Tscheremissischen* («К выражению деонтической модальности в марийском языке») [9]; *Zu den rhetorischen Fragen im Tscheremissischen* («О риторических вопросах в марийском языке») [8]; *Dynamische Modalität im Tscheremissischen I.* («Динамическая модальность в марийском языке I») [4]; *Zur Modalität im Tscheremissischen* («К вопросу о модальности в марийском языке») [10] (см. резюме на русском языке М.Н. Кузнецовой «К вопросу о модальности в марийском языке» [1]) .

Среди научных публикаций значительное место занимают труды, посвященные языку и фольклору саамского народа, об этом свидетельствуют и две новые монографии, изданные в последние годы: *Tschuden und andere Feinde in der saamischen Erzähltradition* [7] и *Sagen aus Lappland* [6].

Первая монография «Tschuden und andere Feinde in der saamischen Erzähltradition» («Чуди и другие враги в саамских повествовательных традициях») Бартенса знакомит читателей с преданиями о врагах саамского народа. Подобные сказания, в которых повествуется об угрозах жизни и местам обитания саамов, занимают центральное место в саамском фольклоре. Бартенс классифицирует эти предания по типам, и каждый тип получает подробную характеристику. Анализ сказаний о врагах саамского народа позволяет поставить вопрос, насколько глубоко и правдиво они отражают историческую реальность жизни саамов, раскрывают их социальное положение и отношение к своим соседям.

В предисловии Бартенс пишет, что легенды, в которых говорится о столкновениях с врагами, имеют заголовок «Сказания о чудях». Следует отметить, что в этих рассказах варьирует как количество врагов (от двух до тысячи), так и количество их злодеяний. Бартенс также подчёркивает, что названия врагов самые разные: чудь, чуди-разбойники, карелы, карелы-разбойники, русские, русские чуди, шведы и т.д. Врагов объединяет фиктивный язык, саамы могут с ними общаться и понимать друг друга. Особенно страшно враги описываются в сказаниях северных и восточных саамов: они грабят и убивают всех саамов. Поэтому саамы предпринимали всё, чтобы оставаться не заметными для них, вплоть до того, что даже собаки не должны были лаять. Одним словом, запрещалось всё, что могло привести разбойников к жилищам саамов или выдать их местонахождение.

Относительно времени, когда разыгрывались описываемые события, сказать что-то конкретное трудно. Обычно предания начинаются словом «однажды», как и в сказках, или словосочетаниями «в давние времена», «когда-то давным-давно», «во времена чудей» или «в те времена, когда в Швеции было полным-полно разбойников», «однажды зимой во время войны между Швецией и Норвегией» и т.д. «Во времена чудей» является более распространенным выражением, иногда это «время чудей» обозначалось как «время страха, боязни», поэтому рассказчик мог использовать выражение «в давние времена страха». Среди оружия упоминаются в основном стрела и лук, копье и меч. О ружье и порохе говорится редко. Страх перед чудями сохранился на долгие времена вплоть до XIX века, и не все саамы могли этот страх преодолеть. Даже случайная встреча незнакомца с саамами часто заканчивалась трагически.

В изложении собранного из разных источников и разными авторами материала Бартенс использует географический принцип, сначала приводит восточные примеры, в дальнейшем переходит на сказания с западных и южных территорий проживания саамов. Названия районов проживания саамов совпадают с названиями их языков. Для саамского различают 10 языков, существуют 6 литературных языков (*кильдинский саамский* в России; *колтта-саамский* [*скольт*] и *инари-саамский* в Финляндии; *северносаамский* на севере Норвегии, Швеции, Финляндии; *луле-саамский* и *южносаамский* в Норвегии и Швеции). В разных источниках указывается разное число говорящих на саамских языках. По одним данным, большинство саамов (около 75 %) говорит на северносаамском языке, значительная часть которых проживает в Норвегии.

На основе проанализированного материала Бартенс выделяет, в целом, 20 групп, распределяет их по буквам латинского алфавита от A до T (A, B, C, D, E, F, G, H, I, J, K, L, M, N, O, P, Q, R, S, T). Они подразделяются на типы (от 1 до 14), объединённых одной определённой темой и включающих разное количество рассказов или примеров (см., например, A 1, который включает в себя 84 рассказа, или F 2 – 29, R 2 – два сказания и т.д.):

A (1–13): саамский вождь уничтожает врага;

B (1–7): саамы побеждают врагов с помощью магических предметов;

C (1–14): саами спасаются благодаря сверхъестественным силам или существам;

D (1–7): саамы накликивают непогоду для спасения;

E (1–12): саамы спасаются хитростью;

F (1-13): саамы побеждают врага оружием

G (1–11): сильные и знаменитые мужчины в борьбе с врагами;

H (1–6): врагов уничтожили или они бессильны;

I (1–5): враги несут поражение от естественных климатических условий;

J (1–6): врагов одолевают силы природы;

K (1–7): саамы спасаются бегством (например, исчезают под землёй);

L (1–3): хотя враги обнаруживают подземное жильё саамов, но жители остаются нетронутыми;

M (1–7): из-за ошибки одного человека враг находит жильё саамов и вторгается;

N (1–5): из-за неосторожности и неправильной оценки ситуации враг находит и убивает саамов;

O (1–12): жестокость врага;

P (1–4): саамов спасают от уничтожения;

Q (1–8): другие сражения с участием саамов;

R (1–4): предания о «королях» саамов;

S (1–6): враги как разбойники и воры;

T (1–5): прочие.

Автор книги даёт краткое содержание всех типов сказаний и приводит их источники [см.: 7, с. 30–117]. Подробный обзор материала содержится и в таблице [см. приложение 2: 7, 149–157], где читатель может познакомиться со степенью распространённости отдельных типов, количеством сказаний по каждому определённому типу.

В «Заключительных замечаниях» др. Бартенс подробно останавливается на таких проблемах, как актуальность повествовательных традиций в сказаниях о чудях как опасном враге, которого саамы боялись, и перед свирепостью которого они чувствовали себя беспомощными. Чудью пугали и пугают детей. Первый саамский фильм, как подчёркивает Бартенс, был снят на «чудском» материале, и постановка Саамского национального театра, основанного в 1981 году, была посвящена чуди [7, с. 122–124].

При анализе отдельных групп и типов (всего 159 типов), Бартенс рассматривает следующие вопросы.

Протагонисты или главные герои сказаний.

Доминирующими являются предания, в которых саамский вождь вводит врага в заблуждение. Они составляют четвёртую часть преданий (27,6 %). Интересным в этом отношении является тип A 1. Он включает 84 сказания, в которых вождь ведёт врага через ледяную гору. Это единственный тип, который распространён по всему ареалу саамов и почти не имеет вариантов. Тип A 2, в котором вождь оставляет своих врагов на острове, уводит их лодки, или тип A 7, в котором вождь направляет вражеские лодки в пороги, где они погибают, стоят по количеству рассказов на втором месте, но их ареал уже ограничен. В саамских преданиях, кроме вождя-мужчины, выступают и женщины, такие сказания характерны для западных северносаммских областей и побережных районов Норвегии.

Сказания 1–13 в группе A характеризуются тремя чертами, а именно тем, что единственный мужчина приводит врага к гибели: а) своей хитростью, б) благоприятным географическим положением, в) прекрасным знанием особенностей конкретной местности. Слушатели могут идентифицировать героя и следовать событиям, этим повышается достоверность предания. Героем является обычно Лаурукайнен (Laurukainen) или Лаврекаш (Lávrekaš). К героям относятся также члены семьи Пяйвия (Päiviö), сам Пяйвий или его сын Йоханн (Johann). Но обычно вожди-предводители безымянные, их называют словом «один старик». В северносаамских областях предводителем может быть и молодой человек.

Лаврекаш предстаёт в текстах героем, наделённым волшебными и шаманскими способностями. Слово «волшебный, магический» выступает для него как *epitheton ornans* (‘украшающий эпитет’). Обладателями волшебной силы, магических свойств являются и другие вожди, как Йоханн Пяйвий и сам Пяйвий. Бартенс подчёркивает, что магия в преданиях группы A проявляется нерегулярно, её нельзя считать закономерной для этой группы сказаний. Совершенно по-другому выглядит картина в легендах групп B (1–7) «Саами побеждают врагов с помощью магических предметов», C (1–14) «Спасение благодаря сверхъестественным силам или существам» и D (1–7) «Саами накликивают непогоду для спасения». Магические предметы владеют способностью уничтожать сверхъестественные силы противника. К таким предметам относится, например, игрушечная стрела маленького мальчика. Сверхъестественными существами являются колдуны, маги, способные превращаться в невидимки для противников. Они используют те же средства борьбы, что и герои в текстах группы A. Часто встречается Лаврекаш или Акимелек (Akimelek, фин. Ikämieli), новый герой и великий чародей, а также известный читателю Пяйвий, обладающий особыми качествами, как, например, способностью сделать отверстие в горе для спасения саамов. Бартенс пишет, что маг-мужчина, саамский *noaidi* (нойда), как представитель шаманизма, выступает в сказаниях не так часто и появляется не по всему ареалу преданий о чуди-противнике.

Среди существ нечеловеческого происхождения группы C называется медведь, находящийся в исключительных отношениях с человеком, земной дух, использующий эффект обмана зрения, священный Сейда (сейд) (саам. *sieidi*), проявляющий себя в случаях, когда с ним несправедливо обращаются.

В сказаниях данной группы на просьбу помочь Сейда не реагирует, а в легендах группы D, наоборот, часто оказывает свою помощь. Своеобразными являются предания, в которых героями выступают женщины или священнослужители. Пастор обладает волшебством, которое проявляется несколько странным образом: он пишет что-то на бумаге и бросает письмо или записку в море (D 2).

От группы D отличаются сказания, в которых противник подвержен воздействию местного климата (I, 1–5). Вариантов подобных сказаний немного. В большинстве групп преданий саамы активно выступают против врага и побеждают его. Близко стоят к рассказам данной группы легенды группы J (1–6): «врагов одолевают силы природы». Для названных групп характерно то, что вариантов у них немного, распространены, в основном, в северносаамских районах и к востоку от них. Предания группы J (1–6) встречаются исключительно на северносаамском побережье, отдельные тексты записаны на Кольском полуострове.

Герои-женщины рассказов группы D умеет управлять водой, осадками и ветром. Исполнением йойка они могут создать фьорды или вызвать снежные бураны. Речь идёт о бедных, страшных на внешность или не очень юных девушках, за которыми молодые люди не ухаживают, но которые умеют использовать ситуацию в своих целях. Они обычно решительны, лукавы, хитры, иногда склонны к боязни и пугливости. Последнее характерно для колтта-саамских (скольтских) сказаний. Скольтские женщины по традиции склонны к так называемой «арктической истерии». Аналогичные женщины-герои выступают и в преданиях группы K.

Кроме положительных качеств, женщине приписываются и отрицательные черты. Обычно она предает или приводит жителей к опасности из-за своего непослушания, глупости или чрезмерной болтливости. Предательницей выступает жена Лаврекаша, могут предать и другие жены. Выдать своего отца врагу может дочь, своего хозяина – слуга. Мотивом служат сварливость и коварство. Сказания характерны для восточных районов северных саамов, включая пограничные районы и колтта-саамов. Жён-предательниц может убить сам муж, но обычно их уничтожают враги. Непослушание, болтливость, неосторожность приводят к гибели саамов и в других преданиях (см. группу M). Такие сказания распространены и в западных районах обитания саамов.

Из 69 сказаний, в которых саамы побеждают врага с помощью оружия (F 1–13), самым богатым является тип F 2, представленный 29 примерами. Все же эта группа незначительно уступает группе сказаний, в которых на передний план выступает хитрость (E 1–12). Оружием являются стрела и лук, искусное владение которыми приводит к победе. Для преданий характерен дух защиты. По сравнению с группой F (саамы побеждают врага оружием), группа G 1–11 (сильные и знаменитые мужчины в борьбе с врагами) представлена небольшим количеством текстов. Знаменитым является Лаврекаш, хотя в легендах о нём имеются значительные расхождения. Вместо хитрости выступает сила. По сравнению с остальными сказаниями о героях-вождях, предводителях, спокойно передвигающихся по пространству, действие в этих преданиях происходит внутри или около жилища героя. У него появляются помощники – братья. Эти

рассказы характерны для восточных районов. Интересно то, что в саамских сказаниях нет женщин, обладающих силой, но у сильных мужчин, которых «шведы» забирают с собой, т.к. они нуждаются в сильных мужчинах, есть сильные матери, которые в большинстве случаев сильнее своих сыновей. Оружием сильных мужчин является металлический прут или дерево. При этом они могут демонстрировать неистовую ярость борца. Братья могут появиться или вместе, или врознь. Иногда один из них не способен сражаться, потому что напился. Пьянство, например, в рождественскую ночь может иметь за собой тяжелые последствия, см. G 6: 2, 3 или тип N 1, в котором в рождественское утро русские убивают пьяных саамов-мужчин. В одном предании под влиянием неизвестного алкоголя король саамов подписывает договор о передаче земли после своей смерти норвежскому королю (R 3).

«Исторические» предания.

В связи с врагами-чудями возникает вопрос, насколько эти сказания могут быть историческими, может ли фольклор послужить своего рода историческим источником? Враги саамов наступали или с востока, или с запада. В соответствии с этим они называются «русскими», «карелами» или «шведами» иногда «финнами». По мнению исследователей, линия наступления могла тянуться от области Финнмарк в Норвегии до Вестерботтен – Лаппмарк на юге. Отдельными пунктами нападения являлись и крупные норвежские фьорды. Переходными зонами нападений могли быть области Арьеплуг и Турне-Лаппмарк [7, с. 133]. Часть исследователей подчёркивает и тот факт, что многие мотивы саамских сказаний о врагах встречаются в материале соседних народов, они являются как бы общими и поэтому нуждаются в более полной исторической оценке. Наличие этнонимов «шведы», «карелы», «русские» в преданиях связано, по их мнению, с налогообложением саамского населения. Враг вторгается извне, а не является «собственным налогооблагателем». При этом для саамов было всё равно, являлся ли представитель шведов шведом или финном, а русский сборщик налогов – карелом или русским. Этнонимы выступали в преданиях параллельно и обозначались одним словом «разбойники» или «грабители». А в областях, где в качестве названия врага выступает «чудь», по мнению тех же исследователей, нет связи между историческими событиями и соответствующими преданиями, данный этноним является этнически нейтральным понятием.

В преданиях, в которых описываются нападения на обитель в Петсамо (O 3, O 4, O 5) и на Колу (Q 1A, Q 1B, а также A 1: 20, A 4), враг обозначен словом «чудь». Сказания ограничиваются областью Аккала, вплоть до восточного северносаамского побережья, т.е. областью смешения северных и колтта саамов. Ареной боевых действий является река Тулома, приводятся названия населённых пунктов, как жертв событий. На карте «Карелия как поле сражения. Карелия между Востоком и Западом II», составленного Хейки Киркиненом, отмечены пути финнов и шведов, когда военный поход 1591 и 1611 годов вёл к крепости Кола через эту реку. В 1589 году достигли крепости Кола через Петсамо и возвратились вверх по Тулома. В архивах имеются сведения об этих неспокойных временах. Речь идёт не о военных действиях, но о незаконных налогах, подчёркивает Бартенс [см.: 7, с. 134].

Предания как отражение (исторической) жизненной реальности саамов.

Бартенс обращает внимание на то, что исследователи саамских преданий высказывают предположение о достоверности отдельных событий в сказаниях. Рассматривая экономическую ситуацию по преданиям, они приходят к мысли, что на побережье саамы были богатыми людьми (A 1), что у них, по словам чудей, имеются церкви и запасы продовольствия, а также товарные склады, которые чуди обворовывали (J 3). Подчёркивается, что чуди нападали часто поздней осенью или под Рождество, когда норвежские и шведские саамы приезжали на ярмарки для продажи шкур животных и оленьих шкур, и, естественно, было, что у них воровать. Рассказы типа D 2 о событиях на побережье подтверждают факт, что первые церкви появились именно на побережье.

Как точно предания могут отражать быт саамов, говорится в легенде L 2, в которой рассказывается о том, что враг не смог обнаружить саамов, потому что они спрятались в боковом помещении. Подземное жилище состояло из входа, от которого по обе стороны шли боковые помещения и которое завершалось одним пространством. Реалистическими являются предметы домашнего обихода (M 1), которыми пользовались женщины, и сама их работа по домашнему хозяйству. В качестве доказательств приводятся реликты как материальные, так и нематериальные, например, человеческие кости, черепа; «останки» русских, оружие и части оружия (наконечники стрел) и т.д. (см. G 1, M 2, M 4). Бесспорными являются топонимы, встречающиеся почти во всех сказаниях не только группы A (см.: 84 сказания группы A, типы 1–13), но и в других. Наличие реальных деталей в преданиях усиливает достоверность рассказов.

Предания о врагах как отражение социальных и межэтнических отношений.

Речь идёт о более позднем слое сказаний, об этом свидетельствует факт их распространения. Они одновременно отражают отношение саамов к своей социальной среде, отношение к властвующим, начальникам и оседлому населению, шведам или крестьянам, см., например типы O 1 (13 сказаний), O 11 (6 сказаний), в которых отрицательное отношение саамов к крестьянам изображается наглядно и достаточно грубо. Мотивом для убийств со стороны шведов или крестьян являются алчность, жадность к деньгам и серебру саамов, которые в те времена были очень богатыми. Но среди врагов были и такие, которые помогали саамам (P 2: 1, 2, 5).

Начальство, власть выступают в образе пастора, чиновника или самого короля. Роль пастора интересна тем, что имеется явное противоречие в его изображении в северносаамских и более южных сказаниях. На севере существует прочная связь между пастором и его приходом. Он спасает своих прихожан от врагов (D 2) или делит с ними их участь: его убивают (O 2). На юге пастор обычно является врагом своих прихожан, он хочет их уничтожить (O 1, P 1: 2, P 2: 1–3); называются такие причины, как жадность, стремление забрать оленей саамов (O 1: 12). Жена пастора, своего рода представительница власти, выступает в сказаниях в положительной роли; она пытается предупредить об опасности, но препятствием становится непонимание саамами шведского языка.

Но и в южных сказаниях пастор выступает иногда защитником своих прихожан, проявляет о них заботу (P 1: 1, O 1: 2).

В сказаниях чиновники приходят обычно вместе с карелами (F 2: 17), выступают в образе глав земель, «сотрапезников» священников (P 1: 2), уголовных преследователей и судей (O 11: 2, 3). В последней функции они рисуются медлительными, нерешительными, складывается такое чувство, что ими руководят их жёны, которые, как и жёны пасторов, оказываются более человечными и позитивными героями.

Роль короля в сказаниях является амбивалентной. В одном предании он отправляет чудей на борьбу с саамами, но получает ранение и больше их не отправляет (E 1: 12). Во втором случае король после того, как его войско было дважды разбито, оставляет свое намерение убивать саамов, облагает их налогом в размере беличьего меха с каждого саама (E 1: 25). В третьем тексте король инициирует сжигание саамов в церкви (O 1: 11). В другом рассказе он заставляет стрелять в яйцо на голове мужчины (O 1: 1) и т.д. В них король выступает на стороне врагов, которые, по всей вероятности, защищали его интересы. Положительной является роль короля, когда он награждает саамских героев за помощь в уничтожении противника (A 1: 30, 53), вознаграждает саамского вождя или отправляет корабль для спасения саамов (P 2: 1, 2), становится на сторону саамов, когда одна отважная женщина специально прибывает в Стокгольм (P 1: 2, 3). Не всегда в сказаниях можно определить функцию короля, потому что не ясно, представляет ли он чужую страну или государство, к которому относятся саамы. Несмотря на отрицательный опыт в столкновениях со шведами, все же саамы проявляют себя верными подданными и помогают королю, потерявшему в сражении своё войско (Q 3).

Бартенс пишет, что вмешательство людей власти или тех, кто относится к начальству, рисуется обоснованным только в исключительных случаях: саамы провинились, поэтому солдаты убивают страшных саамов. В одном сказании говорится, что один крестьянин угощает саамов, убивших жителей местности, одновременно призывает солдат и с их помощью уничтожает саамов.

В то время как южные предания говорят о напряженном, отрицательном отношении саамов к местному шведскому населению, на севере отношение саамов к норвежцам было более дифференцировано. Имеются два предания, по которым в одном случае саамский король берёт хитростью норвежского короля и его подданных, а в другом – наоборот (см. R 2: 2, R 3). По всей вероятности, последний рассказ связан с введением алкоголя во время торговых сделок между саамами и скандинавами, когда саамов часто обсчитывали. Отдельные сказания (см. F 11) свидетельствуют о том, что норвежцы ненадёжные партнёры в борьбе с чудями, и безоружные саамы одни побеждают своих врагов. Сказания A 1: 56, F 2: 10, F 9 и F 10 говорят о совместной борьбе против врага. В F 9, например, норвежец спасает одного саама, и они вдвоём уничтожают врага, в F 10, наоборот, саамы предупреждают норвежцев и передают им оружие врага в руки, т.е., как отмечает Бартенс, можно говорить о равнозначном партнерстве. Об этом свидетельствуют и норвежские сказания, в которых саамы спасают норвежцев от врагов (русских, чудей или карелов). Несмотря на дискриминацию со стороны

норвежцев, которую испытывали саамы, всё же они проявляют себя хорошими патриотами, а, значит, и важной частью общества.

Следует подчеркнуть и роль купцов в преданиях, встречающихся в Инари, на восточном северносаамском побережье, а также в западных северносаамских районах. Купцы приходят вместе с врагами (M 3: 4, C 12: 3, D 1:5). В C 12: 1 и G 4 купцы проявляют себя как разведчики, в S 2 они отождествляются с разбойниками. Но иногда купцы выступают и на стороне саамских героев (A 8: 8, H 1: 2). В другом рассказе саамы спасают купца от чудей (S 1).

К социальной области относятся и предания, рассказывающие об истории поселения, о происхождении населения определённой деревни и т.д. (E 8: 6, 7; C 6; K 6; E 9: 12; M 3: 2).

В рассказах о врагах саамы показываются людьми, способными постоять за себя и не робеющими, не падающими духом, и они выходят победителями в сражениях. Героем часто является одно лицо, которое устраняет опасность, или два лица, обычно братья, сплочённость которых приносит успех. В одной части рассказов приходят сверхъестественные силы на помощь. Но среди врагов могут иметься люди, обладающие волшебной силой, но их волшебство обычно неэффективно. Противник обладает, кроме эгоизма, который он может направить и против своих сотоварищей, одной слабостью, которая, как считает Бартенс, заключена в иерархической структуре врага. Если вождь или король исключается из сражения, т. е. враги остаются без предводителя, тогда для них остаётся только один путь – отступление (M 5B). О предводителе со стороны саамов говорится в предании E 1: 6, это один из самых значительных типов рассказов, в которых говорится об организованных действиях саамов. Сказания обычно подтверждают ту мысль, что одиночка (любой), может сделать многое для блага общества, может его спасти; эти сказания могут также утверждать, что одиночка способен и навредить этому обществу (M 1 – 7).

Появлению сказаний способствовали также такие факторы, как негативное снижение численности саамского населения, оттеснение их с исконных земель (O 11: 2). Обычно не остаётся ни одного саама (или умерли, или их прогнали). Вместе с уничтожением саамов исчезает оленеводство. Оленеводство, например, шведских лесных саамов сталкивается с экономическими интересами прибывшего населения. Деятельность переселенцев отрицательно сказывается и на рыболовстве, которое являлось важной жизненной отраслью для лесных саамов.

Сказания свидетельствуют о том, что саамы способны благодаря своим знаниям и умениям создавать опасные ситуации, но они редко видят себя у власти.

Другие религиозные представления саамов.

Роль шаманов и волшебная сила, встречающиеся в сказаниях, послужили своего рода основой при систематизации материала. Кроме них, в рассказах выступает пророческая сила сна. Примеры имеются на территории обитания саамов с востока до юга (см.: E 8: 10, 12; F 2: 27). Сны предсказывают смерть, судьбу, дают предостережения, которым необходимо следовать, иначе можно погибнуть (C 5; O 10; B 1). В сказании O 10, например, говорится о мужчине,

которому приснилось, что через три дня придут чуди. Он сам спасается, остальные погибают, потому что не поверили ему.

Следует отметить пророческие способности глухонемых (О 11), такие способности, которые традиционно приписываются слепым. Слепые также выступают в сказаниях, например, в О 2: 8 слепая женщина является матерью двух братьев, которые уничтожают убийц своего народа.

Особая роль приписывается беременности (В 3, 4): беременную женщину не могут достать обычные стрелы, а только что-то такое, что принадлежит другой женщине.

Примечательным является повествование, в котором говорится о мужчине-чуди, превратившемся на берегу Сейдозера в камень. Его почитают как сейда, или сейду. Саамы дают ему табак, когда они рыбачат на озере, а женщины боятся мимо него проходить по берегу.

В целом, в книге рассмотрены 605 примеров, разделенных на 159 типов. 157 рассказов с побережья северных саамов составляют 26 %, другие 112 текстов или 18,5 %, приходятся на глубь страны. Богато представлены традиции колтта-саамов (76 примеров, 12,6 %), хотя они проживают на территории нескольких государств. Они немногочисленны, но осознают угрозу извне, поэтому объяснима существующая и поныне традиция повествования о врагах. Значительно меньше представлены повествовательные традиции о врагах у луле-саамов (20 сказаний, 3,3 %), хотя линия «нападения» проходила как раз через их территории. Можно предположить, что луле-саамы не так сильно воспринимали внешнее давление, чем саамы, проживающие южнее их, потому что число сказаний с южных территорий проживания саамов удваивается.

Среди преданий о врагах в образе чудей на втором месте стоят сказания, связанные с карельским великаном Стало. Для Стало имеется много объяснений, его изображают как существо, отражающее исторические контакты и конфликты саамов с другими народами. Исследователи находят много соответствий между чудями (и другими протагонистами) и Стало. Все они характеризуются чужими. Чужими для саамов делают их язык, омерзительное поведение, и то, что они вторгаются в жизненные пространства саамов. Исследователи находят соответствия и в функции рассказов с точки зрения дидактического аспекта (саамы обладают знанием, которое у врагов отсутствует, и саамы сами в состоянии создавать ситуации), они отражают дух сплочённости и укрепляют его в условиях политического, социального и экономического ухудшения положения. В преданиях находит отражение и этническая идентичность.

Книга Бартенса поднимает многие вопросы, связанные с традициями в повествованиях о врагах саамского народа. Он даёт как бы импульс для дальнейших исследований в области преданий и легенд, как, например, о связях саамских рассказов о врагах со сказаниями соседних народов. Скептически относится он, как подчёркивает сам, к вопросу об историчности сказаний, но высказывает мысль, что подробный анализ всех преданий может дать совсем иную картину. Всё же он уверен в том, что, если народ рассказывает о своём прошлом как о собственной, только ему присущей, правде, то эта правда не является еще историей в смысле исторической науки, а является фольклором.

Поэтому фольклор должен исследоваться с точки зрения фольклорной науки, считает Бартенс [7, с. 147].

Вторая книга Бартенса под названием «Sagen aus Lappland». («Предания из Лапландии») посвящена обзору саамских сказаний и их классификации. В начале книги автор знакомит читателей с саамами, местами их обитания, их жизненным укладом, пишет о повышении политической активности, борьбе за свои права, начиная с XIX века, о возрождении культуры, искусства саамского народа, о его духовном наследии, подробно останавливается на традиционной песне саамов – йойках. Веками они были запрещены, потому что их связывали с песнями саамских шаманов, колдунов. Йойк является своеобразным как с точки зрения своей мелодии, так и текста. На севере и западе проживания саамов он состоит всего из нескольких слов, но, благодаря мелодии, он вызывает такие картины и ассоциации у саамов, которые связаны с их традиционным жизненным укладом. Подчёркивается, что йойки способствуют развитию чувства самоидентификации. Предметом этих традиционных песен являются окружающая среда, типичные повседневные дела. Сейчас йойки исполняются в сопровождении музыкальных инструментов, и они стали популярными далеко за пределами проживания саамов.

Саамские легенды и предания, по сравнению с йойками, не так сильно повлияли на укрепление чувства саамской идентичности. Главной функцией сказителя было самоутверждение, защита своего против чужого, независимо от того, был ли материал предания его собственным или он перенял его от соседа. Сказания очень разные как по количеству, так и по содержанию. Целью данной книги, подчёркивает Бартенс, является демонстрация этого многообразия преданий. Благодаря тому, что материал взят со всего ареала саамского народа, в нём выступает, с одной стороны, соединяющая линия в так называемых исторических преданиях, повествующих о нападении врагов и защите против них; с другой стороны, проявляются региональные различия, которые, по всей вероятности, основываются на разных религиозных представлениях саамов, а также образе и форме жизни отдельных групп саамского народа.

Зафиксированные в письменной форме предания автор классифицирует по тематическим группам: 1) происхождение саамов и их образ жизни; 2) подземные духи; 3) подводные духи; 4) остальные духи; 5) стало; 6) богатыри; 7) черти; 8) колдуны и сейды; 9) изменившие свой облик люди; 10) встреча людей и животных; 11) болезни; 12) предания о церквях и колоколах; 13) предания о сокровищах; 14) предсмертные и другие знаки; 15) смерть и умершие; 16) морские привидения; 17) сказания о нечистых силах (призраках); 18) враги; 19) воры и злодеи; 20) сильные и другие люди; 21) мифическое и земное; 22) конец света. Каждая из этих групп включает в себя от двух до двадцати девяти сказаний, коротких или длинных. Наибольшее количество преданий имеется о колдунах, волшебниках и сейдах (29), а также про смерть и об умерших людях (29). По количеству сказаний на втором месте стоят предания о подземных духах (26). После них следуют тематические группы о врагах (18), подводных духах, встрече людей с животными, морских привидениях, мифическом и земном (по 13 сказаний), о стало и предсмертных знаках (по 12 легенд), о ворах и злодеях (10), о происхождении саамов и о чертях (по

9 преданий), о болезнях (7), об изменивших свой облик людях и нечистых силах или призраках (по 6 сказаний). Лесным духам и домовым, составляющим тематическую группу «Остальные духи» посвящено 5 преданий. Такое же количество сказаний включает группа о сильных и других людях. Мало сказаний имеется о сокровищах (4), богатырях, церквях и колоколах, а также о конце света (по 2 легенды). После каждого предания дается информация об источниках – когда, где и кем они записаны. Отдельные тематические группы снабжены вступлением, как, например, тематические группы о подземных [6, с. 19–20] и подводных духах [6, с. 79], стало [6, с. 108–109], колдунах (шаманах) и сейдах [6, с. 153–154), болезнях [6, с. 232], сокровищах [6, с. 246], предсмертных и других знаках [6, с. 254] и врагах [6, с. 343–344]. Например, о стало-легендах автор подчёркивает, что они распространены по всему ареалу, хотя в восточной части они встречаются реже. Стало относится к важнейшим сверхъестественным существам в саамской традиции, продолжает жить и вбирать в себя новые черты, играл и играет значительную роль в политическом, социальном и культурном дискурсе. Стало обычно предстаёт существом мужского пола, противостоящим человеку, ему присущи человеческие черты, но он может превращаться и в зверя. Его волшебство проявляется и в том, что он может стать незаметным для человеческого глаза. В сказаниях часто описывается борьба стало с человеком, в которой, несмотря на свой рост и силу, он проигрывает. На поле сражения он выходит, посвистывая. На борьбу он вызывает шаманов или известных среди саамов людей. Он изображается фигурой-одиночкой, но, по преданиям южных саамов, у него есть семья: жена и дети. Его жена предстаёт обычно вампиром. Стало является также частой фигурой в саамских сказках, но он в них играет роль глупого чёрта или великана.

В конце книги приводится послесловие [6, с. 442–454], в котором Бартенс останавливается на истории сбора и изучения фольклорного материала саамского народа, приводит имена учёных, положивших начало сбору и изучению материала, даёт оценку их деятельности, подчеркивает важность и значение их работ. Одновременно автор говорит, что в данном сборнике собраны как широко распространённые тексты, так и сказания, встречающиеся в единичном экземпляре. Это дает возможность широко и многосторонне представить саамский материал. Относительно переводов на немецкий язык Бартенс подчёркивает, что они максимально были приближены к оригиналу. Отдельно останавливается на этнонимах, топонимах, антропонимах.

К книге прикладывается современная цветная карта расселения саамов, составленная профессором Пекка Саммаллахти.

Литература

1. *Кузнецова Маргарита* (резюме): Бартенс, Х.-Х. *К вопросу о модальности в марийском языке* // Beke-Szimpózium (Beke Ödön *Cseremisz nyelvjárási szótár*ának megjelenése alkalmából. 2001. December 13.). Szerkesztette Margarita Kuznecova, Pusztay János / Bibliotheka Ceremissica VI. Szombathely, 2004. С. 66–67.

2. *Bartens Hans-Hermann*. Die finnisch-ugrischen Minoritätsvölker in Europa // Mitteilungen der Societas Uralo-Altaica 19. Hamburg, 1998. 62 S.

3. Bartens Hans-Hermann. Die finnisch-ugrischen Minoritätsvölker in Europa (überarbeitete Auflage) // Mitteilungen der Societas Uralo-Altaica 19. Hamburg, 2000. 68 S.

4. Bartens Hans-Hermann. Dynamische Modalität im Tscheremissischen I // Linguistica Uralica 35. Tallinn, 1999. S. 22–34.

5. *Bartens Hans-Hermann.* Lehrbuch der saamischen (lappischen) Sprache. Hamburg, 1989. 533 S., 1 Karte.

6. Barten Hans-Hermann. Sagen aus Lappland // Hrsg., übersetzt und kommentiert von Hans-Hermann Bartens. Berlin, 2018. 463 S., 1 Karte.

7. *Bartens Hans-Hermann*. Tschuden und andere Feinde in der saamischen Erzähltradition // Folklore Fellows' Communications 312. Helsinki, 2017. 183 S.

8. *Bartens Hans-Hermann*. Zu den rhetorischen Fragen im Tscheremissischen // Ünnepi könyv Mikola Tibor tiszteletére. Szeged, 1996. S. 39–44.

9. *Bartens Hans-Hermann*. Zum Ausdruck der deontischen Modalität im Tscheremissischen // Festschrift für Raija Bartens zum 25.10.1993 / Mémoires de la Société Fenno-Ougrienne 215. Helsinki, 1993. S. 37–47.

10. *Bartens Hans-Hermann*. Zur Modalität im Tscheremissischen // Beke-Szimpózium (Beke Ödön Cseremisz nyelvjárási szótárának megjelenése alkalmából. 2001. December 13.) Szerkesztette Margarita Kuznecova, Pusztay János / Bibliotheka Ceremissica VI. Szombathely, 2004. S. 53–67.

УДК 821.511.131

В.Г. Пантелеева
Литературный институт им. А.М. Горького (г. Москва)

«ПОДВОДНЫЕ КАМНИ» ПЕРЕВОДА АВТОРСКОЙ СКАЗКИ: ИЗ ОПЫТА УДМУРТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 1930–50-х ГОДОВ*

Статья посвящена изучению образно-стилевых особенностей перевода авторской сказки на материале удмуртской литературы 1930–50-х годов. Объектом исследования явилось творчество как русских авторов (Д. Мамин-Сибиряк, В. Гаршин, С. Аксаков), так и зарубежных классиков (Андерсен), в больших объёмах и регулярно переводившихся в указанный период.

***Ключевые слова**: авторская сказка, удмуртская детская литература, перевод, стилистика переводного текста.*

Одной из функциональных особенностей удмуртской переводной литературы 1930-х гг. является обеспечение практических условий для «развития народного самосознания или <…> развития просвещения» [3, с. 503] этноса в реалиях зарождающейся советской школьной системы образования и государственной политики по ликвидации неграмотности среди взрослого населения. В этих условиях «спроса» на образование остро требовался большой корпус литературных текстов для чтения, в том числе для учебников по родной литературе, и в данном историческом контексте в качестве «предложения» чаще выступала не оригинальная, а переводная литература.

* *Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Удмуртской Республики в рамках научного проекта № 18-412-180006.*

Перевод детской и подростковой литературы на удмуртский язык, начиная с 1920-х гг. и вплоть до середины XX века, неизменно доминировал в общем объеме изданных переводных произведений. Кроме озвученной проблемы обеспечения образовательного процесса начальной школы литературой на родном языке, в этот период существовала и другая проблема – нехватка удмуртских детских писателей и поэтов. Детская тематика еще долгие годы будет лакуной в общем литературном процессе республики. И для ее восполнения требовались переводы.

Авторская сказка, пожалуй, дидактически самый востребованный жанр учебной литературы для младшего и среднего школьного возраста. Думается, именно с учетом ее функционально-методической значимости она много и регулярно переводилась на удмуртский язык в рассматриваемый нами период. Здесь точечно можно привести ряд примеров, который, конечно же, далек от полноты картины, но является неким «срезом» общей переводческой практики тех лет. Итак, наш самый краткий обзор переведенных сказок (исключая сказки Пушкина): В. Гримм «Кышкасьтэм вуриськись / Храбрый портняжка» (1937), У. Дисней «Куинь парсьпиос / Три поросёнка» (1937), Д. Мамин-Сибиряк «Алёнушкалэн сказкаосыз / Сказки Алёнушки» (1937, 5 текстов), Ш. Перро «Сказкаос / Сказки» (1937), «Гримм братъёслэн сказкаоссы / Сказки братьев Гримм» (1938, 18 текстов), В. Гаршин «Путешествовать карись эбек / Лягушка-путешественница» (1945; 1948), С. Аксаков «Юсь / Лебедь» (1941), «Лемлет сяська / Аленький цветочек» (1953), Г. Андерсен «Юсьёс / Лебеди» (1960, 5 текстов).

Вплоть до 1950-х гг. обозначение жанра «сказка» в переводных текстах приводилось в русском варианте, хотя К. Герд еще в 1919 году одно из своих произведений для детей «Гондыръёс / Медведи» обозначил удмуртским словом «выжыкыл». Язык большинства переводных сказок 1930–50-х гг. изобилует русизмами и калькированными оборотами, являющимися доказательством пока низкого уровня мастерства и языковой культуры удмуртских переводчиков первой половины XX века, с одной стороны, а с другой – неразвитости и негибкости лексического пласта удмуртского литературного языка.

Безусловно, такие языковые погрешности объективно приводили к буквализму, являвшемуся главным камнем преткновения. «Переводческий буквализм – явление кризисное. Он возникает тогда, когда задачи, которые ставит перед собой переводчик, его стремление передать особенности подлинника, ранее вообще не передававшееся, превышают языковые и стилистические средства, находящиеся в его распоряжении. Поэтому переводчик делает попытку достигнуть передачи требуемых особенностей за счет механической близости к подлиннику… Кризис, который они (буквальные переводы – *В.П.*) отражают, – это обычно кризис роста переводческой культуры, предшествующий переходу к более высокому ее этапу» [2, с. 30].

Между тем при анализе переводной сказочной прозы обнаруживаются весьма прогрессивные для этого периода языковые решения. В большинстве своём прослеживается общая тенденция замены повествования в прошедшем времени (в оригинале) на настоящее время в переводе (сказки иностранных авторов переводились с русского языка). Приведем три примера:

1. «Лягушка-путешественница» В. Гаршина:

«**Жила-была** на свете лягушка-квакушка. **Сидела** она в болоте, **ловила** комаров да мошку, весною громко **квакала** вместе со своими подругами. И весь век она **прожила бы** благополучно – конечно, в том случае, если бы не съел ее аист. Но **случилось** одно происшествие. Однажды она **сидела** на сучке высунувшейся из воды коряги и **наслаждалась** теплым мелким дождиком. "Ах, какая сегодня прекрасная мокрая погода! – **думала** она. – Какое это наслаждение – жить на свете!"

Дождик **моросил** по ее пестренькой лакированной спинке; капли его **подтекали** ей под брюшко и за лапки, и это было восхитительно приятно, так приятно, что она чуть-чуть не заквакала, но, к счастью, **вспомнила**, что **была** уже осень и что осенью лягушки не квакают, – на это есть весна, – и что, заквакав, она может уронить свое лягушечье достоинство. Поэтому она **промолчала и продолжала нежиться».**

*«Дунне вылын **улэм-вылэм (жила-была)** эбек-куаккетӥсь. Нюрын со **пукылэм (сиживала)**, чибиньёсты но нымыосты **кутылэм (ловила)**. Аслаз эшъёсыныз ӧош тулыс со кужмо **кесяськылэм (квакала)**. Вань даурез ӧоже ик со умой улысалыз дыр, аист ке сое ӧй сиысалыз. Нош **луэ (происходит)** одйг паймымон учыр.*

*Одйг пол со вуысь мычиськем кыпылэн улваез вылын **пукем (сидела)** но кыдыртӥсь шуныт зорен **гусъяськем (кормилась).** «Ой, туннэ куазь кыӵе мускыт, шулдыр! **– малпа (думает)** со. – Та дуннеын улон – макем бадӟым шумпотон!»*

*Лакен буям кадь, чибориё чилясь вылтырзэ солэсь зор **коттэ (мочит).** Зор шапыкъёс солэн кӧт улаз но пыдъёсыз вылэ **вияло (капают)**. Нош солы та зор туж **умой потэ**. Умой потэмен ӧжыт гинэ куаккетыны уг кутскы, собере **тодаз лыктэ (вспоминает)** сӥзьыл куазь. Нош сӥзьыл куазе эбекъёс уг ни куаккето, со понна тулыс вань. Собере куаккетӥз ке, эбек аслэсьтыз данлыксэ ыштоз. Соин ик **чалмытске (затихает)** но гань-гань **пуке (сидит)*** (1948 г., переводчик не указан).

2. «Гадкий утёнок» Андерсена (пер. на русский А. Ганзен):

«Хорошо **было** за городом! **Стояло** лето, рожь уже **пожелтела**, овсы **зеленели**, сено **было сметано** в стога; по зеленому лугу **расхаживал** длинноногий аист и **болтал** по-египетски — он **выучился** этому языку от матери».

«*Туж шулдыр город сьӧрын (без глагола)! Куазь гужем (именная конструкция, без глагола). Бусыын сезьы **вожектэ (зеленеет),** ӟег **ӵужектэ** ини **(желтеет),** турын зуродэ **сюремын (сметано);** вож гуждор вылтӥ кузь куко аист **вамышъя (шагает)** но египетской кылын **ӟабыльтэ (болтает)** – та кыллы со аслаз анаезлэсь **дышиз (научилась)»*** (1960 г., перевод А. Климовой).

3. «Серая шейка» Д. Мамина-Сибиряка:

«Наступившие морозы **делали** свое дело. От большой полыньи **оставалось** всего одно окно, в сажень величиной. **Лед был** крепкий, и Лиса **садилась** на самом краю. Бедная Серая Шейка со страху **ныряла** в воду, а Лиса **сидела** и зло **посмеивалась** над ней:

– Ничего, ныряй, а я тебя всё равно съем… Выходи лучше сама.

Заяц **видел** с берега, что **проделывала** Лиса, и **возмущался** всем своим заячьим сердцем».

*«Пумен кезьытгес луись куазь аслэсьтыз ужзэ **лэсьтэ (делает)**. Шурлэн кынмымтэ азьыз сажем пасьта гинэ **кылиз** на **(осталось)**. Йӧэз зол, табере Зичы йӧ дуре ик **пуксе (садится)** ини. Куанер Пурысь Чырты кышкаменыз вуэ **зымылэ (ныряет)**, нош Зичы **пуке (сидит)** но ас понназ лекын **серекъя (смееётся)**:*

– Я, зымылы ойдо, дыр вуоз-ай, мон тонэ одно ик сиё...Лучше пот татчы ачид.

*Зичылэсь мар каремзэ Луд Кеч ярдурын ваньзэ **адӟе (видит)** но кеч сюлэменыз пумтэм **йыркуръяське (злится)»*** (Перевод Л. Перевозчиковой).

Очевидно, что подобная тенденция тесно связана, с одной стороны, с природой удмуртской сказочной прозы, а с другой – с фольклорно-мифологической традицией, в целом, опосредованно восходящей к эпическому времени (повествование о далёком прошлом, как о настоящем). Доминанта настоящего глагольного времени позволяет создать в сказке иллюзию происходящего «здесь и сейчас, перед моими глазами», что максимально приближает текст к читателю, в данном случае – к ребёнку. Можно в этом контексте вспомнить и короткие басни Л. Толстого о животных, написанные по большей части в настоящем времени и другие, не менее интересные, образцы из русской и мировой литературы.

Первый пример интересен еще одной удачной переводческой находкой. Все глаголы прошедшего времени первого абзаца оригинала переведены формой неочевидного прошедшего времени глагола – доминантным признаком удмуртской сказки: «улэм-вылэм = оказывается, жила-была», «кутылэм = оказывается, ловила», «кесяськылэм = оказывается, квакала» и т.д. Использование в переводном тексте несуществующей в русском языке формы неочевидного прошедшего времени создает иллюзию «своей» сказки, написанной на родном языке, и, в целом, ярче высвечивает сказочность действа: оказывается, когда-то так и было.

Именно на этот языковой грамматический нюанс обращает внимание А. Клабуков в газетной рецензии 1953 г., анализируя перевод сказки С. Аксакова «Аленький цветочек». Его критический взгляд цепляется за первое предложение удмуртского текста: *«Кыӵе ке но царствоын, кыӵе ке но государствоын **улӥз-вылӥз** узыр купец».* Нет, утверждает рецензент, здесь возможен и необходим канонический удмуртский сказочный вариант «улэм-вылэм / оказывается, жил-был». Тем более, если речь о неизвестно-далеком «каком-то царстве, каком-то государстве» [1].

Думается, рецензент был прав. А. Клабуков сам был заметной фигурой в переводческой практике указанного периода. Будучи детским поэтом, переводил многих и разное: классиков и современников, поэтов и прозаиков, сказочные и несказочные произведения русских и зарубежных авторов. Так, например, переложил на удмуртский язык несколько сказок Пушкина, в 1951 г. отдельной книгой издал «Приключения Робинзона Крузо» Дефо (с русской версии К. Чуковского). Хотя это произведение в жанровом плане и не подходит для нашего анализа, в нем есть одна любопытная переводческая находка. Речь о том,

что и будущее время глагола может живописать прошлое. Именно по такому «сценарию» работал А. Клабуков, переводя «Приключения Робинзона Крузо»: *«Нош куинетӥ араз пегӟыны удалтӥз ик. Со тазьы луиз. Мынам господинэ ялан, арнялы быдэ огпол-а, кык пол-а, корабельной шлюпка* ***кутоз*** *но морее кыдёке* ***чорыганы ветлоз*** *вал...»*. Обратный буквальный перевод: «Но на третий год всё же удалось сбежать. Случилось это так. Мой господин всегда, один или два раза в неделю, **возьмёт**, бывало, корабельную шлюпку и **уйдёт рыбачить** далеко в море».

Надо признать, что изображение прошедших событий глаголами будущего времени, в целом, характерно для повествовательной манеры оригинальной удмуртской прозы, в том числе сказочной, особенно в части выстраивания монологов-воспоминаний. И, видимо, для удмуртских переводчиков эта особенность письма может и должно стать профессиональным инструментом.

Литература

1. *Клабуков А.* «Лемлет сяська» // Советской Удмуртия. 1953. 1 нояб.
2. *Левин Ю.Д.* Об исторической эволюции принципов перевода // Международные связи русской литературы. М.-Л.: Сов. писатель, 1963. С. 20–48.
3. *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч.: в 15 т. Т. 4: Статьи и рецензии: 1856–1857 / под ред. *Б.П. Козьмина*. М.: Худож. лит., 1948. 984 с.

УДК 821.511.151

Ю.В. Полякова

Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

Науч. руководитель: Кудрявцева Р.А., д-р филол. наук, проф.

В. КОСОРОТОВЫН «ТУРА КУГОРНО» ПОВЕСТЫШТЫЖЕ ФОЛЬКЛОР ИНТЕРТЕКСТ (ПОНЯТИЙ-ВЛАК МОГЫРЫМ РАДАМЛЫМАШ)

Статья посвящена изучению фольклорного интертекста в повести марийского писателя Валентина Косоротова «Тура кугорно» («Крутые перевалы»). В ней выявлены жанровая структура и художественная функция интертекстуальных элементов. Материал систематизирован с точки зрения основных понятий (концептов), заключенных в фольклорном интертексте повести.

Ключевые слова*: марийская литература, В. Косоротов, повесть «Тура кугорно» («Крутые перевалы»), фольклорный интертекст, фольклорные жанры.*

В. Косоротовын «Тура кугорно» повестыштыже марий калык ойпого дене кылдалтше поян интертекстым ужына. Тудо шукыж годым цитате формо дене палдырна, фольклорын тӱрлӧ жанрже да видше дене кылдалтеш (калыкмут, йоча фольклор, калык модыш, тушто, такмак, ойӧрӧ, преданий, калык пале да молат) да эреак могай-гынат кӱлешан сылнымут сомылым шуктен шога. Автор утларакшым калыкмут-влак дене пайдаланен. «Тура кугорно» повестьын туныктымо, персонажым да лудшым шуарыме сынжым фольклор интертекст палынак келгемда, тыгак серызын шке шочмо калыкше дене пенгыде кылже

палдырна. Шымлызе-влак интертекстым лончылымашын тӱҥ цельжым тыге ончыктат: «исследование проблемы взаимосвязи фольклора и литературы с точки зрения интертекстуального подхода во многом позволяет переосмыслить литературное произведение, методы его сравнительно-сопоставительного анализа; помогает представить особенности литературных традиций авторов разных эпох, раскрыть их идейно-эстетические, художественные позиции и взгляды» [2].

В. Косоротовын повестьыштыже кучылталтше фольклор материалым шымлен лекмеке, ме тӱрлӧ понятий-влакым умылтарыше калык ойпого ужаш-влакым муынна. Тиде статьян цельже – нине ужаш-шамычым понятий-влак, жанр да сылнымут сомыл могырым шымлаш.

1. **Илыш** дене кылдалтше фольклор интертекст.

Калыкмут:

– *«Ты тӱняште нимат курым-курымашлык огыл»* [1, с. 6];

– *«Парня ден парня тӧр огыл»* [1, с. 7];

– *«Кеч-кузе лӱмдо – кӧршӧк олмеш коҥгашке гына ит шынде»* [1, с. 13];

– *«Имне деч ончыч шӧрмечым кӧ налеш?!»* [1, с. 39];

– *«Илыш-модыш, пеледыш, южгунамже – нуж да коршаҥге, маныт вет»* [1, с. 44];

– *«Илен-илен, мом от уж, каен-каен куш от шу»* [1, с. 51];

– *«Кушто ме уке улына, тушто эре сай»* [1, с. 59];

– *«Пиалет уке гын, йодын от нал»* [1, с. 152];

– *«Айдемылан илыш ик гана вел пуалтеш»* [1, с. 215];

– *«Модыш гыч лодыш лиеш»* [1, с. 227];

– *«Илышет - пеледышет»* [1, с. 243].

Модыш:

– *«Чесым арам ида ыште – кушталтен-муралтен кодыза!»* [1, с. 70].

Йоча фольклор:

– *«Куш от тошкал – эре шыгыр кышкар»* [1, с. 118].

Чыла тиде калык ойпого авторын сылнымут йылмыжым пойдара да илыш умылымашыжым раш сӱретла.

2. **Тунеммаш, палымаш да моштымаш.**

Калыкмут:

– *«Попшо могай – приходшат тугаяк»* [1, с. 8];

– *«Ондак шкендым чыла шотыштат вурс гай шуаре!..»* [1, с. 16];

– *«Тунемшым огыт туныкто»* [1, с. 22];

– *«Имне вигак тӧрген кудалаш тӱҥалеш гын, йолжым туга»* [1, с. 39];

– *«Первый жапыште иктаж-мо тылат ок келше гынат, йылмет пурл, еҥын мо уто-ситыжым ужат-колат гынат, йолет чот пид…»* [1, с. 55];

– *«Чапетым рвезынекак арале»* [1, с. 90];

– *«Пеледышыжым йӧратет гын, лышташыжымат жаплыман»* [1, с. 99];

– *«Пирым йолжо пукша»* [1, с. 128];

– *«Шошо кече идалыкым пукша»* [1, с. 137].

Тиде фольклор интертекст авторын концепцийыштыже улшо дидактизм шӱлышым палемда.

3. **Юзо вий.**

Калык ойлымаш:

– «Шинчеда, мемнан тӱҥалтыш школнам сай вереш шынден огытыл вет… Моланже… Школ воктенак – Воман лаке. А Воман Лаке серыште, чоҥгата верыште, тыгыде куэр кушкын шогалын. Саде куэр гыч лач пелйӱдлан моткочак кугу, ош пондашан Вома кугыза лектеш. Кӧ тиде жапыште Воман Лакым эрташ тӱҥалеш – анҥырга, корным йомдара, иктаж-кушко миен лектеш да эр марте кавара. Поснак шорыкйол але коҥга пайрем йӱдым, поранан годым, колшо лектеш улмаш» [1, с. 20];

– «А саде школ пӧртыштыжо кикимыр ила… Пелйӱд шуэшат, чыла партым, ӱстелым, пӱкеным, эсогыл, пырдыж гыч тӧргалтен, доскам кышкылташ тӱҥалеш. Тидыже оҥай: кикимыр йӱдым чыла кышкылт, тугышт-тодышт пытара, эрдене ончат – чыла верыштыжак шинча, парт ӱмбак вочшо лайга пурак ӱмбалне эсогыл парня палат уке…» [1, с. 20–21].

Йомак:

– «Ожно рошто кастене качымарий-шамыч ик пӧртыш модаш погыненыт да ӱчашаш пижыныт: «Кӧ таче, пелйӱдлан, мончаш миен, тушеч монча кӱм нумал толаш тоштеш?» Икте лӱддымо лектын. Пелйӱдлан мончашке ошкыл колтен. А моло качымарийышт почешыже лектыныт да йышт кӱтен шогеныт. Лӱддымо рвезет мончаш миен пурен, кидшӱм дене монча коҥга ӱмбач кӱ моклакам налын да мӧҥгеш каяш тарванен. Тӱжвал омсашке лекташ веле кодын – омса аҥеш качымариетым пеш чапле ӱдыр аврен шогалтен: «Мыйым марлан налат гын, колтем!» – «Йолташ рвезе-влак монча кӱм вучат, нунылан намиен кодемат, вара тыйым налаш толам», манын, качымариет пыкше утлен, но кӱм пӧртышкӧ конден шуктен. Йолташыже-влак тудын деч йодыныт: «Монча омсам лекмет годым кӧ дене мутланышыч?» Качымариет нимомат пелештен кертын огыл – кенета йылмыже йомын. Тыге кум кече ик мутым пелештен кертде киен. Ала-кунам ожно рошто арня мучашеш пеш кугу поранан йӱдым модмаш гыч пӧртылшӧ Ануш лӱман ик мотор ӱдыр кылмен колен улмаш. Качыже капка ончык шумеш ужатен колтен, манеш. А кузе вара шке пӧртшо деч ӱдыр кораҥ каен да тошто арама дек миен лектынат, пушеҥге тӱҥеш энертен возын, изиш лиймеке, кылмен тӱҥын – тидым нигӧ огеш пале. Кызыт тудын чонжо пуйто чечен ӱдыр лийын коштеш, рошто пайрем еда ялыш унала толеш, манын…» [1, с. 94].

Ырым:

– «Ик пасу гыч весышке, ужар олыкышко, мӱндыр верлашке эр ӱжара нӧлталтме годымат, кас рӱмбалгыме пагытыштат ошкылам, шӱргем мӱй таман эр лупс дене шӱалтем, шокшо чевер кече дене коштен ӱштылам, капем пыл ора дене вӱдылам, кыдалешем чолга шӱдыр аршашым ӱшталам. Э-эх, кузе мый писын каем, имнем дене йӧрталтем, а пасушто патыр шудо кушкеш! Патыр шудо! Мыйын шокшо шӱлышем дене тый шочын отыл, мый тыйым йӱштӧ памаш вӱд дене чывылтен омыл: тый вӱдыжгӧ мландын ава гай помышешыже шочынат, тый писынрак да пеҥгыдынрак куш манын, ӱмбакет леве вӱдым каче кӱдынь лийдыме ӱдыр ден яндар чонан вате-влак шавен оптеныт. Э-эх, патыр шудем? Мый тыйым шолшо шӱм пелен шылтем, тый мыйым шояк, кӧраныше да шканышт пайдам веле кычалше еҥ-влак деч арале,

мыйын гай поро чонаным ӱедын ондалкалыше, йолко да аляк-лювык еҥ деч сакле – тек нуно мыланна азапым ынышт сӧрӧ, осал пашам ынышт шуно. Курым-курымешлан арале тый мыйым, патыр шудо! Осалжым ӧрдыжкӧ кораҥден шого, порыжым кӱдыкем лишемден тол!» [1, с. 63–64];

– «Чара ӱдырамаш конча гын, эрлашыжым але кумшешыжым обязательно черланен возам» – ырым; «Кугече кечын муным чия вӱдыш пыштыме деч ончыч яндар, ош муно ӱмбалан кугыеҥ дене пырляк йоча-влакат шке лӱмыштым возеныт. Чиялтымеке, кажне муным онченыт – тушан возымо иктаж-кӧн лӱмжӧ йомын, нугыдо чия вӱд дене палаш лийдымын петырналтын гын, пуйто тиде – сайлан огыл… Кӧн лӱмжо йомеш гын, пуйто вес кугече марте саде еҥ илен ок шу…» [1, с. 213].

Ырым, йомак, калык ойлымаш лудшым калык дек, юзо вий дек чакрак ыштат.

4. **Порылык – осаллык.**

Калыкмут:

– «Кумыл деч посна пуымо-налме – кукшо курика дене иктак! Логареш шинчеш…» [1, с. 155];

– «Ораде еҥын умшажым нимо дене петырен от керт» [1, с. 233];

– «Еҥын азапше негызеш пиал полатым чоҥен от керт» [1, с. 239].

Йоча фольклор гыч:

– «Осалже кайыже, порыжо пӧртылжак» [1, с. 188].

Тыгай фольклор интертекст лудшын илыш умылымашыжым пойдарышаш.

5. **Юмо.**

Калыкмут:

– «Юмо деч ю патыр» [1, с. 21].

Кумалтыш мут:

– «Юмо-пӱрышо, серлагышым пу, осал деч арале» [1, с. 15].

Ырым:

– «Йодын толшылан эреак пуыман, тидын олмеш юмо тылат вес гана пеш кугу суапым ышта» [1, с. 61].

Ойӧрӧ:

– «Кугыеҥ-влаклан кечывал марте пошкудо дек пурен лекташ ок йӧрӧ, тудын вольыкшо колен кертеш але вес азап лийын сеҥа» [1, с. 227].

Нине калык ойпого гыч налме текст полшымо дене автор кажне еҥ чонышко логалеш, юзым пурта.

6. **Йӧратымаш.**

Муро:

– «Лиеш гын, лийже ош мотор, / Ош мотор да яндар йӱкан» [1, с. 10];

– «Рожын ведрашке теменат да, / Вӱдан лиям, шонет мо? / Мариян ватым ужынат да, / Таҥан лиям, шонет мо?» [1, с. 21];

– «Йӧратымем пеленем укеат, кечыжат йӱшто, каважат пычкемыш» [1, с. 122].

Муро кумыл метафор да эпитет-влакым кучылтмо денат раш палдырна.

7. **Ӱдырамаш.**

Калыкмут:

– *«Ӱдырамаш… тудо тугае: вуетым кочкеш!..»* [1, с. 39];

– *«Ӱдырамаш пырыс гай, тудым кеч-кузе шуэн колто – садак йол умбак шогалеш»* [1, с. 78];

– *«Ӱдырамаш илышым сӧрастараш шочын»* [1, с. 148].

Калыкмут чыла вереат ӱдырамаш дек пагалымашым шочыкта, аклаш тарата.

8. **Ава.**

Калыкмут:

– *«Ава шӧрым кочкын, ушым налын огыл гын, каза шӧр дене акылан ок лий»* [1, с. 8];

– *«Аван ямдылыме сийлан мо шуэш»* [1, с. 151].

9. **Йоча.**

Калыкмут:

– *«Йоча шӱм – кӱ огыл»* [1, с. 170].

10. **Шӱм-чон.**

Калыкмут:

– *«Кӧн мо коршта, тудым рӱда»* [1, с. 204].

11. **Пӱрымаш.**

Калыкмут:

– *«Шке пиалетлан шке оза улат»* [1, с. 232].

12. **Игече.**

Калык пале:

– *«Шоҥго кап-кыл игече ваштaлтышым пеш шижеш»* [1, с. 93].

Тугеже, В. Косоротовын «Тура кугорно» повестьыштыже тӱрлӧ жанран да сылнымут сомылан калык ойпого компонент-влакым понятий-влак могырым ончен лекмеке, ме латкок понятий тӱшкам ончыктымо. Утларакшым фольклор интертекст илыш, палымаш, тунеммаш, моштымаш да юзо вий дене кылдалтын. Калыкмут авторын илыш умылымашыжым да марий калыкын тӱвыраж деке лишыл улмыжым палемда. Кажне фольклор интертекст элемент повестьын темыже, персонаж концепций да авторын чоншижмашыже ден шонымашыже дене чак кылдалт шога. Икманаш, калык ойпого ден литератур коклаште кӱрылтдымӧ кыл нерген ойлаш амал лектеш.

Литературт

1. *Косоротов В.Н.* Тура кугорно: повесть, ойлымаш-влак. Йошкар-Ола: Марий книга изд-во, 1990. 320 с.

2. *Хуббитдинова Н.А.* Проблемы фольклорно-литературных взаимосвязей применительно к национальной литературе // URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/36540/1/dc-2015-36.pdf (дата обращения: 01.09.2020).

УДК 821.512.141.09

Р.Ф. Хасанов
Бирский филиал Башкирского государственного университета (г. Бирск)

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ОСНОВЫ БАШКИРСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА

В статье определены особенности художественного освоения фольклорного материала в башкирском историческом романе, выявлены признаки фольклоризма в идейно-художественной структуре повествований о прошлом.

Ключевые слова: *башкирская литература, исторический роман, поэтика жанра, фольклоризм.*

Еще В.Г. Белинский определял роман как современную эпопею. Более всего это относится к историческому роману, в формально-содержательной структуре которого отчетливо видны такие основные жанровые константы эпоса, как эпичность, событийность (сюжетность), центробежность, повествовательность. Такие формы башкирского героического эпоса, как тауарих, шэжэре, кубаир и предание, посвященные значительным событиям и лицам прошлого, можно считать первыми образцами исторической прозы. Например, «тауарих» (тарих, что значит «история». – *Р.Х.*) – это «историко-литературные произведения XVIII–XIX вв., специфический жанр, имеющий отношение больше к литературе, нежели к истории» [5, с. 114].

Р. Баимов отмечает, что фольклор является первым этапом развития национальной, в том числе и башкирской, литературы, что в древности функции больших эпических форм – повести, романа, поэмы – выполняли героический эпос, кубаир, дастан, кисса и т.п. [1, с. 146]. «Почва для появления жанра романа была в какой-то степени подготовлена фольклором, особенно той его частью, которая носит название народной прозы», – отмечает А.Х. Вахитов [2, с. 8]. Другой исследователь жанра также считает, что «литературный роман опирается на фольклорную предысторию, где была открыта сама «художественная концепция жанра» [4, с. 125].

Как правило, произведения народного эпоса пронизаны героическим, трагическим, драматическим пафосом и патриотической идеей. Например, это характерно таким историческим легендам и преданиям башкирского народа, как «Урал-батыр», «Идукай и Мурадым», «Бошман-кыпсак батыр», «Кусем-батыр», «Акай-батыр», «Салават», «Кахым-туря», «Буранбай» и др. Герои этих произведений запечатлены как патриоты своей земли, борцы со злом, темными силами; их трагические судьбы, гибель во имя идеалов свободы, счастья народа воспринимается как оптимистическая трагедия.

В башкирском историческом романе можно отчетливо видеть отмеченные выше жанровые константы древнего эпоса – трагедийность сюжета, создание образов легендарных и исторических личностей, показ драматизма их судеб, изображение их борьбы с деспотизмом и тиранией, патриотический пафос. Мотив трагедийности обусловлен изображением конкретно-исторических противоречий определенной эпохи, нравственно-психологических коллизий. Конфликт между самодержавной властью, ее стремлением к экономической и

духовной эксплуатации башкирского и других народов и стремлением народа к национальной независимости питает идейную и сюжетно-композиционную структуру романов «Карасакал» Б. Рафикова, «Кровавый пятьдесят пятый» Г. Хусаинова, «Притяжение свободы» Н. Мусина, «Салават батыр», «Северные амуры» Я. Хамматова, «Тафтиляу» Г. Хисамова. В этих романах налицо продолжение эпических традиций башкирских героических сказаний в изображении значительных исторических событий в жизни народа. С другой стороны, в них отчетливо видны центростремительные тенденции, усиление внимания к личности исторического деятеля, к ее отношениям с обществом. Об этом в свое время писал А.Н. Веселовский: «Главный интерес не сосредоточен, как в былое время, на событии, а на участии, которое принимало в нем то или иное лицо, на их мотивах и побуждениях, на их внутренней борьбе» [3, с. 9]. Драматизм судеб Кахыма, Батырши, Карасакала, Алдара и других героев обусловлен их неравной борьбой против самодержавия за свободу личности и родного народа. Центральные персонажи романов – патриоты своей отчизны, не мыслящие свою судьбу вне родины, идущие на самопожертвование ради общих интересов, что роднит их с героями народного эпоса.

Устно-поэтические традиции отчетливо проявляются и на уровне стилевых особенностей башкирского исторического романа. Особенно это видно в романах, посвященных отдаленным эпохам. Это «Кожаная шкатулка», «Плач домбры» А. Хакимова, «В ожидании конца света», «Кюнгак» Б. Рафикова. В них авторы широко опираются на исторические легенды и предания, как на своего рода единственный документальный материал о древнем и средневековом периодах жизни башкир. Плотность и динамичность повествования, экспрессивность языка, героико-патетический и лирико-романтический пафос, что присуще романам А. Хакимова, созвучно со стилем, поэтикой и жанровыми особенностями произведений фольклора.

Одним из центральных героев эпоса «Идукай и Мурадым» является сэсэн Хабрау, который обрисован в возвышенных тонах, представлен как много повидавший на своем веку мудрый аксакал, пламенный патриот и духовный вождь народа. А. Хакимов в своем романе верен духу кубаира в изображении легендарного сэсэна в приподнятых тонах, в романтическом ключе. Вместе с тем писатель много внимания уделяет его внутреннему миру, показу его в различных конкретных жизненных обстоятельствах, в критических ситуациях. Если в кубаире Хабрау – личность исключительная, единственная в своем роде, то в романе при всей его самобытности, неординарности перед читателем вырастает обобщенный образ поэта-борца за свободу, справедливость, равенство и счастье людей.

Проявление устно-поэтических традиций заметно также в романах Б. Рафикова. В «Кюнгаке» нашли отражение элементы сказа и сказки, былинного эпоса, легенды, предания и притчи; в тексте немало пословиц и поговорок, фольклорных изобразительно-выразительных средств (гипербол, постоянных эпитетов, символов, сравнений). В ряде случаев используется сказочный зачин: «*случилось это за десять или одиннадцать лет до основных событий»; «в очень давние времена»* и т. п. Появление призраков, таинственных всадников, загадочные исчезновения героев, четкое разделение персонажей на

положительных и отрицательных, добрых и злых, широкий спектр условно-символических образов, фантастических и мифических существ – всё это говорит в пользу присутствия в жанровой структуре романа сказочных элементов.

В системе образов также ощутимо влияние устно-поэтической стихии. В облике Монаш-турэ заметны черты народного сказителя; Юламана – мудреца-аксакала; Барса и Алмуш – это национальные батыры, джигиты; Угэк, подобно Алпамышу, – воплощение грубой, необузданной, зря потраченной силы. В фабулу романа включен мотив притчи о блудном сыне: в основной части текста говорится об уходе семи башкирских племен в чужие страны в поисках лучшей жизни, а в эпилоге сообщается о приезде (возвращении) в Башкортостан, на родину предков одного из их потомков. В семейно-бытовых сценах, в показе взаимоотношений мужчины и женщины автор передает дух восточных сказаний. Этому соответствует и лексика, например, хан, царица, евнух, ханша, трон, гарем…

Поэтика фольклора сказалась и в пространственно-временной организации романа. Художественное время в нем более абстрактное, условно-символическое, исторически немаркированное, нежели конкретно-историческое. Не случайно в тексте встречаются выражения: «*спустя два, а может, три века после того», «десять или одиннадцать лет спустя после этого», «счет векам потерян», «в очень давние времена», «в глубокой древности», «в те времена и в тех местах, которые сейчас нас интересуют»* и т.п.

В башкирских исторических легендах и песнях широко отражена и Отечественная война 1812 года. Например, «Кахым-туря», «Кутузов», «Баик», «Ирямялкай», «Рассказы башкира Янтурэ». Ведущими в них являются мотивы патриотизма и интернационализма, идея непобедимости и бессмертия народа. Я. Хамматов в романе «Северные амуры» в процессе работы над образом главного героя часто обращается к этим источникам, творчески осмысливает их. Это та документальная, фактическая основа, на которой зиждется авторский вымысел, благодаря чему создан масштабный и обобщенный образ легендарной личности.

Таким образом, непосредственная связь исторического романа с произведениями народного творчества обнаруживается не только в отдельных темах, мотивах, сюжетах и образах, а во всей идейно-художественной структуре повествований о прошлом. Общая тональность башкирского исторического романа, создание героико-романтических образов сэсэнов, батыров, красавиц, мудрых старцев, воинов, идеи добра и гуманизма, протеста против социальной несправедливости, антивоенный пафос, обращение к сокровищницам народного языка – все это восходит к произведениям, созданным в недрах творчества народа.

Литература

1. *Баимов Р.Н.* История башкирской литературы и ее древние истоки // Агидель. 2006. № 9. С. 146.
2. *Вахитов А.Х.* Башкирский советский роман. М., 1978. 160 с.
3. *Веселовский А.Н.* Избранные статьи. Л., 1939. 572 с.
4. *Кожинов В.В.* Происхождение романа. М., 1963. 325 с.
5. *Хусаинов Г.Б.* Башкирская литература XI–XVIII вв. Уфа, 1996. 192 с.

УДК 39.398

А.М. Шаронов
Научный центр социально-экономического мониторинга
Е.А. Шаронова, А.В. Шаронов
НИ Мордовский государственный университет
им. Н.П. Огарева (г. Саранск)

ЭРЗЯНСКИЙ ПАНТЕОН: ОСНОВНЫЕ ПЕРСОНАЖИ И ИДЕИ

Статья посвящена осмыслению эрзянского пантеона, его основных персонажей и идей.

Ключевые слова: *пантеон, мифология, Инешкипаз, Масторава, мироздание, бог, человек.*

Всякая развитая мифология являет себя через пантеон, состоящий из небесных и земных богов, подразделяющихся на высшие, великие и рядовые, выполняющие им отведённые функции. В эрзянской мифологии высшими богами являются Инешкипаз, Чам-Пас и Шкай – творцы мира и человека. Рядом с Инешкипазом находится Инешкиава, а с Чам-Пасом – Анге-Патяй, их жёны, богини-матери и богини красоты. К великим богам относятся Пурьгинепаз – бог грома, дождя и войны, Стакапаз – бог труда, всех видов человеческой деятельности, Покш Паз – глава великих и рядовых богов, Чипаз – бог солнца и света, Кастарго – дочь Инешкипаза и Анге-Патяй, богиня мудрости, Везорго – дочь Инешкипаза и Анге-Патяй, богиня красоты, Масторава – богиня-покровительница эрзянской земли и эрзянского народа, Ведява – богиня воды и любви, Норовава – богиня хлеба и урожая, Вирява – богиня-покровительница леса, Мекшава – богиня-покровительница пчёл и пчеловодства, Комлява – богиня хмеля, вина, праздников и веселья, Кшниньатя – бог железа и кузнечного дела, Венява – богиня ночи и сна и т.д. Всего в пантеоне 77 богов и богинь.

Мифология прошла длительный путь развития, отразив культурные и цивилизационные вехи в истории народа. Мифологические божества – социальные, мировоззренческие и интеллектуальные образы. Они олицетворяют космологические, социальные, психологические, интеллектуальные и пр. представления раннеклассового общества, отражают идейный уровень его развития. Каждое божество воплощает в себе знания, полученные на поприще труда, семейно-бытовых, нравственных и эстетических отношений. В этой связи Е. М. Мелетинский отмечал, что в цивилизованных обществах древнего мира мифологические воззрения и сюжеты свидетельствуют о высокой ступени мифотворчества, определяемой наличием собрания высших небесных богов у народов, стоявших на рубеже классового общества и имевших политическую организацию, их мифологии заключали в себе развитую космогонию и теогонию, воспроизводивших процесс общего мироустройства, переход от первоначального Хаоса к упорядоченной Вселенной [3, с. 205]. В космогонические мифы входят философские и социологические идеи, образуя общий концепт мироздания. Попытка дать ответ на вопрос, что есть мир и человек в нём, приводит к идее Бога – к причине всех причин, к источнику всех сущностей.

Наличие у пантеона структуры, расположение в нём богов по их статусу и выполняемым обязанностям, указывает на рациональность мифа и осознанность рисуемой им картины мира. Воззрения на пантеон сложились в недрах коллективного сознания, они свободны от случайных представлений. Коллективное сознание знает и признаёт то, что знает каждый.

В эрзянском мифе говорится о 77 богах [4, с. 142]. Все 77 богов имеют под собой хозяйственно-экономическую и социально-историческую основу. На стадии военной демократии и раннего феодализма появился общеплеменной верховный бог и богиня эрзянской земли, произошло разделение божеств на земных и небесных, низших и высших. Из небесных богов шесть наиболее могущественных и высокочтимых находятся в непосредственном подчинении у верховного бога [5**,** с. 66, 93]. Сложилась иерархия божеств. По множественности богов и структуре эрзянский пантеон похож на шумерский, где вслед за верховным богом по рангу расположено семь богов, «вершащих судьбы», и пятьдесят «великих богов» [2, с. 93].

Поэтизация природы, земли-матери и женщины-матери как источников жизни, их творческой производительной силы обусловили приоритет божеств женского рода. При патриархате появились мужские божества, что придало пантеону бинарность. Бинарность присуща и римской мифологии, где существовали пары божеств [8, с. 359]**.** В бинарности проявилось отражение разделения всего сущего на противоположные начала, в том числе – мужское и женское.

Верховный бог как творец Вселенной и Жизни на земле свидетельствует о высоком социальном и идейном развитии общества; богиня красоты – о развитости эстетических отношений; бог железа – о существовании кузнечного ремесла; бог недели – о существовании календаря; богиня эрзянской земли – о существовании понятия «эрзянская земля» и т.д. Пантеон рассматривает и умозрительные вопросы. Он является идеологической и философской надстройкой, идейно и интеллектуально обслуживающей социум.

В эрзянской мифологии, как и в греческой и римской, боги сходят на землю, соединяются с девушками и уносят их на небо. О любовных связях богов и земных женщин говорится в Библии [1**,** с. 5]. От брачных связей богов с людьми рождались герои, князья и цари. От брака Пурьгинепаза с земной девушкой Литавой появился на Свет эпический царь эрзян Тюштян [9, с. 326–328].

На величие и красоту божественного мира, его необъятность в пространстве и во времени указывает Мировое Дерево, соединяющее небо и землю, делающее Бога ближе к человеку. Коллективный разум народа в период формирования семьи богов пытался познать все сферы существования и дать ответы на возникавшие вопросы. За каждым персонажем пантеона находятся знания, добытые в процессе освоения природной и социальной реальности, сильный интеллект человека того, казалось бы, слабо развитого и «тёмного» общества.

По мысли Инешкипаза, человек нуждается в его покровительстве, и он создаёт в помощь ему необходимые божества. Одной из самых значительных среди них является Масторава, богиня Земли, Земля-матушка. Предназначение Масторавы – охрана Земли, её плодородия, забота о населяющем её народе,

животных и растениях [5, с. 140], по выполняемым функциям она сопоставима с греческой Деметрой [7, с. 447], индоевропейской Ма [6, с. 366].

По мере появления различных видов хозяйственной и социальной деятельности в пантеоне возникали соответствующие божества: освоение леса и развитие лесных промыслов дали Виряву, развитие земледелия – Нороваву и Паксяву; появление представления о родимой земле породило Масторава; переход к оседлости и жизни в частных домах стал причиной возникновения Юртавы (Кудавы); осознание значения небесных стихий – дождя и грозы – в жизни природы и человека породило Пурьгинепаза; формирование понятия о воде как об источнике жизни создало Ведяву и т. д.; образование в эрзянском обществе инязора (царя) и возникновение этнического самосознания и исторического мышления породили представление о небесном великом «хозяине». Инешкипаз (ине – великий, шки – творец, паз – бог) творит мир и создает пантеон.

Прежде мира и прежде всех богов Инешкипаз создаёт Идемевся, Чёрта. Он занимает важное место в пантеоне после Бога, так как олицетворяет второе основное начало Космоса – зло. Миф исходит из понимания, что существование мира определяется борьбой добра и зла, они его две основные силы космического масштаба. Миф показывает: Чёрт творит зло потому, что не творить его не может. Творить зло – его предназначение. За что он ни возьмётся, всё оборачивается во зло. Но Бог зло Чёрта может превратить в добро. Он не подвергает сомнению его статус, позволяет ему быть тем, что он есть. Миф знает: Зло есть фундаментальная основа мира наряду с добром, и оно неуничтожимо. Без Зла немыслимо добро, без него невозможно существование мира и человека. Ввиду этого Чёрт претендует на соперничество с Богом, но Бог несопоставимо сильней его.

Пантеон с множеством богов указывает на активную жизнедеятельность народа, на высокий уровень его социального, интеллектуального и эстетического развития, на широту его интересов, на богатство художественной фантазии, на понимание себя как части Космоса, наполненного благодаря Богу, Инешкипазу, разумом, красотой, гармонией. В эрзянской мифологии мы видим сотворчество неба и земли, человека и Бога. Бог, господствуя над человеком, служит ему.

Литература

1. Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. М., 1989.

2. *Крамер С. Н.* История начинается в Шумере. М.: Наука, 1991. 235 с.

3. *Мелетинский Е. М.* Миф и историческая поэтика: Избранные статьи. Воспоминания. М.: РГГУ, 2018. 695 с.

4. Mordwinische Volksdichtung. V Band. Helsinki, 1977. 525 s.

5 Mordwinische Volksdichtung. VI Band. Helsinki, 1977. 236 s.

6. *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М.: Наука, 1981. 608 с.

7. *Рыбаков Б. А.* Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1988. 784 с.

8. *Токарев С. А.* Двуполые существа // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. Т. 1: А – К / ред. С. А. Токарев. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия; Олимп, 1998. С. 359.

9. *Шаронов А. М.* Масторава. Саранск: Мордов.кн. изд-во, 1994. 496 с.

РАЗДЕЛ IV. ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ, ОБРАЗОВАНИЯ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

УДК 373.24

И.Н. Андреева, Д.Г. Баширова
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

ФОРМИРУЮЩАЯ РАБОТА ПО РАЗВИТИЮ МЕЛКОЙ МОТОРИКИ РУК ДЕТЕЙ СРЕДНЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Статья посвящена исследованию развития мелкой моторики детей среднего дошкольного возраста с помощью диагностических методик. В работе представлена формирующая работа по мелкой моторике рук с помощью техники оригами. Проведён качественный анализ результатов диагностики на констатирующем этапе исследования.

***Ключевые слова**: конструирование, оригами, мелкая моторика рук, развитие речи, дети среднего дошкольного возраста, диагностическая методика.*

Мелкая моторика рук в жизни и деятельности детей дошкольного возраста выполняет много разных функций. Моторика активизирует нужные и тормозит ненужные в данный момент психологические процессы, способствует организованному и целенаправленному отбору поступающей в организм информации в соответствии с его актуальными потребностями.

Развитие речи детей тесно связано с состоянием мелкой моторики рук. Тренировка пальцев рук у детей стимулирует умственное развитие и способствует выработке основных элементарных умений, таких, как одевание и раздевание, застегивание и расстегивание пуговиц, манипулирование лодками, ножницами. Тренировка пальцев подготавливает руку к письму. Движения кисти, пальцев становятся точными и координированными [2].

Тренировка движений пальцев, наряду со стимулирующим влиянием на развитие речи, является, по мнению М.М. Кольцовой, мощным средством повышения работоспособности коры головного мозга [1].

Большое значение в развитии мелкой моторики рук у дошкольников имеет оригами. Дети осваивают различные технические способы и приёмы работы с бумажными материалами, у них развивается организованность, целеустремленность, настойчивость и самодисциплина; такая работа благотворно влияет на нервную систему, в целом.

Целью нашего исследования является выявление эффективности влияния техники оригами на развитие мелкой моторики рук детей среднего дошкольного возраста.

На основе теоретического анализа проблемы нами было организовано экспериментальное исследование развития мелкой моторики детей среднего дошкольного возраста, цель которого – выявление эффективности влияния техники оригами на развитие мелкой моторики рук детей среднего дошкольного возраста.

Наше исследование проводилось на базе Муниципального бюджетного дошкольного образовательного учреждения «Детский сад № 70 г. Йошкар-Олы «Ягодка» (Республика Марий Эл). В исследовании приняли участие дети средних групп «Калинка» и «Черничка» в возрасте 4–5 лет в количестве 20 человек в экспериментальной группе и 20 человек в контрольной группе.

Первой нами применялась диагностика «Развитие мелкой моторики», автором которой является С.П. Соснин. Цель: проверка успешного развития мелкой моторики рук у детей дошкольного возраста.

Следующей нами применялась диагностическая методика по развитию мелкой моторики рук О.Н. Гончаренко. Цель: определение уровня мелкой моторики и координации движения рук у детей дошкольного возраста.

Третьим было проведено диагностическое обследование по программе конструирования из бумаги «Волшебное искусство оригами». Диагностические задания разработаны в соответствии с методиками Я.Д. Парамоновой, З.В. Лиштван, Т.И. Тарабариной.

В результате проведенного исследования по трём диагностическим методикам было установлено, что дети имеют, в основном, средний уровень развития мелкой моторики рук, что свидетельствует о достаточной сформированности и умеренной автоматизации навыков графической деятельности, а также умеренно развитой произвольности регуляции движений. У таких детей общая и мелкая моторика развита достаточно хорошо, но бывает, что они испытывают небольшие трудности при быстрой смене упражнений и выполняют их только с помощью наводящих вопросов (инструкций) воспитателя.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что существует необходимость проведения работы по развитию мелкой моторики рук у детей 4–5 лет.

В ходе констатирующего этапа экспериментального исследования были зафиксированы данные, которые стали исходными для формирующего его этапа. Для решения третьей задачи экспериментального исследования мы разработали комплекс из серии диагностик, разработанных учеными Н.О. Озерецким, Н.И. Гуревич, Н.Е. Вераксой, направленных на развитие речи, мелкой моторики, самостоятельности, координации движений рук, творчества. Данная программа была апробирована с детьми экспериментальной группы. Предложенная серия диагностик состоит из трех этапов.

На первом этапе были проведены различные пальчиковые игры, такие как: «Коза рогатая», «Кольцо», «Вентилятор», «Поздоровайся наоборот».

Задания разучивались детьми среднего возраста каждый день. В первый день было изучено одно задание, на следующий день повторено первое задание и добавлялось новое и т. д.

На втором этапе были проведены 5 занятий на тему «Теремок на новый лад» по использованию техники оригами, нацеленных на развитие мелкой моторики у детей среднего дошкольного возраста.

Занятия с детьми на развитие мелкой моторики посредствам техники оригами прошли положительно. Каждый ребенок старался все сделать аккуратно, красиво, внимательно.

Во время объяснения и показа выполнения задания каждый ребенок внимательно слушал, а затем правильно выполнял. Были и такие дети, которым трудно давались некоторые приемы работы. Они просили помощи, внимательно следили за выполнением и запоминали, как необходимо правильно выполнить задание. Просматривался интерес со стороны детей, а также желание сделать что-то новое и необычное своими руками.

Мы пришли к выводу о том, что дети заинтересованы в выполнении заданий по овладению техникой оригами на занятии и хорошо справляются с этой техникой. Благодаря этим занятиям координация движений, мелкая моторика рук улучшается и облегчает в дальнейшем ребенку его жизнедеятельность. Развивается воображение и творчество самого ребенка. Проявляется самостоятельность и желание творить разнообразные подделки в технике оригами.

С целью создания интереса к занятиям нами заранее были проведены следующие работы: наблюдения, пляски, исполнение песен, чтение художественной литературы, рассматривание иллюстраций и др.

Таким образом, разнообразные и систематически проводимые с детьми занятия с использованием техники оригами являются эффективным методом развития у детей среднего дошкольного возраста мелкой моторики, координации движений рук, а также развитие самостоятельности и активности в повседневной жизни.

После завершения формирующего этапа исследования было проведено контрольное обследование детей экспериментальной и контрольной групп по тем же методикам, что и на констатирующем этапе исследования.

Цель контрольного этапа исследования: выявить результаты опытно-экспериментальной работы по развитию мелкой моторики у детей среднего дошкольного возраста на основе использовния техники оригами, провести сравнение результатов экспериментальной группы с результатами контрольной группы, выявить динамику уровня развития мелкой моторики детей среднего дошкольного возраста и оценить эффективность проделанной работы.

Сравнение результатов уровня развития мелкой моторики по всем показателям внутри каждой группы детей до и после проведения формирующего эксперимента позволяет сделать следующие выводы.

В контрольной группе, где не проводилось специальной работы по развитию мелкой моторики, изменения произошли небольшие.

В экспериментальной группе, где, наряду с мероприятиями, проводимыми по плану воспитателей, проводилась работа, направленная на развитие мелкой моторики, произошли существенные изменения.

Полученные данные по методике С.П. Соснина «Развитие мелкой моторики» свидетельствуют о том, что отмечается положительная динамика в экспериментальной группе: произошло изменение показателей – низкий уровень снизился с 25 % до 5 %, средний уровень вырос с 75 % до 95 %.

Работая по методике О.Н. Гончаренко, мы увидели, что в экспериментальной группе ничего не изменилось в процентном содержании.

Диагностика «Волшебное искусство оригами» по методикам Я.Д. Парамоновой, З.В. Лиштван и Т.И. Тарабариной показывает, что произошло

значительное изменение показателей: низкий уровень мелкой моторики снизился с 15 % до 0 %, а высокий уровень вырос с 0 % до 15 %.

Таким образом, полученные нами данные позволяют сделать следующее выводы: у детей экспериментальной группы уровень мелкой моторики значительно вырос, в то время как у детей контрольной группы остался без значительных изменений.

Проведенное экспериментальное исследование позволяет заключить, что мелкая моторика у детей дошкольного возраста может быть реально и существенно повышена, если в процессе обучения дошкольников будет целенаправленно и комплексно использоваться техника оригами.

Литература

1. *Кольцова М.М*. Двигательная активность и развитие функций мозга ребенка. М.: Просвещение, 1973. 228 с.

2. *Смирнова Е.А*. Система развития мелкой моторики у детей дошкольного возраста. СПб.: Детство-Пресс, 2013. 144 с.

УДК 373.24

И.Н. Андреева, А.Ю. Веденькина

Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

РАЗВИТИЕ ЛОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ СТАРШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ ПОСРЕДСТВОМ МНЕМОТАБЛИЦ

В статье приводятся данные диагностического исследования по уровню развития логического мышления на контрольном этапе исследования, а также содержание работы по развитию логического мышления старших дошкольников при помощи мнемотаблиц. Предлагается формирующая работа в виде проекта. Делаются выводы, что овладение приемами работы с мнемотаблицами решает задачи, ориентированные на развитие базовых психических процессов у старших дошкольников.

Ключевые слова: *мнемотаблицы, развитие речи, дети дошкольного возраста, логическое мышление, диагностические методики, этапы исследования.*

В дошкольном возрасте происходит переход от наглядно-действенного мышления к наглядно-образному и затем к логическому. Решающим условием для перехода является приобретение ребенком опыта решения задач. Однако на практике очень часто можно столкнуться с ситуацией, когда, обладая способностью хорошо решать задачи в наглядно-действенном плане, старшие дошкольники с трудом справляются с ними, когда эти задачи представлены в словесном плане.

Поиск наиболее оптимальных для дошкольного возраста средств познавательной деятельности является чрезвычайно важной проблемой. Средствами решения задач в словесном плане выступают такие мыслительные операции, как анализ, сравнение, синтез, обобщение и классификация.

Метод мнемотехники впервые был разработан педагогами и психологами Д.Б. Элькониным, Л.А. Венгером, Н.А. Ветлугиной, Н.Н. Подьяковым.

Сущность его заключается он в том, что мышление ребенка развивают с помощью специальных схем, моделей, которые в наглядной и доступной для него форме воспроизводят скрытые свойства и связи того или иного объекта.

Все это позволило определить проблему исследования, а именно: использование мнемотаблиц в процессе обучения дошкольников приемам логического мышления.

База исследования: МДОУ «Детский сад № 84 комбинированного вида «Аленушка»», с. Семеновка г. Йошкар-Олы. В исследовании принимали участие дети старшего дошкольного возраста в количестве 56 человек, в возрасте от 6 до 7 лет. В экспериментальную группу вошли 28 старших дошкольников, в контрольную – 28 детей.

На констатирующем и контрольном этапах эксперимента применялись следующие диагностические методики: 1) методика «Что здесь лишнее?» В.И. Чирковой, 2) «Сравнение понятий» А.В. Пилипенко, 3) «Нелепицы» Р.С. Немова.

Первой нами проведена диагностика с помощью методики «Что здесь лишнее?» В.И. Чирковой. Полученные результаты в экспериментальной группе свидетельствуют о том, что низкий уровень развития образно-логического мышления выявлен у 57,2 % испытуемых экспериментальной группы (они набрали по 2–3 балла); средний уровень – у 42,8 % старших дошкольников (они набрали по 4–7 баллов). Очень высокий, высокий и очень низкий уровни развития образно-логического мышления не выявлены. Результаты диагностики контрольной группы: низкий уровень развития образно-логического мышления выявлен у 28,6 % испытуемых контрольной группы; средний уровень – у 71,4 % старших дошкольников. Очень высокий уровень, высокий и очень низкий уровни развития образно-логического мышления не выявлены.

Результаты исследования по второй методике «Сравнение понятий» А.В. Пилипенко в экспериментальной группе: средний уровень развития процессов анализа и синтеза выявлен у 64 % испытуемых экспериментальной группы (они набрали от 4 до 7 баллов); низкий уровень – у 35,7 % детей (они набрали по 2–3 балла). Высокий уровень развития процессов анализа и синтеза не выявлен. Результаты исследования в контрольной группе: низкий уровень развития процессов анализа и синтеза выявлен у 17,8 % испытуемых контрольной группы; средний уровень – у 82,2 % старших дошкольников. Высокий уровень развития процессов анализа и синтеза не выявлен.

Результаты третьей диагностики по методике «Нелепицы» Р.С. Немова: высокий уровень развития образно-логического мышления выявлен у 7,1 % испытуемых экспериментальной группы (9 баллов); средний уровень определён у 46,4 % старших дошкольников (они набрали от 4 до 7 баллов); низкий уровень – у 46,4 % детей (они набрали по 2–3 балла). В контрольной группе получены следующие результаты: высокий уровень развития образно-логического мышления выявлен у 7,1 % испытуемых; средний уровень – у 60,8 % старших дошкольников, низкий – у 32,1 %.

Таким образом, по результатам диагностики, полученным на констатирующем этапе эксперимента, мы можем сделать вывод, что в экспериментальной группе уровень развития логического мышления у детей

старшего дошкольного возраста недостаточно высок. Поэтому мы решили провести формирующую работу по развитию логического мышления у старших дошкольников с помощью мнемотаблиц; для этого нами разработан проект на тему «Развитие логического мышления у детей дошкольного возраста посредством мнемотаблиц».

Мнемотехника – система «внутреннего письма», основанная на непосредственной записи в мозг связей между зрительными образами, обозначающими значимые элементы запоминаемой информации. Мнемоническое запоминание состоит из четырёх этапов: кодирование в образы, запоминание (соединение двух образов), запоминание последовательности, закрепление в памяти.

Для развития логического мышления детей подготовительной группы нами разработан проект на тему: «Развитие логического мышления у детей дошкольного возраста посредством мнемотаблиц».

Цель проекта: развитие логического мышления у старших дошкольников средствами мнемотаблиц.

Как отмечают Л.В. Масленникова, Л.К. Дяглева, Л.Р. Зиннатуллина, З.Р. Хайдарова, будучи общим приемом изучения действительности, процесс моделирования и, в частности, мнемотаблицы, позволяют результативно формировать такие приемы умственной деятельности старших дошкольников: классификация; способность сравнивать; способность анализировать; синтез; способность обобщать; абстрагирование; индуктивные способы рассуждений; дедуктивные способы рассуждений [1]. Это, в свою очередь, стимулирует в перспективе интенсивное развитие логического мышления.

По замечанию Т.В. Шульги, сущность мнемосхемы заключается в следующем: на каждое слово либо маленькое словосочетание придумывается определённая картинка (изображение) – таким образом, весь текст зарисовывается в виде схемы. Глядя на данные схемы-рисунки, дошкольник быстро и без труда запоминает информацию, логически ею оперирует. Всё нарисованное должно быть понятно дошкольникам. На наш взгляд, можно утверждать, что мнемосхемы являются средством не только для запоминания, но и для последующего оперирования тем, что запомнилось (логические взаимосвязи) [2].

Итак, овладение приемами работы с мнемотаблицами решает задачи, ориентированные на развитие базовых психических процессов у старших дошкольников (память, внимание, логическое мышление), перекодирование информации, то есть, происходит преобразование абстрактных символов в образы.

Таким образом, при работе со старшими дошкольниками мнемотаблицы позволяют не только обучать пересказу, составлению рассказов и заучиванию наизусть, но и выступают в качестве дидактического материала по развитию логического мышления, а также в роли средства пополнения лексикона и развития речи, содействуют также развитию и закреплению мелкой моторики рук.

После завершения формирующей работы по развитию логического мышления старших дошкольников при помощи мнемотаблиц нами проведена

контрольная диагностика по предложенным раннее методикам. Были получены следующие результаты: в экспериментальной группе 25 % старших дошкольников достигли высокого уровня развития образно-логического мышления, 64 % – среднего уровня развития логического мышления. Меньше всего испытуемых с низким уровнем развития образно-логического мышления (10,7 %) – следовательно, начатая нами работа должна быть продолжена.

Литература

1. Использование технологии наглядного моделирования в психолого-педагогической работе с детьми дошкольного возраста / *Масленникова, Л.В., Дяглева Л.К., Зиннатуллина Л.Р.* и др. // Современные тенденции в образовании: новые педагогические технологии и электронные средства обучения: сб. науч. тр. по материалам I Межд. науч.-практ. конф. Екатеринбург: 2017. С. 211–235.

2. *Шульга Т.В.* Технология моделирования в образовательном процессе ДОУ (из опыта работы) // Дошкольное образование: опыт и перспективы развития: сб. материалов III Всерос. науч.-практ. конф. Чебоксары: 2017. С. 102–107.

УДК 373.24

И.Н. Андреева, И.Г. Иванова
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

ДИАГНОСТИКА РАЗВИТИЯ СВЯЗНОЙ РЕЧИ СРЕДНИХ ДОШКОЛЬНИКОВ И ФОРМИРУЮЩАЯ РАБОТА ПО СКАЗКАМ НАРОДОВ МИРА

В работе рассмотрена проблема развития связной речи детей среднего дошкольного возраста. Представлено диагностическое исследование связной речи дошкольников. Обосновывается целесообразность использования сказки в развитии связной речи детей среднего дошкольного возраста.

***Ключевые слова**: сказка, развитие речи, связная речь, дети среднего дошкольного возраста, диагностическое исследование.*

В современном обществе проблема развития связной речи детей дошкольного возраста является очень актуальной. Для решения существующей проблемы психологи и педагоги предлагают различные методы и средства. Поскольку для детей дошкольного возраста интересными являются занимательные материалы, которые могут завлечь и заинтересовать их, мы считаем, что сказки являются уникальным средством, которое можно использовать для развития связной речи в средней группе. С давних пор люди из уст в уста передавали сказки, которые носили не только воспитательный характер, через нее дети знакомились с числами, величинами и, конечно, обогащался их словарный запас, развивалась речь. Мы предлагаем использовать сказки народов мира как средство развития связной речи детей среднего возраста в дошкольных учреждениях [1].

Все это позволило определить проблему исследования, а именно: каковы педагогические условия использования сказок народов мира для развития связной речи у детей среднего дошкольного возраста?

База исследования: МБДОУ «Детский сад № 70 «Ягодка», расположенный по адресу: Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, ул. Чехова, 45. В эксперименте принимали участие дети среднего дошкольного возраста: 20 детей – экспериментальная группа, 20 дошкольников – контрольная группа.

В исследовании применялись следующие диагностические методики: «Обследование развития связной речи детей среднего дошкольного возраста» О.С. Ушаковой, Е.А. Струниной [2]; «Обследование связной речи детей среднего дошкольного возраста» по Е.А. Стребелевой; «Изучение словаря детей» Г.А. Урунтаевой, Ю.А. Афонькиной.

По методике «Обследование развития связной речи детей дошкольного возраста» О.С. Ушаковой и Е.А. Струниной были получены следующие результаты в экспериментальной группе: 40 % детей имеют высокий уровень развития связной речи, средний уровень определён у 25 %, 35% дошкольников имеют недостаточный уровень развития связной речи, а также несформированность навыков грамматически правильной речи. В контрольной группе были зафиксированы такие результаты: высокий показатель уровня сформированности связной речи выявлен у 30 % средних дошкольников, средний уровень наблюдался у 30 % детей, у 40 % диагностируемых детей наблюдается низкий уровень сформированности связной речи.

Были получены следующие сводные результаты диагностики по методике «Обследование развития связной речи детей» по Е.А. Стреблевой: в экспериментальной группе 35 % детей имеют низкий уровень развития связной речи, 20 % детей – средний уровень, 45 % детей показали высокий уровень владения связной речью. Сводные результаты диагностики контрольной группы на констатирующем этапе эксперимента: 40 % детей имеют низкий уровень развития связной речи, 35 % детей – средний уровень, 40 % детей показали высокий уровень владения связной речью.

По методике «Расскажи стихотворение» у 40 % детей контрольной группы был отмечен высокий показатель, средний показатель – у 55 %, у одного ребенка выявлен низкий показатель (5 %).

Следующая диагностика была проведена для изучения словаря детей среднего дошкольного возраста. Получены следующие сводные результаты по методике «Изучение словаря детей» Г.А. Урунтаевой, Ю.А. Афонькиной в экспериментальной группе: 25 % детей имеют высокий уровень развития словаря, средний уровень определён у 60 %, 15 % дошкольников имеют недостаточный уровень развития словаря. В контрольной группе получены такие результаты: высокий показатель уровня развития словаря выявлен у 35 % детей среднего дошкольного возраста, средний уровень развития словаря наблюдался у 55 % детей, у 10 % диагностируемых детей был выявлен низкий уровень развития словаря.

Результаты анализа изучения словаря детей на начало года показали, что правильно называют предметы все дети в обеих группах, вызывает затруднение выделение частей предмета; свойства предметов дети экспериментальной и контрольной групп знают лучше. Знания детей по названию предмета, их частей и свойств можно считать примерно одинаковыми.

Таким образом, по результатам, полученным на констатирующем этапе эксперимента, мы видим, что все проводимые нами методики дают результат, приближенный к низкому. Это говорит о том, что уровень развития связной речи детей среднего дошкольного возраста находится не на самом высоком уровне.

Проанализировав результаты исследования, мы решили, что для совершенствования связной речи необходимо провести комплекс развивающих занятий с детьми экспериментальной группы с использованием сказок народов мира, которые будут способствовать развитию связной речи детей среднего дошкольного возраста. С детьми контрольной группы такие занятия проводиться не будут.

Цель формирующего этапа – развитие связной речи детей посредством сказок народов мира. Задачи: составить комплекс развивающих занятий с использованием сказок народов мира для детей среднего дошкольного возраста; составить рекомендации для родителей и воспитателей, как можно использовать сказки народов мира для развития связной речи детей. Занятия проводились в экспериментальной группе детей один раз в неделю с ноября 2019 года по март 2020 года.

Народные сказки использовались нами с опорой на следующие дидактические принципы: воспитывающего обучения; развивающего обучения; научности; наглядности; систематичности и последовательности; доступности; осознания процесса обучения. Основными методами работы с детьми были: 1) словесные – рассказ, объяснение, беседа, 2) наглядные – показ иллюстраций, 3) практический – постановка сказок.

Занятия проводились в традиционной форме или же с использованием игровых приемов. После знакомства со сказкой мы использовали нетрадиционные формы работы со сказками, например, «сказки, но по-новому» были применены при работе с народными сказками «Три поросенка», а также с детьми была предпринята попытка переписать сказку «Кукушка». После знакомства детей со сказками ставились вопросы: «Что было бы если бы…» – по сказкам «Соломенный бычок-смоляной бочок», «Братья». Вопросы такого типа позволяют ребенку изменить привычный ход сказки, внести что-то свое в сказку.

Цель контрольного этапа – провести контрольное обследование уровня развития связной речи средних дошкольников.

В результате анализа контрольного этапа эксперимента было выявлено, что уровень развития связной речи детей, которые участвовали в эксперименте, значительно повысился. В ходе исследования у детей улучшились показатели связной речи: дети чаще стали использовать в своей речи слова разных частей речи, выразительно, без повторов передавали содержание литературных текстов, составляли рассказы по картине, небольшие рассказы из личного опыта.

Использование сказок народов мира на занятиях по речевому развитию способствовало не только развитию связной речи, но и происходило нравственное воспитание детей на примере поступков героев сказок.

По итогам работы уровень развития связной речи детей в каждой группе сильно отличался. Данные, полученные в ходе контрольного этапа исследования, подтверждают эффективность проведенной нами работы.

Литература

1. *Андреева И.Н., Дудина О.А.* Сказки народов Поволжья – средство развития связной речи детей 4–5 лет // Социальная сфера, управление и образование: сб. науч.-мет. ст. Йошкар-Ола: Поволжский государственный технологический университет, 2019. С. 183–189.

2. *Ушакова О.С., Струнина Е.М.* Методика развития речи детей дошкольного возраста: учеб.-метод. пособие для воспитателей ДОУ. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2004. 288 с.

УДК 373.24

И.Н. Андреева, Л.А. Лисакова

Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

ДИАГНОСТИКИ РАЗВИТИЯ СВЯЗНОЙ РЕЧИ ДОШКОЛЬНИКОВ И ФОРМИРУЮЩАЯ РАБОТА ПОСРЕДСТВОМ ДИДАКТИЧЕСКИХ ИГР

В статье дан анализ результатов диагностики уровня развития речи детей среднего дошкольного возраста, которые показывают, что дошкольники испытывают значительные затруднения в овладении основными видами связной монологической речи. Проведён анализ формирующей работы и контрольного этапа эксперимента.

Ключевые слова: *дидактические игры, связная речь, средний возраст, словарный запас, деятельность, средство воспитания.*

Значительное место в работе педагогов по развитию речи занимают дидактические игры. Дидактическая игра – одна из форм обучаемого воздействия педагогов на ребенка, и в то же время игра – это основной вид деятельности детей [2].

Дидактическая игра является ценным средством воспитания умственной активности, активизирует психические процессы, вызывает у дошкольников живой интерес к процессу познания. Она помогает сделать учебный материал увлекательным, вызывает у детей глубокое удовлетворение, стимулирует работоспособность и облегчает процесс усвоения знаний [3].

Цель исследования – выявить эффективность использования дидактических игр в процессе развития связной речи детей среднего дошкольного возраста.

База исследования: МБДОУ «Детский сад №70 «Ягодка» (г. Йошкар-Ола). В исследовании приняли участие воспитанники средних групп «Малинка» и «Ежевичка» в возрасте 4–5 лет в количестве 25 человек в экспериментальной группе и 25 человек в контрольной группе.

Цель констатирующего этапа эксперимента: определение уровня связной речи детей среднего дошкольного возраста в обеих группах.

Для диагностики основных параметров развития связной речи использовались такие методики, как методика обследования связной речи В.П. Глухова, методика «Какой…?» Г.А. Урунтаевой, Ю.А. Афонькиной, методика «Пересказ текста» В.И. Яшиной.

По двум методикам («Обследование связной речи» по В.П. Глухову, «Пересказ текста» В.И. Яшиной) получены следующие результаты диагностики на констатирующем этапе эксперимента: в контрольной группе лишь у 8 % детей выявлен высокий уровень развития связной речи, у 56 % дошкольников определён средний уровень, у 28 % ребят – недостаточный уровень развития связной речи, а у 8 % дошкольников выявлен низкий уровень развития связной речи. В экспериментальной группе было выявлено, что у 12 % детей высокий уровень развития связной речи, у 48 % дошкольников средний уровень, у 32 % ребят – недостаточный уровень, а у 8 % дошкольников – низкий уровень.

Результаты, полученные по методике «Пересказ текста» В.И. Яшиной, в контрольной группе: высокий уровень развития связной монологической речи имеют 12 % детей, средний уровень – 40 % детей, уровень развития связной монологической речи ниже среднего определён у 48 % детей. В экспериментальной группе высокий уровень развития связной монологической речи выявлен у 8 % детей, средний уровень – у 44 % дошкольников, уровень развития связной монологической речи ниже среднего выявлен у 48 % ребят.

Развитие активного словаря большинства обследуемых детей среднего возраста по методике «Какой…?» Г.А. Урунтаевой, Ю.А. Афонькиной также находится на среднем уровне. Дети с низким уровнем развития связной речи строят простые фразы из 2–3 слова; простые конструкции предложений; их высказывания – на уровне перечисления воспринимаемых предметов и действий. У детей с высоким уровнем развития речи развит лексико-грамматический строй речи. Они умеют составлять сложные предложения, пользоваться всеми частями речи. Полученные результаты позволяют сделать вывод, что существует необходимость проведения формирующей работы по развитию связной речи у детей среднего дошкольного возраста в той группе, где результаты оказались ниже.

Для решения третьей задачи экспериментального исследования – разработать и реализовать комплекс дидактических игр для развития связной речи детей среднего дошкольного возраста – мы создали комплекс из дидактических игр, направленных на развитие связной речи, активного словаря. Данный комплекс был апробирован с детьми экспериментальной группы.

Для разработки формирующего этапа эксперимента нами были использованы работы А. П. Усовой, О. С. Ушаковой, Г. М. Ляминой, А. И. Сорокиной. На данном этапе мы провели 20 дидактических игр, которые вошли в комплекс и были условно разделены на 3 группы – в зависимости от решения задач развития речи. Первая группа – игры, направленные на пополнение и активизацию словаря дошкольников, вторая группа – игры, направленные на формирование грамматического строя речи, третья группа – игры, направленные на развитие связной речи.

Задачи формирующей работы предусматривают соблюдение ряда требований к подбору дидактических игр.

1. Игра должна быть построена на интересе, участники должны получать удовольствие от игры.

2. Обязателен элемент соревнования между участниками игры.

3. Игры должны соответствовать определенным учебно-воспитательным задачам, программным требованиям к знаниям, умениям, навыкам, требованиям стандарта.

4. Игры должны базироваться на определенном дидактическом материале и методике его применения.

5. Игры должны соответствовать изучаемому материалу и строиться с учетом подготовленности учащихся и их психологических, возрастных и индивидуальных особенностей.

Таким образом, разнообразные и систематически проводимые с детьми дидактические игры являются эффективным методом развития связной речи у детей среднего дошкольного возраста.

После завершения формирующего этапа эксперимента было проведено контрольное обследование уровня развития связной речи детей экспериментальной и контрольной групп. Цель контрольного этапа исследования: выявить результаты экспериментальной работы по развитию связной речи детей среднего дошкольного возраста посредством дидактических игр, провести сравнение результатов экспериментальной группы с результатами контрольной группы, выявить динамику уровня развития связной речи детей среднего дошкольного возраста и оценить эффективность проделанной работы. Методика и организация контрольного этапа соответствовали констатирующему этапу исследования.

В экспериментальной группе (в ней, наряду с мероприятиями, проводимыми по плану воспитателей, была организована работа, направленная на развитие связной речи) произошли следующие изменения: по методике «Обследование связной речи» по В.П. Глухову отмечается положительная динамика, а именно, произошло изменение показателей – низкий уровень снизился с 8 % до 0 %, а высокий уровень вырос с 12 % до 32 %.

По методике «Какой…?» Г. А. Урунтаевой, Ю. А. Афонькиной мы можем увидеть, что в экспериментальной группе низкий уровень снизился с 40 % до 20 %, а высокий уровень вырос с 8 % до 36 %.

Методика «Пересказ текста» В. И. Яшиной показывает, что произошло значительное изменение показателей: низкий уровень развития связной монологической речи снизился с 48 % до 12 %, а высокий уровень вырос с 8 % до 44 %.

Таким образом, полученные нами данные позволяют сделать следующее выводы: после проведения формирующего эксперимента уровень развития связной речи детей экспериментальной и контрольной групп стал значительно отличаться. У детей экспериментальной группы уровень развития связной речи значительно вырос, в то время как у детей контрольной группы остался без значительных изменений.

Проведенное экспериментальное исследование позволяет заключить, что уровень развития связной речи у детей дошкольного возраста может быть реально и существенно повышен, если в процессе обучения дошкольников будут целенаправленно и комплексно использоваться дидактические игры.

Литература

1. *Глухов В. П.* Формирование связной речи детей дошкольного возраста с общим речевым недоразвитием. М.: АРКТИ, 2002. 144 с.

2. *Ивашкевич О.В.* Дидактическая игра как средство развития речи детей среднего дошкольного возраста // Актуальные вопросы современной педагогики: материалы VIII Межд. науч. конф. Самара: ООО «Издательство АСГАРД», 2016. С. 70–73. URL: https://moluch.ru/conf/ped/archive/188/9824/ (дата обращения: 21.04.2019).

3. *Попова Т.Г.* Дидактическая игра как средство развития речи у детей дошкольного возраста // Дошкольник РФ. 2018. № 107. С. 123.

УДК 373.24

И.Н. Андреева, Л.А. Отто

Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

ФОРМИРУЮЩАЯ РАБОТА ПО РАЗВИТИЮ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ СТАРШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ

В статье рассматривается проблема роли диалогической речи в речевом развитии детей старшего дошкольного возраста. Определяются цель и задачи экспериментальной работы. Приводится количественный анализ полученных результатов исследования на контрольном этапе исследования.

Ключевые слова: *диалогическая речь, дети старшего дошкольного возраста, речевое развитие, диалогическое общение, формирование связности речи, перспективный план, диагностическое исследование.*

Новый ФГОС ДО в качестве одного из целевых ориентиров выделяет речевое развитие детей дошкольного возраста. ФГОС ДО поясняет, что речевое развитие включает в себя владение речью как средством общения и культуры, обогащение активного словаря, развитие связной, грамматически правильной диалогической и монологической речи, развитие речевого творчества [2].

Дошкольный возраст – это период активного усвоения ребенком разговорного языка, развития и становления всех сторон речи: грамматической, лексической и фонетической. В дошкольном детстве полноценное владение родным языком – это необходимое условие решения задач эстетического, нравственного и умственного воспитания детей в максимально сенситивный период развития [1].

Цель нашего исследования – выявить наиболее эффективные приёмы развития диалогической речи детей старшего дошкольного возраста.

Эмпирическая база исследования: муниципальное дошкольное образовательное бюджетное учреждение «Краснооктябрьский детский сад «Яблонька» Медведевского района Республики Марий Эл (далее – МДОБУ «Краснооктябрьский детский сад «Яблонька»). В исследовании принимали участие воспитанники подготовительной группы: 20 детей группы «Рябинка» составили экспериментальную группу, 20 детей группы «Смородинка» – контрольную группу.

В исследовании на констатирующем и контрольном этапах эксперимента применялись следующие диагностические методики: методика «Выявление уровня развития навыков диалогического общения» М.М. Алексеевой, В.И. Яшиной; методика «Изучение диалогической речи» Л.В. Градусовой; методика «Комплексная диагностика способности вести диалог у старших дошкольников» Г.А. Урунтаевой.

Нами был проведён констатирующий эксперимент, на основании результатов которого мы запланировали формирующую работу.

Цель экспериментальной работы: создание условий для развития диалогической речи детей старшего дошкольного возраста.

Для реализации данной цели был подобран комплекс средств, способствующих развитию диалогической речи детей, в частности, чтение художественной литературы, беседы, упражнения, дидактические игры, сюжетно-ролевые игры, инсценировки.

Нами был разработан перспективный план занятий по развитию диалогической речи.

В ходе формирующего эксперимента было уделено внимание созданию в группе благоприятной речевой среды для общения детей друг с другом и с воспитателем. Мы побуждали детей к диалогу, спрашивая, откуда у ребёнка появилась новая игрушка, как он провёл выходные и т. д. В ходе самостоятельной деятельности детей спрашивали о производимых действиях, обращали внимание на то, как дети строят диалог между собой, при необходимости корректировали высказывания. Детям обязательно поощрялись за доброжелательное общение со сверстниками и со взрослыми. Это способствовало тому, что у детей возросло стремление задавать больше вопросов, поддерживать диалог, а не обрывать его, строить свои высказывания (сообщать, рассказывать что-то) как в разговоре со взрослыми, так и со сверстниками.

В процессе работы по развитию диалогической речи мы обучали детей правилам ведения диалога:

– соблюдать очередность в разговоре;

– выслушивать собеседника, не перебивая;

– поддерживать общую тему разговора, не отвлекаться от нее;

– проявлять уважение и внимание к собеседнику, слушая, смотреть ему в глаза или в лицо;

– не говорить с полным ртом;

– говорить спокойно, с умеренной громкостью, доброжелательным тоном;

– использовать литературную лексику;

– строить свое высказывание так, чтобы не обидеть собеседника и чтобы оно было понятно ему.

Таким образом, на формирующем этапе исследования была проведена комплексная работа по развитию диалогической речи детей старшего дошкольного возраста.

Далее нами проводился контрольный этап эксперимента. Цель контрольного этапа эксперимента – проведение повторной диагностики детей с целью получения данных, подтверждающих или опровергающих гипотезу

исследования. Для проведения повторной диагностики были использованы те же методики, что и на констатирующем этапе исследования.

Вначале было проведено повторное наблюдение по методике Л.В. Градусовой. Представим полученные результаты диагностики детей контрольной и экспериментальной групп: у детей экспериментальной группы повысился уровень развития коммуникативных умений, у детей контрольной группы изменений не произошло. Количество детей с высоким уровнем развития коммуникативных умений в диалогической речи в экспериментальной и контрольной группе стало одинаковым. Количество детей со средним уровнем в контрольной группе меньше на 5 %, чем в экспериментальной; с низким уровнем в контрольной группе меньше на 5 %, по сравнению с экспериментальной. Это свидетельствует о том, что проведённая работа с детьми экспериментальной группы по развитию диалогической речи эффективна.

Далее мы провели повторную диагностику детей по методике М.М. Алексеевой, В.И. Яшиной. Представим полученные результаты диагностики детей обеих групп: количество детей с высоким уровнем навыков диалогического общения в экспериментальной группе стало на 5 % больше, чем в контрольной группе; количество детей со средним уровнем в контрольной группе больше на 5 %, чем в экспериментальной; количество детей с низким уровнем является одинаковым. Это свидетельствует о том, что проведённая работа с детьми экспериментальной группы по развитию диалогической речи эффективна. У детей экспериментальной группы повысился уровень развития навыков диалогического общения. У детей контрольной группы изменений не произошло.

Далее была проведена повторная диагностика детей по методике Г.А. Урунтаевой: количество детей с высоким уровнем развития способности вести диалог в экспериментальной группе на 10 % больше, чем в контрольной группе; количество детей со средним уровнем развития данной способности является одинаковым в экспериментальной и контрольной группах; а количество детей с низким уровнем в экспериментальной группе на 10 % меньше, по сравнению с контрольной группой. Данные также свидетельствуют о том, что проведённая работа с детьми экспериментальной группы по развитию диалогической речи эффективна.

Анализ результатов диагностики показал, что речь детей экспериментальной группы на контрольном этапе исследования стала характеризоваться более высокой речевой активностью во взаимодействии, умением поддерживать и развивать диалог, способностью строить развёрнутые высказывания. Полученные данные свидетельствуют о том, что проведенная с детьми работа на формирующем этапе исследования является эффективной.

Литература

1. *Андреева И.Н., Зорина Л.Г.* Развитие связной речи детей старшего дошкольного возраста с помощью современных дидактических игр // Дошкольное детство: традиции и инновации: сб. ст. Йошкар-Ола: Поволж. гос. технол. ун-т, 2018. С. 26–31.

2. ФГОС Дошкольного образования // URL: http://www.edu.ru/db-mon/mo/Data/d_13/m1155.pdf (дата обращения 21.06.2020).

УДК 373.24

И.Н. Андреева, А.В. Петрова
Марийский государственный университет, (г. Йошкар-Ола)

ИССЛЕДОВАНИЕ И ФОРМИРУЮЩАЯ РАБОТА ПО ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКОМУ РАЗВИТИЮ СТАРШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ

В статье рассматривается проблема художественно-эстетического развития детей старшего дошкольного возраста. Приводятся данные диагностического исследования по уровню художественно-эстетического развития старших дошкольников на констатирующем и контрольном этапах исследования, а также перспективный план и содержание работы по художественно-эстетическому развитию детей старшего дошкольного возраста посредством занятий по иллюстрациям.

Ключевые слова: *художественно-эстетического развитие, дети старшего дошкольного возраста, иллюстрация, диагностические методики, этапы исследования.*

Начальной ступенью художественно-эстетического развития детей дошкольного возраста часто является иллюстрированная детская книга. В детстве все любят книги с картинками. Самые маленькие дети по картинкам как бы прочитывают книгу, прослеживают сюжет от одной иллюстрации к другой. Когда ребенок становится старше, иллюстрации также помогают ему лучше понять и представить, о чем написано в книге, дополняя слуховое восприятие литературного произведения яркими зрительными образами. В свою очередь, нужно отметить, что художественно-эстетическое развитие детей дошкольного возраста – достаточно сложная, непростая задача, требующая выполнения ряда условий, одним из которых является целенаправленная организованная деятельность в благоприятной среде.

Цель нашего исследования: выявить эффективность использования иллюстраций детской книги в процессе художественно-эстетического развития детей старшего дошкольного возраста.

База исследования: МБДОУ «Детский сад № 20 г. Йошкар-Олы «Дюймовочка». Дети старшей группы – в количестве 40 человек, возраст 5–6 лет. Выборку составили дети старшего дошкольного возраста в количестве 20 человек (экспериментальная группа) и 20 человек (контрольная группа).

Цель констатирующего этапа исследования: изучить уровень художественно-эстетического развития детей среднего дошкольного возраста.

Для диагностики уровня художественно-эстетического развития детей старшего дошкольного возраста использовались следующие методики: 1) методика «Художественно-эстетическое развитие детей дошкольного возраста в условиях введения ФГОС ДО» В.А. Богуславской [1]; 2) методика «Диагностика по выявлению уровня художественно-эстетического развития детей дошкольного возраста» Г.Г. Григорьевой [2]; 3) методика «Диагностика освоения старшими дошкольниками изобразительного искусства» А.Г. Гогоберидзе.

Первой нами применялась диагностика «Художественно–эстетическое развитие детей дошкольного возраста в условиях введения ФГОС ДО» В.А. Богуславской. Были получены следующие результаты: у детей

экспериментальной группы низкий уровень художественно-эстетического развития выявлен у 11 дошкольников, что составило 55 % от общего количества детей; средний уровень – у 9 детей, что составило 45 % от общего количества ребят группы; высокий уровень художественно-эстетического развития не констатирован. У детей контрольной группы выявлен следующий уровень художественно-эстетического развития: низкий уровень выявлен у 8 детей, что составило 40 % от общего количества детей группы; средний уровень – у 11 детей, что составило 55 % от общего количества дошкольников; высокий уровень определён у 1 ребёнка, что составило 5 % от общего количества детей группы.

Второй для диагностики нами применялась методика «Диагностика по выявлению уровня художественно-эстетического развития детей дошкольного возраста» Г.Г. Григорьевой. Охараактеризуем полученные результаты: в экспериментальной группе низкий уровень художественно-эстетического развития выявлен у 13 детей, что составило 65 % от общего количества дошкольников в группе; средний уровень констатирован у 6 дошкольников, что составило 30 % от общего количества детей в группе; высокий уровень определён у 1 ребёнка, что составило 5 % от общего количества детей в группе. Результаты диагностики контрольной группы по данной методике: низкий уровень художественно-эстетического развития выявлен у 10 детей, что составило 50 % от общего количества дошкольников в группе; средний уровень определён у 7 дошкольников, что составило 35 % от общего количества детей; высокий уровень художественно-эстетического развития констатирован у 3 ребят, что составило 15% от общего количества дошкольников в группе.

Далее нами проводилась диагностика по методике «Диагностика освоения старшими дошкольниками изобразительного искусства» А.Г. Гогоберидзе. Цель диагностики: выявление особенностей художественно-эстетического развития дошкольников (на материале освоения изобразительного искусства). Были получены следующие результаты в экспериментальной группе: низкий уровень художественно-эстетического развития выявлен у 6 детей, что составило 30 % от общего количества дошкольников в группе; средний уровень определён у 12 дошкольников, что составило 60 % от общего количества детей в группе; высокий уровень художественно-эстетического развития констатирован у 2 ребят, что составило 10 % от общего количества детей в группе. У детей контрольной группы низкий уровень художественно-эстетического развития выявлен у 4 ребят, что составило 20 % от общего количества дошкольников в группе; средний уровень констатирован у 12 дошкольников, что составило 60 % от общего количества детей; высокий уровень определён у 4 детей, что составило 20 % от общего количества дошкольников в группе.

По результатам всех трёх диагностик можно сделать следующие выводы: дети экспериментальной группы, по сравнению с детьми контрольной группы, продемонстрировали невысокий уровень художественно-эстетического развития, их результаты, в основном, на среднем и низких уровнях, для многих детей характерно затруднение в передаче образов, предметов, явлений, объём знаний об искусстве очень мал, умения не сформированы, слабое владение

техническими навыками. На основании результатов диагностики мы запланировали формирующую работу с детьми экспериментальной группы.

В ходе формирующего эксперимента было уделено внимание созданию в группе благоприятной среды для художественно-эстетического развития детей. Мы побуждали детей к изобразительной деятельности, к рассматриванию книжных иллюстраций. В ходе самостоятельной деятельности детей спрашивали о производимых действиях, обращали внимание на то, как дети изображают иллюстрацию. Детям обязательно высказывалось поощрение за качественно проделанную работу. Это способствовало тому, что у детей возросло стремление задавать больше вопросов о книжной иллюстрации.

Помимо этого, детям постоянно предлагались к прослушиванию художественные произведения с просмотром иллюстраций: стихотворения, народные и литературные сказки, рассказы.

В ходе экспериментальной работы было подготовлено и проведено родительское собрание на тему «Художественно-эстетическое развитие детей дошкольного возраста». В ходе собрания воспитатель рассказал об основных направлениях работы по художественно-эстетическому развитию в старшей группе, подчеркнул значимость художественно-эстетического развития детей и большие возможности семьи в этой работе, познакомил с книгами, иллюстрациями, которые можно использовать родителям для художественно-эстетического развития. В конце собрания родители получили памятки по художественно-эстетическому развитию детей.

С детьми было проведено несколько подготовленных занятий, в ходе которых применялся приём беседы по иллюстрациям. В процессе беседы мы старались, чтобы на вопросы ответило как можно больше детей, чтобы они смогли глубже почувствовать, что происходит с изображёнными героями. Обращали внимание детей на то, с какой выразительностью передает художник образы героев.

Таким образом, в формирующем эксперименте проводилась комплексная работа по созданию условий для художественно-эстетического развития детей старшего дошкольного возраста. Результаты формирующей работы будут выявлены на контрольном этапе исследования.

Литература

1. *Богуславская В. А.* Техника проведения диагностики художественно-эстетического развития детей дошкольного возраста в условиях введения ФГОС ДО // URL: https://infourok.ru/tehnika–provedeniya–diagnostikihudozhestvennoesteticheskoe–razvitie–detey–doshkolnogo–vozrasta–v–usloviyah–vvedeniya–fgos–do–2007171.html (дата обращения: 02.09.2020).

2. *Григорьева Г. Г.* Диагностика по выявлению уровня художественно-эстетического развития детей дошкольного возраста // URL: http://raguda.ru/vs/diagnostika–hudozhestvenno–jesteticheskogo.html (дата обращения: 02.09.2020).

УДК 069.4

Н.Д. Ведерникова
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)
Науч. руководитель: Мамонтова М.С., канд. пед. наук, доц.

САМОВАР В БЫТОВОЙ ТРАДИЦИИ НАСЕЛЕНИЯ МАРИЙСКОГО КРАЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ КОЛЛЕКЦИИ В СОБРАНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РМЭ ИМ. Т. ЕВСЕЕВА)

Статья посвящена обзору коллекции самоваров второй половины XIX – начала XX века, хранящихся в фонде «Дерево / Металл» Национального музея Республики Марий Эл им. Т. Евсеева.

***Ключевые слова**: фондовое собрание, музейная коллекция, самовары, коллекция самоваров, Национальный музей Республики Марий Эл им. Т. Евсеева.*

Самовар на протяжении трёх столетий занимал особое место в быту российского населения, без него не обходилось ни одно семейное чаепитие. Считалось, что семья, владеющая самоваром, материально обеспечена.

В Национальном музее Республики Марий Эл им. Т. Евсеева хранится коллекция самоваров и подносов, состоящая из тридцати четырёх единиц хранения. Из них единиц основного фонда – 23, научно-вспомогательного – 11, самоваров – 28, подносов – 4, самоваров в комплекте с подносами – 2. Основу коллекции составляют самовары, изготовленные в городе Тула во второй половине XIX – начале XX веков. По большей части это приборы хорошей сохранности, не требующие реставрации.

Формировалась коллекция в период с 1964 по 2001 гг. Большая часть самоваров поступила в 1970–1980-е гг. Почти все они были приобретены у жителей г. Царевококшайска, а также его окрестностей и бытовали в семьях зажиточных крестьян, горожан и купцов, которых здесь было немного [2; 3; 4; 5; 6]. Именно этим и объясняется тот факт, что данная коллекция немногочисленна, поскольку самовар могли себе позволить только материально обеспеченные люди. Самовары, поступившие в фонд музея, относились к продукции массового производства. Среди них нет дорогостоящих экземпляров.

Выделяют несколько самоварных форм, носят они очень интересные названия: «банка», «репка», «рюмка», «ваза» и др. Их давали по ассоциации с определёнными предметами. В нашей коллекции большинство самоваров изготовлены в форме «банка», «репка» и «рюмка». «Ваза» не так широко представлена.

Один из основных центров производства самоваров – город Тула. Множество фабрик занимались данным производством, но были среди них и наиболее крупные. Хозяев этих фабрик называли «самоварными королями». Из них наиболее известны Баташевы, Воронцовы, Капырзины, Тейле и др. В собрании нашего музея имеется продукция всех вышеперечисленных производителей. Занимались производством самоваров и в небольшом поселке Суксун Пермской области. Ещё одним центром самоварного производства была Москва. Именно здесь располагалась фабрика «Аленчиков и Зимин». Продукция данных предприятий также находится в хранении музея.

У каждой самоварной фабрики было своё клеймо. Его сохраняли на протяжении всего её существования и передавали продолжателям дела. Данные знаки дополняли медалями, полученными на выставках, а также оттисками портретов правителей государства. В настоящее время всё это позволяет специалистам полно и точно проводить датировку и описание предмета.

Далее остановимся на наиболее интересных экземплярах нашей коллекции.

Самовар жаровый, белого металла, 1850 года изготовления – продукция фабрики, основателем которой был Иван Григорьевич Баташев. Он изготовлен в форме «банка», ручки фигурные, оснащены деревянными, резными держателями. На тулове клеймо: «Торговый дом. Фабрикант Его Императорского Величества наследник И.Г. Баташева Н.И. Баташев в г. Туле». Оно являлось высшим знаком качества и означало особую привилегию и репутацию производителя. Процедура его получения была очень сложной.

Самовар жаровый, с туловом в форме «репки» – сплюснутого шара, в комплекте с подносом. Изготовлен в конце XIX – начале XX века. Основание самовара квадратное, на четырех круглых ножках. Ручки, крышка и основание крана украшены рельефным орнаментом. Данный экземпляр был изготовлен на самоварной фабрике наследников Василия Степановича Баташева.

Самовар из металла белого цвета, в форме «банка», жаровый, с фигурными ножками и ручками в виде фигурных металлических пластин, скреплённых держателями из дерева, был изготовлен в конце XIX – начале XX века на фабрике Ивана Фёдоровича Капырзина.

Оригинальным экземпляром нашей коллекции является самовар жаровый, жёлтого металла, в форме «банка», изготовленный в конце XIX – начале XX века на самоварной фабрике Рейнгольда Эрдмана Тейле с сыновьями. Он составляет комплект с подносом круглой формы.

Самовар жаровый белого металла, с туловом в форме «банка» был изготовлен на самоварной фабрике братьев Воронцовых. Имеет фигурные ножки и ручки, оснащённые деревянными держателями. На тулове самовара выгравированы медали и клеймо «Потомственные почётные граждане братья Воронцовы».

Данный самовар произведен на самоварной фабрике в посёлке Суксун Пермской области в конце XIX – начале XX века. Он жаровый, никелированный, с туловом в форме «рюмка», декорирован вертикальными вставками с геометрическим орнаментом. Ножки фигурные.

Самовар, о котором речь пойдёт далее, является самым старинным экземпляром нашей коллекции. В акте приёма-сдачи значится, что он был изготовлен в конце XVII века [1]. К сожалению, фабрика и место его изготовления неизвестны, поскольку на нём не сохранилось клеймо производителя. Самовар из меди жёлтого цвета, имеет тулово в форме «ваза», ручки фигурные, декорированы орнаментом «верёвочка», который расположен и на крышке. По объему он не большой, всего два литра.

Самовар жаровый, белого металла произведен на московской фабрике «Аленчиков и Зимин» в конце XIX века. Тулово в форме «банка», ручки фигурные, оснащены деревянными держателями, ветка крана ажурная.

Самовар жаровый, белого металла, изготовлен в конце XIX – начале XX века. Имеет тулово в форме «рюмка», ручки и ножки декорированы объёмным изображением Амуров. Держатели ручек выполнены из кости.

Во второй половине XX века жаровый самовар уступил место электрическому, который быстро завоевал популярность среди населения благодаря более высокой скорости закипания воды. В нашей коллекции имеется подобный экземпляр. Он изготовлен в период с 1900 по 1910 год в форме «рюмка» из металла белого цвета, с никелевым покрытием. Ручки и ножки фигурные, ветка крана ажурная. Его объём небольшой и составляет около двух литров.

Самовар имел очень большое значение в жизни людей на протяжении долгого периода времени. Поскольку предметы коллекции Национального музея им. Т. Евсеева были приобретены у жителей города Царевококшайска и его окрестностей, они достаточно полно отражают материальную культуру и бытовые традиции населения Республики Марий Эл.

Литература

1. Акт приёма-сдачи Марийского научно-краеведческого музея № 73 от 11.10.1966 г.
2. ГИК (КП) Марийского научно-краеведческого музея № 2 за 1958–1968 гг.
3. ГИК (КП) Марийского научно-краеведческого музея № 5 за 1972–1977 гг.
4. ГИК (КП) Марийского научно-краеведческого музея № 6 1977–1982 гг.
5. ГИК (КП) Марийского научно-краеведческого музея № 7 за 1983–1984 гг.
6. ГИК (КП) Марийского национального музея № 13 за 1989–2013 гг.
7. *Волкова С.В.* Русские самовары в собрании Всероссийского музея декоративно-прикладного и народного искусства // Музей № 6. Художественные собрания СССР. М.: Сов. художник, 1986. С. 182–208.
8. *Петрова Л.* Самовар с секретом // Антиквариат. Предметы искусства и коллекционирования. 2003. № 7–8 (9) (июль-август). С. 7–12.

УДК 376.1

М.С. Виногорова, В.В. Виногоров
Шелангерская СОШ (п. Шелангер, Республика Марий Эл)

ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ С ОДАРЕННЫМИ ДЕТЬМИ В ШЕЛАНГЕРСКОЙ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЕ

Статья посвящена организации работы с одаренными детьми в общеобразовательных учреждениях. Урочная и внеурочная деятельность способствует развитию творческого потенциала обучающихся. Большое значение в развитии одаренного ребенка имеет система дополнительного образования. Для получения высокого результата в школе должна быть организована специальная программа для работы с одаренными и талантливыми детьми.

Ключевые слова: *работа с одаренными детьми, одаренность, урочная и внеурочная деятельность.*

Требование современного общества – это поиск путей роста интеллектуально развитых людей, будущих генераторов великих идей. От образовательных учреждений ждут выпускника, который может адаптироваться к быстро меняющимся условиям, коммуникабельного и конкурентоспособного. Школьные предметы открывают широкие возможности для работы с одаренными детьми.

Советский психолог Б.М. Теплов в своей статье «Способности и одаренность» выделяет три признака в понятии «способность»: 1) индивидуально-психологические особенности, отличающие одного человека от другого; 2) способность – это не всякие, вообще, индивидуальные особенности, а лишь такие, которые имеют отношение к успешности выполнения какой-либо деятельности или многих деятельностей; 3) «способность» не сводится к тем знаниям, навыкам или умениям, которые уже выработаны у данного человека» [2, с. 9–10].

В русском языке слово «одаренный» имеет следующий ряд синонимов: *талантливый, способный, гениальный, великий*. В Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова мы находим следующие определения этих слов: «**Способность** – 1. Природная одаренность, талантливость. 2. Умение, а также возможность производить какие-нибудь действия. **Способный** – 1. Обладающий способностями к чему-нибудь, одаренный [1, с. 757]. **Талант** – 1. Выдающиеся врожденные качества, особые природные способности. **Талантливый** – обладающий талантом, проявляющий талант [1, с. 788]. **Гений** – 1. Высшая творческая способность. **Гениальный** – обладающий гением (в 1 знач.), свойственный гению» [1, с. 128]. Следовательно, одаренный человек – это творческая личность, обладающая природными способностями, талантом.

Основная задача образовательной организации – это выявлять и развивать потенциал детей с признаками одарённости.

Выявление и работа с одаренными детьми в образовательных учреждениях начинается в начальной школе. Уроки творчества, работа в кружках, развивающие экскурсии, творческие конкурсы, интеллектуальные игры играют важную роль при обучении и развитии талантливых детей. Учителями вводятся элементы обучения по индивидуальным программам.

На средней ступени школьного образования (V–VIII классы) тематика кружков и секций расширяется, проводятся факультативы. Играет значительную роль обучение по интегрированным и индивидуальным программам.

На старшей ступени (XI–XI классы) делается акцент на работу с одаренными детьми по индивидуальным программам: формируются элективные курсы, классы с углубленными изучением отдельных предметов и профильные классы.

Работа с одаренными детьми в образовательных учреждениях опирается на прочную информационную базу, которая необходима для создания банков данных: 1) банк данных по одаренным детям (сведения по одаренным детям, результаты психодиагностических обследований, данных об их учебе); 2) банк данных по учителям (информация об учителях, формах работы с детьми); 3) банк справочно-библиографических данных.

Можно выделить следующие формы работы с одаренными детьми в образовательных учреждениях:

– предметные олимпиады школьников (многолетняя и традиционная форма работы с одаренными детьми);

– научные общества обучающихся – добровольное творческое формирование подростков школы, стремящихся совершенствовать свои знания в определенной области науки, искусства, техники и производства, развивать свой интеллект. Научные общества дают обучающемуся возможность развить свой интеллект в самостоятельной творческой деятельности. Высшим органом научного общества обучающихся образовательного учреждения является конференция членов общества, которая проводится один раз в год. На ней подводятся итоги, заслушиваются творческие отчеты о работе отдельных секций, организуются выставки, утверждаются планы дальнейшей деятельности.

Работа с одарёнными детьми в МОУ «Шелангерская средняя общеобразовательная школа» осуществляется следующим образом:

– созданы условия для раскрытия задатков и развития способностей всех учащихся (сохранение индивидуальности, личностный подход в образовании, развитие творческих способностей средствами искусства на уроках и внеклассной деятельности);

– созданы индивидуальные условия для развития способностей детей с выращенной собственной познавательной потребностью в какой-либо области.

Одаренные дети образовательного учреждения занимаются по следующим направлениям:

1. Спортивное направление: спортивные секции (волейбол, баскетбол, футбол и т.д.); соревнования на уровне школы; участие в районных, республиканских соревнованиях, спартакиадах.

2. Экологическое направление: участие и проведение экологических акций на уровне школы, района; участие в экологических районных конкурсах.

3. Интеллектуальное направление: научно-исследовательские конференции; олимпиады на уровне школы, района, республики; предметные недели; внеклассная работа по предметам; факультативы; сотрудничество с вузами и другими учебными заведениями; сотрудничество с центром профориентационной работы и довузовской подготовки.

4. Направление информатизации: дистанционное обучение; участие в дистанционных конкурсах, фестивалях; участие в создании школьного сайта.

5. Творческое направление: создание музыкального кружка; конкурсы музыкальных, художественных работ (на уровне школы, района, республики); КВН, концерты; коллективно-творческие дела.

В школе существуют следующие формы отслеживания результатов работы с одаренными детьми:

– ежегодно проходит научно-практическая конференция «Старт», где обучающиеся защищают свои исследовательские работы, проекты;

– учебный процесс в школе разделен на периоды. В конце периода проводится административная контрольная работа (АКР), проводятся зачеты, всероссийские проверочные работы, проходят предметныхе олимпиады; ГИА – результат всей учебной деятельности;

– самый весомый результат – это поступление выпускников в учебные заведения.

Работа педагога с одаренными детьми – это сложный и никогда не прекращающийся процесс. Он требует от учителей и воспитателей личностного роста, хороших, постоянно обновляемых знаний в области психологии одаренных детей и методики их обучения, а также тесного сотрудничества с психологами, другими учителями, администрацией и обязательно с родителями обучающихся. Он требует постоянного роста мастерства, педагогической гибкости, умения отказаться от того, что еще сегодня казалось творческой находкой и сильной стороной, а сегодня уже «не работает» на цель.

Школа испытывает большую потребность в учебниках и программах, в которых учитывались бы индивидуальные запросы и интересы одаренных детей. В существующих программах не закладываются альтернативные пути продвижения талантливого ребенка за пределы курса. Поэтому большое значение в развитии одаренного ребенка играет сегодня система дополнительного образования. Внешкольные кружки, студии, творческие мастерские дают возможность реализовывать интересы, выходящие за рамки школьной программы.

Литература

1. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических единиц / РАН, Ин-т рус. яз. 4-е изд., доп. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2008. 944 с.

2. *Теплов Б.М.* Проблемы индивидуальных различий. М.: Наука, 1961. 312 с.

УДК 391

Л.В. Демьянова
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)
Науч. руководитель: Шкалина Г.Е., д-р культурологии, проф.

МАРИТЎР СЫМЫКТЫШЫН ИКМЫНЯР ПАЛЫЖЕ

Статья посвящена изучению некоторых семантических особенностей марийской вышивки. Это древнее искусство до сих пор хранит в себе загадку орнаментики, отражает архаические представления об окружающем мире, природе, человеке.

***Ключевые слова**: марийская вышивка, искусство вышивки, народный костюм, национальная самобытность, декоративно-прикладное творчество, природа, семантика.*

Кажне калыкын вургемым ургымо да сӧрастарыме сымыктышыже – ӧрыктарыше, мотор да келге вожан. Тудын кажне нергеже, тӱшкаже, посна калыкын шӱм-чон поянлыкше, моторлыкым умылымо да шижмыже нерген ойла. Тӱрым калыкле тӱвыран ойыртемже семын ончалаш гын, тудын ик эн ончыл верым налын шогымыж нерген ойлыман. Шуко курым мучко калыкын ожнысо илышыже, историй ден тӱвыраже тӱреш тӱрлалт, курымлалт кодыныт.

Тӱрын вес палыже – тиде сӧрастарыме йӧн-влакын (орнаментын) посна верже. Декоративно-прикладной сымыктышын ик йынчыже (элементше) йомеш гынат, тидым мучашдыме кугу йомдарымашлан шотлаш лиеш. Сандене ты шымлымаш паша эн ондак марий калыкын вургемым ямдылыме сымыктышыжым, сӧрастарыме йӧн-влакшым (орнамент аланжым) аралеи кодымаште кӱлешан сомылым шукта. Мемнан пашан тӱҥ цельжылан марий тӱр сымыктышын эртыкшым икмыняр моло калыкла дене таҥастарымашым шотлаш лиеш.

Ожнысек кажне калыкын усталык пашаштыже тӱрлыман узор-влак ойыртемалтше верым налыныт. Тӱр сымыктыш эре вашталт толын, историй йыжыҥлаште айдеме тукым виянгмаште саемдалтын. Цивилизаций виянгме дене тӱр сымыктышынат технологийже кушкын. Мутлан, кӱ вӱрж олмеш узорым вурс але бронзо име дене ыштеныт, тидыже тӱрлымӧ пашам виянгдаш полшен да тудын йӧнжӧ-влакым саемден. Но тӱҥ кумыланлышылан чыла пагытыштат пӱртӱс да айдемын пашаже лийыныт. Кызытсе жап марте аралалт толшо тӱр паша-влак мемнан тукымлан илышым шымлымаш шотышто негыз улыт. Нунын гоч ме ожнысо саманыш логалына, кажне калыкын ойыртемжым пален налына, нунын йӱлаштым, илыш-радамыштым, тӱняончалтышыштым умылен кертына.

Мутлан, айдеме ден пӱртӱс коклосе кылым ожнысек умылымаш утларакшым тӱр гоч Китайысе сымыктышыште ончыкталтеш. Тидым умылтараш йӧсӧ огыл, вет лач эрвел сымыктышым наукын шепкажлан шотлаш лиеш. Тӱрлымаш мастарлык ойыртемалтше верым Китайын наследийыштыже ик тӱжемрак ийым веле налеш. Тысе тӱр сымыктыш тоштойысо сюжетла дене веле огыл поян лийын. Кугу тӱткыш пӱртӱслан, калык преданийлан, илыш радамлан ойыралтын. Кеч илен толын тукым-влак вашталтыныт, тӱр эре шукемынак толын. Тудо шкеж гоч келге шонымашан оранментым ончыктен, кудыжо ожнысо йӱлам почын пуэн да айдеме пиал деке лишеммым палдарен.

Тӱр сымыктыш марий калыкын тӱвыраштыжат ик эн онгай нергелан шотлалтеш, калык костюмын декорыштыжо тӱҥ верым налеш. Тудо ӱдырамаш чонын ужашыжым нумалеш, марий калыкын тӱвырашкыже чыла сайжым чумыра. Тудо сай сымыктыш произведений семын айдемын вий-куатше нерген каласкала. Вургем ойыртем, тӱр узор да сылнештарыш-влак тӱнян моторлыкшым ончыктат, айдемын келге умылымашыжым почыт. Орнамент, композиций, пеледыш форман тӱр-влак гармоний йӧн дене келыштаралтыт, а сӱретан ритм калыкын эстетике могырым виянгмыж нерген ойла. Вургем тыгак калыкын илыш-йӱлаж дене, тудын койышыж дене кылдалтын. Тыгодымак тудым сӧрастарыше тӱр ала-могай гынат ужашыштыже вес калык дене кылым ыштымыже нергенат каласкала. А эн тӱнжӧ – тӱр посна верысе тӱвыраште погалтын манмым ончыкта да кызытсе жап марте шке ышталтме ойыртемжым, узоржым да сылнештарыше йӧнжым арала.

Тӱр сымыктыш – марий ӱдырамашын нимучашдыме мастарлыкшым ончыктышо кугу поянлык. Ожно кажне ӱдырамаш тӱрлен моштен, тудын тӱржым ончен, могайрак улмыжымат акленыт. Тунам тӱрым ончылгоч ямдылыме сӱрет деч посна, вынер пырчым ончен тӱрленыт. Тӱрлымаш куштылго сомыл лийын огыл, тудлан кугу мастарлык кӱлын. Узорым вынер ӱмбалан, симметрийым шукташ тыршен, верангденыт. Классике нерген ойлаш гын, йӱлаш пурышо тӱс-влак дене веле пашам ыштымым палемдыман: шеме, шем-йошкарге, кӱрен да южо вере ужар тӱс.

Ош тӱс арулыкым, яндарлыкым, порылыкым, кумдалыкым ончыкта гын, йошкарге – тулым, кечым, илыш вийым, тазалыкым. Ужарге, пелганде, шеме да нарынче ешартыш тӱс-влак тӱҥ тӱрышкӧ ешартыш пӱшкыл дене пурат да тӱрым кумда текст семын лудаш амалым утларак пеҥгыдемдат.

Марий тӱрыштӧ тӱҥ шотышто кум орнамент уло: геометрий, кушкыл, янлык-влакым ончыктышо. Кажне вургемлан келшыше тӱр ойыралтеш. Тӱрым кузе да кушан верандыме годым тӱрлышаш арверын формыжым, кугытшым да кучылталтмыжым шотыш налыт.

Марий орнаментикыште кучылталтше тӱҥ фигур-влаклан кандаш лукан шӱдыр, кужемдалтше мучашан ромб, тодылалтше линий-влак, тодылалтше мучашан ырес, спираль, шордо тӱкым ушештарыше узор-влак да т.м. шотлалтыт.

Калыкыште шарлыме ой почеш, тӱрлӧ осал вий деч аралыше посна узор-влак вургемыште посна верым налыт: тувырышто шӱша, оҥ, туп, шокш да урвалте мучашлаште верланат. Тиде марий калыкын ожно годсо шинчаончалтышыже. Тидын дене келшышын, капыште чыла почылтшо верым осал деч аралыман. Тӱр дене сылнылыкым ыштен модмаш да ала-мом уым кычалмаш варарак тӱҥалын.

Марий тӱрыштӧ ончыктатше икмыняр орнаментым ончалына. Мутлан, пушеҥге илыш тӱҥалтышым ончыкта, кӱшыл да ӱлыл тӱня-влак кокласе кылым палдара. Пушенган орнаментым шукыж годым кечывалвел-эрвелыштыла илыше олык марий-влак кумдан кучылтыт. Пушеҥге образ чӱчкыдын ӱдырамаш тувырын шокшыштыжо ончыкталтын. Тудо илыш тӱҥалтыш семын, Юмо семынат умлалтын. Посна пушеҥгылан Кугу Юмылан кумалме семын кумалыныт. Адакшым вожшо дене пушенге мланде дене кылдалт шога, садлан тудо Мланде Ава семын умылалт кертеш. Арамлан огыл оръеҥ сӱан кечыж годым тукым пушенге ончылно вуйжым савен, тудланак эн ончыч кумалтыш надыржым пӧлеклен.

Имне – ожнысо марий калыкын тӱняумылымашыжым ончыктышо виян символ. Тудо шукыж годым, Кече Кугу Юмым шарныктен, тӱрлалтын, илышын тичмашлыкшым ончыктен.

Йӱксӧ – йӧратымаш да ӱшанлыкым, поро ден моторлыкым, арулыкым ончыктышо символ. Тудо вӱдыштӧ илыше кайык, лудо да комбо дене иктӧр шога. Йӱксӧ ӱжвата Сандалыкым ыштымаште ӱдырамаш тӱҥалтышым почын пуа. Тыгак тудо кава дене кылым ышта, поро шӱлышан кӱшыл тӱням лишемда, айдеме ден Юмо коклаште коклазе улеш.

Лыве, калык ой почеш, куштылгылыкым да шымалыкым ончыктышо пале. Ойлат, пуйто тудо вес тӱняш кайыше еҥ-влакын чоныштым ончыктен шогышо вий. Тӱнямбал сымыктышыте лыве палеолит саман гычак Шочынава (Magna Mater) семын ончалтеш. Мландысе шукш гыч ош тӱняш лекше лыве иканаште кава ден мландым, илыш ден колымашым ончыкта. Садлан тыге ойлаш лиеш: лыве – чонын, колыдымашын, угыч шочмашын, ылыжмашын символжо. Тудын уло чулымлыкшо – савыртышым ыштымаште, вестӱрлеммаште.

Иктешлен тыге каласена: марий калык сымыктыш курымла дене чапле, яндар, шке шотан радамым аралеи коден да пойдарен толын. Марий вургемым

ямдылымаште орнамен-влак сӧрастарымаш гына огытыл, нуно калыкнан Сандалыкым, пӱртӱсым, мер илышым, айдемын мастарлыкшым, сылнылыкым шижмыжым, илыш йӱлажым радамлен шогеныт. Умбакыжат маритӱр, мемнан илышнам сылнештарен, пойдара манын, ӱшанена.

Литература

1. *Крюкова Т.А.* Марийская вышивка. Л., 1951. 195 с.

2. *Крюкова Т.А.* Материальная культура марийцев XIX века. Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1956. 160 с.

3. *Молотова Т.Л.* Марийский народный костюм. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1992. 156 с.

4. *Молотова Т.Л.* Традиционное марийское ткачество. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2004. 152 с.

5. *Соловьева Г.И.* Орнамент марийской вышивки. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1982. 86 с.

6. *Степанова И.А.* Маритӱр: встречи с марийской вышивкой. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2005. 158 с.

7. *Шкалина Г.Е.* Шымакш – художественная Вселенная марийских женщин // *Хабалева М.О.* Шымакш – традиционный женский головной убор народа мари. Йошкар-Ола, 2017. С. 3–5.

УДК 372.882

Е.Л. Иванова
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)
Науч. руководитель: Кудрявцева Р.А., д-р филол. наук. проф.

7-ШЕ КЛАССЫШТЕ СЫЛНЫМУТЫМ ТУНЕММЕ ДА ТУНЫКТЫМО ОЙЫРТЕМ

В статье выделены некоторые особенности изучения художественной словесности в основной школе, охарактеризован компетентностный уровень обучающихся, изучающих марийскую (родную) литературу в 7 классе, а также обозначены основные методические аспекты заявленной темы.

***Ключевые слова**: методика преподавания литературы, марийская (родная) литература, 7 класс.*

Посна школ предмет семын сылнымутын шке цельже ден задачыже-влак улыт: туныктымо, вияндыме да шуарыме.

«Марий литератур» предмет ончылно шогышо цельым В.Т. Михайлов ден П.А. Апакаев тыге палемдат: «шочмо йылме да сылнымут гоч самырык тукымлан волгыдо шонымашым шындараш, тудын уш-акылжым вияндаш, шонкален мошташ, шке йырысе пӱртӱсым, шочмо калыкын, мер илышын ойыртемжым умылаш полшаш, поян шӱм-чоншижмашаным, шочмэлым да калыкым пагалыше да йӧратыше кумыланым кушташ» [1, с. 5–6].

Шымше классышке шумеке, тунемше произведенийым лудмаште да лончылымашыште кугу опытым пога. Тудо пала: произведенийым так арам веле лудаш огеш кӱл; тудым шоныде лудат гын, икмыняр жап гычын ни герой-

влакым, ни произведенийын содержанийжымат шарнен от код; сылнымутым уш-акылым да шӱмым пойдараш манын лудаш кӱлеш; произведенийым шонен, тӱткын лудаш, варажым мутланаш да ӱчашаш кӱлеш.

Шымше классыште сылнымутым тунемме проблемым руш методист-влак тыге ончыктат: серызын паша ойыртемже, тудын шинчаончалтышыже, илыш позицийже, айдемым литературын эн кӱлешан проблемыж семын ончыктымаш [тидын нерген ончо: 2]. Тиде этапыште йочан шке шонымашыжым чын формулироватлен да тудым умылтарен моштымашыжын виянгмыже ончыко лектеш. Тунемше сылнымутан произведенйыште нравственность дене кылдалтше проблеме-влакым муын, нуным текст негызеш лончылен мошташ тунемеш. Тыгак ончыл верыш тичмаш лончылымаш да интерпретаций лектыт. Тугеже, шымше классыште тунемше-влаклан сылнымутан произведенийым ойырымо годым теве мом шотыш налман: тиде ийготышто йоча-влаклан тунемме произведенийын нравственность да философий проблематикыже, психологий сынже утларак онай улыт.

Шымше классыште ятыр марий писательынат тыгай сынан произведенийлаже тунемалтыт (Я. Элексейын «Ӧрмӧк», В. Юксернывн «Вӱдшӧ йога – серже кодеш», В. Сузын «Вакш йонгышта», Ю. Артамоновын «Киндет перкан лийже», Вяч. Абукаев-Эмгакын «Кинде шултыш», В. Колумбын «Мыйын корнем», В. Регеж-Гороховын «Элнет» да т.м.). Марий школышто нуным тичмаш лончылыман да нунылан келге интерпретацийым пуыман. Произведений-влакым кузерак, могай йӧн дене туныктыман, текстым лончылымо годым тудын сылнымут сынжым, ойыртемжым кузе ончыктыман, тыгак йылме лывыртыме пашам кузе ыштыман – тыгай йодыш-влак туныктышын ушыштыжо лийшаш улыт.

Туныктышо кажне писательын сылнымут ойыртемжым шке ойырен налшаш да урокын лончыжо-влаклан келыштарен моштышаш. Шарнаш кӱлеш: шымше класс гыч марий литературым хронологий радам дене туныктат. Тидлан тунемше-влакым изирак классла гычак ямдылыман. Нелылык утларакшым шымше классыште, программын у кӱкшытышкыжӧ вончымо вашеш, шижалтеш. Ӱлыл классла дене танастарымаште, тыште туныктымо йӧн-влак тӱн шотышто огыт вашталт. Но йочан ийготшым да шинчымашыжым шотыш налын, произведенийым идей да сылнылык могырым келгынрак лончылыман.

Кугу верым программыште да тунемме книгаште литератур теорий гыч материал налеш. 7 классыште школ программе сылнымут текст дене пашам ыштыме туравеллыкым палемдыше тӱн теоретико-литературный проблеме-влак семын чоналтмашым (композицийым) да сюжетым, а практик задаче семын «литератур произведенийын сюжетше» умылымашым да образ радамым лончылымашым палемда [1, с. 9].

Кӱшнӧ ончыктымо задаче-влак негызеш примерный программыште тунемшын ий мучаште мом ыштен моштышашлыкшым (компетенцийжым) тыге ончыктымо:

«• Сылнымутан, научно-популярный да публицистике сынан текст-влакым сылнын, раш, умылаш лийшын, ӱшандарышын лудшаш.

• Произведенийыште илыш чын да авторын шонен лукмыж коклаасе кылым палышаш.

• Сюжет элемент-влакын идейно-художественный рольыштым рашемден кертшаш.

• Сылнештарыме йӧнын, йылме ойыртемым ыштыше мут да ойсавыртыш-влакын идейно-художественный сыныштым рашемден кертшаш.

• Произведений гыч кӱлешан посна эпизод-влакым ойырен моштышаш.

• Событий-влакын амалыштым, нунын кушко шуктымыштым умылтарен кертшаш.

• Текстыште образный мут ден ойсавыртыш-влакым, сылнештарыме ойшамычым (танастарымаш, эпитет, уэш-пачаш каласымаш, гиперболо, литота да молат), пӱртӱс сӱретым мушаш, событий-влак каен шогышо, содержанийым почын пуышо, тӱҥ шонымашым рашемдыше верлам палемден умылтарен сеҥышаш.

• Геройын койышыжым, сын-кунжым, илыш деке кумылжым эскерен, тудлан акым пуэн моштышаш.

• Эпический, лиро-эпический да лирический произведений-влакым келгын палышаш, нуным ойырен да аклен моштышаш.

• Ик але тӱрлӧ произведенийласе герой-влакын койыш-шоктышыштым танастарышаш, икгайлыкым да ойыртемым муын моштышаш.

• Тӱрлӧ авторын ик темылан возымо сылнымутыштым танастарышаш.

• Шке семын лудмо але изобразительный искусство произведений, событий ден герой-влак нерген шке шонымым ойлен да возен сеҥышаш.

• Тематике да жанр икгайлык негызеш шочмо литературым руш да моло калык литератур дене танастарышаш.

• Лудмо произведенийлан (посна ужашлан) простой да сложный планым ыштен кертшаш.

• Сылнымутан произведенийыште сюжетым, конфликтым да эпизодым (кульминационный, финальный) лончылымо, тыгак событийым аклыме нравственно-философский темылан сочинений-влакым, шкевуя лудмо произведенийлан аклыммутым возышаш.

• Шке каласыме але возымо шонымашлан планым ыштен моштышаш» [1, с. 73–74].

Тыгодымак йылме лывыртыме, сылнын лудын моштымо йодыш-влакланат кугу верым ойырыман. Программыште тунемше-влакын кутырымо да возымо йылмыштым виянгдымаште тыгай тӱҥ сомыл-влакым ончыктымо: «сылнымутан произведенийыште сюжетым, конфликтым да эпизодым (кульминационный, финальный) лончылымо сочинений, событийым аклыме нравственно-философский темылан сочинений, шкевуя лудмо произведенийлан аклыммут» [1, с. 11].

Чыла ыштышаш паша гыч тӱҥ верым тунемше-влакын мутын вийжым умылаш, тудын ямжым шижын мошташ туныктымылан ойырыман. Тидыже тунемше-влакым серызын мутмастарлыкшым утларак палаш да произведенийым келгынрак умылаш тунукта. Мутын лексике ынгжым рашемдыме годым тудым вес шомак дене танастарыман, тунемше-влакым тыгай умылымашке кондыман: писатель икгай значениян шуко мут кокла гыч келшышыжым, шонымашым келгын почын пуаш полшышыжым ойырен налеш, но тидым шижын моштыман. Произведенийым лончылымо годым йоча-влакын мут шижмашышт пӱсемеш,

литературтеорий гыч эпитет, танастарымаш, метафор да моло мутобраз, тыгак стиль йӧн-влак нерген умылымашышт кумдаҥеш.

Писатель-влакын оҥай содержаниян да сылнын возымо ятыр произведенийышт урокышто тунемалтде кодеш. Тидым шотыш налын, программын авторышт мӧнгыштӧ шке семын лудаш книга-влакым ончыктеныт. Тунемше-влакын лудмыштым иктешлыме годым туныктышо урокышто нине книга-влаклан энертышаш (программе почеш тунемме ий мучко тыгай пашалан посна шагат ойыралтеш). Тыгодым посна писатель-влакын илыш корнышт да творчествышт дене кылдалтше материалымат, программын тематикыж дене келшен толшо моло ешартыш материалымат, газет ден журнал-влакымат ончыде кодыман огыл.

Йоча-влак сылнымут деке кумылан лийышт манын, книга выставкым эртараш лиеш, плакат-влакымат ямдылаш уто огыл. Тушко у, шукерте огыл лекше, палыдыме книга-влакым пурташ лиеш. А мутланымаш уроклаште лудмо текст нерген кутырымаш утларак лийшаш, тунамак тудым кузе лудмо нерген ойым лукташ, йӱкын лудмашым ышташ лиеш.

Тыге, 7-ше класс уроклаште посна текстым тичмаш але композиций могырым лончылымаш да иктешлымаш программысе материалым сайынрак пален налаш, сылнымутан текстым чын умылаш, келге шинчымашым налаш ӱшан энертышым ышта. Чыла тиде паша тунемше-влакым сылнымутым тыршен тунемаш кумыланда.

Литературтер

1. *Михайлов В.Т., Апакаев П.А.* Марий литературтер: тӱҥ школлан примерный программе. Йошкар-Ола: Марий туныктыш ин-т, 2014. 100 с.

2. Технологии и методики обучения литературе: учеб. пособие / *В.А. Коханова, Н.С. Михайлова, М.П. Жигалова*. М.: Флинта: Наука, 2019. 248 с.

УДК 391.7:069

Е.В. Кириллова
Национальный музей Республики Марий Эл им. Т. Евсеева
Науч. руководитель: Чузаев Р.И., канд. ист. наук, доц.

КОЛЛЕКЦИЯ МАРИЙСКИХ ЖЕНСКИХ НАРОДНЫХ УКРАШЕНИЙ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XX ВВ. В СОБРАНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РМЭ ИМ. Т. ЕВСЕЕВА

В статье на примере марийских женских народных украшений конца XVIII – начала XX века из собрания Национального музея РМЭ им. Т. Евсеева рассмотрено их видовое разнообразие и особенности. Украшения, как составная часть женского костюма, являются этническим символом и представляют собой наиболее яркий элемент как материальной, так и духовной культуры марийцев. Также в статье обращено внимание на краткую историю комплектования коллекции женских украшений в собрании музея.

Ключевые слова: *народные женские украшения, марийские этнические символы, народная культура, коллекция в музее, музейная коллекция, фонд музея.*

В фондах Национального музея Республики Марий Эл имени Тимофея Евсеева хранится коллекция женских украшений конца XVIII – начала XX века из серебра. В коллекцию входят подлинные предметы, имеющие исключительное значение для народов, проживающих на территории России.

Формирование драгоценной коллекции напрямую связано с историей Центрального музея в Краснококшайске (совр. Национальный музей Республики Марий Эл им. Т. Евсеева), который открылся в 1920 г. В 1920–1930 гг. первыми собирателями и основателями музея Ф. Егоровым и Т. Евсеевым было заложено комплектование музейного фонда предметами этнографии, в т. ч. и женскими народными украшениями. За столетнюю историю в собрании музея сформировалась богатая коллекция женских украшений, которая сегодня насчитывает более 800 предметов. Согласно документам первичного учета музея, основным источником поступления предметов в фонд являлись закупки украшений у жителей, проживающих в разных районах республики и за ее пределами: в Башкирии, Пермской, Свердловской, Кировской и Нижегородской областях. В период 1960–1990 гг. сотрудниками музея проводилась целенаправленная работа по формированию коллекции женских народных украшений. Именно в этот период времени был сформирован фонд украшений. Сотрудники музея активно выезжали в экспедиции в места проживания основных этнографических групп мари как в районах республики, так и за ее пределами. В начале 1960-х годов музейная коллекция пополнилась экспедиционными сборами ленинградского этнографа, заведующей отделом народов Поволжья и Приуралья Государственного музея этнографии народов СССР (совр. Российский этнографический музей, г. Санкт-Петербург) Т.А. Крюковой, которая являлась руководителем этнографической экспедиции в Горномарийский район МАССР. В книге поступлений основного фонда музея зарегистрированы собранные ею 23 предмета быта и костюма, в т. ч. 3 плоские кольчатые цепочки и нагрудное украшение «мониста».

Благодаря целенаправленной собирательской работе сотрудников, сегодня коллекция музея включает все виды женских украшений, которые представлены головными, налобными, шейно-нагрудными, ушными, накосными, чересплечными, наручными украшениями луговых, горных и восточных мари. Многообразие сохранившихся украшений в коллекции позволяет изучить и проанализировать, а также продемонстрировать повседневные и праздничные комплекты украшений женщин разных возрастов.

Главной особенностью марийских украшений является то, что они, как правило, собирались из серебряных монет. Существует точка зрения, что монеты в марийских украшениях все большее место начинают занимать под влиянием тюркоязычных соседей [8, с. 9]. Также одной из причин использования монет при изготовлении женских украшений являлся запрет на обработку металла, введенный царскими указами в XVI – начале XVII вв.

В количестве носимых на себе украшений отражалось социальное, возрастное и имущественное положение женщины. В украшениях замужних женщин было больше крупных серебряных монет. У девушки они наполовину состояли из бисера и бус. В девичьих украшениях чаще всего использовались монеты средней величины. Для них также характерны были накосные

украшения и ожерелья из бус. Небольшие шейные ожерелья из бус, бисера, монет носили маленькие девочки.

Кроме того, украшения использовались в качестве оберегов. В представлении марийцев, блестящие монеты являлись символом солнца, считалось, что звон серебра отгоняет злых духов.

Отмечается, что наибольшее количество украшений одевалось по праздникам, однако русские и немецкие путешественники XVIII в. удивлялись тому, что дорогие и тяжелые украшения марийские женщины носят даже в будничные дни. Альбом-каталог Э. Меджитовой содержит цитату Г.Ф. Миллера, который в своей работе «Описание живущих в Казанской губернии языческих народов» 1791 г. указывает на возрастные различия в ношении одежды и украшений марийцами: «старухи и вдовы весьма редко в уборном платье ходят, а девки носят убору больше, более же всех замужние жены» [8, с. 12].

Кроме серебряных монет, при изготовлении украшений широко использовались раковины каури, бусы, бисер, пуговицы, цепочки, бахрома, кисти. Распространенным сочетанием в марийских женских украшениях является серебро с раковинами каури. В коллекции представлены украшения, которые целиком собирались из раковин каури. Примером является свадебное чересплечное украшение «аршаш», которое представляет собой две перевязи, одевающиеся через плечо крест-накрест.

В коллекцию включены украшения, при изготовлении которых использовались не монеты, а их имитация, чеканка и металлические бляшки. Это связано с тем, что правительство в XIX в. запретило сверление монет, что привело к широкому употреблению металлических бляшек при изготовлении украшений.

Стеклянные бусины и бисер у марийцев являлись заменителями натурального речного жемчуга и кораллов. Из бусин и бисера изготовлялись не только отдельные украшения, чаще их использовали в качестве дополнительного материала при изготовлении украшений из монет. В практике изготовления марийских украшений не было распространено использование драгоценных камней.

Некоторые виды украшений имели узкий ареал распространения. Например, плоские кольчатые нагрудные цепочки были преимущественно распространены на территории Козьмодемьянского уезда Казанской губернии (Совр. Горномарийский район Республики Марий Эл). Их изготовляли из серебра, альпака или из сплава олова с серебром, называя его «польским серебром».

В фондовой коллекции представлены головные уборы «ошпу» собранные из монет, которые в конце XVIII – XIX вв. использовали в качестве украшения замужние женщины горных и части луговых марийцев. Головной убор «ошпу» имел заметное сходство с чувашским головным убором «хушпу».

Украшением девушек и молодых женщин были накосники, закрывающие косу и различные подвески, сделанные из монет, которые вплеталась в косу. Этот вид украшений был распространен у восточных марийцев под влиянием башкир и татар. В коллекции это украшение восточных мариек, бытовавшее в д. Рабак Януальского района Башкирии представлено несколькими экземплярами.

Девичий головной убор «такия», который украшали монетами, бисером, иногда вышивкой, был заимствован у тюркоязычных соседей.

К головным украшениям луговых и восточных мариек относятся налобные, затылочные, наушные и околоушные подвески. Околоушные подвески «пылыштенге» представляют собой массивные украшения из монет, в верхней части которых имелись петли для ушей. Иногда подвески комбинировались с ожерельем, сделанным из бисера и монет, и назывались «оңылашйымал». Своей необычностью привлекают внимание украшения, дополненные помпонами из крашенного заячьего или гусиного пуха. Околоушные подвески считались празднично-свадебных украшением. У горных мариек были распространенными околоушные подвески «серьга» – тяжелые украшения из толстой роволоки соединенные тесьмой.

В качестве шейных украшений у луговых и восточных мариек бытовали разнообразные формы ожерелья «шӱшер» из монет, бусин и бисера.

Шейно-нагрудные украшения: «аршаш», «пий йылме», «тӓнгангайтан» состоят главным образом из монет. Их разнообразие представлено в фондовой коллекции. Наиболее ранним по времени нагрудным украшением у марийских женщин была застежка – сюльгама. Исследователями отмечается, что в некоторых районах Вятской губернии (совр. Кировская область) сюльгама сохранилась в неизменном виде до конца XIX в. [8, с. 14]. У луговых и горных мариек сюльгама со временем преобразовалась в большое нагрудное украшение из монет, плотно нашитых в виде рыбьей чешуи на кусок кожи, отделанный бусами и бисером «почкаму». Богатые женщины носили по две почкамы, одевая их одну на другую, а бедные по одной и с меньшим количеством монет. Нагрудные застежки представлены в коллекции пряжками-фибулами и булавками из металла или серебра, которые использовались для скрепления разреза рубахи.

Распространенным нагрудным украшением у горных мариек было украшение, называемое «тӓнгангайтан» и «ший аршаш» у луговых. Оно представляет собой полоску кожи или холста с монетами, нашитыми рядами. У луговых марийцев это массивное нагрудное украшение часто имеет наспинную часть.

Пояса и поясные подвески являлись важным элементом женского повседневного и праздничного костюма. Богато украшенные серебряными монетами, каури, бисером, кистями, помпонами поясные подвески представляют собой богатое поясное свадебное и праздничное украшение.

У всех групп марийцев были распространены украшения для рук, такие как браслеты «кидшол», кольца и перстни «шергаш». В фондовой коллекции представлены литые браслеты в форме тонкой и узкой пластины с незамкнутыми концами, декорированы гравировкой в виде растительных и геометрических орнаментов.

Украшения дополняли друг друга, образуя единый комплект. Комплект украшений в сочетании с одеждой создавал исключительный, неповторимый костюмный комплекс каждой этнической группы. Таким образом, марийские украшения, являясь обязательной частью женского марийского костюма, представляют собой съёмное, подвижное убранство, выполненное из различных материалов. В конце XVIII – начале XX века украшения и головные уборы были неотъемлемой частью марийского женского народного костюма, особенно

праздничного. Украшения свидетельствовали о социальном, имущественном и возрастном статусе марийской женщины, сегодня являются этническим символом марийского народа.

Литература

1. Книга поступлений основного фонда Марийского научно-краеведческого музея (МНКМ КП) № 1 (1958–1968 гг.).

2. Книга поступлений основного фонда Марийского научно-краеведческого музея (МНКМ КП) № 5 (1972–1977 гг.).

3. Книга поступлений основного фонда Марийского научно-краеведческого музея (МНКМ КП) № 6 (1984–1986 гг.).

4. Коллекционная опись к акту приема № 70 от 23.12.1960 г.

5. *Евсеев Т.* Докладная записка № 42 заведующего Марийским Краеведческим музеем от 28.11.1929 г. Фонд «Фотодокументы» Национального музея РМЭ им. Т. Евсеева, КП 5397/5

6. Сведения о Краснококшайском марийском музее, 1928 г. Фонд «Фотодокументы» Национального музея РМЭ им. Т. Евсеева, КП 2397/4

7. Положение областного музея от 13.10.1934 г. Фонд «Фотодокументы» Национального музея РМЭ им. Т. Евсеева, КП 5397/30

8. *Меджитова Э.* Марийское народное искусство. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1985. 271 с.

9. *Молотова Т.Л.* Марийский народный костюм. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1992. 112 с.

УДК 069.4

Т.В. Короткова
Музей истории города Йошкар-Олы
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)
Науч. руководитель: Мамонтова М.С., канд. пед. наук, доц.

ОСОБЕННОСТИ КОМПЛЕКТОВАНИЯ ФОНДОВ МУЗЕЯ ИСТОРИИ ГОРОДА ЙОШКАР-ОЛЫ

Статья посвящена анализу новых поступлений в фонды МБУК «Музей истории города Йошкар-Олы» за 2018-2020 гг. Приводятся статистические данные, основные источники комплектования фондов. Рассматривается коллекции, входящие в состав фонда.

***Ключевые слова**: фондовая работа, комплектование фондов, поступление, основной фонд, научно-вспомогательный фонд, единица хранения.*

Одним из основных и важных направлений деятельности любого музея является фондовая работа. Основная её цель – создание оптимальных условий для сохранения, исследования и использования музейных предметов, проведение исследований в области истории материальной и духовной культуры, разработка теории и методики фондовой работы [2, с. 93].

Главное условие эффективной деятельности музея – наличие достаточно полных и разнообразных по составу, интересных по содержанию музейных

коллекций. Поэтому деятельность любого музея начинается с комплектования фондов. Комплектование – это целевой, плановый, опирающийся на методологические принципы музееведения и профильных дисциплин процесс выявления, сбора, научной организации музейных предметов, в результате которого создается источниковая база, необходимая для работы музея [1, с. 121]. От того, как будет происходить комплектование, зависит уровень фондовой, экспозиционно-выставочной, культурно-образовательной деятельности музея, поэтому музей постоянно ведёт большую собирательскую работу.

Музей истории города Йошкар-Олы был основан в феврале 1996 года. На 1 января 2020 года его фонд насчитывал 24 633 единицы хранения, из них основного фонда (ОФ) – 16 270 единиц хранения, научно-вспомогательного (НВФ) – 8 363 единиц хранения. В состав фонда входят следующие коллекции:

1) документы, фото, печатная продукция;

2) редкая книга. Редкие издания, издания с автографами известных людей;

3) дерево, керамика, металл. Предметы быта и этнографии: орудия труда, домашняя и хозяйственная утварь, мебель, характеризующие жизнь и быт различных слоев горожан;

4) ткани. Одежда, предметы быта, головные уборы, служебная одежда, знамена, вымпелы, отражающие историю, культуру и быт горожан;

5) художественная собрание. Живопись, графика, скульптура – произведения художников Республики Марий Эл;

6) нумизматика. Предметы бонистики, монеты, ордена, медали, сфрагистика (печати), фалеристика (знаки);

7) археология. Материалы археологических раскопок, проводимых в историческом центре города в 1984–2003 гг. Среди находок предметы быта горожан, орудия труда XVI – начала XX вв.: обкладки икон, кресты, кованые гвозди, скобы, монеты, фрагменты глиняной и стеклянной посуды, изразцы.

Фонды постоянно, непрерывно и целенаправленно пополняются новыми предметами. Прослеживается следующая динамика поступлений в фонды: в 2016 году 570 единиц хранения, из них ОФ – 368, НВФ – 202; в 2017 году 682 единиц хранения, из них ОФ – 350, НВФ – 332. Самыми крупным поступлениями в 2017 году стали предметы печатной продукции – 271 единиц хранения и нумизматики – 186 единиц хранения.

Особый интерес представляют уникальная коллекция лотерейных билетов 1914–1970-е гг. и коллекция облигаций госзаймов 1866–1957 гг. Ю.П. Головина, книга знаменитого марийского писателя А.С. Крупнякова «Гусляры» с автографом автора. Уникальными предметами можно назвать альбом девичий рукописный 1894 года, материалы семьи Милютиных (д. Лапшино): родословная, книжка записная ратника 1914 г.

В 2018 году в фонды поступило 530 единиц хранения, из них ОФ – 264, НВФ – 266. Самыми многочисленными из поступлений стали коллекции документов (130 единиц хранения) и предметов печатной продукции (162 единиц хранения). Наиболее значимыми являются письма с фронта Чулкова Н.С., книги с автографами известных людей МАССР, материалы лауреатов премии им. О. Ипая, материалы XIX ВФМС, материалы генерал-майора В.Г. Сорокина, карта III рейха (Берлин, 1941 г.). Коллекция нумизматики

пополнилась наградными знаками известного йошкар-олинского коллекционера В.В. Изыкина, а графики – афишами музейных выставок и городских мероприятий.

Наряду с массовыми, можно отметить уникальные изделия: национальное татарское полотенце 1980-х гг., полотенца домотканые, пальто плюшевое Йошкар-Олинской фабрики.

В 2019 году поступило 585 единиц хранения, из них в основной фонд – 141, научно-вспомогательный фонд – 444. Особый интерес представляют мемориальная книга «Марийский край в I мировой войне», коллекция дореволюционных фотопортретов начала XX в. Коллекция живописи пополнилась работами замечательного художника В.А. Светлицкого. Поступили в музей и предметы быта: стулья конца XIX – начала XX века (Юринская волость), мебель второй половины XIX в. (буфет, комод), чесалка начала XX в., лапа сапожная первой половины XX в. В коллекции «Ткани» появились изделия Йошкар-Олинской фабрики «Труженица». Коллекция «Документы» пополнилась интересными историческими материалами организации СМПК–7, коллекцией материалов III Всероссийской спартакиады инвалидов, документальными материалами участника Великой Отечественной войны Б.С. Белухи, фото с видами города и работниками аптекоуправления; фотоальбомом «Духовой оркестр ЦПКиО им. XXX-летия ВЛКСМ».

Основными источниками поступлений являются дар (пожертвование) и безвозмездная передача. В 2019 году также была организована закупка экспонатов. Так музей приобрёл две картины заслуженного деятеля искусств МАССР, заслуженного художника РФ Ю.С. Белкова.

Анализируя данные поступлений за 4 прошедших года (2016-2019 гг.), можно отметить, что количество предметов, которые определили в основной фонд, снижается, количество предметов научно-вспомогательного фонда растёт. Это объясняется возросшими критериями отбора предметов для основного фонда. Они должны отличаться особой научной, исторической и художественной ценностью, должны обладать высокой уникальностью и хорошей сохранностью.

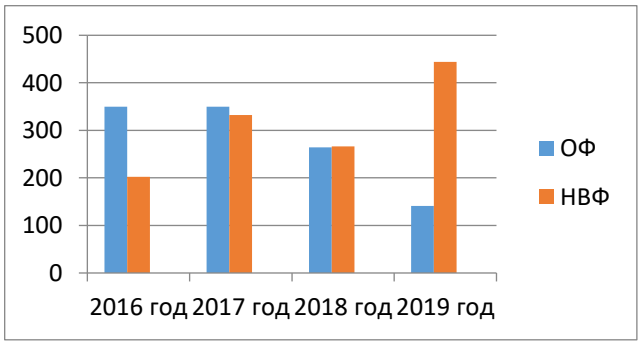


Рис. 1. Динамика новых поступлений. Основной и научно-вспомогательный фонд.

Общее число единиц хранения в фондах в 2019 году, несмотря на небольшой спад в 2018 году, увеличивается.

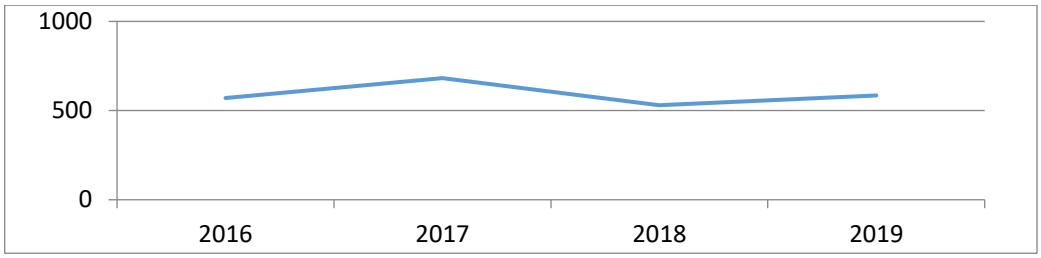


Рис. 2. Новые поступления. Общее количество.

Комплектуя фонды, музей накапливает социально-важную информацию, которую затем транслирует посредством экспонирования музейных предметов на постоянной экспозиции, на временных выставках, в печатных изданиях, а также на Интернет-ресурсах.

В 2017 году экспонировались 2250 предметов, в 2018 году – 2735 предметов, в 2019 г. – 2 806 единиц хранения (рис. 3).

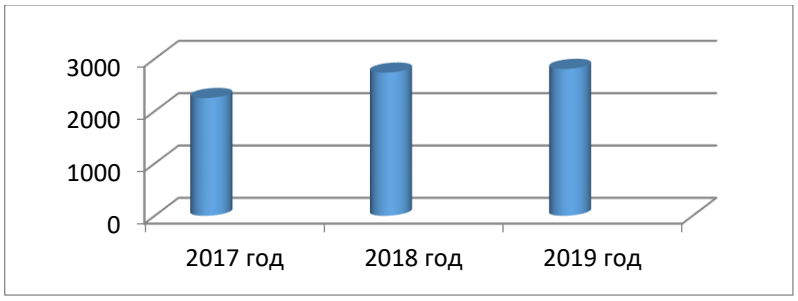


Рис. 3. Экспонирование предметов.

Фонды музея продолжают постоянно пополняться памятниками истории и культуры нашего города и страны в целом. Документируя процессы и явления природы и общества, музей комплектует, хранит, исследует коллекции музейных предметов, а также использует в экспозиционно-выставочной деятельности.

Литература

1. *Тельчаров А.Д.* Основы музейного дела. Введение и специальность: курс лекций / послесл. *И.И. Кондакова*. М.: Омега-Л, 2005. 184 с.

2. *Шляхтина Л.М.* Основы музейного дела: теория и практика: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 2005. 183 с.

УДК 069.4

Е.В. Кунцева

Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

Науч. руководитель: Мамонтова М.С., канд. пед. наук, доц.

ФОНД «ТКАНИ» НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ МАРИЙ ЭЛ ИМ. Т. ЕВСЕЕВА: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ИСТОЧНИКИ КОМПЛЕКТОВАНИЯ

Статья посвящена анализу новых поступлений фонда ткани ГБУК «Национальный музей Республики Марий Эл им. Т. Евсеева» за последние три года по

количеству поступивших предметов, принципу комплектования, источнику поступления, времени бытования, отношения к национальной культуре, гендерной принадлежности. Приводятся сводные данные за 2018-2020 годы, позволяющие представить общую картину комплектования фонда «Ткани» в настоящее время.

***Ключевые слова**: Национальный музей им. Т. Евсеева, Республика Марий Эл, фонд ткани, марийский национальный костюм, музей.*

Национальный музей Республики Марий Эл им. Т. Евсеева – один из старейших музеев Республики, основанный в 1920 году. В настоящее время музей является методическим центром для муниципальных музеев Республики Марий Эл. Сотрудники проводят большую научно-исследовательскую и научно-фондовую работу, что отражается в экспозиционно-выставочной деятельности и на принципах комплектования и хранения фондов.

Фонды музея насчитывают более 236 тысяч предметов, 134 из них – предметы основного фонда. Фонд «Ткани» Национального музея хранит уникальную коллекцию предметов этнографии, включающую костюмные комплексы и предметы домашнего убранства всех групп народа мари, народов, исторически проживающих на территории Республики Марий Эл: русских, татар, чувашей, мордвы, удмуртов; родственных мари финно-угорский народов. В настоящее время фонд «Ткани» насчитывает более семи тысяч единиц хранения.

За последние три года в фонд «Ткани» поступили 397 предметов. Из них: в 2018 г. – 195 единиц хранения [1], что составляет 49,1 % от всего количества предметов, принятых за три года, в 2019 г. – 142 единицы хранения [2] (35,7 % поступлений за три года), в 2020 г. – 60 единиц [3] (15,2 % поступлений за три года).

Таблица 1

Характеристика поступлений фонда «Ткани»

Фонд	2018		2019		2020	
	Ед. хр.	%	Ед. хр.	%	Ед. хр.	%
Основной	44	22	44	31	10	16,5
Научно-вспомогательный	144	76	98	69	50	83,5
Экспериментальный	7	2	0		0	
Всего:	195		142		60	

Как показывает практика последних лет, общее число новых поступлений фонда «Ткани» устойчиво снижается. Однако, следует учитывать тот факт, что на 2020 год пришелся процесс самоизоляции и усиление мер по борьбе с распространением коронавирусной инфекции, что не позволяет проводить собирательскую и экспедиционную работу в привычном объеме. На вопрос о причине снижения поступлений в 2019 году нам поможет ответить анализ источников поступления.

Таблица 2

Источники поступлений фонда «Ткани»

Источники	2018		2019		2020	
	Ед. хр.	%	Ед. хр.	%	Ед. хр.	%
Экспедиционная работа	120	62	0		26	43
Собирательская работа сотрудников	50	25,5	76	53,5	15	25
Собственники	15	7,5	23	16		
«День дарения»	10	5	29	20,5	17	28
Иные источники			14	10	2	4
Всего:	195		142		60	

Мы видим, что основным источником поступления фонда «Ткани» за 2018–2020 годы является собирательская работа сотрудников музея в ходе выездных экспедиций, приносящая до 62 %* годовых поступлений и индивидуальная собирательская работа научных сотрудников, составляющая от 25 % до 53,5 %. Снижение количества новых поступлений в 2019 году связано с продолжительной обработкой и описанием экспедиционных сборов 2019 года, которые были приняты в фонд в 2020 году. Поступления от собственников во время проведения акции «День дарения» составляют от 5 % до 28 %. Следует отметить, что «День дарения» – ежегодная акция Национального музея, традиционно проходящая 1 февраля – в день рождения Тимофея Евсеевича Евсеева. В этот день посетителям, передающим в дар музею предметы музейного значения, вручаются пригласительные билеты на посещение музейных площадок. Поступления от собственников, в индивидуальном порядке, без стимулирующих акций, насчитывают до 16 % от общего числа за год. Значимым является тот факт, что 10 % поступлений 2019 года и 4 % поступлений 2020 года составили предметы, переданный из Музея истории и трудовой славы Йошкар-Олинского пассажирского автотранспортного предприятия № 1 по причине его расформирования.

Особое место в собирательской работе уделяется предметам, характеризующим национальную культуру, а именно предметам традиционной одежды и домашнего убранства. В 2018 г. это число составило 82 единицы (42 %); в 2019 г. – 115 единиц (80 %); в 2020 г. – 58 единиц (96 %) поступлений 2020 года. Из чего мы видим, что число предметов, характеризующих национальную культуру, составляет значительную часть новых поступлений и варьируется от 42 % до 96 %.

Анализ поступлений по гендерному признаку показывает, что основное место в собирательской деятельности отводится женскому костюму. Данная категория поступлений составляет от 50 % до 68 %. В меньшей степени уделяется внимание мужскому костюму: 6 % – 12 %. и детской одежде: 3 % – 12 %. Более того, предметы мужского костюма и детской одежды в 2020 году в фонд «Ткани» приняты не были.

* *Здесь и далее процент приводится от общего количества поступлений за указанный год.*

Таблица 3

Характеристика поступлений по гендерному признаку

Гендерная принадлежность	2018		2019		2020	
	Ед. хр	%	Ед. хр	%	Ед. хр.	%
Женский костюм	98	50	82	58	41	68
Мужской костюм	12	6	17	12	0	
Детская одежда	31	16	3	2	0	
Всего:	141	72	102	66	41	68

Стабильность поступления предметов женского костюма вызвана тем, что они наиболее полно характеризуют как национальную культуру, так и конкретную историческую эпоху. Мужской костюм, в силу мобильности мужского населения, был в большей степени подвержен изменениям и довольно быстро унифицируется. Предметы детской одежды, по причине многократного использования утрачивают свои репрезентативные свойства, и, как следствие, крайне редко попадают в фонд.

Особое место в фонде «Ткани» занимают предметы домашнего убранства, которые дают качественную характеристику бытовой стороны жизни. Их число в 2018 г. составило 27 единиц (14 %); в 2019 г. – 36 единиц (25 %); в 2020 г. – 20 единиц (32 %).

Хронологические границы фондовых поступлений охватывают XX век и начало XXI века. По времени бытования предметы группируются следующим образом:

- к *первой половине XX века* относится предметы, поступившие: в 2018 г. 32 единицы (16,5 %), в 2019 году – 24 единицы (18 %); в 2020 году – 6 единиц (10 %). Итого 62 предмета.
- *ко второй половине XX века* относятся предметы, поступившие: в 2018 году – 152 единицы (78 %), в 2019 году – 116 единиц (81 %), в 2020 г. – 54 единицы (90 %). Итого 322 предмета.
- *к началу XXI века* относятся предметы, поступившие: в 2018 году – 11 единиц (5,5 %), в 2019 г. – 2 единицы (1 %). В 2020 г. поступлений начала XXI века не было. Итого 13 предметов.

Следовательно, по времени бытования преобладают предметы, датируемые второй половиной XX века, что дает возможность сохранить для истории свидетельства материальной и духовной культуры ближайшего прошлого. Следует отметить, что за указанный период времени не поступило ни одного предмета, датируемого ранее начала XX века. В современной ситуации поступления, датируемые XIX веком, являются редкостью.

Из всего выше сказанного следует, что наиболее полно фонд «Ткани» пополняется в результате собирательской работы научных сотрудников музея, значительную часть новых поступлений составляют предметы, характеризующие национальную культуру, что отвечает целям музея. Предметы женского костюма, как наиболее репрезентативные и аттрактивные, преобладают в числе новых поступлений. Преимущественное время бытования вновь принятых предметов – вторая половина XX века.

Источники
1. Акты приема-сдачи ГБУК «Национальный музей Республики Марий Эл им. Т. Евсеева». 2018 г.
2. Акты приема-сдачи ГБУК «Национальный музей Республики Марий Эл им. Т. Евсеева». 2019 г.
3. Акты приема-сдачи ГБУК «Национальный музей Республики Марий Эл им. Т. Евсеева». 2020 г.

УДК 371

Е.В. Мальцева
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ МАТЕМАТИКЕ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ИНТЕРЕСА МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Статья посвящена проблеме развития познавательного интереса младших школьников средствами краеведческого материала. В ней раскрываются теоретические аспекты понятия «познавательный интерес», особенности его развития у младших школьников. Рассмотрены критерии развития познавательного интереса, требования к использованию краеведческого материала на уроках математики. Представлены результаты исследования по использованию краеведческого материала с целью развития познавательного интереса младших школьников на уроках и во внеурочной деятельности по математике.

Ключевые слова: *познавательный интерес, процесс обучения математике, краеведческий материал, младшие школьники.*

В настоящее время целью обучения в системе начального общего образования в соответствии с ФГОС является общекультурное, личностное и познавательное развитие обучающихся. Дети должны научиться свободно ориентироваться в окружающем их мире, жизни людей, живой и неживой природе, исторических местах своей Родины и т. п. Особенно важно для педагога начальной школы – учить детей любить свой родной край, создавать условия для познания патриотических, духовно-нравственных традиций народа, изучения истории и природы края. Стандарт нового поколения для начальной школы разработан с учетом региональных, национальных и этнокультурных потребностей народов России, ориентирован на становление личностных характеристик выпускника, среди которых – «любящий свой народ, свой край, свою Родину». Математика – один из учебных предметов начальной школы, где активно прослеживается связь с окружающим миром, что способствует развитию познавательного интереса младших школьников, расширению их кругозора.

Изучением развития познавательного интереса у младших школьников занимались такие ученые, как Б.Г. Ананьев, Л.И. Божович, В.Б. Бондаревский, Л.С. Выготский, Н.Г. Морозова, С.Л. Рубинштейн, Ф.К. Савина, Г.И. Щукина, Д.Б. Эльконин и др.

Познавательный интерес тесно связан с ведущей деятельностью младших школьников – с учением, познавательной деятельностью, оказывающей значительное влияние на развитие человека. Познавательный интерес, взаимодействуя с активностью и самостоятельностью, не только сам развивается, но и способствует их развитию; а также способствует выражению отношения школьника к содержанию выбираемой предметной области и деятельности, которая связана с её изучением [4].

Использование краеведческого материала на уроках математики помогает сформировать представление о целостной картине мира, развить соответствующие умения и навыки, связанные с бережным отношением к природе родного края, а также формировать активную гражданскую позицию обучающихся. В Большом энциклопедическом словаре под краеведением понимается «изучение природы, населения, хозяйства, истории и культуры какой-либо части страны, административного или природного района, населенных пунктов, главным образом, силами местного населения. Функции научно-методических центров по краеведению выполняют краеведческие музеи» [1, с. 754].

Краеведение становится важной составляющей для всестороннего, гармоничного развития личности, помогает подрастающему поколению сохранить национальные традиции родного края, культурно-историческое наследие своей малой родины.

Исследование уровня развития познавательного интереса младших школьников нами проводилось с учетом следующих критериев: когнитивный (формирование знаний, умений, навыков у обучающихся), эмоционально-мотивационный (проявление детьми познавательной активности: с желанием отвечают на вопросы учителя во время урока, задают вопросы, проявляют интерес к самостоятельной работе и др.), деятельностный (изучают дополнительную литературу; выступают с докладами; принимают участие во внеклассных мероприятиях по математике, в проектах).

При подборе краеведческого материала для уроков математики в начальной школе мы руководствовались следующими требованиями:

– подбор заданий осуществлялся в соответствии с программой курса математики;

– соответствие подобранного материала возрастным особенностям школьников;

– учет межпредметных связей, которые не только способствуют активизации познавательной деятельности младших школьников, но и обеспечивают обобщение и систематизацию знаний об объектах природы и общества, придавая им целостный характер;

– направленность содержательного материала на формирование предметных, метапредметиных и личностных результатов обучения [2];

– использование занимательности в изложении материала (математические сказки, рассказы, легенды, шарады, кроссворды, загадки, шарады, дидактические игры с элементами краеведения);

– разнообразие содержательного характера задач (сведения об истории и географии своего края, культуре и традициях коренных народов, природе и экологии, социально-экономическом состоянии региона);

– использование разнообразных форм, методов, приемов, средств обучения при решении задач и примеров с включением краеведческого материала;

– применение информационно-коммуникационных технологий в ходе демонстрации математических заданий с включением материала о родном крае;

– организация внеурочной деятельности с использованием краеведческого материала (математические кружки, викторины, предметные недели, олимпиады и др.).

В качестве одного из средств формирования познавательного интереса младших школьников на уроках математики рассматривались текстовые задачи с включением краеведческого материала. Большое обучающее и воспитательное значение имеет наличие в них познавательного материала, связанного с познанием истории, культуры и природы родного края. Например, знакомя детей с природными особенностями республики Марий Эл, детям можно предложить задачу: «В пойме реки Большая Кокшага расположено озеро Шушьер. Его длина составляет примерно 1200 м, ширина в 2 раза меньше длины, а максимальная глубина в 50 раз меньше, чем ширина. Какова глубина озера Шушьер?»

Большой интерес у младших школьников вызвал процесс составления задач с использованием краеведческого материала. Числовые данные могут быть взяты из справочников, энциклопедий, интернета и других источников. Для составления задачи достаточно 2–3 числовых данных, при необходимости учитель может сам ввести дополнительные данные. Содержание задач должно быть кратким, не должно содержать излишних комментариев. Вместе с тем при составлении задач необходимо учитывать возрастные особенности обучающихся и требования программы. Например, обучающимся можно предложить составить задачу, используя информацию, связанную с историей освоения территории родного края: «По данным переписи населения, на 1932 год в селе Аргамач проживали 269 жителей, в деревне Шаптунга – 206, на лесной пристани Шушер – 31 житель». Сюжет и числовые данные задачи должны отражать разнообразные стороны окружающей действительности, связанные с особенностями родного края, носить познавательный и воспитательный характер, формировать положительную мотивацию к изучению математики, способствовать развитию любознательности, интереса.

Использование краеведческого материала на уроках математики позволило конкретизировать числовой материал, лучше понять его, применить при решении задач практической направленности, что также способствовало развитию познавательного интереса младших школьников. Сегодня в начальной школе большое значение придается решению практико-ориентированных задач, связанных с жизненными ситуациями. Сведения из истории, географии, культуры и природы родного края дают основу для решения задач подобного типа: «Алеша и Аня стоят на левом берегу реки Большая Кокшага. Алеша,

прыгнув в воду, переплыл реку 5 раз, а Аня – 4 раза. На каком берегу окажется каждый из них?» [3].

Таким образом, по результатам исследования была выявлена положительная динамика развития познавательного интереса младших школьников средствами краеведческого материала в процессе обучения математике по всем выделенным критериям. У обучающихся повысился уровень когнитивных мотивов и потребностей к решению математических задач. В ходе уроков у детей наблюдался благоприятный эмоциональный настрой, они активнее стали отвечать на вопросы и задавать их. Младшие школьники с желанием стали участвовать во внеурочной деятельности по математике, помогать в подготовке внеклассных мероприятий, больше читать дополнительной литературы, связанной с изучением родного края, принимать участие в олимпиадах по математике.

Литература

1. Большой Российский энциклопедический словарь. М: Большая Российская энциклопедия, 2003. 1887 с.

2. *Мальцева Е.В.* Использование краеведческого материала в процессе обучения математике в школе // Формирование этнокультурной компетентности субъектов образовательного процесса в условиях поликультурной образовательной среды: сб. ст. / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2017. С. 244–248.

3. *Мухина С.А., Чебоксаринова Л.В., Ведина Л.В.* 150 задач по математике о заповеднике «Большая Кокшага»: учеб. пособие / Гос. природный заповедник «Большая Кокшага»; МГПИ им. Н.К. Крупской. Йошкар-Ола, 2006. 84 с.

4. *Пастушкова М.А.* Формирование познавательных интересов при организации учебной деятельности младших школьников // Научная библиотека открытого доступа «CYBERLENINKA». 2017. С. 410–413. URL: https://cyberleninka.ru/article/v/formirovanie-poznavatelnyh-interesov-pri-organizatsii-uchebnoy-deyatelnosti-mladshih-shkolnikov (дата обращения: 21.10.2020].

УДК 394

В.Т. Михайлов

Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

АНТОЛОГИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ МАРИЙСКОГО НАРОДА: К ВОПРОСУ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА

В статье рассматривается проблема реализации проекта «Антология педагогической мысли марийского народа» как приоритетного направления в изучении генезиса и эволюции марийской педагогической мысли. Сделана попытка анализа современного ее состояния. Определены теоретико-методологические основы исследования и области применения его теоретических и прикладных результатов.

Ключевые слова: *марийская педагогическая мысль, антология, педагогическое наследие, народная педагогика.*

Исследование истоков традиционной культуры и философских взглядов на различных этапах исторического развития народов РФ, определение их места и роли в духовно-нравственной культуре человечества, а также активное

включение этих идей и ценностей в процесс формирования личности является важнейшей задачей современности. И одним из основных и значимых способов ее решения, на наш взгляд, является составление антологий педагогических мыслей, где представляется духовно-нравственное наследие народов РФ, вобравшее в себя важнейшие черты национальной жизни и народной мудрости, нравственные и эстетические идеалы, проникнутые общероссийскими и общечеловеческими ценностями.

В Толковом словаре С. И. Ожегова дано следующее определение: «Антология – сборник избранных художественных произведений разных авторов» [3, с. 26]. Однако современные антологии выходят далеко за рамки произведений искусства. Произведения авторов, включенные в них, могут быть научными, методологическими, научно-публицистическими и педагогическими, т. е. составляются антологии как научное издание, состоящее из работ, сочинений и статей на определенную тему. В антологии также в особых случаях включаются произведения устного народного творчества, отражающие эволюцию педагогической мысли и философских воззрений конкретного этноса или республики, региона, страны, в целом.

Составление антологий на педагогическую тему имеет свою историю. Первым таким опытом стала многотомная антология педагогической мысли народов СССР. Серию книг открывала «Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV–XVII вв.» (1985), куда, наряду с древнерусскими сочинениями X–XIII вв., вошли подлинные тексты сочинений педагогов, деятелей науки и культуры по вопросам воспитания и образования XIV–XVII вв. [1, с. 2].

За первым томом последовали книги, где были опубликованы памятники русской педагогической культуры более позднего времени и педагогическое наследие других союзных республик: Белоруссии, Украины, Грузии, Азербайджана, Киргизии, Узбекистана и т. д. В них были собраны и систематизированы произведения, отражающие педагогическую мысль каждой союзной республики с древнейших времен до современности с целью внедрения ее в воспитательный и образовательный процесс. Тем самым составление антологий стало прекрасным способом отражения богатства и многообразия педагогической мысли многонациональной страны, общих черт в развитии педагогической мысли и национальных особенностей [1, с. 5], что свидетельствовало об оригинальности и значимости данного проекта.

Каждая национальная антология определяла народную педагогику, выраженную в устном народном творчестве, как неотъемлемую составляющую в становлении и развитии педагогической мысли.

В новейшей истории России опыт составления такой антологии имеется только у татарских ученых, к созданию которой в начале XXI века приступил Центр истории и теории национального образования Института истории АН Республики Татарстан. Результатом работы сотрудников Центра стала «Антология татарской педагогической мысли» в двух томах на татарском языке (2014). В ней нашли отражение произведения татарского фольклора, труды писателей-просветителей, педагогов-ученых, работников народного

образования, учителей-методистов – от древнетюркского периода до начала XXI века [3, с. 3].

Тем не менее, это перспективное направление не стало предметом научного интереса для педагогической общественности и ученых других национальностей РФ. В этой связи составление *«Антологии педагогической мысли марийского народа»* (далее – Антология) в определенной степени дает возможность заполнить образовавшийся вакуум в этой области. Ее материалы направлены на раскрытие этнокультурных ценностей марийского народа, отражающих истинно народные педагогические, философские и эстетические идеи, проливающие свет на исторические особенности марийской национальной культуры и ее вклад в общечеловеческие ценности. В ней определяются основные источники, теоретические и методологические основы, анализируются история и современное состояние исследуемой проблемы.

Целью проекта является изучение генезиса педагогической мысли и философских воззрений марийского народа, выявление и популяризация его духовно-нравственного наследия, проникнутого общечеловеческими ценностями и вобравшего в себя важнейшие черты национальной жизни и народной мудрости, нравственные и эстетические искания, надежды, чаяния многих поколений.

Общая методология исследования базируется на системно-ценностном (аксиологическом), историческом подходах; гуманистических идеях и принципах о единстве и взаимосвязи национальных и общечеловеческих ценностей; принципе взаимосвязи логического, исторического и культурологического в научном познании. Теоретико-методологическому анализу проблемы способствуют современные философские, социально-педагогические и историко-педагогические концепции, раскрывающие многоаспектный процесс общественно-исторического, социокультурного развития; общенаучные принципы комплексного подхода, обеспечивающие целостное представление об эволюции народной педагогической и философской мысли.

При работе над проектом мы опираемся на теоретический анализ и синтез научно-педагогических, этнографических, культурологических, этнопедагогических источников, архивных материалов и рукописей, произведений устного народного творчества мари, просветителей марийского народа, художественных произведений марийских писателей и современных исследований в области обозначенной проблемы.

Теоретические и прикладные результаты изыскания могут быть использованы:

1) в вовлечении произведений устного народного творчества и марийских просветителей, а также современных исследований в практику становления эстетической культуры и формирования национальной идеологии;

2) в аналогичных исследованиях в области этнокультурных ценностей финно-угорских и других народов РФ;

3) в эстетическом, нравственном, экологическом воспитании подрастающего поколения в современных условиях;

4) в разработке теоретических и методологических основ этнокультурного образования и воспитания народов РФ;

5) в обозначении новых объектов и подходов исследования в марийской и финно-угорской фольклористике, этнопедагогике, педагогике, этнографии, этнологии, социологии и в инициировании научных дискуссий по теме исследования и по смежным темам;

6) в создании сборников, учебных пособий, спецкурсов по этнопедагогике, общей педагогике, философии, эстетике, этике, истории и культуре.

Таким образом, в рамках предлагаемого проекта предпринимается попытка установления и системного описания национальной картины мира марийского народа, хранившейся в духовной памяти этноса, его сознании и культуре, его представлений о пространственно-временном мире, Вселенной, месте и назначении человека в этом мире.

Литература

1. *Антология* педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV–XVII вв. / сост. *С.Д. Бабишин, Б.Н. Митюров*. М.: Педагогика, 1885. 363 с.

2. Антология татарской педагогической мысли: в 2 т. Т. 1 (древний тюркский период – начало XX века). Казань: Татар. кн. изд-во, 2014. 407 с. [на татар. яз.].

3. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / РАН, Ин-т рус. яз. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.

УДК 37.01

П.С. Мухин
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)
Науч. руководитель: Швецова Н.К., канд. экон. наук, доц.

КАЧЕСТВО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Статья посвящена исследованию понятия «качество образования». В работе анализируются определения качества образования, данные известными учёными и педагогами, делается вывод, что качество образования – интегральная характеристика системы образования.

Ключевые слова: *качество образования, модернизации образования, педагогическая проблема, образовательный процесс.*

Одной из ведущих тенденций модернизации образования в России является усиление внимания к проблеме совершенствования его качества, что требует разработки концептуальных подходов к нахождению путей ее решения. Модернизация системы образования предполагает решение ряда задач, имеющих социальный и педагогический характер.

В педагогическом плане качество образования рассматривается с двух позиций: во-первых, как степень соответствия образовательной системы установленным требованиям и качеству предоставляемых учебным заведением образовательных услуг; во-вторых, как результативность образовательного процесса, отвечающая запросам социальных заказчиков не только в плане

усвоения учащимися определенного объема знаний, но и развитием его личности, познавательных и творческих способностей.

Понятие «качество образования» многоаспектно. В общем смысле «качество» трактуется как соответствие определенной цели; совокупность характеристик продукта или услуги; соответствие предмета как результата труда некоторым заданным стандартам и т.д. Таким образом, качество образования представляется как «соотношение цели и результата», в качестве «меры достижения целей» [2, с. 33] в образовательном процессе.

Исследования Российской академии образования [5] позволяют сформулировать характеристики качественного образования: образование призвано вооружить учащихся знаниями и навыками, которые не устареют в обозримом будущем, сформировать и развить такие личностные качества, которые максимально облегчат молодому человеку процесс адаптации к социальным реалиям, позволят ему реализовать себя в сложном, противоречивом обществе наиболее адекватными в личностном и социальном планах способами. Однако из этой формулировки трудно понять, какие же это качества личности позволят выпускнику адаптироваться в постоянно меняющемся жизненном поле.

Качество – неоднозначный термин для понимания разными аудиториями в системе образования. Родители учеников соотносят его с развитием индивидуальности, с дальнейшей образовательной успешностью своих детей. Качество для учителей означает наличие качественного учебного плана, обеспеченность учебными материалами и пособиями, нормальные рабочие условия; учащиеся часто связывают качество с климатом, с «комфортностью» в школе. Будущие работодатели (бизнес, промышленность) соотносят качество образования с активной жизненной позицией, знаниями, умениями и навыками выпускников, позволяющими принимать оптимальные решения и т. д.

Поэтому неудивительно, что под качеством образования одни авторы понимают «степень удовлетворения ожиданий различных участников процесса образования от предоставляемых образовательным учреждением услуг, а другие – степень достижения поставленных в образовании целей и задач» [6, с. 175].

Важнейшим смыслом образования является самораскрытие ученика, узнавание им подлинного самого себя, творение во взаимодействии учителя и ученика собственного образа. Это принципиально отличается от задачи подражания образцу. Усвоение знаний, умений и навыков или сведений и правил не может быть самоцелью. Это необходимые, но не достаточные условия становления, самореализации личности, поскольку в современном обществе адресатом образования является именно целостная личность, а не те или иные ее социальные функции и способы их использования. Не сами по себе знания являются целью школы, а ученик, считающий эти знания ценностью, его интеллект и духовное развитие. То есть качественным образованием будет являться такое образование, итогом которого является ученик с развитым интеллектом, способностью к самостоятельному и ответственному мышлению, высказыванию и поступку. Качественное образование – это образование качеств личности.

Оценка качества образования в школе также является одной из сложнейших педагогических проблем. Используемые сегодня формы и методы оценки качества образования обучающихся не позволяют всесторонне и совершенно объективно произвести эту оценку, поскольку непросто определить всё то, что надо оценивать. Количество «отличников» и «хорошистов» в школе мало говорит о качестве обучения каждого обучающегося в отдельности, более того, оно не говорит о проблемах ученика.

Качество образования – это степень достижения поставленных в образовании целей и задач. Критерии качества во многом зависят от того, в какой системе образования они рассматриваются и какие педагогические подходы преобладают. Так, качество образования в системе гуманистической педагогики рассматривается с позиции учащегося.

Требования к качеству можно определить как выражение определенных потребностей или их перевод в набор количественно или качественно установленных требований к характеристикам объекта с целью их воплощения в объекте и проверки.

По мнению М.М. Поташника, «качество образования представляется как соотношение цели и результата, как мера достижения целей, притом, что цели (результаты) заданы только операционально и спрогнозированы в зоне потенциального развития обучающегося» [2, с. 33].

В.М. Полонский понимает под качеством образования выпускников «определённый уровень знаний, умений, умственного, физического и нравственного развития, которого достигли выпускники» [1, с. 20].

В рассмотренной выше группе определений речь идет о качестве как характеристике результата образовательного процесса, но не упоминается о качестве как характеристике самого образовательного процесса. В то же время существуют точка зрения, согласно которой, говоря о качестве образования, необходимо иметь в виду и качество образовательного процесса, образовательных услуг. Так, в психолого-педагогическом словаре это понятие трактуется следующим образом: «качество образования – понятие, включающее в себя качество образовательных услуг и качество образовательной подготовки выпускника, соискателя». Под качеством образовательных услуг понимается совокупность характеристик образовательного процесса, которая измеряется (оценивается) путем обобщения результатов итоговых аттестаций выпускников.

По мнению Т.И. Шамовой и П.И. Третьякова, «качество образования – это есть равнодействующая следующих составляющих: потребностей личности и общества, целевых приоритетов, спрогнозированного процесса и результата (стандарта)» [4, с. 69].

Мы также придерживаемся указанной позиции, то есть, говоря о качестве образования, рассматриваем две стороны: процессуальную и результативную. Очевидна взаимосвязь этих сторон: без качественного процесса невозможен качественный результат.

В свою очередь, качество образовательного процесса, на наш взгляд, также является интегративным понятием, и в нем можно выделить несколько составляющих:

1) качество содержания образования;

2) качество образовательных технологий;

3) качество процесса обучения (деятельности педагогического коллектива в целом и каждого его субъекта в частности);

4) качество условий (научно-методических, управленческих, организационных, психологических, материально-технических и др.);

5) качество педагогов (квалификация).

Итак, качество образования – интегральная характеристика системы образования, отражающая степень соответствия ресурсного обеспечения, образовательного процесса, образовательных результатов нормативным требованиям, социальным и личностным ожиданиям.

Литература

1. *Полонский В.М.* Словарь понятий и терминов по законодательству Российской Федерации об образовании. М.: Моск. ин-т развития обр. систем, 1995. 78 с.

2. *Поташник М.М.* Управление качеством образования. М.: Пед. общество России, 2001. 448 с.

3. *Розова Н.К.* Управление качеством. СПб.: Питер. 2003. 224 с.

4. *Третьяков П.И. Шамова Т.И.* Управление качеством образования – основное направление в развитии системы: сущность, подходы, проблемы // Завуч. 2002. № 7. С. 67–72.

5. Ученик в обновляющейся школе: сб. науч. тр. / ИОСО РАО; под ред. *Ю.И. Дика* и *А.В. Хуторского*. М.: Изд-во Ин-та общ. сред. образования РАО, 2002. 484 с.

6. *Шишов С.Е., Кальней В.А.* Мониторинг качества образования в школе. М.: Академия, 2009. 354 с.

УДК 81'26

И.И. Садовина

Тартуский университет (Эстония, г. Тарту)

РОДНЫЕ ЯЗЫКИ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ИНИЦИАТИВЫ КОРЕННЫХ НАРОДОВ В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ

Статья посвящена вопросу международного обмена опытом коренных народов из различных политических, социальных и культурных контекстов, а также обзору цифровых инициатив по сохранению и продвижению родных языков коренных народов Канады.

Ключевые слова: *коренные языки, цифровизация, языковой активизм.*

Вопрос о необходимости активной деятельности по сохранению языков коренных народов занимает важное место в общей повестке мирового сообщества. Об этом свидетельствуют глобальные инициативы Организации Объединённых Наций (ООН) и других международных организации в рамках концепции глобальной «индигенности» [3, с. 15; 9, с. 4]. Недавним примером такой работы является объявление ООН 2019 года Международным годом языков коренных народов. Несмотря на их важную роль, эти глобальные инициативы создают противоречия, которые обсуждаются исследователями коренных вопросов в разных регионах мира [6; 7; 8; 10; 12]. Для настоящего

исследования особенно актуальны две проблемы. Во-первых, сотрудничество коренных народов неизбежно осуществляется не на коренных языках, которые нуждаются в поддержке, а на языках международного и межнационального общения, таких как английский и русский. Во-вторых, сотрудничество активистов и исследователей из коренных народов осложнено различиями в культурных особенностях и материальных условиях. В такой ситуации могут ли активисты, заинтересованные в продвижении марийского и других финно-угорских языков, использовать опыт *не*родственных коренных народов из других стран?

Безусловно, такое сотрудничество возможно и необходимо. Инициативы, связанные с вопросами коренных народов, необязательно должны быть объединены в одну концептуальную парадигму. Солидарность может основываться на конкретных вопросах, в которых международный опыт может быть полезен. Например, несмотря на различные политические контексты, экономические возможности и культурные особенности, коренные народы мира объединяет один важный фактор: растущая доступность цифровых технологий и как результат – цифровизация ежедневной жизни. Рассматривая солидарность коренных народов в практическом ключе, стоит обратить внимание на канадский опыт использования цифровых технологий в целях сохранения и популяризации коренных языков.

Интерес к канадским инициативам обусловлен подъёмом языкового и культурного активизма, который сейчас происходит в Канаде, где существует около 70 коренных языков из 12 языковых семей [13]. Языковое многообразие сохранилось, несмотря на агрессивную политику ассимиляции, проводимую британским колониальным правительством с XIX века [11]. Основную роль в этой политике играла система резидентских школ, существовавшая с 1840-х по 1990-е в целях обучения коренных детей английскому языку и их приобщения к «цивилизации». С четырёх-пяти лет дети обучались вдали от дома и наказывались за использование родного языка [14]. Многие страдали от насилия со стороны учителей, голода, отсутствия медицинской помощи. В школах была высокая смертность. Малоэффективная в педагогическом плане система резидентских школ была эффективна как форма культурного геноцида, за что канадское правительство принесло извинения в 2008 году [11, с. 1] и провело масштабные исследования в рамках Комиссии по правде и примирению в 2015 году [14]. Вместо ожидаемой «путёвки в жизнь» система резидентских школ не позволяла коренным народам стабильно развиваться, сохраняя свою культуру в современном им многокультурном обществе. Несколько поколений детей были глубоко травмированы этим опытом, и многие коренные канадцы старшего возраста стесняются своего языка и не хотят учить ему детей.

Тем не менее в этой ситуации наблюдаются улучшения. Согласно последним исследованиям, количество носителей коренных языков растёт. В 2016 году 260550 коренных жителей Канады сказали, что говорят на своём родном языке – на 3,1% выше, чем в 2006 [13]. Интересно, что среди них процент людей, которые сознательно изучили родной язык, выше процента тех, кто говорил на нём в детстве. Это значит, что люди ищут возможности изучать родные языки. Возрождение языков происходит на фоне общего вовлечения

коренной молодёжи в культурно-общественную жизнь страны в сферах СМИ, культуры, образования, бизнеса и науки.

Учитывая языковое многообразие Канады, перед активистами стоит двойная задача: с одной стороны, поддержать свой язык, с другой, развивать языки родственных и соседних народов. Этим ситуация в Канаде близка к российским условиям. Поэтому опыт канадских активистов, работающих на развитие как отдельных языков, так и межкультурного пространства общения коренных народов, может быть интересен и нам.

Рассмотрим три типа цифровых инициатив: сайты, приложения и подкасты.

Среди **сайтов** важную роль играют общие ресурсы с информацией о разных народах, своеобразные языковые перекрёстки. Например, сайт First Nations («Первые Народы») содержит информативные статьи, интернет-магазин и ссылки на сайты о культуре отдельных народов [4]. Сайт First Voices («Первые Голоса») – это база данных о различных языках, где можно найти виртуальные уроки и тематические статьи [5]. Существуют и специализированные сайты научно-просветительских проектов: например, на сайте 100 Years of Loss («Сто лет потерь») доступна информация о резидентских школах и исторические документы, а также примеры учебных программ и ресурсы в помощь учителям истории [1].

Приложения для мобильных устройств. Среди приложений можно выделить обучающие, социальные и картографические. Обучающие приложения представлены электронными курсами, переводчиками и словарями разных языков. Степень их разработки варьируется. Среди приложений для детей есть обучающие программы, например, Navajo Toddler, (“Малыш Навахо”) и сказки, например, Askî and Friends (“Аски и его друзья”) – приложение, созданное правительством провинции Саскачеван. Кроме того, есть приложения-чаты, которые поддерживают орфографические особенности коренных языков (например, FirstVoices Chat). Наконец, есть приложения, которые используют карты и технологию GPS. First Story («Первая история») помогает найти организации, арт-объекты и музеи, связанные с коренными культурами. Благодаря приложению Whose Land («Чья земля»), пользователи из Канады, США и Австралии могут узнать, на территории какого народа они находятся, и посмотреть видео, в которых местные жители объясняют, как можно отдать должное традициям этого края. Приведём также пример использования в коренных инициативах существующих ресурсов. До 2017 года на онлайн-картах Google Maps отсутствовали поселки коренного населения, что создавало впечатление незаселённого пространства. Сотрудничая с компанией Google, картограф Стив де Рой нанёс 3000 населённых пунктов на их карты [2].

Подкасты – звуковые файлы и программы, доступные для создания и распространения в интернете – тоже играют заметную роль в продвижении коренных языков онлайн. В Канаде есть подкасты на разных коренных языках, а также на английском. Среди последних можно выделить подкаст Unreserved (игра слов: «Без резерваций / Откровенно») Розанны Дирчайлд на радио СиБиСи, где обсуждаются вопросы, касающиеся всех коренных народов Канады, освещаются культурные события, проводятся интервью. Подкаст также

включает серию выпусков под названием First Words («Первые слова»), в которых носители учат слушателей нескольким словам на разных языках.

Подводя итоги обзора канадского опыта, выделим четыре идеи, которые могут пригодиться российским активистам: **1) Разнообразие**. Чем больше способов бытования языка в цифровом пространстве, тем лучше: пусть на коренных языках будут доступны базы данных для исследователей, сказки для детей, афиши мероприятий родственных народов, сайты покупок и чаты знакомств; **2) Сотрудничество** не только с государственными и образовательными учреждениями, что уже широко практикуется, но и с разными компаниями. За успехом марийской Википедии может последовать совместный проект с компанией электронных карт-справочников 2гис; **3) Необходимость постоянной разработки и пополнения баз данных, корпусов языка, ресурсов.** Многие канадские языковые приложения, созданные активистами на местах, используют центральную базу данных, выложенную в открытом доступе на сайте FirstVoices; **4) Обмен опытом**. Благодаря доступности интернета, активисты, работающие в сфере сохранения коренных языков, могут вдохновляться опытом и использовать наработки друг друга. В этом контексте ещё большую важность приобретает необходимость централизованных ресурсов – виртуальных перекрёстков.

Литература

1. 100 Years of Loss // URL: http://100yearsofloss.ca/en/ (дата обращения: 30.10.2019).
2. CBC Radio. How One Cartographer Is Helping Indigenous Communities Put Themselves on the Map. 18.01.2019 // URL: https://www.cbc.ca/radio/unreserved/how-one-cartographer-is-helping-indigenous-communities-put-themselves-on-the-map-1.4973373 (дата обращения: 30.10.2019).
3. *Clifford James.* Returns: Becoming Indigenous in the Twenty-First Century. Cambridge: Harvard University Press, 2013. 386 с.
4. First-Nations.Info // URL: https://www.first-nations.info/ (дата обращения: 30.10.2019).
5. FirstVoices // URL: https://www.firstvoices.com/ (дата обращения: 30.10.2019).
6. *Li Tania Murray*. Indigeneity, Capitalism, and the Management of Dispossession // Current Anthropology. 2010. № 51 (3). С. 385–414.
7. *Lindroth Marjo and Heidi Sinevaara-Niskanen*. Global Politics and Its Violent Care for Indigeneity: Sequels to Colonialism. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2018. 152 с.
8. *Mende Janne*. The Imperative of Indigeneity: Indigenous Human Rights and Their Limits // Human Rights Review. 2015. № 16 (3). С. 221–238.
9. *Niezen Ronald.* The Origins of Indigenism: Human Rights and the Politics of Identity. Berkeley: University of California Press, 2003. 291 с.
10. *Povinelli Elizabeth.* The Cunning of Recognition: Indigenous Alterities and the Making of Australian Multiculturalism. Durham, NC: Duke University Press, 2002. 352 с.
11. *Regan Paulette*. Unsettling the Settler Within: Indian Residential Schools, Truth Telling, and Reconciliation in Canada. Vancouver: UBC Press, 2010, 316 с.
12. *Smith Linda Tuhiwai*. Decolonizing Methodologies: Research and Indigenous Peoples. London: Zed Books, 1999. 256 с.

13. *Statistics Canada*. Guide to the Census of Population, 2016 // URL: https://www12.statcan.gc.ca/census-recensement/2016/as-sa/98-200-x/2016022/98-200-x2016022-eng.cfm (дата обращения: 30.10.2019).

14. The Truth and Reconciliation Commission of Canada. Honouring the Truth, Reconciling for the Future: Summary of the Final Report of the Truth and Reconciliation Commission of Canada, 2015. 527 с.

15. United Nations: Департамент по экономическим и социальным вопросам. 2019 год – Международный год языков коренных народов // URL: https://www.un.org/development/desa/indigenous-peoples-ru/news/2018/05/13013/ (дата обращения: 30.10.2019).

УДК 069.1

А.А. Сергеева
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)
Науч. руководитель: Мамонтова М.С., канд. пед. наук, доц.

ОПЫТ РАБОТЫ «МУЗЕЯ ИСТОРИИ ПОИСКОВОГО ДВИЖЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ МАРИЙ ЭЛ»

Статья посвящена изучению истории создания студенческого поискового отряда «Воскресение», его структуры и направлений деятельности. Описан опыт работы «Музея истории поискового движения Республики Марий Эл». В статье рассматриваются некоторые особенности поисково-экспедиционных, экскурсионно-выставочных и проектных работ.

Ключевые слова: *студенческий поисковый отряд, «Воскресение», музей истории поискового движения, военно-патриотическое воспитание, поисковая экспедиция, Марийский государственный университет.*

Студенческий поисковый отряд «Воскресение» был инициирован студентами историко-филологического факультета Марийского государственного университета в декабре 2013 года, создан решением ректора университета М.Н. Швецова. Командиром отряда стал специалист отдела по воспитательной работе и развитию молодежных инициатив Петр Иванович Бусыгин.

За годы своей деятельности отряд совершил 17 поисковых экспедиций. На основе находок отряда, обнаруженных в Ленинградской и Калужской областях, был основан первый в Марий Эл «Музей истории поискового движения Республики Марий Эл», открывшийся на базе историко-филологического факультета 12 мая 2015 года. Активное участие в формировании экспонатов музея принял студенческий поисковый отряд (СПО) «Воскресение» [1].

«Воскресение» является частью Общероссийского общественного движения по увековечению памяти погибших при защите Отечества «Поисковое движение России», работающего на основе федерального закона Российской Федерации от 14.01.1993 № 4292-1 «Об увековечивании памяти погибших при защите отечества». Это общественное движение было создано в апреле 2013 года и является самой крупной организацией, занимающейся полевой и

архивной поисковой работой. Движение объединяет более 42 тысяч поисковиков разных возрастов в составе 1428 поисковых отрядов и объединений. Его региональные отделения открыты в 82 субъектах Российской Федерации. Активисты движения каждый год выезжают на поля сражений, работают в архивах, помогают людям в поисках их родственников, ухаживают за воинскими захоронениями, составляют Книги Памяти, занимаются патриотическим воспитанием, реализуют просветительские проекты, проводят выставки по итогам поисковых работ [2].

Направления деятельности поискового отряда: экскурсии по «Музею истории поискового движения РМЭ», выездные экспедиции, мастер-классы по работе с базами данных, лекции о форме и вооружении армии РККА, фестиваль военно-исторической реконструкции, квест-игра «Советский солдат», профильные образовательные смены «Территории поиска» и др.

В «Музей истории поискового движения Республики Марий Эл» на организованные экскурсии приходят школьники и студенты, жители города Йошкар-Олы, интересующиеся историей Великой Отечественной войны. Экскурсии по музею проводит как командир отряда «Воскресенье» П.И. Бусыгин, так и студенты – бойцы отряда.

На данный момент музею выделены и оформлены два помещения: зал для экспозиции находок и зал военно-исторической реконструкции. Экспонаты привезены из поисковых экспедиций, из разных регионов нашей страны, и некоторые из них разрешается трогать. Также существует выездная экспозиция, участвующая в различных общественных мероприятиях республики и города, во время которых их организаторами создаются специальные условия для размещения демонстрируемых предметов. Всего фонд музея насчитывает более 400 наименований предметов и более 1000 единиц хранения. Из них наиболее выдающиеся: солдатские медальоны эбонитовые, немецкий опознавательный знак, лозантинница (хлорница), подпиской котелок, складная лопата образца 1938 года, немецкая походная печка, листовки агитационные немецкие, самодельный мундштук, отличительный знак «Эдельвейс».

Экспонаты музея постоянно обновляются за счет экспедиций, в которые ездят бойцы отряда. «Война не закончена, пока не похоронен последний солдат» – фраза великого полководца А.В. Суворова стала своеобразным девизом всего поискового движения. Выездные экспедиции проходят в разных уголках нашей страны (Мурманская, Тверская, Калужская Ленинградская, Новгородская области, о. Сахалин, о. Гогланд и Республика Карелия) – в местах боёв времен Великой Отечественной войны, – с целью увековечивания памяти пропавших без вести при защите Отечества. Было найдено, эксгумировано и перезахоронено более ста воинов, погибших в период Великой Отечественной войны.

Одним из направлений деятельности отряда является реконструкторское направление. Ребята из отряда принимают участие в ежегодной реконструкции боевых действий при обороне Ленинграда времен Великой Отечественной войны – в военно-патриотическом слете «Сяндеба», проходящем на территории Коверского поселения Олонецкого района Республики Карелия. За счёт реализации этого направления фонд музея пополнился образцами военной

формы, амуницией и снаряжением Красной Армии (РККА, форма образца 1942 года) и армии Вермахта.

Поисковое движение России организует для бойцов поисковых отрядов различные форумы, тематические смены, слеты и конкурсы. Широко известными и распространенными стали Всероссийские летние молодежные форумы: «Территория смыслов» в МО, «Таврида» в Крыму, «IВолга» в Самаре и др. Участие в этих форумах дает возможность молодежи и организациям, объединяющим их, воплотить свои проекты при помощи грантовой поддержки.

Студенты МарГУ из поискового отряда «Воскресение» уже несколько раз выигрывали подобные гранты: «Имя героев рядом» (Наталья Егошина, 2015), «Заполярье – география мужества» (Наталья Егошина, 2015), «Окно в историю» (Иван Сурков и Иван Кукушкин, 2017), «Территория поиска» (Александра Фисенко, 2018 и 2019). В 2015 году проект «Заполярье: география мужества» получил финансовую поддержку в размере 100 000 рублей, а в 2016 году ребята получили 300 000 рублей на реализацию проекта по реконструкции и созданию интерактивного музея для школьников «Окно в историю». Проект летнего лагеря для школьников на «Территории поиска» получил грант в размере 200 000 рублей. Все эти проекты были успешно реализованы.

Вовлечение молодежи в процесс активного изучения истории Великой Отечественной войны и формирование сознательной патриотической позиции происходит посредством участия в поисковой и научной деятельности. Через экскурсионные программы «Музея истории поискового движения РМЭ» было оказано просветительское воздействие на внушительное количество посетителей в разные периоды существования музея. Данные журнала посетителей музея представлены на графике 1.

График 1. Количество посетителей «Музея истории поискового движения РМЭ»

В стенах музея активисты студенческого поискового отряда МарГУ «Воскресение» с 2015 года ведут активную просветительскую работу среди молодежи Республики Марий Эл и соседних регионов. «Музей истории поискового движения РМЭ» ежегодно посещает более 3000 человек, ежемесячно часть экспонатов музея участвует в городских и республиканских мероприятиях патриотической направленности со средним количеством посетителей 200 человек.

«Музей истории поискового движения РМЭ» – это первое в Республике Марий Эл учреждение историко-патриотической направленности с поисковым уклоном, которое работает бесплатно, с привлечением дипломированных специалистов, по выработанной и апробированной опытными бойцами СПО «Воскресение» образовательной программе.

Литература

1. Поисковое движение России// URL: http://rf-poisk.ru/news/865/ (дата обращения: 22.09.2020).

2. Студенческий поисковый отряд «Воскресение» // URL: http://spo-voskresenie.mediapublish.ru/spo/ (дата обращения: 22.09.2020).

УДК 930/253

М.Б. Тропина

Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

Науч. руководители:

Зорина З.Г., д-р филол. наук, проф.

Кудрявцева Р.А., д-р филол. наук, проф.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

В статье рассматривается роль архивных документов и Государственного архива Российской Федерации в сохранении культурного наследия страны.

Ключевые слова: *Государственный архив Российской Федерации, архивные документы, культурное наследие.*

Материальным агентом, обеспечивающим транспортировку сообщения по коммуникационным каналам, во все времена был и остается в настоящее время документ. А фонды документов – это основное долговременное хранилище исторической и социальной памяти человечества. Именно в таких фондах сосредоточены все знания, добытые человеком со времени изобретения письменности [3, с. 21].

Архивный фонд Российской Федерации – это совокупность документов, отражающих материальную и духовную жизнь многонациональной России и имеющих историко-культурное, научное, социальное, экономическое и политическое значение. Он включает в себя документы независимо от источника их происхождения, времени и способа создания, вида носителя, форм

собственности и места хранения [4, с. 6]. Документы этого фонда являются неотъемлемой частью историко-культурного наследия народов России [1, с. 56].

Структура и функции архивного документа:

– документ как средство управления социальными, политическими, идеологическими и иными общественными процессами;

– документы в функции каркаса мировой геополитики (фиксируют границы между государствами, правовые основы деятельности союзов государств и надгосударственных объединений, правила международной торговли и регулируют взаимоотношения во всех сферах между отдельными государствами);

– документы как средство создания среды обитания общества и материальной инфраструктуры цивилизации;

– документы как инструменты регистрации явлений, событий, действий, происходящих в обществе и природной среде;

– документы осуществляют функцию закрепления и защиты имущественных интересов и прав собственников (частных и государственных), фиксируют важные для функционирования общества юридические факты, регулирующие те или иные политические, социальные, хозяйственные ситуации, и входят в состав любого имущественного комплекса юридического лица;

– архивный документ как исторический источник.

Важнейшая часть Архивного фонда Российской Федерации – это государственные архивы, основными целями которых является постоянное хранение вверенной им государственной части Архивного фонда Российской Федерации (документов и фондов, имеющих общероссийское значение): фондов высших и центральных учреждений России, СССР и РСФСР, различных общественных и частных организаций и учреждений всероссийского (всесоюзного) значения; фондов личного происхождения, имеющих непосредственное отношение к работе этих учреждений и организаций. Функциями государственных архивов являются не только учет и сохранность архивных документов, но и совершенствование научно-справочного аппарата к архивным документам и информационных технологий; обеспечение условий для работы с архивными документами юридическими и физическими лицами. Государственные архивы обеспечивают информационное обслуживание органов государственной власти и самостоятельное использование архивных документов в интересах укрепления российской государственности и осуществляют обслуживание общественных потребностей в ретроспективной документной информации [2, с. 39].

Центральное место в государственно-архивной структуре принадлежит Государственному архиву Российской Федерации, который был создан распоряжением Правительства Российской Федерации от 28.04.1992 г. № 809 и является правопреемником Центрального государственного архива Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (ЦГАОР СССР) и Центрального государственного архива РСФСР (ЦГА РСФСР). Его целью является вечное хранение уникальных документов, отражающих историю нашей страны, и предоставление всем заинтересованным гражданам страны возможности

использовать документальную информацию по различным политическим, экономическим, общественным, культурным аспектам российской истории XIX–XXI вв.

В фондах архива содержатся ценные документы дореволюционных высших и центральных государственных учреждений политического розыска и сыска, судебно-следственных и карательных учреждений Российской империи, документы по истории Царства Польского, комплексы документов учреждений и организаций Временного правительства 1917 года, а также фонды личного происхождения крупнейших политических и общественных деятелей российского государства, различных политических партий, профсоюзов и общественных организаций.

Объемный массив документов советского периода истории включает в себя фонды:

– высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР, РСФСР, РФ и их учреждений;

– центральных органов государственного управления СССР в области внутренних дел, государственной безопасности, юстиции, организации и охраны труда, народного образования, здравоохранения, информации и печати, архивного дела, физкультуры и спорта;

– центральных органов государственного управления РСФСР и непосредственно подчиненных им учреждении;

– центральных органов исполнительной власти РФ;

– центральных органов контроля СССР и РСФСР;

– высших органов суда, арбитража и прокуратуры СССР, РСФСР и РФ;

– Чрезвычайной Государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков (ЧГК) и международных военных трибуналов в Нюрнберге и Токио;

– центральных средств массовой информации;

– кооперативных, профессиональных и других общественных объединений;

– личные фонды государственных и общественных деятелей СССР, РСФСР и РФ [См.: 5, с. 111].

В архиве хранится часть фондов бывшего Русского заграничного исторического архива в г. Праге (РЗИА), которая была передана в Москву в начале 1946 г. Эти фонды важны для сохранения и исследования истории русской эмиграции, а также истории гражданской войны и иностранной военной интервенции. С 1956 года в порядке межгосударственного обмена идет формирование коллекции микрофильмов документов по отечественной истории с XIV в. на различных европейских языках из зарубежных архивов и коллекций рукописей.

Таким образом, в Государственном архиве Российской Федерации сохранены богатая история и многообразная жизнедеятельность общества и государства, и именно поэтому его деятельность максимально востребована в современных условиях, когда максимально возросли интерес граждан к своему прошлому и стремление к исторической и культурной самоидентификации.

Государственный архив Российской Федерации выполняет

и гуманистическую миссию, помогая восстанавливать историческую справедливость. Тысячи людей обращаются к архивным документам с целью получить сведения о родных и близких, потерянных или пострадавших во время различных событий XX века. Архив играет важнейшую роль в патриотическом воспитании, например, он исполняет запросы музеев, поисковых групп и отрядов по восстановлению имен погибших героев в годы Великой Отечественной войны.

Сотрудники архива проводят исследования, которые ложатся в основу книг и телепередач, готовят сборники документов и различные выставки, проводит консультации по актуальным аспектам развития архивного дела с представителями архивов других стран. В настоящее время ни один исторический труд, претендующий на истинность и объективность, не может быть осуществлен без привлечения документов Государственного архива Российской Федерации.

Итак, Государственный архив Российской Федерации – это уникальный хранитель и источник информации об исторических событиях и общественно-политической деятельности людей; он играет важную роль в формировании мировоззрения, национального самосознания, объективного исторического сознания граждан и в патриотическом воспитании подрастающего поколения.

Литература

1. *Алексеева Е.В., Афанасьева Л.П., Бурова Е.М.* Архивоведение: учебник / под ред. *В.П. Козлова*. 3-е изд., доп. М.: Изд. центр «Академия», 2005. 272 с.

2. *Вовкотруб О.В., Фионова Л.Р.* Архивоведение: учеб. пособие. Пенза, 2005. 132 с.

3. *Куняев Н.Н., Уралов Д.Н., Фабричнов А.Г*. Документоведение: учебник / под ред. Н.Н. Куняева. М.: Логос, 2012. 352 с.

4. *Манонина Т.Н., Залесов В.Г.* Архивные исследования и архитектуроведческий анализ памятников: учеб.-мет. пособие. Томск: Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2016. 72 с.

5. *Раскин Д.И., Соколов А.Р*. Архивоведение: учебник. М.: Изд-во Юрайт, 2018. 384 с.

УДК 316.74

В.И. Шабыков
МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева (Йошкар-Ола)

СТРУКТУРА РЕЛИГИОЗНОГО (ПРАВОСЛАВНОГО) СОЗНАНИЯ МАРИЙЦЕВ (НА МАТЕРИАЛЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ 2018 ГОДА)

В статье на основе данных социологического исследования 2018 года характеризуется религиозно-православное сознание марийского населения, выявляется специфика современного бытования православия на концептуальном и обыденном уровнях религиозного сознания народа мари.

Ключевые слова: *социология религии, Республика Марий Эл, марийское население, религиозное сознание, православие.*

Религиозное сознание представляет собой взаимопроникновение религиозной идеологии и религиозной психологии и формируется на основе четырех ключевых элементов религии: мифологический (религиозное представление о Боге, человеке и мире), эмоциональный (настроения, эмоции, чувства, переживания), культовый (религиозные обряды, отношение к ним) и организационный (религиозные организации).

«В научной литературе, как отмечает А.И. Николаев, часто говорят о двух уровнях, на которых проявляется религиозное сознание (впрочем, материалистическое сознание тоже имеет эти два уровня): обыденный (естественный) и теоретический (концептуальный). Обыденное религиозное сознание предстает в виде образов, представлений, стереотипов и традиций. На этом уровне главную роль играют эмоции – чувства и настроения. Можно сказать, что здесь религия непосредственно переживается и естественно принимается в виде системы культов и обрядов.

На концептуальном уровне религиозное сознание проявляется в виде теологических концепций, религиозной философии, наконец – в виде системы догматов, принятых верховной церковной властью» [4].

В данной статье обобщены результаты социологического исследования «Межконфессиональные и межнациональные отношения в Республике Марий Эл» 2018 года в Республике Марий Эл [3], относящиеся к тем составляющим религиозного сознания, которые связаны, прежде всего, с характером и качеством религиозной веры. Объект исследования – мари, связанные с православием: верующие в православие однозначно и колеблющиеся между православной верой и безверием (условно объединим эти две группы под названием «приверженцы православной религии»); соблюдающие только православную веру и соблюдающие ее вкупе с марийской традиционной религией (далее – МТР) (с ответами «в основном соблюдаю православную веру, иногда соблюдаю и МТР» и «в равной мере соблюдаю и православную веру, и МТР»). Такой выбор продиктован, во-первых, уникальностью религиозной судьбы народа мари (исконно религиозный генезис народа мари связан с язычеством, однако исторически этнос оказался ввергнутым и в православие), во-вторых, целью изучить реальные процессы современности, связанные со спецификой бытования православия на концептуальном и обыденном уровнях религиозного сознания народа мари.

Из 481 респондента-мари в 2018 году 424 человека (примерно 88 %) назвали себя верующими или колеблющимися между верой и безверием.

329 человек верующих и колеблющихся указали на свою связь с православием: 191 человек – исключительно с православием (58,1 %); 70 человек (21,3 %) ответили, что в основном соблюдают православную, а иногда и МТР); 68 человек (20,7 %) – в равной мере и православную веру, и МТР.

Лишь небольшая часть приверженцев православия (13,6 % среди связывающих себя только с православием, 15,7 % среди соблюдающих православие, а иногда МТР, около 12 % среди тех, кто связывает себя в равной мере с обоими религиями) отмечает, что религия сближает их с людьми своей национальности. Таким образом, православный компонент в религиозном

сознании марийского населения снижает уровень его этнической самоидентификации и усиливает этническую индифферентность.

Важнейшими компонентами религиозно-психологического комплекса верующих принято считать религиозную установку («предрасположенность верующего к определенной оценке тех или иных социальных явлений и готовность к соответствующим действиям, обусловленным этой оценкой» [2], и религиозные чувства («эмоциональное отношение верующих к признаваемым объективным существам, свойствам, связям, к сакрализованным <…> вещам, персонам, местам, действиям, друг к другу и к самим себе, а также к религиозно интерпретируемым отдельным явлениям в мире и к миру в целом» [2]. Они хорошо прослеживаются в ответах респондентов на вопрос о месте религии в их жизни (Табл. 1). Действительно, большое число мари, приверженных в той или иной мере к православию, эмоционально «завязаны» на своей вере и убеждены в том, что она занимает в их жизни важное место. В наибольшей степени это проявляется у марийцев, в основном соблюдающих православную веру, а иногда еще и МТР (ответ «очень важное» дали 4,3 %, «довольно важное» – 58,6 %), а также приверженных исключительно к православию (соответственно 11,5 % и 49,7%). Равная представленность в сознании двух религий ослабляет эмоциональный фактор религиозности.

Таблица 1

Место религии в жизни респондентов-мари
в зависимости от конфессиональной принадлежности
(в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	Соблюдаю православную веру	В основном соблюдаю православную веру, иногда соблюдаю и МТР	В равной мере соблюдаю и православную веру, и МТР
Очень важное	11,5	4,3	11,8
Довольно важное	49,7	58,6	38,2
Незначительное	36,1	34,3	42,6
Никакого места не занимает	1,0	0,0	1,5
Затрудняюсь ответить	1,7	2,8	3,0
Не ответили	0,0	0,0	2,9

Данная закономерность проявляет себя и в ответах на вопрос о месте религии в жизни страны (Табл. 2): во-первых, немалое число респондентов этой группы (13,2 %) уклонилось от прямых ответов; во-вторых, в группе респондентов, в равной мере соблюдающих и православную веру, и МТР, менее всего оказалось приверженцев как радикальной (всего 2,9 % отметили, что в стране должна быть одна официально признанная, государственная религия), так и демократической, правовой, позиции относительно официального бытования религий (72,1 % указали, что в стране, в особенности, многонациональной, не должно быть государственной религии, за каждым народом и каждым человеком должно быть признано право свободного вероисповедания); в-третьих, эта группа респондентов более других убеждена в том, что страна, вообще, должна

быть свободной от религии (7,4 %). При этом значительное большинство мари – сторонников православия и колеблющихся между православной верой и неверием в бога – считает, что в многонациональной стране не должно быть государственной религии, за каждым народом и каждым человеком должно быть признано право свободного вероисповедания.

Таблица 2

Оценка марийцами места религии в жизни страны
в зависимости от конфессиональной принадлежности
(в % от числа опрошенных

Варианты ответов	Соблюдаю православную веру	В основном соблюдаю православную веру, иногда соблюдаю и МТР	В равной мере соблюдаю и православную веру, и МТР
В стране должна быть одна официально признанная (государственная) религия	6,8	5,7	2,9
В стране (в особенности, многонациональной) не должно быть государственной религии, за каждым народом и каждым человеком должно быть признано право свободного вероисповедания	80,1	82,9	72,1
Следует запретить распространение любых религиозных воззрений зарубежными миссионерами	3,7	4,3	4,4
Страна должна быть свободной от религии	0,5	1,4	7,4
Затрудняюсь ответить	8,9	5,7	13,2

Марийцы с православной составляющей в мировоззрении активно обсуждают мотивы своей религиозности (обычно, верующие, как отмечают социологи, психологи, часто избегают таких вопросов, либо не раскрывают реальные мотивы или руководствуются ложными предпосылками), выражают отношение ко всем предложенным вариантам ответов.

При этом основная часть ответов, выбранных респондентами, не связана с мотивами, непосредственно относящимися к религии. Среди внешних по отношению к религии мотивов на первом месте по всем группам православных верующих, кроме тех, кто в основном соблюдает православную веру, а иногда еще и МТР, находится влияние семьи (Табл. 3) – такой ответ получен примерно от половины опрошенных. А если прибавить к ним еще и тех, кто ответил «влияние родственников», то можно считать, что примерно три четверти приверженных к православию мари связывает свой приход в религию семейно-родственными влияниями.

Таблица 3

Мотивы обращения марийцев к той или иной религии
в зависимости от конфессиональной принадлежности
(в % от числа ответивших)

Мотивы	Соблюдаю православную веру	В основном соблюдаю православную веру, иногда соблюдаю и МТР	В равной мере соблюдаю и православную веру, и МТР
Влияние семьи	48,7	37,1	54,4
Влияние родственников	23,0	25,7	23,5
Влияние верующих людей	14,7	12,9	16,2
Влияние церкви (мечети, молений в священных рощах)	7,3	11,4	10,3
Влияние служителей культа, проповедников	0,0	1,4	0,0
Влияние средств массовой информации	0,5	1,4	1,5
Под влиянием общественного мнения	0,5	1,4	1,5
Душевный кризис	5,8	10,0	8,8
Собственное нездоровье	3,1	2,9	11,8
Болезнь близких людей	3,7	5,7	1,5
Неуверенность в завтрашнем дне	6,8	4,3	5,9
В результате самостоятельных поисков истин и раздумий о смысле жизни	11,0	18,6	16,2
Просто верю в бога	39,8	50,0	42,6
Другое	1,6	0,0	0,0

Отмечены и такие внешние факторы обращения в религию, как влияние верующих людей (16,2 % респондентов, в равной мере соблюдающих православную веру и МТР, 14,7 % соблюдающих православную веру, почти 13 % соблюдающих православную веру, а иногда еще и МТР), нездоровье (11,8 % респондентов, в равной мере соблюдающих православную веру и МТР), влияние мест богослужения (11,4 % в основном соблюдающих православную веру, а иногда еще и МТР), душевный кризис (10 % в основном соблюдающих православную веру, а иногда еще и МТР)

Религиозного объяснения нет и в мотиве «просто верю в бога», который также выбран достаточно большим количеством опрошенных; в этом ответе только констатация самого факта религиозности. Мотив-ответ «в результате самостоятельных поисков истин и раздумий о смысле жизни», имеющий прямое отношение к сущности, философии религии, выбран лишь небольшим количеством респондентов (Табл. 3); больше всего таковых оказалось среди тех, кто в основном соблюдает православную веру, а иногда еще и МТР (18,6 %).

«Верующий человек находится постоянно в пограничном состоянии – он принадлежит одновременно и к миру священного и к миру профанного» [1, с. 48]. Именно способность удержать веру со всеми ее атрибутами в реальном (мирском) времени и пространстве определяет качество веры.

Анализ ответов респондентов, связанных с оценкой ими своего отношения к религии, показал предельно низкий уровень качества веры. Приверженцев православия и соблюдающих все религиозные обряды оказалось минимальное число среди марийцев, придерживающихся исключительно православия, и соблюдающих основном православную веру, а иногда еще и МТР (примерно по 3 %) (Табл. 4).

Таблица 4

Отношение марийцев к религии
в зависимости от их конфессиональной принадлежности
(в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	Соблюдаю православную веру	В основном соблюдаю православную веру, иногда соблюдаю и МТР	В равной мере соблюдаю и православную веру, и МТР
Верую и строго соблюдаю все религиозные обряды	3,1	2,9	7,4
Верую, но религиозные обряды соблюдаю нестрого	55,4	71,4	61,8
Верую, но никаких обрядов не соблюдаю	31,8	20,0	22,1

Основная часть приверженцев православия верует, но религиозные обряды соблюдает нестрого (в наибольшей мере респонденты, которые отметили, что они в основном соблюдают православную веру, а иногда и МТР, – 71,4 %) или не соблюдает их вообще (в наибольшей мере это те, кто связывает себя только с православием, – около 32 %).

«Для верующих характерна специфическая система ценностных ориентаций, отличающаяся тем, что в ней главную роль играют идеи и нормы, вытекающие из религиозной веры. Земное подчиняется неземному, естественное – сверхъестественному. При подобной субординации ценностей все реальные социальные ценности, вытекающие из потребностей и интересов человека, рассматриваются как второстепенные» [2], – отмечает В.Г. Крыско. Он заостряет внимание на том, что «ориентация на религиозные ценности снижает социальную активность верующих или препятствует ей, переводит их энергию, мысли, чувства и стремления в особое русло, создавая иллюзорную форму социальной активности (участие в религиозных обрядах и в деятельности религиозных организации и общин)» [2].

Исследование в РМЭ также свидетельствуют о том, у верующих слабо выражены социальная рефлексия и объективный социальный анализ. Об этом

можно судить по ответам на такие вопросы: «Как вы считаете, возможно ли в РМЭ возникновение серьезных конфликтов между людьми на религиозной почве?» (если среди неверующих возможность таких конфликтов видят 16 %, то среди верующих всего лишь 9,5 % [3, с. 139]); «Как вы считаете, может ли религия противостоять экстремизму?» (если среди неверующих, однозначно уверенных в таких возможностях религии, только 5,5 %, то среди верующих их почти четверть – 23,1 % [3, с. 145]); «На ваш взгляд, различные религии улучшают или, наоборот, осложняют межнациональные отношения в РМЭ?» (если среди неверующих только 14,1 % считает, что улучшают, то среди верующих верят в это 26,5 % опрошенных [3, с. 155]).

Среди приверженцев православия марийской национальности более всего переживают по поводу социальной ситуации следующие группы верующих:

– глубоко рефлексируют по поводу межконфессиональных отношений – респонденты, в равной мере связанные с православием и МТР (около 15 % указали на возможность возникновения серьезных конфликтов на религиозной почве (Табл. 5);

– объективно рассуждают по поводу антиэкстремистских возможностей религии в современной действительности – респонденты одной веры (православия): 28,3 % отметили, что религия не способна остановить экстремизм (ответы «скорее не, чем да» и «нет») (Табл. 6):

– очень определенные (конкретные) ответы по вопросу о влиянии религии на межнациональные отношения в республике дают в равной мере приверженные и к православию, и к МТР; именно у них отмечен наибольший показатель как по ответу «улучшает межнациональные отношения» (примерно 31 %), так и по ответу «осложняют межнациональные отношения» (23,5 %), в то время как, например, приверженцы только православия в большинстве своем отклонились от ответа (затруднились с ответом) – 50,8 % (Табл. 7).

Таблица 5

Мнение марийцев о возможности возникновения в республике серьезных конфликтов между людьми на религиозной почве
в зависимости от конфессиональной принадлежности
(в % от числа опрошенных)

Возможность возникновения конфликтов на религиозной почве	Соблюдаю православную веру	В основном соблюдаю православную веру, иногда соблюдаю и МТР	В равной мере соблюдаю и православную веру, и МТР
Да	7,3	11,4	14,7
Нет	74,9	70,0	67,6
Затрудняюсь ответить	17,8	18,6	17,7

Таблица 6

Мнение марийцев о том, может ли религия противостоять экстремизму
в зависимости от их конфессиональной принадлежности
(в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	Соблюдаю православную веру	В основном соблюдаю православную веру, иногда соблюдаю и МТР	В равной мере соблюдаю и православную веру, и МТР
Да	26,2	18,6	26,5
Скорее да, чем нет	24,6	27,1	23,5
Скорее нет, чем да	17,3	20,0	10,3
Не может	11,0	7,1	11,8
Затрудняюсь ответить	20,4	27,2	25,0
Не ответили	0,5	0,0	2,9

Таблица 7

Мнение марийцев о влиянии религии на межнациональные отношения в РМЭ
в зависимости от конфессиональной принадлежности
(в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	Соблюдаю православную веру	В основном соблюдаю православную веру, иногда соблюдаю и МТР	В равной мере соблюдаю и православную веру, и МТР
Улучшает межнациональные отношения	28,3	22,9	30,9
Осложняет межнациональные отношения	18,8	18,6	23,5
Другой ответ	2,1	11,4	1,5
Затрудняюсь ответить	50,8	47,1	44,1

Религиозно-ценностная замкнутость в отношении к социальным проблемам отражается и в ответах на вопрос «Что из нижеперечисленного представляется Вам наиболее опасным для современной России?». Как видно из таблицы 8, все группы приверженцев православия мало волнуют такие острые социальные проблемы современности, как бездуховность (менее всего в равной мере соблюдающих и православную веру, и МТР – около 9 %), политизация религии (не волнует никого из группы соблюдающих в основном православную веру и иногда и МТР), криминализация общества (меньше всего волнует соблюдающих в основном православную веру и иногда и МТР – 5,7 %), а также утрата национальных традиций (меньше всего волнует респондентов, соблюдающих православную веру, – примерно 8 %) и кризис семейных ресурсов, рост числа разводов (менее всего обращают на это внимание соблюдающие православную веру – около 8 %) и др. Последние две из

вышеуказанных проблем затрагивают вопросы этноидентификации, свидетельствуют об ослаблении этнического самосознания верующих мари, связанных в той или иной мере с православием.

Однако, нельзя не отметить то, что отдельные группы православных мари всерьез встревожены такими социальными бедами современности, как алкоголизм и наркомания (в наибольшей мере – в равной мере соблюдающие и православную веру, и МТР – 58,8 %), спад производства (в наибольшей степени – соблюдающие в основном православную веру и иногда и МТР – 51,4 %), обнищание и дороговизна жизни – соблюдающие православную веру – 46,6 %) (Табл. 8). Намного меньше волнуют марийских приверженцев православия (колебания в выделенных нами их группах примерно от 21 % до 29 %) такие существеннейшие факторы опасности, как несоблюдение законов, терроризм и рост экстремистских настроений, коррупция.

Таблица 8

Ответы респондентов-мари на вопрос «Что из нижеперечисленного представляется Вам наиболее опасным для современной России?»
в зависимости от конфессиональной принадлежности
(в % от числа ответивших)

Факторы опасности	Соблюдаю православную веру	В основном соблюдаю православную веру, иногда соблюдаю и МТР	В равной мере соблюдаю и православную веру, и МТР
Спад производства	34,0	51,4	35,3
Несоблюдение законов	24,1	28,6	26,5
Кризис семейных ресурсов, рост числа разводов	7,9	8,6	8,8
Алкоголизм, употребление наркотиков	50,8	54,3	58,8
Ухудшение отношений между людьми разных национальностей	6,8	8,6	1,5
Обнищание, дороговизна жизни	46,6	45,7	42,6
Утрата национальных традиций и культуры	8,9	10,0	11,8
Бездуховность	9,4	12,9	8,8
Политизация религии	4,2	0,0	4,4
Криминализация	9,9	5,7	13,2
Терроризм, рост экстремистских настроений	23,6	28,6	20,6
Дискриминация по этническому признаку	0,0	0,0	1,5
Коррупция	29,3	24,3	26,5
Другое	0,0	0,0	1,5
Затрудняюсь ответить	1,6	1,4	1,5

Уход из этноидентификационного «поля» традиций, в том числе семейных традиций, и культуры фиксируют и ответы на вопросы об отношении православных мари к межконфессиональному браку и к истории и культуре своего народа. Утрачивается интерес к семье, построенной на народном (этнозначимом, родовом) ее понимании. Наибольшую лояльность к межконфессиональным бракам (относятся положительно) проявляют в равной мере соблюдающие и православную, и марийскую традиционную веру (более 47 %), равнодушие (нейтральность) к этому вопросу в наибольшей мере выражают соблюдающие только православную веру (47,6 %) (Табл. 9). Сохранение этнонациональной семьи в большей мере значимо для соблюдающих в основном православную веру, а иногда еще и МТР; у них наибольшее количество противников браков между представителями различных религий (более 17 %). Но, в целом, число отрицательно относящихся к таким бракам во всех группах приверженцев православия невелико.

Таблица 9

Отношение марийцев к бракам между представителями различных религий
в зависимости от конфессиональной принадлежности
(в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	Соблюдаю православную веру	В основном соблюдаю православную веру, иногда соблюдаю и МТР	В равной мере соблюдаю и православную веру, и МТР
Положительно	39,8	45,7	47,1
Отрицательно	10,5	17,1	16,2
Нейтрально	47,6	35,7	33,8
Другой ответ	2,1	1,5	2,9

Таблица 10

Интерес марийцев к истории и культуре народа мари
в зависимости от конфессиональной принадлежности (в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	Соблюдаю православную веру	В основном соблюдаю православную веру, иногда соблюдаю и МТР	В равной мере соблюдаю и православную веру, и МТР
Очень интересуюсь	14,1	8,6	22,1
Интересуюсь	60,2	67,1	57,4
Не очень интересуюсь	21,5	24,3	19,1
Совсем не интересуюсь	3,1	0,0	1,4
Не ответили	1,1	0,0	0,0

Около четверти приверженцев православия в группах с сильным православным компонентом («соблюдаю православную веру» и «в основном соблюдаю православную веру, иногда соблюдаю и МТР») не интересуются историей и культурой народа мари (ответы «не очень интересуюсь» и «совсем не интересуюсь»). Наибольший уровень выраженности этноидентификационного

фактора через отношение к истории и культуре своего этноса отмечен среди тех мари, которые в равной мере с православием чтят религию предков (МТР) (Табл. 10).

Итак, анализ структуры современного религиозного (православного) сознания марийцев в социологическом ракурсе позволяет сделать следующие выводы:

– в количественном отношении доминирует группа верующих и колеблющихся между православной верой и безверием, указавших православие в чистом виде, без сочетания с другими религиями (около 60 %);

– православный компонент в религиозном сознании марийского населения снижает уровень его этнической самоидентификации и усиливает этническую индифферентность;

– равная представленность в сознании двух религий (наряду с православием еще и МТР) ослабляет эмоциональный фактор религиозности;

– мотивы религиозности в основном внешние, не связанные с сущностью и философией религии; преобладают как мотив обращения к религии семейно-родственные влияния; близкий к собственно религиозному мотив (итог самостоятельных поисков истин и раздумий о смысле жизни) отмечен лишь небольшим количеством респондентов;

– отдельные группы православных мари встревожены такими социальными бедами современности, как алкоголизм и наркомания, спад производства, обнищание и дороговизна жизни; в гораздо меньшей степени их волнуют такие факторы социальной опасности, как несоблюдение законов, терроризм и рост экстремистских настроений, коррупция; все группы приверженцев православия очень мало внимания обращают на прогрессирующую бездуховность, политизацию религии, криминализация общества, утрате национальных традиций и семейному кризису;

– положительное или нейтральное отношение всех групп православных мари к межконфессиональному браку в контексте данного исследования может быть рассмотрено как ослабление этноидентификационного «поля» культуры, как тенденция утраты интереса к традиционной семье, построенной на родовом ее понимании;

– наибольший уровень выраженности этноидентификационного фактора через отношение к истории и культуре своего этноса отмечен среди тех мари, которые в равной мере с православием чтят исконно марийскую религию.

Литература

1. *Гавриленков А.Ф.* Структура религиозного сознания и его трансформация // Вестник МГУКИ. 2008. № 6. С. 47–49.

2. *Крысько В.Г.* Социальная психология. Studme.org. 2014. Раздел «Особенности религиозно-психологического комплекса верующих» // URL: https://studme.org/92225/psihologiya/osobennosti_religiozno-psihologicheskogo_kompleksa_veruyuschih#297 (дата обращения: 02.10.2020).

3. Межконфессиональные и межнациональные отношения в Республике Марий Эл (материалы социологического исследования 2018 года): науч.-статист. бюллетень / МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева; авт.-сост. *В.И. Шабыков, О.В. Орлова*. Йошкар-Ола, 2018. 192 с.

4. *Николаев А.И.* Десять лекций о религии. Иваново: ЛИСТОС, 2013. Лекция 3: Структура и функции религии. § 1. Структура религиозного сознания. Понятие минимума религии. https://www.listos.biz/другие-науки/николаев-а-и-десять-лекций-о-религии/3-1-структура-религиозного-сознания-понятие-минимума-религии/ (дата обращения: 11.10.2020).

УДК 821.511.151

А.В. Шурыгин
Национальный музей РМЭ им. Т. Евсеева (г. Йошкар-Ола)

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО МАРИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ, ПОГИБШИХ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ПО ФОНДОВЫМ МАТЕРИАЛАМ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РМЭ ИМ. Т. ЕВСЕЕВА)

Статья посвящена освещению деятельности Национального музея РМЭ им. Т. Евсеева по обнародованию фондовых коллекций, связанных с жизнью и творчеством марийских писателей, погибших в годы Великой Отечественной войны. Приводятся их краткие биографические справки и упоминаются произведения, созданные ими в военное время или посвящённые теме войны.

***Ключевые слова**: 75 лет Великой Победы, марийская литература, музей, фонды, фотография, документ, книга.*

2020 год по случаю 75-летия Победы в Великой Отечественной войне на самом высшем государственном уровне в нашей стране был объявлен Годом памяти и славы. В течение этого года во всех регионах России проводятся военно-патриотические и памятные мероприятия, активизировали свою работу в этом направлении учреждения сфер культуры и досуга, образования и науки.

Многие учреждения культуры Республики Марий Эл возобновляют или продолжают деятельность в области военно-патриотического воспитания детей и молодёжи. Немалую работу в этом направлении в год своего 100-летнего юбилея проводит ведущий музей Марий Эл – Национальный музей имени Тимофея Евсеева. Развивая литературное краеведение как одно из направлений своей деятельности и обладая интересными, а порой и уникальными фондовыми материалами, музей способен ярко и убедительно рассказывать подрастающему поколению о событиях той страшной войны и её участниках.

Среди этих материалов особый интерес представляют материалы, касающиеся жизни и творчества известных и не известных широкому кругу читателей марийских писателей-фронтовиков. В документальном фонде музея сосредоточены мемориальные коллекции писателей, погибших в годы Великой Отечественной войны. Они составляют несколько сотен единиц хранения. Некоторые из этих материалов (более 100 ед. хр.) содержатся в личном фонде Г.З. Зайниева, известного литератора, журналиста, краеведа, лауреата Государственной премии РМЭ им. С.Г. Чавайна. Эти коллекции содержат преимущественно фотографии, документы, печатные издания, переписку, рукописи и машинописные тексты произведений литераторов.

На основе данных материалов сотрудниками редакционно-издательского отдела – пресс-службы Национального музея РМЭ им. Т. Евсеева была

разработана виртуальная выставка «Огненные строки. Марийские писатели – участники войны». С этой выставкой все желающие могут ознакомиться на официальном сайте музея в разделе «Виртуальные выставки» [1]. Выставка приурочена к 75-летию Великой Победы и Году памяти и славы в России. Название выставки заимствовано из названия коллективного сборника военно-патриотической лирики марийских поэтов-фронтовиков, изданного Марийским книжным издательством в 1985 году к 40-летию Великой Победы.

Структура выставки состоит из двух разделов: в первом разделе рассказывается о писателях, прошедших Великую Отечественную войну и продолжавших свою литературную деятельность в мирное время, а во втором – о писателях, погибших или пропавших без вести в годы войны. Небольшие биографические справки, в которых акцент делается на описании участия писателей в войне, дополняются фотографиями писателями в военной одежде. Также отдельными блоками обозначены литературно-художественные книги, изданные писателями в годы войны или уже в послевоенное время и посвящённые военным событиям, приведены строки из наиболее известных стихотворений поэтов о войне на марийском языке и в переводах на русский язык. Необходимо отметить, что при создании выставки использовались не только материалы из фондов музея, но и выявленные нами новые материалы из личных архивов писателей, которые ранее редко выставлялись или вообще не выставлялись.

Приведём обзорно некоторые сведения об участии в Великой Отечественной войне марийских писателей, не вернувшихся с полей сражений, и художественных произведениях, написанных ими в военные годы или посвящённых теме войны, включённых во второй раздел виртуальной выставки.

Савинов Эчан (Савинов Александр Герасимович) (1896–1942) – марийский писатель-драматург, журналист, артист Марийского передвижного театра, член Союза писателей СССР с 1934 года. Уроженец д. Алёнкино ныне Медведевского района Республики Марий Эл. В начале 1942 года ушёл на фронт. Погиб в бою на территории Осташковского района Тверской области 24 мая 1942 года, похоронен там же [5, с. 549].

Шадт Булат (Булатов Шаймурат Минлигалиевич) (1909–1943) – марийский поэт, переводчик, журналист, педагог, член Союза писателей СССР с 1937 года. Уроженец д. Енахметово ныне Шаранского района Республики Башкортостан. В 1942 году призван в Красную Армию, был ранен, находился в отпуске. В сентябре того же года снова на фронте. Был старшим сержантом, заместителем политрука лыжной миномётной роты в составе отдельной стрелковой бригады на Центральном фронте. Погиб 17 марта 1943 года, перевязывая раненого командира. Похоронен в братской могиле с. Покровское Троснянского района Орловской области. Посмертно награждён орденом Красной Звезды (1943) [6, с. 39]. В 1943 году был издан сборник стихов Ш. Булата «Родина ӱжеш» («Родина зовёт») [5, с. 123].

Пет. Першут (Першуткин Пётр Григорьевич) (1909–1942) – марийский поэт, прозаик, переводчик, научный сотрудник, член Союза писателей СССР с 1939 года Уроженец с. Пайгусово ныне Горномарийского района Республики Марий Эл. С 1941 года в Красной Армии. Служил на Южном фронте в

должности воентехника. Был тяжело ранен, 28 июня 1942 года попал в плен под Волховом. 13 октября 1942 года погиб в фашистском концлагере [4]. В 1941 году стихи Пет. Першута вышли отдельной книгой «Фашизм ваштареш» («Против фашизма») [5, с. 487].

Анатолий Айзенворт (Деревяшкин Анатолий Карпович) (1910–1942) – марийский писатель, журналист, научный сотрудник, педагог, член Союза писателей СССР с 1939 года. Уроженец д. Шуарсола ныне Советского района Республики Марий Эл. В 1942 году призван в Красную Армию, воевал на Сталинградском фронте. Погиб 25 декабря 1942 года, похоронен у д. Клычково ныне Волгоградской области [5, с. 36]. В 1937 году А. Айзенворт написал детскую военно-приключенческую повестью «Вич полмезе» («Пятеро смелых») [5, с. 35]. Впоследствии это произведение неоднократно переиздавалось на марийском языке и в переводе на русский язык.

Василий Элмар (Козырев Василий Сергеевич) (1910–1943) – марийский поэт, переводчик, журналист, педагог, член Союза писателей СССР с 1941 года. Уроженец с. Кожласола ныне Звениговского района Республики Марий Эл. В 1941 году попал на фронт в звании младшего лейтенанта запаса. В апреле 1942 года был серьёзно ранен, отправлен на родину для лечения. В октябре того же года вновь на Западном фронте, был командиром стрелковой роты, политруком в звании лейтенанта. Участвовал в боях за освобождение Смоленска. Погиб 22 августа 1943 г. у д. Алфёрово Спас-Деменского района Смоленской области, похоронен там же [3]. При жизни В. Элмар успел выпустить лишь один сборник – «Ончыко» («Вперёд», 1942). Второй сборник «Мый йӧратем родной элемым» («Я люблю родную страну») вышел в 1945 году [5, с. 689].

Георгий Ефруш (Ефремов Георгий Захарович) (1916–1941) – марийский писатель-драматург, переводчик, журналист, педагог, член Союза писателей СССР с 1939 года. Уроженец д. Макарсола (Макаркино) ныне Моркинского района Республики Марий Эл. В июне 1940 года призван в Красную Армию. Служил на северной границе Карелии топографом-вычислителем, участвовал в разведках штаба гаубичного артиллерийского полка [2, с. 78]. Погиб 7 июля 1941 года у п. Куолоярви ныне Кандалакшского района Мурманской области, неподалёку от Ленинграда, похоронен там же [5, с. 231].

Материалы выставки, безусловно, не претендуют на широту охвата, презентацию жизни и творчества всех марийских писателей, принявших участие в Великой Отечественной войне. С целью расширения доступа к фондовым коллекциям музея была предпринята попытка описать обстоятельства участия в войне в первую очередь тех литераторов, материалами о которых располагает музей. Но это не означает того, что в перспективе работа по презентации жизни и творчества других писателей-фронтовиков будет закончена. В виде отдельной виртуальной выставки также могут быть представлены судьбы других марийских писателей этого периода. Популяризация их творческого наследия в музейном пространстве продолжится, не ограничиваясь только использованием современных информационных технологий. В этом случае возможны обнародование выявленных материалов в печатных и электронных изданиях, выступления с докладами на конференциях, создание стационарных выставок, составление лекций для подрастающего поколения. Также планируются

формирование в музее личных фондов других писателей – участников Великой Отечественной войны – и их дальнейшее пополнение путём сбора новых материалов и предметов музейного значения.

Литература

1. Виртуальные выставки // Официальный сайт Национального музея РМЭ им. Т. Евсеева. URL:http://fumus.ru/postslist/virtual_expositions (дата обращения: 12.10.2020).

2. *Григорьева Л.Я.* Ефруш (Ефремов) Георгий Захарович (1916–1941) // История Марийского края в лицах: 1941–1945 гг.: Великая Отечественная война. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2015. С. 77–82.

3. Козырев Василий Сергеевич, 1910 г.р. // Информационный сервис «Память народа. Подлинные документы о Второй мировой войне». URL: http://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_donesenie53408998/?backurl=%2Fheroes%2F%3Fadv_search%3Dy%26last_name%3D%D0%9A%D0%BE%D0%B7%D1%8B%D1%80%D0%B5%D0%B2%26first_name%3D%D0%92%D0%B0%D1%81%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D0%B9%26middle_name%3D%D0%A1%D0%B5%D1%80%D0%B3%D0%B5%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87%26date_birth_from%3D1910%26static_hash%3D58c30121ef22affcc71c09c987d5f227%26group%3Dall%26types%3Dpamyat_commander%3Anagrady_nagrad_doc%3Anagrady_uchet_kartoteka%3Anagrady_ubilein_kartoteka%3Apamyat_voenkomat%3Apotery_vpp%3Apamyat_zsp_parts%3Akld_polit%3Akld_upk%3Akld_vmf%3Apotery_doneseniya_o_poteryah%3Apotery_gospitali%3Apotery_utochenie_poter%3Apotery_spiski_zahoroneniy%3Apotery_voennoplen%3Apotery_iskluchenie_iz_spiskov%3Apotery_kartoteki%3Asame_doroga%26page%3D1 (дата обращения: (дата обращения: 12.10.2020).

4. Першуткин Пётр Григорьевич, 1909 г.р. // Информационный сервис «Память народа. Подлинные документы о Второй мировой войне». URL: http://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_plen272168173/?backurl=%2Fheroes%2F%3Fadv_search%3Dy%26last_name%3D%D0%9F%D0%B5%D1%80%D1%88%D1%83%D1%82%D0%BA%D0%B8%D0%BD%26first_name%3D%D0%9F%D0%B5%D1%82%D1%80%26middle_name%3D%D0%93%D1%80%D0%B8%D0%B3%D0%BE%D1%80%D1%8C%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87%26date_birth_from%3D1909%26static_hash%3D58c30121ef22affcc71c09c987d5f227%26group%3Dall%26types%3Dpamyat_commander%3Anagrady_nagrad_doc%3Anagrady_uchet_kartoteka%3Anagrady_ubilein_kartoteka%3Apamyat_voenkomat%3Apotery_vpp%3Apamyat_zsp_parts%3Akld_polit%3Akld_upk%3Akld_vmf%3Apotery_doneseniya_o_poteryah%3Apotery_gospitali%3Apotery_utochenie_poter%3Apotery_spiski_zahoroneniy%3Apotery_voennoplen%3Apotery_iskluchenie_iz_spiskov%3Apotery_kartoteki%3Asame_doroga%26page%3D1 (дата обращения: 12.10.2020).

5. Писатели Марий Эл: биобиблиогр. справочник / сост.: *А. Васинкин, В. Абукаев* и др. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2008. 752 с.

6. *Федосеева Н.А.* Булат Шадт (Булатов Шаймурат Минлигалеевич) (1909–1943) // История Марийского края в лицах: 1941–1945 гг.: Великая Отечественная война. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2015. С. 37–39.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. ***Абукаева Любовь Алексеевна***, доктор филол. наук, гл. науч. сотрудник ГБНУ при Правительстве Республики Марий Эл «Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева».
2. ***Александрова Христина Геннадьевна***, студент ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».
3. ***Андреева Ирина Николаевна***, канд. пед. наук, доцент кафедры педагогики начального и общего образования ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».
4. ***Андрианова Елена Михайловна,*** канд. филол. наук, доцент кафедры финно-угорской и сравнительной филологии ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».
5. ***Арекеева Светлана Тимофеевна***, канд. пед. наук, доцент кафедры удмуртской литературы и литературы народов России ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет».
6. ***Арзамазов Алексей Андреевич,*** доктор филол. наук, вед. науч. сотрудник отдела филологических исследований Удмуртского института истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН.
7. ***Баширова Дарья Георгиевна,*** студент ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».
8. ***Беляева Татьяна Николаевна,*** канд. филол. наук, доцент кафедры финно-угорской и сравнительной филологии ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».
9. ***Богданова Анастасия Геннадьевна***, студент ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».
10. ***Бояринова Галина Никитьевна***, канд. филол. наук, доцент кафедры марийского языка и литературы ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».
11. ***Вавилова Ксения Юрьевна,*** и.о. зав. кафедрой кафедры иноязычной речевой коммуникации ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».
12. ***Веденькина Анастасия Юрьевна***, студент ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».
13. ***Ведерникова Надежда Дмитриевна,*** магистрант ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».
14. ***Виногоров Владислав Владимирович***, учитель МОУ «Шелангерская средняя общеобразовательная школа» Звениговского района Республики Марий Эл.
15. ***Виногорова Марина Святославовна,*** учитель МОУ «Шелангерская средняя общеобразовательная школа» Звениговского района Республики Марий Эл.
16. ***Горячева Мария Александровна,*** канд. филол. наук, старш. науч. сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН.
17. ***Григорьева Анюта Александровна***, магистрант ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».
18. ***Гудкова Светлана Петровна***, доктор филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева».
19. ***Гусева Екатерина Владимировна,*** канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка, литературы и журналистики ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».
20. ***Гусева Надежда Васильевна***, канд. филол. наук, зав. РИО ГБУ ДПО Республики Марий Эл «Марийский институт образования».
21. ***Гусева Элина Витальевна***, канд. филол. наук, и.о. зав. кафедрой финно-угорской и сравнительной филологии, зам. директора института национальной культуры и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».
22. ***Демьянова Любовь Витальевна,*** магистрант ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».
23. ***Демьянова Светлана Владимировна***, магистрант ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

24. ***Ермина Наталья Ивановна,*** аспирант ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева».

25. ***Зайцева Татьяна Ивановна***, доктор филол. наук, зав. кафедрой удмуртской литературы и литературы народов России ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет».

26. ***Закирзянов Альфат Магсумзянович,*** доктор филол. наук, заведующий отделом литературоведения Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ.

27. ***Иванова Екатерина Леонидовна***, студент ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

28. ***Иванова Ирина Геннадьевна***, студент ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

29. ***Имаева Надежда Олеговна***, студент ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

30. ***Казыро Галина Николаевна,*** канд. филол. наук, доцент кафедры иноязычной речевой коммуникации ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

31. ***Карпов Игорь Петрович***, доктор филол. наук, профессор кафедры русского языка, литературы и журналистики ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

32. ***Кириллова Елена Васильевна,*** главный хранитель ГБУК «Национальный музей Республики Марий Эл имени Тимофея Евсеева», магистрант ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

33. ***Кириллова Ирина Юрьевна,*** канд. филол. наук, вед. науч. сотрудник БНУ Чувашской Республики «Чувашский государственный институт гуманитарных наук» Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики.

34. ***Ключева Мария Аркадьевна,*** канд. искусствоведения, старш. науч. сотрудник ГБНУ при Правительстве Республики Марий Эл «Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева», магистрант ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

35. ***Коляго Анна Леонидовна***, канд. пед. наук, доцент кафедры иноязычной речевой коммуникации ФГБОУ ВО «Марийский» государственный университет».

36. ***Кондрашкина Елена Алексеевна***, канд. филол. наук, старш. науч. сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН.

37. ***Кораблева Полина Александровна,*** студент ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

38. ***Короткова Татьяна Викторовна,*** магистрант ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

39. ***Костина Ксенья Георгиевна***, магистрант ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет».

40. ***Котова Анастасия Викторовна,*** канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет ветеринарной медицины».

41. ***Краснова Надежда Михайловна***, канд. филол. наук, зав. кафедрой межкультурной коммуникации ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

42. ***Кудрявцева Раисия Алексеевна***, доктор филол. наук, профессор кафедры финно-угорской и сравнительной филологии ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

43. ***Кузнецова Маргарита Нифонтовна,*** канд. филол. наук, доктор философии (PhD).

44. ***Кунцева Евгения Владимировна,*** старш. науч. сотрудник ГБУК «Национальный музей Республики Марий Эл имени Тимофея Евсеева», магистрант ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

45. ***Ласточкина Елена Григорьевна,*** доктор философии (PhD, канд. филол. наук, доцент кафедры марийского языка и литературы ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

46. ***Лисакова Лилия Александровна***, студент ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

47. ***Любимов Николай Иванович***, магистрант ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

48. ***Максимова Ольга Михайловна***, ассистент кафедры удмуртской литературы и литературы народов России ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет».

49. ***Мальцева Елена Валентиновна***, канд. пед. наук, зав. кафедрой педагогики начального и общего образования ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

50. ***Маркова Анисья Валерьевна,*** студент ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет».

51. ***Митрофанова Татьяна Александровна***, канд. филол. наук, доцент кафедры иноязычной речевой коммуникации ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

52. ***Михайлов Виталий Тимраевич,*** канд. пед. наук, заведующий лабораторией «Марийская школа» НОЦ языковых технологий, доцент кафедры марийского языка и литературы ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

53. ***Мухин Павел Сергеевич***, магистрант ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

54. ***Никифорова Кристина Геннадьевна,*** магистрант ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

55. ***Отто Любовь Анатольевна***, студент ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

56. ***Пантелеева Вера Григорьевна***, канд. филол. наук, доцент кафедры художественного перевода ФГБОУ ВО «Литературный институт им. А.М. Горького».

57. ***Пекшеева Эльвира Ивановна***, канд. филол. наук, старш. науч. сотрудник ГБНУ при Правительстве Республики Марий Эл «Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева».

58. ***Петрова Анна Владимировна***, студент ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

59. ***Полякова Юлия Владиславовна,*** магистрант ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

60. ***Пустаи Янош,*** доктор филол. наук, профессор-эмерит Будапештского университета им. Лоранда Этвеша.

61. ***Родионов Виталий Григорьевич***, доктор филол. наук, профессор кафедры чувашской филологии и культуры ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова».

62. ***Рыбаков Иван Яковлевич***, соискатель ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет».

63. ***Рыбакова Надежда Леонидовна,*** магистрант ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

64. ***Рябинина Марианна Владимировна***, канд. филол. наук, специалист НОЦ языковых технологий «Марий йылме» ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»**.**

65. ***Рябчикова Кристина Семеновна***, студент ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

66. ***Садовина Ирина Игоревна,*** кандидат философских наук (PhD), аспирант Тартуского университета, стажер ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

67. ***Сергеев Олег Арсентьевич***, канд. филол. наук, старш. науч. сотрудник ГБНУ при Правительстве Республики Марий Эл «Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева».

68. ***Сергеева Анна Анатольевна,*** магистрант ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

69. ***Сергодеев Илья Витальевич,*** канд. филол. наук, доцент кафедры философии и лингвистики Филиала ФГБАУ ВО «Снежинский физико-технический институт Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ».

70. ***Сибатрова Серафима Сергеевна***, канд. филол. наук, старш. науч. сотрудник ГБНУ при Правительстве Республики Марий Эл «Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева».

71. ***Соколова Галина Леонидовна***, канд. филол. наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

72. ***Тропина Мария Борисовна,*** магистрант ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

73. ***Федорова Любовь Петровна***, канд. филол. наук, доцент кафедры удмуртской литературы и литературы народов России ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет».

74. ***Федосеева Надежда Александровна,*** канд. филол. наук, вед. науч. сотрудник ГБНУ при Правительстве Республики Марий Эл «Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева».

75. ***Фролова Кристина Апполоновна***, магистрант ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

76. ***Хасанов Ришат Фаукатович,*** доктор филол. наук, профессор кафедры филологии Бирского филилала ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет».

77. ***Четкарева Алена Валерьевна***, студент ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

78. ***Шабыков Виталий Иванович***, канд. филос. наук, старш. науч. сотрудник ГБНУ при Правительстве Республики Марий Эл «Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева».

79. ***Шаронов Александр Владиславович,*** студент ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева».

80. ***Шаронов Александр Маркович***, доктор филол. наук, гл. науч. сотрудник ГКУ Республики Мордовия «Научный центр социально-экономического мониторинга».

81. ***Шаронова Елена Александровна***, доктор филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева».

82. ***Шеянова Светлана Васильевна***, доктор филол. наук, профессор кафедры финно-угорской филологии ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева».

83. ***Шурыгин Андрей Владимирович,*** ст. науч. сотрудник РИО – пресс-службы музея ГБУК «Национальный музей Республики Марий Эл имени Т. Евсеева».

84. ***Эрцикова Галина Алексеевна***, канд. филол. наук, старш. науч. сотрудник ГБНУ при Правительстве Республики Марий Эл «Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева».

85. ***Янцукова Татьяна Вениаминовна,*** канд. филол. наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации, зам. директора по учебной работе института национальной культуры и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

Научное издание

Проблемы марийской и сравнительной филологии

Сборник статей

Ответственный редактор
Р.А. Кудрявцева

Компьютерная обработка материалов
Р.А. Кудрявцева, Т.Н. Беляева, Г.А. Эрцикова

Оригинал-макет
Р.А. Кудрявцева

Дизайн обложки
Р.А. Кудрявцева

Темплан 2020 г. № 65
Подписано в печать 25.11.2020 г. Формат 60х84/16
Усл. печ. л. 21,01
Тираж 150. Заказ № _____

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Вертола»
424004, г. Йошкар-Ола, ул. Льва Толстого, д. 45.